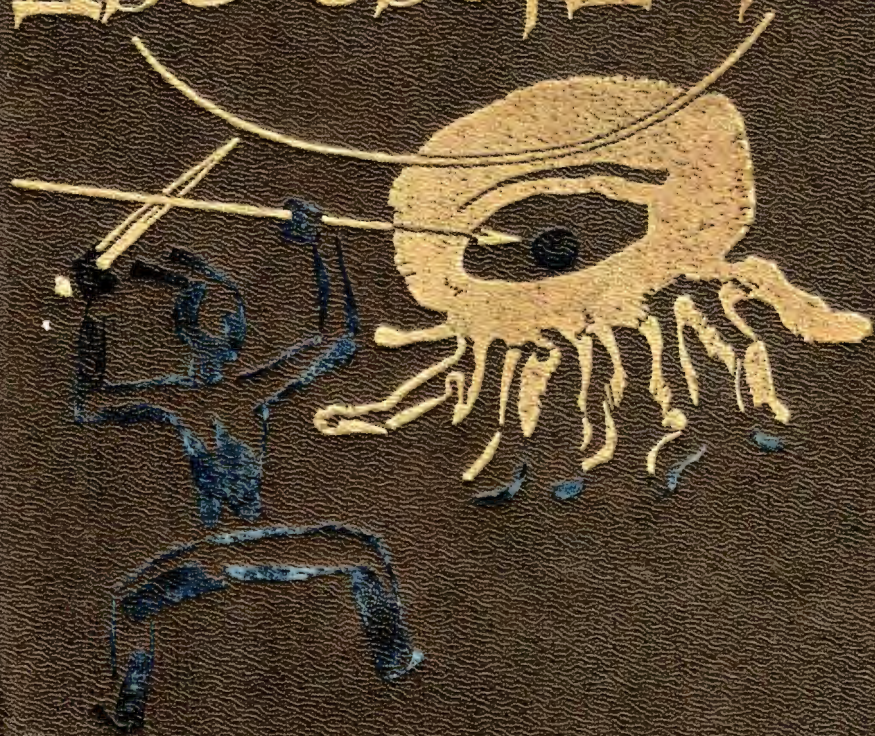

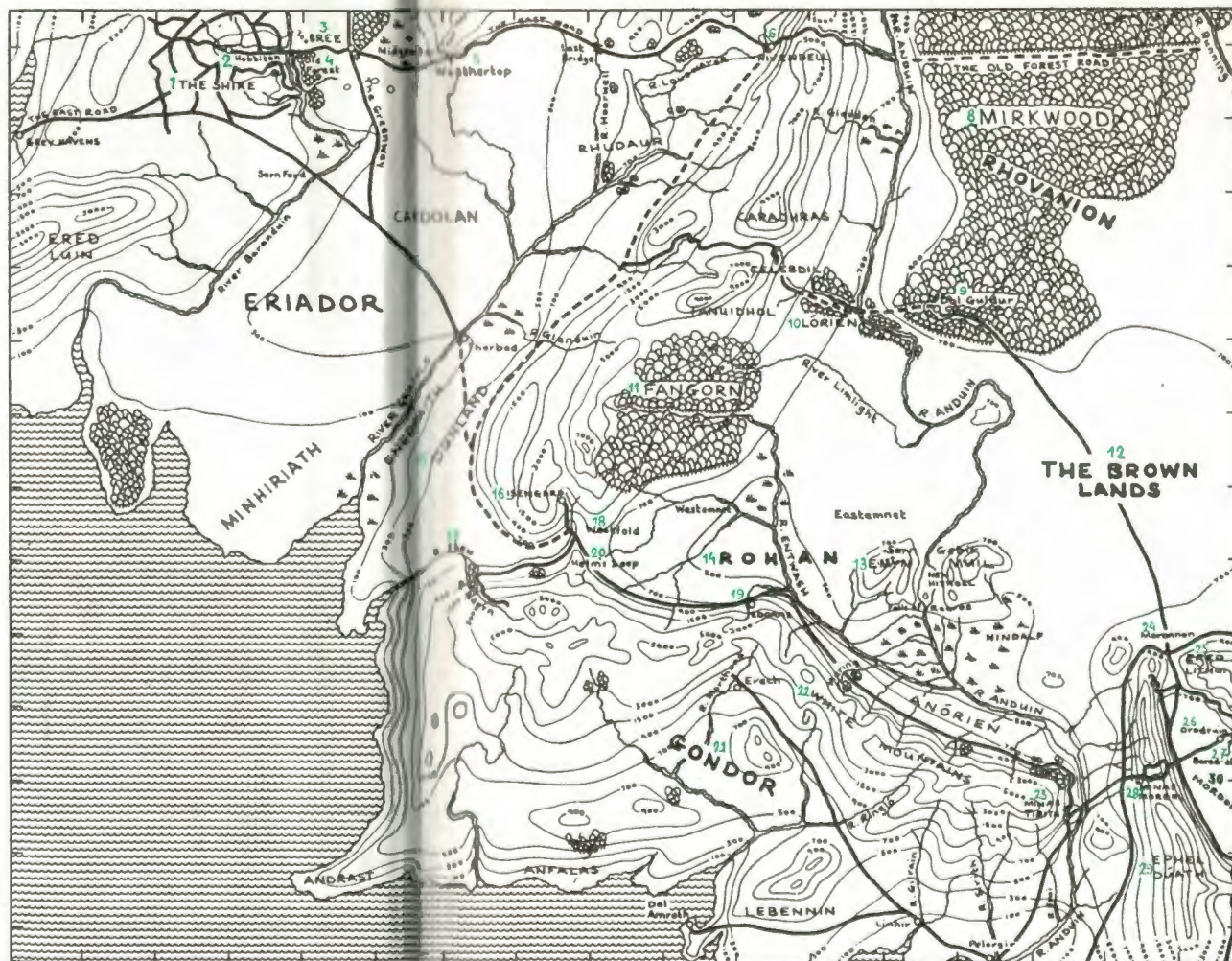
2

Джон
Рональд Руэл
ТОЛКИЕН

ДВЕ ТВЕРДЫНИ

1. Хоббитания
2. Норгорд
3. Пригорье
4. Вековечный Лес
5. г. Заверть
6. Раздол
7. Андун, или Великая Река
8. Лихолесье
9. Дул-Гулдур
10. Лориэн, или
Лаурелиндорениан
11. Фангори, или Великий Лес
12. Бурье Равнины, или Буряжье
13. Приречное взгорье, или
Привражье
14. Ристания, или Мустангрим
15. Дунланд
16. Изенгард
17. р. Изен
18. Вестфольд
19. Эдорас
20. Хельмово ущелье
21. Гондор
22. Белые горы, или
Эред-Нимрайс
23. Минас-Тирит
24. Мораннион, или Черные
Ворота
25. горы Эред-Литуи
26. Ородруин, или Роковая гора
27. Барад-Дур, или Бастион
Тьмы
28. Минас-Моргул, или Крепость
Темных Сил
29. Изгарные горы, или
Эфель-Дуат
30. Мордор

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РАДУГА»

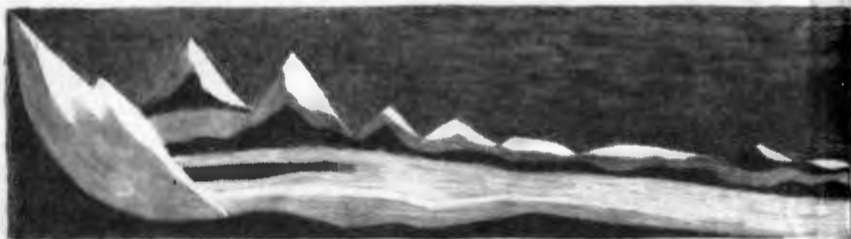
Москва

1991

J.R.R. TOLKIEN
THE TWO TOWERS

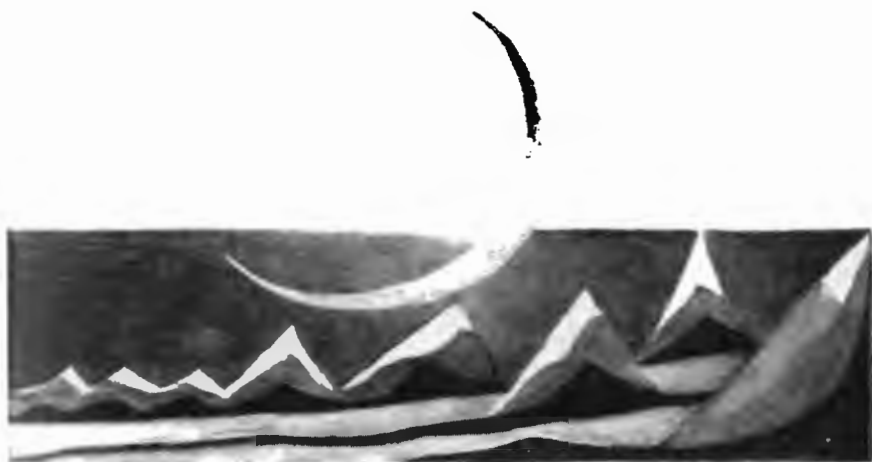
LONDON 1954

Джон Рональд Руэл ТОЛКИЕН
ДВЕ ТВЕРДЫНИ

ЛЕТОПИСЬ ВТОРАЯ
ИЗ
ЭПОПЕИ
«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ББК 84.4Вл

Т52

Перевод *В. Муравьева*

Редактор *Н. Федорова*

Оформление художника *Э. Зарлиского*

Т52 **Толквен Дж. Р. Р. ДВЕ ТВЕРДЫНИ: Повесть** / Пер. с
англ. В. Муравьева. — М.: Радуга, 1991. — 416 с.

Известный британский писатель в своей философской сказочной повести, составляющей вторую книгу эпосов «Властелин Колец», отстаивает идеи человечности, готовности к подвигу и самопожертвованию во имя родины, преодоления национальной розни и культурного единения народов:

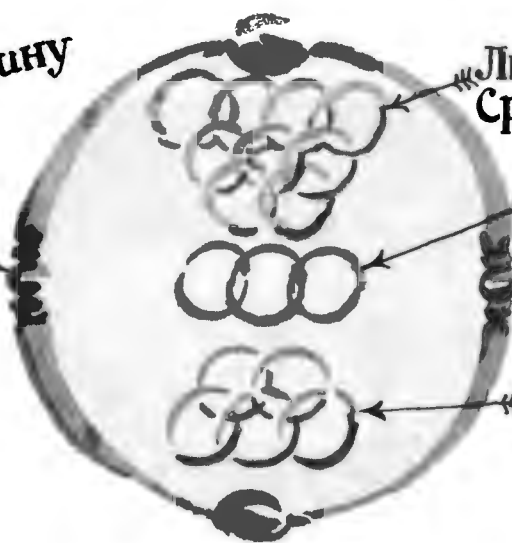
Языком образов, созданных на материале валлийских легенд, ирландских и исландских саг, скандинавской мифологии и древнегерманского эпоса, автор недвусмысленно заявляет, что победа добра в мире и в человеческой душе зависит от самого человека.

Т 4703010100-047 без объявления
030 (01) -91

ISBN 5-05-002397-1

© Перевод на русский
язык издательство «Радуга», 1990

Властелину
Мордора

Людем
Средиземья

Премудрым
Эльфам

Пещерным
Гномам

О белокаменный Гондор!

С незапамятных пор

Западный веял Ветер

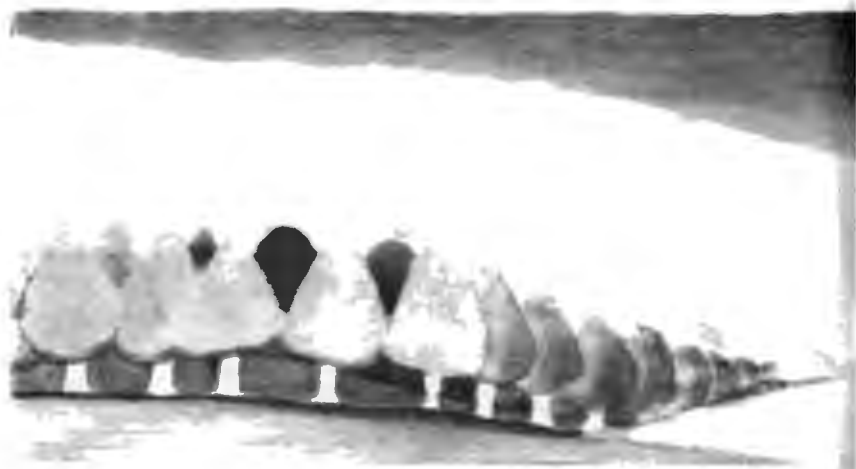
от Взморья до Белых гор,

И сеял Серебряный Саженец

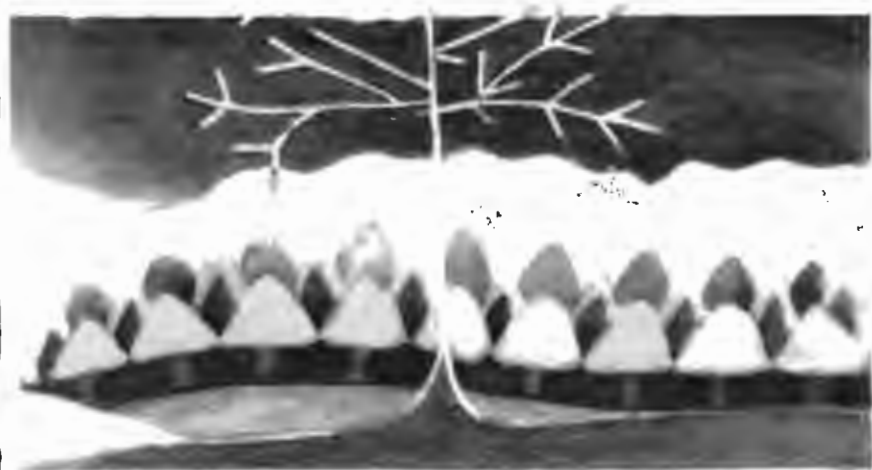
серебряный свет с ветвей—

Так оно было в давние

времена королей.

KHURA 3

ГЛАВА I

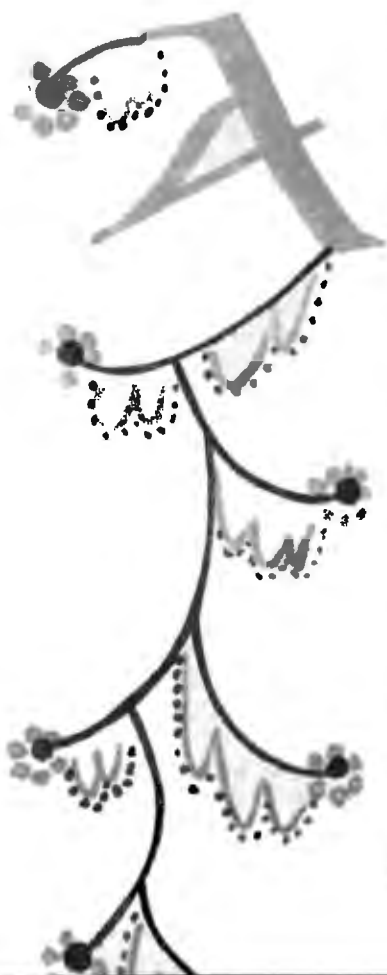
ОТПЛЫТИЕ БОРОМИРА

рагорн взбегал крутою тропой, приглядываясь к земле. Хоббиты ступают легко: иной Следопыт и тот, бывало, сбивался с их следа. Но близ вершины тропу увлажнил ручей, и наконец нашлись едва заметные вмятинки.

«Все верно,—сказал он сам себе.—Фродо побывал наверху. Что ему оттуда открылось? А вот и обратный след».

Он замешкался: не взойти ли на Пост, не там ли ждет его путеводное озарение? Правда, время не ждет... Внезапно решившись, Арагорн ринулся по массивным плитам, по мшистым ступеням к Сторожевому Посту, сел в Караульное Кресло и поглядел окрест.

Но солнце точно померкло; расплылись и отодвинулись блеклые дали. Глаза его неотразимо притягивал север: там среди угрюмых вершин парил в поднебесье огромный орел, снижаясь широким опływом.

Так он осматривался и вдруг замер: чуткое ухо его уловило смутный гомон в подножном лесу у берега Андуина. Послышались крики, и он насторожился. Кричали орки, истошно и грубо. Потом зычно затрубил рог: раскаты его прогремели по горным склонам и огласили ущелья своей горделивой яростью, заглушая тяжкий гул водопада.

— Рог Боромира! — воскликнул он. — Боромир, Боромир зовет на помощь!

Он в три прыжка одолел ступени и помчался по тропе.

— Горе мне! — повторял он. — Неверный выпал мне день, и, что я ни делаю, все невпопад. Где же наконец Сэм?

Он бежал со всех ног, а кричали все громче, и все слабее с грозным надрывом трубил рог. Неистово-злобные вопли орков разразились торжеством — и зычный призыв осекся. У последнего откоса, возле самого подножия, заглохли и крики. Стихая, они отделились влево, и влево обратился Арагорн, но его обступило безмолвие. Он обнажил сверкнувший меч и с кличем «Элендил! Элендил!» бросился напролом сквозь чащу.

В миле от Парт-Галена, что по-эльфийски означает Зеленый Луг, на приозерной прогалине отыскался Боромир. Он сидел, прислонившись к могучему стволу, будто отдыхал. Но Арагорн увидел, что он весь истыкан черноперевыми стрелами; в руке он сжимал меч, обломанный у рукояти, рядом лежал надвое треснувший рог. И кучами громоздились у ног его трупы изрубленных орков.

Арагорн опустился возле него на колени. Боромир приоткрыл глаза, сясь заговорить. И наконец сказал:

— Я хотел отобрать Кольцо у Фродо. Я виноват. Но я расплатился.

Он обвел взглядом груды мертвецов: их было тридцать с лишним.

— Невысокликов... я не уберег. Но их не убили... только связали. — Веки его смежились, и он тяжело промолвил: — Прощай, Арагорн! Иди в Минас-Тирит, спасай наших людей. А я... меня победили.

— Нет! — воскликнул Арагорн, взяв его за руку и целуя холодеющий лоб. — Ты победил. И велика твоя

победа. Покойся с миром! Минас-Тирит выстоит.

И Боромир, преодолевая смерть, улыбнулся.

— Куда? Ты видел, куда они побежали?—допытывался, склонившись к нему, Арагорн.—Фродо был с ними?

Но Боромир замолк навеки.

— Увы мне!—сказал Арагорн.—Вот так отошел к предкам наследник Денэтора, блюстителя Сторожевой Крепости! Горестный конец ждал его. И Отряд наш распался по моей вине—напрасно Гэндальф мне доверился. Что же мне теперь делать? Предсмертным веленьем своим Боромир позвал меня в Минас-Тирит, и сердце мое зовет меня туда же. Но где Кольцо и где Хранитель Кольца? Как мне найти их, как спасти великий замысел от крушения?

Он стоял на коленях, роняя слезы на мертвую руку Боромира. Так их увидели Леголас и Гимли, охотники на орков, неслышно пробравшиеся западным склоном. Гимли держал в руке окровавленный топор; Леголас—длинный кинжал: стрел у него больше не было. Выйдя на прогалину, они в изумленье застыли—и горестно понурили головы, ибо, как им показалось, поняли, что произошло.

— Увы!—сказал Леголас, став рядом с Арагорном.—Мы охотились за орками и немало перебили их в лесу, но лучше б мы были здесь. Мы слышали рог и явились, но, кажется, поздно. Обоих вас постигла жестокая гибель.

— Да, Боромир мертв,—глухо сказал Арагорн.—Я невредим, ибо меня с ним не было. Он погиб, защищая хоббитов; я в это время был на вершине.

— Хоббитов?—воскликнул Гимли.—Где же они? И где Фродо?

— Не знаю,—устало обронил Арагорн.—Перед смертью Боромир сказал мне, что орки их связали; будто бы не убили. Я послал его за Мерри и Пином, и я не спросил его, куда подевались Фродо и Сэм; а когда спросил, было поздно. Что я ни сделал сегодня, все обернулось во зло. Что делать теперь?

— Теперь—хоронить павшего,—сказал Леголас.—Не оставлять же его среди падали!

— Только без промедления,—добавил Гимли.—Он бы и сам велел не медлить. Надо бежать за орками, коли есть хоть какая-то надежда, что узники живы.

— Да мы же не знаем, с ними ли Хранитель Кольца,— возразил Арагорн.— А если нет? Его ведь нам и надо искать—первым делом! Да, трудный перед нами выбор!

— Что ж, в таком случае начнем с неотложного,— сказал Леголас.— Нет у нас ни времени, ни даже лопат, чтобы схоронить, как подобает, нашего соратника, чтобы насыпать над ним курган. Разве что сложить каменную гробницу.

— Трудно и долго будет складывать гробницу,— заметил Гимли.— Камни придется таскать от реки.

— Ну что же, тогда возложим его на ладью,— сказал Арагорн,— а с ним его оружие и оружие поверженных врагов. Доверим его останки водопадам Рэроса и волнам Андуина. Река Гондора убережет тело гондорского витязя от осквернителей праха.

Они наспех обыскали убитых орков и собрали в кучу их ятаганы, рассеченные щиты и шлемы.

— Взгляните!— вдруг воскликнул Арагорн.— Это ли не знамение?— И он извлек из грязной груды оружия два ясных клинка с червлено-золотой насечкой, а за ними и двое черных ножен, усыпанных мелкими алыми самоцветами.— У орков нет таких кинжалов, а у наших хоббитов были. Орки, конечно же, их обшарили, но кинжалы взять побоялись, учуяли, что добыча опасная: ведь они откованы мастерами Западного Края, исписаны рунами на погибель Мордору. Стало быть, наши друзья если и живы, то безоружны. Прихвачу-ка я их с собой, эти клинки: может, вопреки злой судьбе они еще вернутся к владельцам.

— А покамест,— сказал Леголас,— я подберу какие ни на есть целые стрелы, а то мой колчан пуст.

Он перерыл оружие, поискал кругом и нашел добрый десяток целых стрел—но древко у них было куда длиннее, чем у обычных стрел орков. Леголас задумчиво приглядывался к ним.

Между тем Арагорн разглядывал убитых и сказал:

— Многие тут у них явились не из Мордора. Есть, как я понимаю—а я в этом понимаю,—северные орки, с Мглистых гор. А есть и такие, что совсем невесть откуда. Да и снаряжены по-особому.

Среди мертвецов простерлись четыре крупных гобли-

на — смуглые, косоглазые, толстоногие, большерукие. При них были короткие широкие мечи, а не кривые ятаганы, какими рубятся орки, и луки из тиса, длиной и выгибом хоть бы и человеку впору. Щиты их носили незнакомую эмблему: малая белая длань на черном поле; над наличниками блистала светлая насечка: руническое «С».

— Такого я прежде не видывал, — признался Арагорн. — Что бы это значило?

— «С» значит «Саурон», — сказал Гимли. — Тут и гадать нечего.

— Ну нет! — возразил Леголас. — Саурон — и эльфийские руны?

— Подлинное имя Саурона под запретом, его ни писать, ни произносить нельзя, — заметил Арагорн. — И белый цвет он не жалует. Нет, орки из Барад-Дура мечены Огненным Глазом. — Он призадумался. — «Саруман» — вот что, наверно, значит «С», — наконец проговорил он. — В Изенгарде созрело злодейство, и горе теперь легковерному Западу. Этого-то и опасался Гэндальф: предатель Саруман так или иначе проведал о нашем Походе. Узнал, наверно, и о гибели Гэндальфа. Не всю погоню из Мории перебили эльфы Лориэна, да и на Изенгард есть окольные пути. Орки медлить не привыкли. А у Сарумана и без них хватает осведомителей. Помните — птицы?

— Много тут загадок, и не время их разгадывать, — перебил его Гимли. — Давайте лучше воздадим последние почести Боромиру!

— А все же придется нам разгадывать загадки, чтобы сделать правильный выбор, — отвечал Арагорн.

— Сколько ни выбирай — все равно ошибешься, — сказал гном.

Своим боевым топором Гимли нарубил веток. Их связали тетивами, настелили плащи. Получились носилки, и на этих грубых носилках отнесли они к берегу тело соратника, а потом — грудю оружия, немое свидетельство последней, смертельной брани. Идти было недалеко, но трудно дался им этот ближний путь, ибо тяжел был покойный воитель Боромир.

Арагорн остался на берегу, у погребальной ладьи, а Леголас и Гимли побежали к Парт-Галену. Дотуда была

всего миля или около того, но вовсе не так уж скоро пригнали они две лодки.

— Чудные дела! — сказал Леголас. — Две у нас, оказывается, лодки, и не более того. А третьей как не бывало.

— Орки, что ли, похозяйничали? — спросил Арагори.

— Какие там орки! — отмахнулся Гимли. — Орки ни одной бы лодки не оставили и с поклажей разобрались бы по-своему.

— Ну, я потом погляжу, кто там побывал, — обещал Арагорн.

А пока что они возложили Боромира на погребальную ладью. Серая скатка — эльфийский плащ с капюшоном — стала его изголовьем. Они причесали его длинные темные волосы: расчесанные пряди ровно легли ему на плечи. Золотая пряжка Лориэна стягивала эльфийский пояс. Шлем лежал у виска, на грудь витязю положили расколотый рог и сломанный меч, а в ноги — мечи врагов. Прицепленный челн шел за кормой: его плавно вывели на большую воду. Со скорбною силой гребли они быстрым протоком, минуя изумрудную прелесть Парт-Галена. Тол-Брандир сверкал крутыми откосами: перевалило за полдень. Немного проплыли к югу, и перед ними возникло пышное облако Рэроса, мутно-золотое сияние. Торжественный гром водопада сотрясал безветренный воздух.

Печально отпустили они на юг по волнам Андуина погребальную ладью; неистовый Боромир возлежал, навек упокоившись, в своем плавучем гробу. Поток подхватил его, а они протабанили веслами. Он проплыл мимо них, черный очерк ладьи медленно терялся в золотистом сиянье и вдруг совсем исчез. Ревел и гремел Рэрос. Великая Река приняла в лоно свое Боромира, сына Денэтора, и больше не видели его в Минас-Тирите, у зубцов Белой Башни, где он, бывало, стоял дозором поутру. Однако же в Гондоре повелось преданье, будто эльфийская ладья проплыла водопадами, взрезала мутную речную пену, вынесла свою ношу к Осгилиату и увлекла ее одним из несчетных устьев Андуина в морские дали, в предвечный звездный сумрак.

Трое Хранителей безмолвно глядели ей вслед. И сказал Арагорн:

— Долго еще будут высматривать его с высоты Белой

Башни— и ждать, не придет ли он от горных отрогов или морским побережьем. Но он не придет.

Первым начал он медленное похоронное песнопение:

По светлым раздольям Ристании, по ее заливым лугам
Гуляет Западный Ветер, подступает к стенам.

«Молви, немолчный странник, Боромир себя не явил
В лунном сиянии или в мерцании бледных светил?» —

«Видел его я, видел: семь потоков он перешел,
Широких, серых и буйных, и пустошью дальше ушел,
И, уходя в безлюдье, шел, пока не исчез

В предосеннем мареве, в сонном сиянье небес.
Шел он к северу: верно, наверно, Северный Брат

Знает, где странствует витязь, не ведающий преград». —

«О Боромир! Далёко видно с высокнх стен,
Но нет тебя в неоглядной, в западной пустоте».

И продолжил Леголас:

От ста андуинских устьев, мимо дюн и прибрежных скал
Южный несется Ветер: как чайка, он застонал.

«Какие же вести с Юга? Стоны и вскрики — к чему?
Где Боромир-меченосец? Стенаний я не пойму». —

«Где бы он ни был — не спрашивай

Над грудями желтых костей,

Усеявших белый берег и черный берег — как те,

Как древние костные груды, рассыпавшиеся в прах.

Спроси лучше Северный Ветер, что он сберег впотьмах!» —

«О Боромир! Далёко вопли чаек слышны,

Но тебя не дождутся с юга, с полуденной стороны».

И опять вступил Арагорн:

От Княжеских, от Привражьих, непроходимых Врат
Грохочет Северный Ветер, обрушиваясь, как водопад.

«Какие вести оттуда, могучий, ты нам принес?

Ты трубишь горделиво — за громом не ливень ли слез?» —

«Я слышал клич Боромира, и рог его слышал я,

Пролетая над Овидом, где гладью помчалась ладья,

Унося его цнт разбитый и его сломанный меч,

Его непреклонный лик и мертвую мощь его плеч». —

«О Боромир! Отныне и до конца времен

Ты пребудешь на страже там, где ты был сражен».

Так они проводили Боромира. Потом развернули лодку, изо всех сил выгребая против течения, к Парт-Галену.

— Восточный Ветер вы оставили мне,—сказал Гимли,—но я за него промолчу.

— И правильно сделаешь,—сказал Арагорн, прыгнув на берег.—В Минас-Тирите лицом встречают Восточный Ветер, но о вестях его не спрашивают. Что ж, вот мы и снарядили в путь Боромира, наш-то путь где?—Он обошел приречный луг, обыскал его скорым и пристальным взглядом.—Орков здесь не было. Они бы все истоптали. Зато мы сами прошлись по своим следам. Я уж теперь не знаю, были тут наши хоббиты или нет с тех пор, как потерялся Фродо.—Он вернулся к берегу, к тому месту, где в реку впадал медлительный ручей.—Вот здесь следы отчетливые,—заметил он.—Хоббит забрел в реку и вышел назад; только не знаю, давно ли это было.

— Ну и как, тебе что-нибудь понятно?—спросил Гимли.

Арагорн ответил не сразу: он прошел к месту ночевки и осмотрел поклажу.

— Двух мешков не хватает,—сказал он.—Сэмова мешка уж точно нет—он был самый большой и тяжелый. Понятно: Фродо взял лодку, и его самый верный друг, его слуга уплыл вместе с ним. Должно быть, Фродо возвратился, пока мы его разыскивали. Я встретил Сэма на склоне и велел ему бежать за мной, но он, значит, не побежал. Он догадался, что на уме у хозяина, и вернулся в самую пору. Нет, не вышло у Фродо—от Сэма так просто не избавишься!

— От нас-то зачем ему избавляться, слова не молвив на прощанье?—полюбопытствовал Гимли.—Опять загадка!

— Не загадка, а разгадка,—возразил Арагорн.—Похоже, Сэм был прав. Фродо решил не вести нас—никого из нас—на верную смерть в Мордор. А сам пошел—понял, что должен идти. Видно, что-то случилось—и он одолел свой страх и сомнения.

— Может быть, он бежал от орков,—предположил Леголас.

— Он бежал, это верно,—согласился Арагорн,—но думаю, что не от орков.

А отчего Фродо решил бежать, этого Арагорн не сказал, хоть и догадывался отчего. Надолго осталось в тайне горькое признание Боромира.

— Ну, уж одно-то нам ясно,—сказал Леголас.—Ясно,

что Фродо на нашем берегу нет: лодку взял он, больше некому. И Сэм уплыл вместе с ним: иначе кто бы взял его мешок?

— И выбор простой,—подтвердил Гимли.—Либо погнаться за Фродо на последней нашей лодке, либо за орками пешим ходом. Так и так затея безнадежная. Да и время все равно упущено.

— Погодите, дайте подумать!—сказал Арагорн.—Надо мне на этот раз выбрать правильно, а то нынче все не так.—Он постоял, точно прислушиваясь, потом вымолвил:—В погоню за орками. Я повел бы Фродо в Мордор и охранял бы его до конца, но теперь другое дело: искать его в заречной пустоши—значит отдать на смертную пытку двух пленников. Сердце вещает мне твердо: за судьбу Хранителя Кольца я больше не в ответе. Вдвоятером и ввосьмером мы исполнили, что сумели. Втроем мы должны выручать товарищей. Скорее в путь! Спрячем где-нибудь лишнюю поклажу—бежать придется почти без роздыху, днем и ночью!

Они вытянули на берег последнюю лодку и укрыли ее в чаще, а под нею—все, что могло обременить в дороге. И, покинув Парт-Гален, под вечер вернулись на берег озера, туда, где в неравном бою пал Боромир. След орков искать не понадобилось.

— Сразу видать, кто прошел,—сказал Леголас.—Неймется им, лишь бы нагадить, вытоптать, выломать, вырубить—даже в стороне от своего пути.

— Однако же скороходы они изрядные,—заметил Арагорн,—и неутомимые. Пока что след как на ладони, но зелени скоро конец, дальше камни да осыпи.

— Ну, так за ними!—сказал Гимли.—Гномы тоже ходоки привычные и двужилые, не хуже орков. Только догоним мы их не скоро: давно уж они припустились отсюда.

— Да,—согласился Арагорн,—не худо бы нам всем троим быть двужилыми гномами. Но будь что будет, нечего загадывать: идем вдогон. И горе врагам, если наши ноги быстрее! Тогда погоня кончится побоищем и станет сказанием трех свободных народов: эльфов, гномов и людей. Вперед же, трое гончих!

Он прынул, точно олень, и замелькал меж деревьев. Сомнения его сменились решимостью, и он мчался без усталости, а Леголас и Гимли не отставали. Приозерный лес остался далеко позади. Они бежали предгорьем вверх по каменистой тропе, и справа, на рдяном закатном небе, темнели зубчатые хребты. Мимо сумеречных скал проносились три серые тени.

ГЛАВА II

КОННИКИ РИСТАНИИ

меркалось. Позади, у лесистых подножий, деревья тонули в тумане, и туман подползал к светлым заводам Андуина, но в небесах было ясно. Высыпали звезды. Новорожденная луна проплывала на западе, и скалы отбрасывали угольно-черные тени. Возле крутых откосов пришлось замедлить шаг, чтобы не сбиться со следу. Взгорье тянулось далеко на юг двумя прерывистыми цепями. Западные их склоны были крутые, обрывистые, а восточные — пологие, изрезанные балками и узкими лощинами. Всю ночь напролет взбирались они по осыпям на ближний возвышенный гребень, а потом спускались темными провалами к извилистой ложбине.

Там и остановились — в глухой и стылый предутренний час. Луна давно уже зашла, звезды еле мерцали, за восточным краем смутно брезжил рассвет. Арагорн постоял в раз-

думье: едва заметные следы, приведшие в низину, пропали начисто.

— Куда они, по-твоему, свернули? — спросил, подошедши, Леголас. — То ли на север, а там побегут напрямик к опушкам Фангорна и лесом почти до самого Изенгарда — ну, если они и правда оттуда? То ли, может быть, на юг, к Онтаве?

— Куда бы они ни бежали, к реке их путь не лежит, — отозвался Арагорн. — И коли все в Ристании прахом не пошло и Саруман здесь не воцарился, то орки, по-моему, опрометью кинутся через равнины Мустангрима. Пойдемте-ка на север!

Ложбина пролегала, точно каменный желоб, между ребристыми кряжами, и неспешно струился по дну ее, среди массивных валунов, убогий ручеек. Справа нависали скалы; слева высился серый склон, расплывчатый в ночном неверном свете. Добрую милю к северу прошли они наудачу. Приникая к земле, Арагорн пядь за пядью обследовал балки и впадины слева; Леголас ушел вперед. Вдруг эльф вскрикнул, и к нему тотчас подбежали.

— За иными уж и гнаться не надо, — сказал Леголас. — Глядите!

Скопление валунов у медленного ручья оказалось грудой мертвецов. Пять жестоко изрубленных орков, два из них безголовые. Кровавая лужа еще не совсем подсохла.

— Вот тебе и на! — воскликнул Гимли. — Впотымах не разберешь, что тут случилось.

— Что бы ни случилось, а нам это на руку, — сказал Леголас. — Кто убивает орков, тот наверняка наш друг. Люди живут здесь в горах?

— Не живут здесь люди, — сказал Арагорн. — И мустангримцам здесь делать нечего, и от Минас-Тирита далековато. Разве что с севера кто-нибудь забрел — только зачем бы это? Нет, никто сюда не забредал.

— Ну и как же тогда? — удивился Гимли.

— Да они сами себе злодеи, — нехотя отвечал Арагорн. — Мертвецы-то все северной породы, гости издалека. Ни одной нет крупной твари с бледной дланью на щите. Повздорили, должно быть: а у этой погани что ни свара, то смертоубийство. Решали, куда бежать дальше.

— И не убить ли пленников,—прибавил Гимли.— Их-то лишь бы не тронули.

Арагорн обыскал все вокруг, но попусту. Они пошли вдоль русла; бледнел восток, тускнели звезды, и расползлся серый полусвет. Немного севернее обнаружилось ущелье с витым, упругим ручейком, проточившим сквозь камни путь в ложбину. По откосам кое-где торчала трава, шелестели жесткие кусты.

— Ну вот! Нашлись следы: вверх по ручью,—сказал Арагорн.—Туда они и побежали, когда разобрались друг с другом.

И погоня, свернув, ринулась в ущелье—бодро, будто после ночного отдыха, прыгали они по мокрым, скользким камням. Наконец взобрались на угрюмый гребень—и порывистый ветер весело хлестнул их предутренним холодом, ероша волосы и тормоша плащи.

Обернувшись, они увидели, как яснеют дальние вершины над Великой Рекой. Рассвет обнажил небеса. Багряное солнце вставало над черными враждебными высями. А впереди, на западе, по бескрайней равнине стелилась муть; однако ночь отступала и таяла на глазах, и пробуждалась многоцветная земля. Зеленым блеском засверкали необозримые поля Ристании; жемчужные туманы склубились в заводях, и далеко налево, за тридцать с лишним лиг, вдруг воссияли снежно-лиловые Белые горы, их темные пики, блистающие льдистыми ожерельями в розовом свете утра.

— Гондор! Вот он, смотрите, Гондор!—воскликнул Арагорн.—Если бы довелось мне увидеть тебя, о Гондор, в иной, в радостный час! Покамест нет мне пути на юг к твоим светлым потокам.

О белокаменный Гондор! С незапамятных пор
Западный веял Ветер от Взморья до Белых гор,
И саял Серебряный Саженец серебряный свет с ветвей—
Так оно было в давние времена королей.
Сверкали твои твердыни, и с тех, с нуменорских времен
Был славен венец твой крылатый и твой золотой трон.
О Гондор, Гондор! Узрим ли Саженца новый свет,
Принесет ли Западный Ветер горный отзвук, верный ответ?

— Вперед!—сказал он, переводя взгляд на северо-запад и свою дальнюю дорогу.

Погоня стояла над каменным обрывом. Сорока саженьями ниже тянулся широкий шербатый уступ, а за ним — скалистый отвес: Западная Ограда Ристании. Последний обрыв Приречного взгорья: дальше, сколько хватало глазу, раскинулась пышная степь.

— Гляньте! — вскричал Леголас, указывая на бледные небеса. — Снова орел — высоко-высоко! Летит вроде бы отсюда, возвращается к себе на север. Летит — ветер обгоняет! Гляньте, вон он!

— Нет, друг мой Леголас, — отозвался Арагорн, — незачем и глядеть. Не те у нас глаза. Выше высокого, должно быть, летит. Наверно, он — вестник, и хотел бы я знать, с какими вестями, не его ли я вчера и видел? А ты лучше вон куда погляди! Туда, на равнину! Уж не наша ли это погань там бежит? Вглядишься-ка толком!

— Да, — согласился Леголас, — там-то все как на ладони. Бежит целое полчище — все пешим ходом. А наша ли это погань — не разобрать. Далековато до них, лиг двенадцать, не меньше. Если не больше: степь — она обманчива.

— Лиг до них, сколько ни есть, все наши, — проворчал Гимли. — Ладно, теперь хоть след искать не надо. Бежим вниз — любой тропой!

— Любая тропа длиннее оркской, — возразил Арагорн.

При дневном свете след нельзя было потерять. Орки, видно, неслись со всех ног, разбрасывая корки и обглодки мякинного хлеба, изодранные в клочья черные плащи, засаленные тряпицы, разбитые кованые сапоги. След вел на север, вдоль по гребню, и наконец подвел к глубокой стремнине, откуда низвергался злобный ручей. Тропка вилась по уступам, резко ныряла вниз и пропадала в густой траве.

Так они окунулись в живые зеленые волны, колышавшиеся у самых отрогов Приречного взгорья. Ручей расструился в зарослях желтых и белых водяных лилий — и зазвенел где-то вдали, унося свои притихшие воды покатыми степными склонами к изумрудной пойме дальней Онтавы.

Зима отстала, осталась за хребтом, а здесь веял резвый, ласковый ветерок, разносил едва уловимое благоуханье весенних трав, наливающихся свежим соком. Леголас полной грудью вдохнул душистый воздух, точно утоляя долгую и мучительную жажду.

— Травы-то как пахнут! — сказал он. — Всякий сон мигом соскочит. А ну-ка, прибавим ходу!

— Да, здесь легконогим раздолье, — сказал Арагорн. — Не то что оркам в кованых сапогах. Теперь мы, пожалуй, немного наверстаем!

Они бежали друг за другом, точно гончие по горячему следу, и глаза их сверкали восторгом погони. Справа пролежала загаженная полоса, окаймленная истоптанной травой. Вдруг Арагорн что-то воскликнул и свернул с пути.

— Погодите! — крикнул он. — За мной пока не надо!

Он кинулся в сторону, увидев следы маленьких босых ног. Далеко они его не увели: кованые подошвы явились следом и по кривой выводили обратно, теряясь в общей грязной неразберихе. Арагорн прошел до обратного поворота, наклонился, выудил что-то из травы и поспешил назад.

— Ага, — сказал он, — дело ясное: хоббитские это следы. Должно быть, Пина; Мерри повыше будет. А вот на что поглядите!

И на ладони его заблестал под солнцем как будто кленовый лист, неожиданно прекрасный здесь, на безлесной равнине.

— Застежка эльфийского плаща! — наперебой воскликнули Леголас и Гимли.

— Листы Кветлориэна падают со звоном, — усмехнулся Арагорн. — И этот упал не просто так: обронен, чтобы найтись. То-то, я думаю, Пин и отбежал в сторону, рискуя жизнью.

— Живой, значит, — заметил Гимли. — И голова на плечах, и ноги на месте. Спасибо и на том: не зря, стало быть, бежим.

— Лишь бы он не очень поплатился за свою смелость, — сказал Леголас. — Скорее, скорее! А то я как подумаю, что наши веселые малыши в лапах у этой сволочи, так у меня сердце не на месте.

Солнце поднялось в зенит и медленно катилось по небосклону. Облака приплыли с моря, и ветер их рассеял.

Незаметно приблизилась закатная пора. Сзади, с востока, напозлали длинные цепкие тени. Погоня бежала ровно и быстро. Сутки прошли с тех пор, как они схоронили Боромира, а до орков было еще далеко. Невесть сколько: в степи не разберешь.

В густых сумерках Арагорн остановился. За день у них было две передышки, и двенадцать лиг отделяли их от того обрыва, где они встречали рассвет.

— Трудный у нас выбор,—сказал он.—Заночуем или поспешим дальше, пока хватит сил и упорства?

— Вряд ли орки сделают привал, а тогда мы от них и вовсе отстанем,—отозвался Леголас.

— Как это не сделают, им отдохнуть-то надо?—возразил Гимли.

— Где это слыхано, чтобы орки бежали степью средь бела дня? А эти бегут,—сказал Леголас.—Стало быть, и ночью не остановятся.

— Мы же в темноте, чего доброго, со следа собьемся,—заметил Гимли.

— С такого следа не собьешься, он и в темноте виден, и никуда не сворачивает,—посмотрел вдаль Леголас.

— Идти по следу напрямик немудрено и впотьмах,—подтвердил Арагорн.—Но почем знать, вдруг они все-таки свернут куда-нибудь, а мы пробежим мимо? Попадем впросак, и волей-неволей придется ждать рассвета.

— Тут еще вот что,—добавил Гимли.—Следы в сторону заметны только днем. А может, хоть один из хоббитов да сбежит или кого-нибудь из них потащат на восток, к Великой Реке—ну, в Мордор; как бы нам не проворонить такое дело.

— Тоже верно,—согласился Арагорн.—Правда, если я там, на месте распри, не ошибся в догадках, то одолели орки с белой дланью на щите, и теперь вся свора бежит к Изенгарду. А я, видимо, не ошибся.

— Пес их, орков, знает,—сказал Гимли.—Ну а если Пин или Мерри все-таки сбежит? В темноте мы бы давешнюю застежку не нашли.

— Вдвойне теперь будут орки настороже, а пленники устали вдвое пуще прежнего,—заметил Леголас.—Вряд ли кому из хоббитов удастся снова сбежать, разве что с нашей помощью. Догоним—как-нибудь выучим, и догонять надо не мешкая.

— Однако даже я, бывалый странник и не самый слабосильный гном, не добегу до Изенгарда без передышки,—сказал Гимли.—У меня тоже сердце не на месте, и я первый призывал не мешкать; но теперь хорошо бы отдохнуть, а потом прибавить ходу. И уж если отдыхать, то в глухие ночные часы.

— Я же сказал, что у нас трудный выбор,—повторил Арагорн.—Так на чем порешим?

— Ты наш вожатый,—сказал Гимли,—и к тому же опытный ловчий. Тебе и решать.

— Я бы не стал задерживаться,—вздыхнул Леголас,—но и перечить не стану. Как скажешь, так и будет.

— Не в добрый час выпало мне принимать решение,—горько молвил Арагорн.—С тех пор как миновали мы Каменных Гигантов, я делаю промах за промахом.

Он помолчал, вглядываясь в ночную темень, охватывающую северо-запад.

— Пожалуй, заночуем,—наконец проговорил он.—Тьма будет непроглядная: беда, коли и вправду потеряем след или не заметим чего-нибудь важного. Если б хоть луна светила—но она же едва появилась, тусклая и заходит рано.

— Какая луна—небо-то сплошь затянуто,—проворчал Гимли.—Нам бы волшебный светильник, каким Владычица одарила Фродо!

— Ей было ведомо, кому светильник нужнее,—возразил Арагорн.—Фродо взял на себя самое тяжкое бремя. А мы—что наша погоня по нынешним грозным временам! И бежим-то мы, может статься, без толку, и выбор мой ничего не изменит. Но будь что будет—выбор сделан. Ладно, утро вечера мудренее!

Растянувшись на траве, Арагорн уснул мертвым сном—двое суток, от самого Тол-Брандира, ему глаз не привелось сомкнуть; да и там не спалось. Пробудился он в предрассветную пору—и мигом вскочил на ноги. Гимли спал как сурок, а Леголас стоял, впиваясь глазами в северный сумрак, стоял задумчиво и неподвижно, точно стройное деревце безветренной ночью.

— Они от нас за тридевять лиг,—хмуро сказал он, обернувшись к Арагорну.—Чует мое сердце, что уж они-то

прыти не сбавили. Теперь только орлу их под силу догнать.

— Мы тоже попробуем,— сказал Арагорн и, наклонившись, пошевелил гнома.— Вставай! Пора в погоню! А то и гнаться не за кем будет!

— Темно же еще,— разлепив веки, выговорил Гимли.— Небось, пока солнце не взошло, Леголас их тогда и с горы не углядел.

— Теперь гляди не гляди, с горы не с горы, при луне или под солнцем—все равно никого не высмотришь,— отозвался Леголас.

— Чего не увидят глаза, то, может, услышат уши,— улыбнулся Арагорн.— Земля-то, наверно, стонет под их ненавистной поступью.

И он приник ухом к земле, приник надолго и накрепко, так что Гимли даже подумал, уж не обморок ли это—или он просто снова заснул?

Мало-помалу забрезжил рассвет, разливаясь неверным сиянием. Наконец Арагорн поднялся, и лицо его было серое и жесткое, угрюмое и озабоченное.

— Доносятся только глухие, смутные отзвуки,— сказал он.— На много миль вокруг совсем никого нет. Еле-еле слышен топот наших уходящих врагов. Однако же громко стучат лошадиные копыта. И я вспоминаю, что я их слышал, еще когда лег спать: кони галопом мчались на запад. Скачут они и теперь, и еще дальше от нас, скачут на север. Что тут творится, в этих краях?

— Поспешим же!— сказал Леголас.

Так начался третий день погонн. Тянулись долгие часы под облачным покровом и под вспыхивающим солнцем, а они мчались почти без продыху, сменяя бег на быстрый шаг, не ведая усталости. Редко-редко обменивались они немногими словами. Их путь пролегал по широкой степи, эльфийские плащи сливались с серо-зелеными травами: только эльф различил бы зорким глазом в холодном полуденном свете бесшумных бегунов, и то вблизи. Много раз возблагодарили они в сердце своем Владычицу Лорина за *путлибы*, съеденные на бегу и несказанно укреплявшие их силы.

Весь день вражеский след вел напрямик на северо-запад, без единого витка или поворота. Когда дневной свет пошел на убыль, они очутились перед долгими,

пологими, безлесными склонами бугристого всхолмья. Туда, круто свернув к северу, бежали орки, и след их стал почти незаметен: земля здесь была тверже, трава — реже. В дальней дали слева вилась Онтава, серебряной лентой прорезая степную зелень. И сколько ни гляди, нигде ни признака жизни. Арагорн дивился, почему бы это не видеть ни зверя, ни человека. Правда, ристанийские селенья располагались большей частью в густом подлесье Белых гор, невидимом за туманами; однако прежде коневоды пасли свои несметные стада на пышных лугах юго-восточной окраины Мустангрима и всюду было полным-полно пастухов, обитавших в шалашах и палатках, даже и в зимнее время. А теперь почему-то луга пустовали и в здешнем крае царило безмолвие, недоброе и немирное.

Остановились в сумерках. Дважды двенадцать лиг пробежали они по ристанийским лугам, и откосы Приречного взгорья давно уж сокрыла восточная мгла. Бледно мерцала в туманных небесах юная луна, и мутью подернулись тусклые звезды.

— Будь сто раз прокляты все наши заминки и промедленья! — сказал в сердцах Леголас. — Орки далеко опередили нас: мчатся как ошалелые, точно сам Саурон их подстегивает. Наверно, они уже в лесу, бегут по темным взгорьям, поди сыщи их в тамошней чашобе!

— Зря мы, значит, надеялись и зря из сил выбивались, — сквозь зубы проскрежетал Гимли.

— Надеялись, может, и зря, а из сил выбиваться рано, — отозвался Арагорн. — Впередн долгий путь. Но я и вправду устал. — Он обернулся и взглянул назад, на восток, тонущий в исчерна-сизом мраке. — Неладно в здешних землях: чересчур уж тихо, луна совсем тусклая, звезды еле светят. Такой усталости я почти и не припомню, а ведь негоже Следопыту падать с ног в разгар погони. Чья-то злая воля придает сил нашим врагам и дает нам незримый отпор: не так тело тяготит, как гнетет сердце.

— Еще бы! — подтвердил Леголас. — Я это почуял, лишь только мы спустились с Привражья. Нас не сзади оттягивают, а теснят спереди. — Он кивком указал на запад, где над замутненными просторами Ристании поблескивал тонкий лунный серп.

— Саруманово чародейство,—проговорил Арагорн.— Ну, вспять-то он нас не обратит, но заночевать придется, а то вон уже и месяц тучи проглотили. Путь наш лежит между холмами и болотом; выступим на рассвете.

Первым, как всегда, поднялся Леголас; да он едва ли и ложился.

— Проснитесь! Проснитесь!—воскликнул он.— Уже алеет рассвет. Диковинные вести ждут нас у опушки Фангорна. Добрые или дурные, не знаю, но медлить нельзя. Проснитесь!

Витязь и гном вскочили на ноги; погоня ринулась с места в карьер. Вскормье виделось все отчетливее, и еще до полудня они подбежали к зеленеющим склонам голых хребтов, напрямую устремленных к северу. Суховатая земля у подошвы поросла травяной щетиной; слева, миль за десять, источали холодный туман камышовые плесы и перекаты Онтавы. Возле крайнего южного холма орки вытоптали огромную черную проплешину. Оттуда след опять вел на север, вдоль сохлых подножий. Арагорн обошел истоптанную землю.

— Тут у них был долгий привал,—сказал он,—однако же изрядно они нас опередили. Боюсь, что ты прав, Леголас: трижды двенадцать часов, не меньше, прошло с тех пор. Если они прыти не поубавили, то еще вчера под вечер добежали до опушки Фангорна.

— И на севере, и на западе только и видать, что траву в дымке,—пожаловался Гимли.— Может, заберемся на холмы—вдруг оттуда хоть лес покажется?

— Не покажется,—возразил Арагорн.— Холмы тянутся к северу лиг на восемь, а там еще степью все пятнадцать до истоков Онтавы.

— Тогда вперед,—сказал Гимли.— Лишь бы ноги не подвели, а то что-то на сердце так и давит.

Бежали без роздыху, и к закату достигли наконец северной окраины всхолмья. Но теперь они уж не бежали, а брели, и Гимли тяжело ссутулился. Гномы не ведают устали ни в труде, ни в пути, но нескончаемая и безнадежная погоня изнуряла его. Угрюмый и безмолвный

Арагорн шел за ним следом, иногда пытливо склоняясь к черным отметинам. Один Леголас шагал, как всегда, легко, едва будоража траву, словно летучий ветерок: лориэнские дорожные хлебцы питали его сытней и надежней, чем других, а к тому же он умел на ходу, с открытыми глазами забываться сном, недоступным людям или гномам,—эльфийским мечтанием о издешних краях.

— Взойдемте-ка на тот вон зеленый холм, оглядимся!—позвал он усталых друзей и повел их наискось к лысому темени последней вершины, высившейся особняком. Тем временем солнце зашло, и пал вечерний сумрак. Густая серая мгла плотно окутала зримый мир. Лишь на дальнем северо-западе чернелись горы в лесной оправе.

— Вот тебе и огляделись,—проворчал Гимли.—Зато уж здесь как-никак, а заночуем. Крепко что-то похолодало!

— Северный ветер дует, от снеговых вершин,—сказал Арагорн.

— К утру подует восточный,—пообещал Леголас.—Отдохните, раз такое дело. Только ты, Гимли, с надеждой зря расстался. Мало ли что завтра случится. Говорят, поутру солнце путь яснит.

— Яснило уж три раза кряду, а толку-то?—сказал Гимли.

Холод пробирал до костей. Арагорн и Гимли засыпали, просыпались—и всякий раз видели неизменного Леголаса, который то стоял недвижно, то расхаживал взад-вперед, тихо напевая что-то на своем древнем языке, и звезды вдруг разгорались в черной небесной бездне. Так проплыла ночь, а рассвет они встретили вместе: бледная денница озарила мертвенно-безоблачное небо; наконец взошло солнце. Ветер дул с востока, туманы он разогнал и обнажил угрюмую равнину в жестком утреннем свете.

Перед ними далеко на восток простерлось ветреное раздолье Ристании. Эти степи они мельком видели много дней назад, еще плывучи по Андуину. На северо-западе темнел Великий Лес Фангорн; до его неприветных опушек было не меньше десяти лиг, а там холмами и низинами стояло в мутно-голубой дымке несметное древесное воинство. Дальше взблескивала, точно поверх серой тучи, высокая вершина Метхедраса, последней из Мглистых гор.

Из лесу, между крутыми берегами, струила ключевые воды еще узкая и быстрая Онтава. К ней сворачивал след орков от всхолмья.

Арагорн пригляделся к следу до самой реки, потом проводил взглядом реку к истокам и вдруг заметил вдали какое-то пятно, смутное перекасти-поле на бескрайней зеленой равнине. Он кинулся на землю, прижался к ней ухом и вслушался. Но рядом стоял Леголас: из-под узкой, длинной ладони он увидел зорким эльфийским оком не тень и не пятно, а маленьких всадников, много-много всадников, и копыта их поблескивали в рассветных лучах, точно мелкие звезды, сокрытые от смертных взоров. Далеко позади за ними вздымался и расхлестывался черный дым.

Пустая степь хранила безмолвие, и Гимли слышал, как ветер ворошит траву.

— Всадники! — воскликнул Арагорн, вскочив на ноги. — Большой отряд быстрогоконных всадников близится к нам.

— Да, — подтвердил Леголас, — всадники. Числом сто пять. У них желтые волосы, и ярко блещут их копыта. Вожатый их очень высок.

— Далеко же видят эльфы, — с улыбкой сказал Арагорн.

— Тоже мне далеко, — отмахнулся Леголас. — Они от нас не дальше чем за пять лиг.

— За пять лиг или за сто сажений, — сказал Гимли, — все равно нам от них в степи не укрыться. Как, будем их ждать или пойдем своим путем?

— Ждать будем, — сказал Арагорн. — Я устал, и орков мы не нагоним. Вернее, их нагнали раньше нашего: всадники-то возвращаются вражеским следом. Может, они встретят нас новостями.

— Или копытами, — сказал Гимли.

— Три пустых седла, но хоббитов что-то не видеть, — заметил Леголас.

— А я не сказал — добрыми новостями, — обернулся к нему Арагорн. — Добрые или дурные — подождем, узнаем.

Слишком были бы заметны и подозрительны их черные силуэты на палевом небе; и они неспешно спустились северным склоном, облюбовали у подножия блеклый травянистый бугорок, укутались в плащи, сели потеснее.

Налетал пронизывающий ветер. Гимли было не по себе.

— А что ты про них знаешь, Арагорн, про этих коневодов?— спросил он.— Может, мы здесь сидим и ждем, пока нас убьют?

— Народ мне знакомый,— отвечал Арагорн.— Заносчивые они, своевольные; однако ж твердые и великодушные, слово у них никогда не расходится с делом; в бою неистовы, но не кровожадны, смысленные и простоватые: книг у них нет, лишь песни помнит каждый, как помнили их в седой древности сыны и дочери человеческие. Давно я здесь, правда, не был и не знаю: может, их подкупили посулы предателя Сарумана или подкосили угрозы Саурона. С гондорцами они искони в дружбе, хоть и не в родстве: некогда их привел с севера Отрок Эорл, и они, наверно, сродни обитателям краев приозерных, подвластных Барду, и лесных, подвластных Беорну. Там, как и здесь, тоже много высоких и белокурых. И с орками тамошние и здешние враждуют.

— А Гэндальф говорил, есть слух, будто они здесь данники Мордора,— заметил Гимли.

— Боромир этому не поверил, я тоже не верю,— отозвался Арагорн.

— Сейчас разберетесь, чья правда,— сказал Леголас.— Их вон уже слышно.

Вскоре даже Гимли слышал, как близится топот копыт. Всадники свернули от реки к всхолмью и мчались по черному следу наперегонки с ветром.

Издаലെка звенели сильные, юные голоса. Вдруг они общим громом грянули из-за холма, и показался передовой: он вел отряд на юг, мимо западных склонов. Длинной серебристой вереницей мчались за ним кольчужные конники, витязи как на подбор.

Высокие, стройные кони с расчесанной гривой, в жемчужно-серых чепраках, помахивали хвостами. И всадники были под стать им, крепкие и горделивые; их соломенно-желтые волосы взлетали из-под шлемов и развевались по ветру; светло и сурово глядели их лица. Ясеновое копьё было в руках у каждого, расписной щит за спиной, длинный меч у пояса, узорчатые кольчуги прикрывали колени.

В строю по двое мчались они мимо, и хотя иной из них то и дело привставал в стременах, озирая окрестность по обеим сторонам пути, однако же безмолвные чужаки, следившие за ними, остались незамеченными. Дружина почти что миновала их, когда Арагорн внезапно поднялся и громко спросил:

— Конники Ристании, нет ли вестей с севера?

Всадники мигом осадили своих скакунов и рассыпались вкруговую. Трое охотников оказались в кольце копий, надвигавшихся сверху и снизу. Арагорн стоял молча, и оба его спутника замерли в напряженном ожидании.

Конники остановились разом, точно по команде: копыта наперевес, стрелы на тетивах. Самый высокий, с белым конским хвостом на гребне шлема, выехал вперед; жало его копья едва не коснулось груди Арагорна. Тот не шелохнулся.

— Кто вы такие, зачем сюда забрели? — спросил всадник на всеобщем языке Средиземья, и выговор его был гортанный и жесткий, точь-в-точь как у Боромира, у гордого гондорского витязя.

— Я зовусь Бродяжником, — отвечал Арагорн. — Я пришел с севера. Охочусь на орков.

Всадник соскочил с седла. Другой выдвинулся и спешился рядом; он отдал ему копьё, обнажил меч и встал лицом к лицу с Арагорном, изумленно и пристально разглядывая его.

— Поначалу я вас самих принял за орков, — сказал он. — Теперь вижу, что вы не из них. Но худые из вас охотники, ваше счастье, что вы их не догнали. Бежали они быстро, оружием их не обидели, и ватага была изрядная. Догони вы их ненароком, живо превратились бы из охотников в добычу. Однако, знаешь ли, Бродяжник, что-то с тобой не так. — И он снова смерил усталого Следопыта зорким, внимательным глазом. — Не подходит тебе это имя. И одет ты диковинно. Вы что, исхитрились спрятаться в траве? Как это мы вас не заметили? Может, вы эльфы?

— Есть среди нас и эльф, — сказал Арагорн. — Вот он: Леголас из Северного Лихолесья. А путь наш лежал через

Кветлоризн, и Владычица Цветущего Края обласкала и одарила нас.

Еще изумленное оглядел их всадник и недобро сощурился.

— Не врут, значит, старые сказки про Чародейку Золотого Леса! — промолвил он. — От нее, говорят, живым не уйдешь. Но коли она вас обласкала и одарила, стало быть, вы тоже волхвы и чернокнижники? — Он холодно обратился к Леголасу и Гимли: — А вас что не слышно, молчуны?

Гимли поднялся, крепко расставил ноги и стиснул рукоять боевого топора; черные глаза его сверкнули гневом.

— Назови свое имя, коневод, — сказал он, — тогда услышишь мое и еще кое-что в придачу.

Высокий воин насмешливо посмотрел на гнома сверху вниз.

— Вернее было бы тебе, чужаку, назваться сначала, — сказал он, — но так и быть... Имя мое — Эомер, сын Эомунда, а звание — Третий Сенешаль Мустангрима.

— Послушай же, Эомер, сын Эомунда, Третий Сенешаль Мустангрима, что скажет тебе Гимли, сын Глоина: вперед остерегайся глупых речей и не берись судить о том, до чего тебе как до звезды небесной, ибо лишь скудоумие твое может оправдать тебя на этот раз.

Взгляд Эомера потемнел, глухим ропотом отозвались ристанийцы на слова Гимли, и вновь надвинулись со всех сторон острия копий.

— Я бы одним махом снес тебе голову вместе с бородами, о достопочтенный гном, — процедил Эомер, — да только вот ее от земли-то едва видать.

— А ты приглядишься получше, — посоветовал Леголас, в мгновение ока наложив стрелу и натянув лук, — это последнее, что ты видишь в жизни.

Эомер занес меч, и худо могло бы все это кончиться, когда б не Арагорн: он встал между ними, воздев руку.

— Не взыщи, Эомер! — воскликнул он. — Узнаешь побольше — поймешь, за что так разгневались на тебя мои товарищи. Мы ристанийцам вреда не замышляем: ни людям, ни же коням. Может, выслушаешь, прежде чем ответить?

— Выслушаю, — сказал Эомер, опуская меч. — Но все же

лучше бы мирным чужестранцам, забредшим в Ристанию в наши смутные дни, быть поучтивее. И сперва назови мне свое подлинное имя.

— Сперва ты скажи мне, кому вы служите,—возразил Арагорн.—В дружбе или во вражде вы с Сауроном, с Черным Властелином Мордора?

— Я служу лишь своему властителю, конунгу Теодену, сыну Тенгела,—отвечал Эомер.—С тем, за дальней Завесой Мрака, мы не в дружбе, но мы с ним и не воюем; если ты бежишь от него, то скорее покидай здешние края. Границы наши небезопасны, отовсюду нависла угроза; а мы всего и хотим жить по своей воле и оставить свое при себе—нам не нужно чужих хозяев, ни злых, ни добрых. В былые дни мы привечали странников, а теперь с непрощеными гостями велено быстро управляться. Так кто же ты такой? Ты-то кому служишь? По чьему веленью преследуешь орков на нашей земле?

— Я не служу никому,—сказал Арагорн,—но прислужников Сауона преследую повсюду, не разбирая границ. Вряд ли кому из людей повадки орков знакомы лучше меня, и гонюсь я за ними не по собственной прихоти. Те, кого мы преследуем, захватили в плен двух моих друзей. В такой нужде мчишься без оглядки, конный ты или пеший, и ни у кого на это не спрашиваешь дозволения. И врагам заранее счет не ведешь—разве что потом по отсеченным головам. Я ведь не безоружен.

Арагорн сбросил плащ. Блеснули самоцветные эльфийские ножны, и яркий клинок Андрилы взвился могучим пламенем.

— Элендил!—воскликнул он.—Я Арагорн, сын Араторна, и меня именуют Элессар, Эльфийский Берилл, Дунадан; я—наследник великого князя гондорского Исидура, сына Элендила. Вот он, его сломанный и заново скованный меч! Кто вы—подмога мне или помеха? Выбор за вами!

Гимли и Леголас не верили глазам—таким своего сотоварища они еще не видели: Эомер словно бы умалился, а он точно вырос, лицо его просияло отблеском власти и величия древних изваяний. Леголасу на миг почудилось, будто чело Арагорна увенчала белая огненная корона.

Эомер отступил и почтительно потупил гордый взор.

— Небывалые настали времена,—проговорил он.—

Сказанья и были вырастают навстречу тебе из травы. Скажи мне, о господин,—обратился он к Арагорну,—что привело тебя сюда? Речи твои суровы и темны. Давно уж Боромир, сын Денэтора, поехал за ответом на прорицанье, и конь, ему отданный, вернулся назад без всадника. Ты—северный вестник рока: что же он велит нам?

— Велит выбирать,—ответствовал Арагорн.—Скажи Теодену, сыну Тенгела, что войны не минуешь, в союзе с Сауроном или против него. Жить по-прежнему никому больше не дано, и оставить при себе то, что мнишь своим,—тоже. Но об этом потом, если мне придется—а надо, чтоб привелось,—говорить с самим конунгом. Теперь же время не терпит, и мне нужна твоя помощь, хотя бы твои вести. Ты слышал уже, мы гнались за ватагой орков, чтобы освободить друзей. Каков твой совет?

— Мой совет—оставить погоню,—сказал Эомер.—Орки перебиты все до единого.

— А наши друзья?

— Были одни лишь трупы орков.

— Да, что-то непонятно,—сказал Арагорн.—А вы хорошо искали? Точно ли не было других мертвецов, только орки? Наши друзья—маленькие, на ваш взгляд почти что дети, босые, в серой одежде.

— Ни детей, ни гномов не было среди мертвых,—сказал Эомер.—Мы пересчитали убитых и, как велит наш обычай, свалили пададь грудой и подожгли ее. Останки, наверно, еще дымятся.

— Они не дети и не гномы,—сказал Гимли.—Друзья наши были хоббиты.

— Хоббиты?—удивился Эомер.—Какие такие хоббиты? Чудно вы их называете.

— Они и народец-то чудной,—сказал Гимли.—Но с этими двумя мы очень сдружились. А про хоббитов вы слышали в том прорицании, которое встревожило Минас-Тирит. Там сказано было: «...невысоклик отважится взять...» Хоббиты и есть невысоклики.

— Невысоклики!—расхохотался спешенный всадник рядом с Эомером.—Ох, невысоклики! Это коротышки-то из детских песенок и северных побасенок? Ой-ой-ой! Мы что, заехали в сказку или все-таки ходим средь бела дня по зеленой траве?

— Бывает, что не различишь,—сказал Арагорн.—Ведь

сказки о нашем времени будут слагаться потом. Ты говоришь — по зеленой траве? Вот тебе и сказка средь бела дня!

— Замешкались мы,—сказал всадник Эомеру, не обращая внимания на Арагорна.—Надо нам торопиться на юг, Сенешаль. А они пусть тешатся выдумками, эти дикари. Или, может, связать их и доставить конунгу?

— Спокойствие, Эотан!—распорядился Эомер на здешнем наречии.—Оставь меня с ними. И выстрой зоред на дороге, сейчас пойдем к Онтаве.

Эотан что-то буркнул под нос, потом отдал команду, всадники отъехали и построились поодаль. На склоне остались лишь трое путников с Эомером.

— Удивительны речи твои, Арагорн,—сказал он.—Однако же говоришь ты правду, это ясно: мы ведь не лжем никогда, так что нас нелегко обмануть. Правду ты говоришь, но не договариваешь. Не расскажешь ли все толком, чтобы я знал, как мне быть?

— Много недель назад выступили мы из Имладриса, куда прорицание — помнишь? — привело Боромира из Минас-Тирита,—начал Арагорн.—Сыну Денэтора я был попутчиком: мы готовились биться бок о бок в грядущей войне с Сауроном. Но вышли мы не вдвоем, и Отряд наш имел совсем иное поручение, о котором я пока не вправе говорить. Вел Отряд Гэндальф Серый.

— Гэндальф!—воскликнул Эомер.—Как же, Гэндальф Серая Хламида у нас повсюду известен, однако нынче, знай это, именем его тебе не снискать милости конунга. Сколько люди помнят, он то и дело вдруг наведывался: бывало, по многу раз в год, а бывало, пропадал и на десять лет. И всегда приносил тревожные вести — теперь его только горевестником называют.

Да и то сказать — вот был он у нас прошлым летом, и с тех пор все пошло вкривь и вкось. Начались нелады с Саруманом. Дотоле мы Сарумана считали другом, а Гэндальф сказал нам, что в Изенгарде точат на нас мечи. Ортханк, сказал он, был его узилищем и он чудом спасся. Он просил помощи у Теодена, но Теоден отказал. Будешь у конунга — ни слова о Гэндальфе! Гнев его не остыл. Ибо Гэндальф выбрал себе коня по имени Светозар, благород-

нейшего из отборного табуна Бэмаров, коня, чьим седоком может быть лишь конунг. Прародителем этой породы был жеребец Эорла, понимавший человеческий язык. Правда, семь суток назад Светозар воротился, но конунг пуще прежнего гневен: конь одичал и никому не дается в руки.

— Стало быть, Светозар добрался в отчий край один из дальних северных земель,—сказал Арагорн.—Там растались они с Гэндальфом. Но Гэндальфу уж не быть его седоком. Он сгинул навеки в бездонных копиях Морин.

— Скорбная весть,—сказал Эомер.—Скорбная для меня и для тех, кто мыслит схоже; но, увь, многие мыслят иначе—узнаешь, представши пред конунгом.

— Боюсь, даже и тебе невдомек, какая это скорбная весть,—отозвался Арагорн.—Месяца не пройдет, как ее страшная тяжесть ляжет на сердце всем и каждому. Однако ж если гибнут великие, то с малых великий спрос. Вот я и повел наш Отряд от здешних ворот Морин через Кветлоризэн—о нем ты, Эомер, сначала узнай истину и больше не роняй пустых слов—и оттуда по Великой Реке до водопадов Рэроса. Там был убит Боромир—теми орками, которых вы истребили.

— О, горе нам!—тоскливо воскликнул Эомер.—Какого воина лишился Минас-Тирит, и все мы—какого лишились воина! Первейший был богатырь—всюду пели ему хвалу. У нас-то он бывал редко—воевал на восточных окраинах Гондора,—но я его все-таки видел. Он больше походил на резвых сынов Эорла, чем на суровых витязей Гондора, и стал бы, наверно, в свой час великим полководцем. Однако же Гондор не прислал вести о его гибели. Когда это случилось?

— Четвертые сутки пошли,—отвечал Арагорн.—Вечером того дня мы бросились в погоню от подножия Тол-Брандира.

— Как, пешие?—не понял Эомер.

— Да, как видишь, пешие.

Изумленно распахнулись глаза Эомера.

— Неверно прозвали тебя, о сын Араторна,—вымолвил он.—Тебе бы не Бродяжником зваться, а Крылоногом. Придет время—песни сложат об этом вашем походе. За неполные четверо суток одолели вы четырежды

двадцать и пять лиг! Крепки же мышцы у потомков Элендила! Но, господин мой, что прикажешь мне делать? Конунг ждет; медлить мне не пристало. Перед дружиной я в своих речах не волен; однако по правде сказал тебе, что покамест мы не воюем с Черным Властелином. Конунг преклонил слух к малодушным наперсникам, и все же войны нам не избежать. Гондор — наш старинный союзник, мы его в беде не покинем и будем сражаться бок о бок; так мысляю я, и многие скажут подобно. Я в ответе за западные пределы Ристании, и я приказал отогнать табуны за Онтаву; за табунами снялись пастушеские селенья, а здесь остались одни сторожевые дозоры.

— Так вы, значит, не платите дани Саурону? — вырвалось у Гимли.

— Не платим и никогда не платили, — отрезал Эомер. — Слыхал я отзвуки этой лжи, но не знал, что она разнеслась так далеко. Было вот что: несколько лет тому назад посланцы Черных Земель торговали у нас лошадей и давали большую цену, но понапрасну. Нельзя им лошадей продавать: они их портят. Тогда к нам заслали орков, ночных конокрадов, и те угнали немало коней — вороных, только вороных: у нас теперь их почитай что и нет. Ну, с орками-то наша расправа была и будет короткая, и с одними орками мы бы управились.

А управлять надо с Саруманом. Он объявил себя хозяином всех здешних земель, и вот уже много месяцев мы с ним воюем. И такие ему орки подвластны, и сякие, на волколаках верхом, да только ли орки! Он перекрыл Проходное Ущелье, и теперь поди знай, откуда грянет напасть — с востока или с запада.

Трудный это неприятель: хитроумный и могущественный чародей, мастер глаза отводить — гибель у него обличий. Где только, говорят, его не увидишь: является там и сям, старец-странник, в плаще с капюшоном, ни дать ни взять Гэндальф — с тем и Гэндальфа припоминают. Его земные лазутчики проникают повсюду, а небесные зловеще парят над нами. Не знаю, что нам выпадет, но хорошего не предвижу: по всему видать, есть у него среди нас неизвестные союзники. Ты и сам их увидишь в хоромах конунга, если поедешь с нами. Поедем с нами, Арагорн! Неужели напрасно мелькнула у меня надежда, что ты явился нам в помощь посреди невзгод и сомнений?

— Буду, как только смогу,—глухо отвечал Арагорн.

— Нет, поедем сейчас!—заклинал Эомер.—Как воспрянули бы сыны Эорла, явись среди них в эту мрачную пору наследник, преемник Элендила! Ведь и сейчас идет битва за битвой на Западной Окраине, и боюсь, худо выходит нашим.

Да и в северный этот поход я выступил без позволения конунга, под малой охраной оставив его дворец. Разведчики доложили мне, что большая ватага орков спустилась с Западной Ограды трое суток назад, и среди них замечены были дюжне, с бледной дланью на щите: Саруманово воинство. Я заподозрил то, чего пуще всего опасаясь,— что Ортханк и Черный Замок столкнулись, что они против нас заодно,— и вывел свой эоред, личную свою дружину, и мы нагнали орков на закате, тому двое суток, у самой опушки Онтвальда. Там мы их окружили и вчера с рассветом взяли на копья. Погибли, увы, пятнадцать дружинников и двенадцать коней! Ибо орков оказалось больше, нежели мы насчитали: немалая свора подошла к ним с востока, из-за Великой Реки. След их виден к северу отсюда. Еще свора выбежала из лесу: огромные твари и тоже мечены бледной дланью. Они уж нам знакомы, они крупнее и свирепее прочих.

Словом, мы их всех порешили. Но долгая вышла отлучка. Копья нужны на юге и на западе. Неужели же ты не пойдешь с нами? Есть для вас кони, сам видишь. И твой из времен пробудившийся меч без дела не останется. Найдется дело и для топора Гимли, и для лука Леголаса, да простят они мне опрометчивые слова о Владычице Золотого Леса. Я ведь говорил по нашему разумению, а ежели что не так, то рад буду узнать лучше.

— Спасибо тебе на добром слове,—сказал Арагорн,—и сердце мое рвется за тобой, однако я не могу оставить друзей, куда есть надежда.

— Надежды нет,—сказал Эомер.—Ты не найдешь тех, кого ищешь, в северных пределах.

— Однако же они позади не остались. Неподалеку от Западной Ограды нам был явный знак, что хотя бы один из них жив и ждет. Правда, оттуда до самого всхолмья нет никакого их следа, ни напрямик, ни по сторонам, если только не изменил мне напрочь глаз следопыта.

— Тогда что же, по-твоему, с ними случилось?

— Не знаю. Может статься, они убиты и похоронены вместе с орками; но ты говоришь, не было их среди трупов, и вряд ли ты ошибаешься. Вот разве что их утащили в лес до начала битвы, даже прежде чем вы окружили врагов. Ты вполне уверен, что никто из них не выскользнул из вашего кольца?

— Могу поклясться, что ни один орк никуда не выскользнул после того, как мы их окружили,—сказал Эомер.— К опушке мы подоспели первыми и сомкнули кольцо, а после этого если кто и выскользнул, то уж никак не орк, и разве что эльфийским волшебством.

— Друзья наши были одеты так же, как мы,—заметил Арагорн,—а мимо нас вы проехали средь бела дня.

— И правда,—спохватился Эомер,—как это я позабыл, что когда кругом чудеса, то и сам себе лучше не верь. Все на свете перепуталось. Эльф рука об руку с гномом разгуливают по нашим лугам; они видели Чаровницу Золотолесья—и ничего, остались живы: и заново блещет предбитвенный меч, сломанный в незапамятные времена, прежде чем наши праотцы появились в Ристании! Как в такие дни поступать и не оступаться?

— Да как обычно,—отвечал Арагорн.— Добро и зло местами не менялись: что прежде, то и теперь, что у эльфов и гномов, то и у людей. Нужно только одно отличать от другого—в доме у себя точно так же, как в Золотом Лесу.

— Поистине ты прав,—сказал Эомер.— Но тебе я и так верю, верю подсказке сердца. Однако же я—человек подневольный. Я связан законом: он запрещает чужакам проезд и проход через Ристанию иначе как с дозволения самого конунга, а в нынешние тревожные дни кара послушнику—смерть. Я просил тебя добром ехать с нами, но ты не согласен. Ужели придется сотнею копий одолевать троих?

— Закон законом, а своя голова на плечах,—ответствовал Арагорн.— Да я здесь и не чужак: не единожды бывал я в ваших краях и бился с вашими врагами в конном строю Мустангрима—правда, под другим именем, в ином обличье. Тебя я не видел, ты был еще мальчиком, но знался с твоим отцом Эомундом, знаю и Теодена, сына Тенгела. В те времена властителям Ристании на ум бы не пришло чинить препоны в столь важном деле, как мое.

Мой долг мне ясен, мой путь прям. Поторопись же, сын Эомунда, не медли с решением. Окажи нам помощь или на худой конец отпусти нас с миром. Или же ищи исполнить закон. Одно скажу: тогда дружина твоя сильно поредеет.

Эомер помолчал, потом поднял голову.

— Нам обоим надо спешить,—сказал он.— Кони застоялись, и с каждым часом меркнет твоя надежда. Я принял решение. Следуй своим путем, а я—я дам тебе лошадей. Об одном прошу: достигнешь ли своего или проеъдишь впустую, пусть кони вернутся в Медусельд за Онтавой, к высокому замку в Эдорасе, где нынче пребывает Теоден. Лишь так ты докажешь ему, что я в тебе не ошибся. Как видишь, ручаюсь за тебя—и, может статься, ручаюсь жизнью. Не подведи меня.

— Не подведу,—обещал Арагорн.

Недоуменно и мрачно переглядывались всадники, когда Эомер велел отдать чужакам свободных лошадей, но один лишь Эотан осмелился поднять голос.

— Ладно,—сказал он,—витязю Гондора—поверим, что он из них,—впору сидеть на коне, но слыханное ли дело, чтоб на ристанийского коня садился гном?

— Неслыханное,—отозвался Гимли.—И уж будьте уверены—ни о чем таком никогда не услышите. В жизни на него не полезу—куда мне такая огромная животиная? Коль на то пошло, я и пешком не отстану.

— Отстанешь, а нам задерживаться некогда,—сказал ему Арагорн.

— Садись-ка, друг мой Гимли, позади меня,—пригласил Леголас.—Ведь и то правда: тебе конь не нужен, а ты ему и того меньше.

Арагорну подвели большого мышастого коня; он вскочил в седло.

— Хазуфел имя ему,—сказал Эомер.—Легкой погони, и да поможет тебе прежний, мертвый его седок, Гарульф!

Резвый и горячий конек достался Леголасу. Арод звали его. Леголас велел его разнуздать.

— Не нужны мне ни седло, ни поводья,—сказал он и легко прынул на коня, а тот, к удивлению ристанийцев,

гордо и радостно повиновался каждому его движению: эльфы и животные, чуждые злу, сразу понимали друг друга. Гимли усадили позади приятеля, он обхватил его, но было ему почти так же муторно, как Сэму Скромби в лодке.

— Прощайте, удачного поиска! — напутственно крикнул Эомер. — Скорей возвращайтесь, и да заблещут наши мечи единым блеском!

— Я вернусь, — проронил Арагорн.

— И меня ждите, — заверил Гимли. — Так говорить о Владычице Галадриэли отнюдь не пристало. И если некому больше, то придется мне поучить тебя учтивости.

— Поживем — увидим, — отозвался Эомер. — Видать, чудные творятся дела, и в диво не станет научиться любезности у гнома с боевым топором. Однако ж покамест прощайте!

С тем они и расстались. Ристанийским коням не было равных. Немного погодя Гимли обернулся и увидел в дальней дали муравьиный отряд Эомера. Арагорн не оборачивался, чтобы не упустить след под копытами, и склонился ниже холки Хазуфела. Вскоре они оказались близ Онтавы, и обнаружился, как и говорил Эомер, след подмоги с востока.

Арагорн спешил, осмотрел следы и снова вскочил в седло, отъехал влево и придержал коня, чтобы ступал осторожнее. Потом будто что-то приметил, опять спешился и долго расхаживал, обыскивая глазами израненную землю.

— Что ясно, то ясно, а ясно немного, — выговорил он наконец. — Конники на обратном пути все затоптали, подъехавши строем от реки. Только восточный след свежий и нетронутый, и назад, к Андуну, он нигде не сворачивает. Сейчас нам надо ехать помедленнее и глядеть в оба, не было ли бросков в стороны. А то орки, видать, здесь как раз и учуяли погоню: того и гляди, попробуют подевать куда-нибудь пленников, пока не поздно.

День понемногу мрачнел. С востока приплыли тяжелые тучи. Темная муть заволокла солнце, уходившее на запад, а Фангорн приближался, и все чернее нависали лесистые склоны. Ни налево, ни направо никакие следы не уводили,

путь устилали трупы и трупики, пронзенные длинными стрелами в сером оперенье.

Тускнели сумерки, когда они подъехали к лесной опушке; в полукружье деревьев еще дымился неостывший пепел огненного погребенья. Рядом были свалены грудой шлемы и кольчуги, рассеченные щиты, сломанные мечи, лук, дротики и прочий воинский доспех. Из груды торчал высокий кол, а на нем гоблинская башка в изрубленном шлеме с едва заметной Белой Дланью. Поодаль, у берега реки, вытекавшей из лесной чащи, возвышался свеженасыпанный холм, заботливо обложенный дерном; в него были воткнуты пятнадцать копий.

Арагорн с друзьями принялись обыскивать поле боя, но солнце уже скрылось, расползлся густой туман. Ночью нечего было и надеяться набрести на след Пина и Мерри.

— Все попусту,—угрюмо сказал Гимли.—Много загадок выпало нам на пути от Тол-Брандира, но эта—самая трудная. Наверно, горелые кости наших хоббитов смешались с костями орков. Тяжко придется Фродо, коли весть эта застанет его в живых, и едва ли не тяжелее будет тому старому хоббиту в Раздole. Элронд им идти не велел.

— А Гэндальф решил—пусть идут,—возразил Леголас.

— Ну, Гэндальф тоже пошел и сам же сгинул первым,—заметил Гимли.—Ошибся он на этот раз в своих расчетах.

— Не в том был расчет Гэндальфа, чтобы спастись от гибели или уберечь нас,—сказал Арагорн.—Тут не уберешься, а берись за дело волей-неволей, чем бы оно ни кончилось. Так вот: отсюда мы пока никуда не тронемся. Непременнo надо оглядеться поутру.

Заночевали чуть дальше от кровавого поля, под раскидистыми ветвями гостеприимного дерева, совсем бы каштан, да только многовато сберег он широких, бурых прошлогодних листьев, нависших отовсюду, точно хваткие старческие руки; они скорбно шелестели под легким ночным ветерком.

Гимли поежился. У них было всего-то по одеялу на каждого.

— Давайте разведем костер,—сказал он.—Ну, опасно, ну и ладно. Пусть их орки сбегаются на огонь, как мотыльки на свечку!

— Если вдруг наши несчастные хоббиты блуждают в лесу, они тоже сюда прибегут,—сказал Леголас.

— Мало ли кого притянет наш костер, не орков, может статься, и не хоббитов,—сказал Арагорн.—Мы ведь неподалеку от горных проходов предателя Сарумана. И на опушке Фангорна, где лучше, как говорится, веточки не трогать.

— Подумаешь, а мустанgrimцы вчера большой огонь развели,—сказал Гимли.—Они не то что веточки, деревья рубили, сам видишь. Сделали свое дело, переночевали здесь же, и хоть бы что.

— Во-первых, их было много,—отвечал Арагорн.—Во-вторых, что им гнев Фангорна, они здесь редко бывают, и в глубине леса им делать нечего. А нам, чего доброго, надо будет углубиться в Лес. Так что поосторожнее! Деревья не трогайте!

— Деревья и незачем трогать,—сказал Гимли.—Конники их и так тронули, вон сколько лапника кругом валяется, да и хвороста хоть отбавляй.

Он пошел собирать хворост и лапник и занялся костром; но Арагорн сидел безмолвно и неподвижно, прислонившись к мощиому стволу, и Леголас стоял посреди прогалины, наклонившись и вглядываясь в лесную темень, будто слушал дальние голоса.

Гном понемногу развел костер, и все трое обсели его, как бы заслоняя от лишних взглядов. Леголас поднял глаза и посмотрел на охранявшие их ветви.

— Взгляните!—воскликнул он. — Дерево радуется теплу!

Может быть, их обманула пляска теней, однако всем троим показалось, что нижние, тяжкие ветви пригнулись к огню, а верхние заглядывали в костер; иссохшие бурые листья терлись друг о друга, будто стосковавшись по теплу.

Внезапно и воочию, как бы напоказ, была им явлена безмерная, чуждая и таинственная жизнь темного, неизведанного Леса. Наконец Леголас прервал молчание.

— Помнится, Келеборн остерегал нас против Фангорна,—сказал он.—Как думаешь, Арагорн, почему? И Бо-

ромир тоже—что за рассказы слышал он про этот Лес?

— Я и сам наслышался о нем разного—и от гондорцев, и от других,—отвечал Арагорн,—но, когда бы не Келеборн, я бы по-прежнему считал эти рассказы выдумками от невежества. Я-то как раз хотел спросить у тебя, есть ли в них толика правды. Но коль это неизвестно лесному эльфу, что взять с человека?

— Ты странствовал по свету больше моего,—возразил Леголас.—А у нас в Лихолесье о Фангорне ничего не рассказывают, вот только песни поют про онодримов, по-вашему онтов, что обитали здесь давным-давно—ведь Фангорн древнее даже эльфийских преданий.

— Да, это очень древний Лес,—подтвердил Арагорн,—такой же древний, как Вековечный у Могильников, только этот вдесятеро больше. Элронд говорил, что они общего корня: останки могучей лесной крепости Предначальных Времен—тех лесов без конца и края, по которым бродили Перворожденные, когда люди еще не пробудились к жизни. Однако есть у Фангорна и собственная тайна. А что это за тайна, не знаю.

— Я так и знать не желаю,—сказал Гимли.—Пусть Лес не тревожится за свои тайны, мне они ни к чему.

Кинули жребий, кому оставаться на часах: первым выпал черед Гимли. Остальные двое улеглись, и сон мгновенно оцепенил их; однако Арагорн успел проговорить:

— Гимли! Не забудь—здесь нельзя рубить ни сука, ни ветки. И за валежником далеко не отходи, пусть уж лучше костер погаснет. Чуть что—буди меня!

И уснул как убитый. Леголас покоился рядом с ним: сложив на груди легкие руки, лежал с открытыми глазами, в которых дремотные видения мешались с ночной полутьмой, ибо так спят эльфы. Гимли сторбился у костра, задумчиво поводя пальцем вдоль острия секиры. Лишь шелест дерева нарушал безмолвие.

Вдруг Гимли поднял голову и в дальнем отблеске костра увидел сутулого старика, укутанного в плащ; он опирался на посох, шляпа с широкими обвислыми полями скрывала его лицо. Гимли вскочил на ноги, потеряв от изумления дар речи, хотя ему сразу подумалось, что они попали в лапы к Саруману. Арагорн с Леголасом припод-

нялись, пробужденные его резким движением, и разглядывали ночного пришельца. Старик стоял молча и неподвижно.

— Подходи без опаски, отче,—выпрямившись, обратился к нему Арагорн.—Если озяб, погреешься у костра.

Он шагнул вперед, но старец исчез, как провалился. Нигде поблизости его не оказалось, а искать дальше они не рискнули. Луна зашла; костер едва теплится.

— Кони! Наши кони!—вдруг воскликнул Леголас.

А коней и след простыл. Они сорвались с привязи и умчались неведомо куда. Все трое стояли молча, бессильно опустив руки, ошеломленные новой зловещей бедой. До единственных здешних соратников, ристанийских витязей, сразу стало далеко-далеко: за опушками Фангорна простиралась, лига за лигой, необъятная и тревожная степь. Откуда-то из ночного мрака до них словно бы донеслись ржанье и лошадиный храп; потом все стихло, и холодный ветер всколыхнул уснувшую листву.

— Ну что ж, ускакали они,—сказал наконец Арагорн.—Ни найти, ни догнать их не в нашей власти: если сами не вернутся, то на нет и суда нет. Отправились мы пешком, и ноги пока остались при нас.

— Ноги!—устало фыркнул Гимли.—Пускать свои ноги в ход—это я пожалуйста, только есть свои ноги не согласен.—Он подкинул хворосту в огонь и опустился рядом.

— Совсем недавно тебя и на лошадь-то было не заманить,—рассмеялся Леголас.—Ты погоди, еще наездником станешь!

— Куда уж мне, упустил свой случай,—отозвался Гимли.

— Если хотите знать,—сказал он, мрачно помолчав,—то это был Саруман, и никто больше. Помните, Эомер как говорил: является, дескать, старец-странник в плаще с капюшоном. Так и говорил. То ли он, Саруман, лошадей спугнул, то ли угнал, ничего теперь не поделаешь. И попомните мое слово, много бед нам готовится!

— Слово твое я попомню,—обещал Арагорн.—Попомню еще и то, что наш старец прикрывался не капюшоном, а шляпой. Но все равно ты, пожалуй что,

прав, и теперь нам не будет покоя ни ночью, ни днем. А пока все-таки надо отдохнуть, как бы оно дальше ни вышло. Ты вот что, Гимли, спи давай, а я покараулю. Мне надо немного подумать, выплюсь потом.

Долго тянулась ночь. Леголас сменил Арагорна, Гимли сменил Леголаса, и настало пустое утро. Старец не появлялся, лошади не вернулись.

ГЛАВА III

УРУКХАЙ

ин был окован смутной и беспокойной дремой: ему казалось, что он слышит собственный голосок где-то в темных подвалах и зовет: «Фродо, Фродо!» Но Фродо нигде не было, а гнусные рожи орков ухмылялись из мрака, и черные когтистые лапы тянулись со всех сторон. Мерри-то куда же делся?

Пин проснулся, и холодом повеяло ему в лицо. Он лежал на спине. Наступал вечер, небеса тускнели. Он повернулся и обнаружил, что сон не лучше яви, а явь страшнее сна. Он был крепко-накрепко связан по рукам и ногам. Рядом с ним лежал Мерри, лицо серое, голова обмотана грязной кровавой тряпкой. Кругом стояли и сидели орки, и числа им не было.

Трудно складывалось бывшее в больной голове Пина, еще труднее отделялось оно от сонных видений. А, ну да: они с Мерри бросились бежать напропалую, через лес. Куда, зачем? Затмение какое-то: ведь окликал же их старина Бро-

дьяжник! А они знай бежали, бежали и орал, пока не напоролись на свору орков: те стояли, прислушивались и, может, даже не заметили бы их, да тут поди не заметить. Заметили—вскинулись: визг, вой, и еще орки за орками выскакивали из ольшаника. Они с Мерри—за мечи, но орки почему-то биться не желали, кидались и хватали за руки, а Мерри отсек несколько особо хватких лап. Эх, молодчина все-таки Мерри!

Потом из лесу выбежал Боромир: тут уж оркам, хочешь не хочешь, пришлось драться. Он искрошил их видимо-невидимо, какие в живых остались, бежали со всех ног. Но они втроем с Боромиром далеко не ушли, их окружила добрая сотня новых орков, здоровенных, с мечами и луками. Стрелы так и сыпались, и все в Боромира. Боромир затрубил в свой огромный рог, аж лес загудел, и поначалу враги смешались и отпрянули. Но на помощь, кроме эха, никто не спешил; орки расхрабрились и освиrepели пуще прежнего. Больше Пин, как ни силился, припомнить ничего не мог. Последнее, что помнил,—как Боромир, прислонясь к дереву, выдергивал стрелу из груди; и вдруг обрушилась темнота.

«Ну, наверно, дали чем-нибудь по голове,—рассудил он.—Хоть бы Мерри, беднягу, не очень поранили. А как с Боромиром? И с чего это орки нас не убили? Где мы вообще-то и куда нас волокут?»

Вопросов хватало—ответов не было. Он озяб и изнемог. «Зря, наверно, Гэндальф уговорил Элронда, чтоб мы пошли,—думал он.—Какой был от меня толк? Помеха, лишняя поклажа. Сейчас вот меня украли, и я стал поклажей у орков. Вот если бы Бродяжник или хоть кто уж догнали бы их и отобрали нас! Да нет, как мне не стыдно! У них-то ведь дела поважнее, чем нас спасать. Самому надо стараться!»

Пин попробовал ослабить путы, но путы не поддавались. Орк, сидевший поблизости, гоготнул и сказал что-то приятелю на своем мерзостном наречии.

— Отдыхай, пока дают, ты, недомерок!—обратился он затем к Пину на всеобщем языке, и звучал он чуть ли не мерзостнее, чем их собственный.—Пока дают, отдыхай! Ножками-то зря не дрыгай, мы тебе их скоро развяжем.

Наплачешься еще, что не безногий, соплями и кровью изойдешь!

— Моя бы воля, ты бы и щас хлюпал, смерти просил,— добавил другой орк.— Ох, попищал бы ты у меня, крысеныш вонючий!

И он склонился к самому лицу Пина, обдав его смрадом и обнажив желтые клыки. В руке у него был длинный черный нож с зубчатым лезвием.

— Тише лежи, а то ведь не выдержу, пощекочу немножечко,— прошипел он.— Еще чухнешься—я, пожалуй, и приказ малость подзабуду. Ух, изенгардцы! *Угрук у багронк ша пушдуг Саруман-глоб бубхош скай!*—И он изрыгнул поток злобной ругани, щелкая зубами и пуская слюну.

Пин перепугался не на шутку и лежал без движения, а перетянутые кисти и лодыжки ныли нестерпимо, и щепень впивался в спину. Чтоб легче было терпеть, он стал прислушиваться к разговорам. Кругом стоял галдеж, и, хотя орки всегда говорят, точно грызутся, все же ясно было, что кипит какая-то свара, и кипела она все круче.

К удивлению Пина, оказалось, что ему почти все понятно: орки большей частью изъяснялись на общем наречии Средиземья. Тут, видно, был пестрый сброд, и, говори каждый по-своему, вышла бы полная неразбериха. Злобствовали они недаром: не было согласия насчет того, куда бежать дальше и что делать с пленниками.

— И убить-то их толком нет времени,— пожаловался кто-то.— Прогуляться—прогулялись, а поиграться некогда.

— Тут ладно, ничего не поделаешь,— сказал другой.— Убьем хоть поскорее, прямо щас и убьем, а? Чего их с собой тащить, раз такая спешка. Завечерело уже, надо бежать дальше.

— Приказ есть приказ,—отозвался басистый голос.— **ВСЕХ ПЕРЕБИТЬ, КРОМЕ НЕВЫСОКЛИКОВ. ИХ ПАЛЬЦЕМ НЕ ТРОГАТЬ. ПРЕДСТАВИТЬ ЖИВЬЕМ КАК МОЖНО СКОРЕЕ.** Что непонятно?

— Непонятно, зачем живьем,—раздалось в ответ.— С ними что, на пытке потеха?

— Да не то! Я слышал, один из них что-то там знает или есть у него при себе что-то, какая-то эльфийская штуковина, помеха войне. А допрашивать всех будут, вот и живьем.

— Ну и что, ну и все? Давайте щас обьщем и найдем! Мало ли что найдется, самим еще, может, понадобится!

— Забавно разговариваете,— мягко сказал жуткий голос.— Пожалуй, донести придется. Пленников НЕ ВЕЛЕНО ни мучить, ни обыскивать: такой У МЕНЯ приказ.

— У меня такой же,— подтвердил басистый голос.— ЖИВЬЕМ, КАК ВЗЯЛИ: НЕ ОБДИРАТЬ. Так мне было велено.

— А нам ничего такого никто не велел!— возразил один из тех, кто начал спор.— Мы с гор прибежали убивать, мстить за наших: все ноги отбили. Вот и хотим— убить, и назад.

— Мало ли чего вы хотите,— раздался ответный рык.— Я— Угрук. Я над вами начальник. И веду вас к Изенгарду самым ближним путем!

— А что, Саруману уже и Всевидающее Око не указ?— спросил жуткий голос.— Мы что-то не туда бежим: в Лугбурзе ждут нас и наших вестей.

— Да как же через Великую Реку,— возразил кто-то.— А к мостам не пробьемся: маловато нас все-таки.

— А вот я переправился,— сказал жуткий голос.— Крылатый назгул ждет-поджидает нас там, на севере, на восточном берегу.

— Может, и поджидает! Ты-то с ним улетишь, прихватишь пленников и будешь в Лугбурзе молодец молодцом; а мы пробирайся как знаешь через эти края, где рыщут коневоды. Не-ет, нам надо вместе. Края опасные: кругом разбойники да мятежники.

— Ага, вместе нам надо,— прорычал Угрук.— С вами, падалью, вместе только в одну могилу. Как с гор спустились, так обделались. Где бы вы были, не будь нас! Мы— бойцы, мы— Урукхай! Мы убили большого воина. Мы взяли в плен эту мелюзгу. Мы— слуги Сарумана Мудрого, Властителя Белой Длани, подающей нам вкусную человечину. Мы— посланцы Изенгарда, вы шли за нами сюда и за нами пойдете отсюда, нашим путем. Я— Угрук, слышали? Я свое слово сказал.

— Многовато наговорил ты, Угрук.— В жутком голосе послышалась издевка.— Ох, как бы в Лугбурзе совсем не решили, что умной башке Угрука не место на его плечах. А заодно и спросят: откуда ж такое завелось? Уж не от Сарумана ли? А Саруман-то кто такой, с чего это он свои

поганные знаки рисует? Властитель Белой Длани, ишь ты! Спросят они у меня, у своего верного посланца Грыشناка, а Грышнак им скажет: Саруман — паскудный глупец, а то и предатель. Но Всевидящее Око следит за ним и уж как-нибудь его устережет.

— «Пададь» он говорит? Про кого, про нас? Слыхали, ребята, они человечину жрут: да не нас ли они едят, не нашу ли мертвечину!

Орки загадели, залязгали обнаженные мечи. Пин осторожно крутнулся в путях: не будет ли чего видно. Охранники оставили хоббитов и подались поближе к заварушке. В сумеречном полусвете маячила огромная черная фигура — должно быть, Угрук, — а перед ним стоял Грышнак, приземистый и кривоногий, но невероятно широкоплечий, и руки его свисали чуть не до земли. Их обступили гоблины помельче. «Не иначе как северяне», — подумал Пин. Они выставили мечи и кинжалы, но нападать на Углука не решались.

А тот гаркнул, и, откуда ни возьмись, набежали десятка полтора орков его породы. Внезапно Угрук прыгнул вперед и короткими взмахами меча снес головы паре недовольных. Грышнак шарахнулся в темноту. Прочие попятились, один споткнулся о Мерри и с проклятием растянулся плашмя. Зато спас свою жизнь: через него перепрыгнули меченосцы Углука, рассеивая и рубя противников. Охранника с желтыми клыками распластали чуть не надвое, и труп его с зубчатым ножом в руке рухнул на Пина.

— Оружие отставить! — рявкнул Угрук. — Хватит с них! Бежим на запад, вниз проходом и напрямик к холмам, дальше по берегу до самого леса. Бежать будем днем и ночью, понятно?

«Давай-давай», — подумал Пин, — пока ты, гнусное рыло, будешь их собирать да строить, мы тут авось кое-что свое провернем».

И было что провертывать. Острие черного ножа полоснуло его по плечу, скользнуло к руке. Ладонь была вся в крови, но холодное касание стали бодрило и обнадеживало.

Орки понемногу строились, но кое-кто из северян опять заартачился, двоих изенгардцы зарубили, остальные понуро повиновались. Стояла ругань, царила неразбериха.

За Пииом почти наверняка никто не следил. Ноги его были спутаны плотно, руки—только в кистях, и не за спиной, а впереди. И хотя узел затянули нестерпимо, пальцами он шевелить мог. Он подвинул мертвеца и, сдерживая дыхание, стал тереть перетяжку об отточенное лезвие: рука трупа крепко сжимала нож. Перерезал! И по-хоббитски ловко наладил и затянул двойную петлю на прежний манер; только теперь она, если надо, мигом развязывалась. А уж потом лежал смиреннее смиренного.

— Пленных на плечи!—рявкнул Углук.—И без штук! Если кто из них по дороге подохнет, отправитесь за ними!

Дюжий орк ухватил Пина, точно куль муки, продел башку между его связанными руками, поддержал руки книзу, приплюснув хоббита лицом к чешуйчатой шее, и побежал со всех ног. Так же было—углядел он одним глазом—и с Мерри. Орковы лапы-клешни сжимали руки Пина мертвой хваткой, когти впивались в тело. Он зажмурил глаза и постарался снова заснуть.

Вдруг его опять бросили на камни. Ночь едва надвинулась, и тощий полумесяц плыл на запад. Они были на краю скалы, тусклая мгла расстилалась впереди. Где-то рядом журчала вода.

— Вот они, дозорные, вернулись,—сказали рядом.

— Ну, что видели?—рыкнул Углук.

— Да ничего не видели, один только всадник, удрал на запад. Впереди никого нет.

— Пока нет, а потом чего будет? Ну дозорные из вас! Почему не подстрелили? Он же поднимет тревогу, и подлуги коневоды нас еще до утра перехватят. Теперь бежать надо вдвое шибче прежнего.

На Пина пала черная тень Углука.

— Давай вставай!—велел орк.—Не всё моим ребятам тебя таскать. Сейчас дорога пойдет под гору, беги сам, только смотри у меня! Не вздумай кричать, удрать тоже не пробуй—не выйдет. А в случае чего я из тебя жилы-то повытяну, не рад будешь, что жив остался.

Одним махом перерезав ремненные путы, он освободил ноги Пина, схватил его за волосы и поставил перед собой. Пин упал как подкошенный, и Углук снова вздернул его

стоймя за волосы. Орки заливались хохотом, Углук сунул ему в зубы фляжку, и горло Пина обожгла какая-то скверная, горькая и вонючая жидкость. Ноги, однако, выпрямились; боль пропала, он мог стоять.

— Где там другой!—сказал Углук. Он отошел к Мерри и дал ему здорового пинка. Мерри застонал, а Углук рывком посадил его, сдернул перевязь с пораненной головы и смазал рану каким-то черным снадобьем из деревянной коробочки. Мерри вскрикнул от боли, яростно отбиваясь. Орки свистели и улюлюкали.

— Лечиться не хочет, вот обалдуй!—гоготали они.— Сам не знает, чего ему надо! Ох, ну мы с ними потом и позабавимся!

Покамест, однако, было не до забав. Нужно было скорее бежать и чтобы пленники бежали наравне. Углук лечил и вылечил Мерри на свой манер: ему залили в глотку мерзкое питье, перерезали ножные путы, вздернули на ноги, и Мерри стоял, чуть пошатываясь, бледный, угрюмый, но живехонький. Лоб был рассечен, но боль унялась, и на месте воспаленной, кровоточащей раны появился и остался навсегда глубокий бурый шрам.

— А, Пин, вот и ты!—сказал он.— Тоже решил немно-го прогуляться? Не вижу завтрака, а где твоя постель?

— А ну, заткни глотку!—рявкнул Углук.— Языки не распускать! Молчать, пока зубы торчат! Обо всем будет доложено, и с рук вам ничего не сойдет. И постелька вас ждет, и лакомый завтрак—кости свои сгрызете!

Спускались тесниной в туманную степь. Мерри и Пина разделяла дюжина или больше орков. Наконец под ногами зашелестела трава, и сердца хоббитов воспрянули.

— Прямо бегом марш!—скомандовал Углук.— Держать на запад и чуть к северу. Лугдуш ведущий—не отставать!

— А что нам делать, когда солнце взойдет?—спросил кто-то из северян.

— Брать ноги в руки!—ощерился Углук.— А ты как думал? Может, сядем на травку, подождем бледнокожих?

— Мы же под солнцем не можем бежать!

— У меня побежите сломя голову!—пообещал Углук.— Помните, мелюзга: кто начнет спотыкаться, тому, клянусь

Белой Дланью, не видать больше своей берлоги. Навязали вас, гнид, на мою голову, эх вы, горе-вояки! Давай живей шевелись, покуда не рассвело!

Орки сорвались с места и припустились звериной побегой. Это был не воинский строй, а гурьба: бежали вразброд, натываясь друг на друга и злобно переругиваясь,—бежали, однако ж, очень быстро. К хоббитам было приставлено по три охранника. Пин оказался в хвосте ватаги. «Долго так не пробегу,—думал он,—с утра маковой росинки во рту не было». Один из охранников держал наготове плетъ-семихвостку, но пока что в ней не было нужды: глоток мерзостного бальзама по-прежнему горячил и бодрил. И голова была на дню ясная.

Снова и снова виделось ему, как наяву, склоненное над их прерывчатым следом суровое лицо Бродяжника, без устали бегущего вдогон. Но даже и Следопыт, опытный из опытных,—что он разберет в этой слякотной каше? Как различит его и Мерри легкие следы, затоптанные и перетоптанные тяжелыми коваными подошвами?

За откосом, через милю или около того, они попали в котловину, под ногами была сырая мягкая земля. Стелился туман, освещенный косым прощальным светом месяца. Густые черные тени бегущих впереди орков потускнели и расплылись.

— Эй там! Поровнее! — рявкнул сзади Угрук.

Пина вдруг осенил быстрый замысел, и медить он не стал. Он бросился направо, увернулся от простершего лапы охранника, нырнул в туман и, споткнувшись, растянулся на росистой траве.

— Стой! — завопил Угрук.

Орки спутались и смешались. Пин вскочил на ноги и кинулся наутек. Но за ним уже топотали орки; кто-то обошел его спереди.

«Спасти и думать нечего! — соображал Пин.— Главное-то сделано — я оставил назатоптанные следы на сырой земле!»

Он схватился за горло связанными руками, отстегнул эльфийскую брошь и обронил ее в тот самый миг, когда его настигли длинные руки и цепкие клешни.

«Пролежит здесь, наверно, до скончания дней,— подумал он.— И зачем я ее отстегнул? Если кто-нибудь из наших и спасся, наверняка они охраняют Фродо!»

Ременная плеть со свистом ожгла ему ноги, и он подавил выкрик.

— Будет!—заорал подоспевший Углук.—Ему еще бежать и бежать. Обоим вшивари пусть ноги в ход пустят! Помогите им, только не слишком!.. Получил на память?—обратился он к Пину.—Это так, пустяки, а вообще-то за мной не заржавеет. Успеется, а пока чеши давай!

Ни Пин, ни Мерри не помнили, как им бежалось дальше. Жуткие сны и страшные пробуждения сливались в один тоскливый ужас, и где-то далеко позади все слабее мерцала надежда. Бежали и бежали—со всех ног, кое-как поспевая за орками; выбивались из сил, и плеть подгоняла их, жестоко и умело. Запинались, спотыкались и падали—тогда их хватали и несли.

Жгучее оркское снадобье потеряло силу. Пину опять стало зябко и худо. Он споткнулся и упал носом в траву. Когтистые лапы подхватили его и поднимали, опять его несли, как мешок, и ему стало темным-темно: ночь ли наступила, глаза ли ослепли, какая разница.

Он слышал грубый гомон: должно быть, орки требовали передышки. Хрипло орал Углук. Пин шлепнулся оземь и лежал неподвижно, во власти мрачных сновидений. Но скоро снова стало больно: безжалостные лапы взялись за свое железной хваткой. Его бросали, встряхивали, наконец мрак отступил, он очнулся и увидел утренний свет. Его швырнули на траву; кругом выкрикивали приказы.

Пин лежал пластом, из последних сил отгоняя мертвящее отчаяние. В голове мутилось, в теле бродил жар: верно, опять поили снадобьем. Какой-то орк, подавшись в его сторону, швырнул ему кусок хлеба и обрезок сухой солонины. Тронутый плесенью черствый ломоть Пин жадно сглодал, но к мясу не прикоснулся. Он, конечно, с голоду и сапог бы съел, но нельзя же брать мясо у орка, страшно даже подумать чье.

Он сел и осмотрелся. Мерри лежал ничком неподалеку. Они были на берегу бурливой речонки, впереди возвышались горы: ранние солнечные лучи брызнули из-за вершин. Ближний склон оброс понизу неровным лесом.

У орков опять был яростный галдеж и свара: северяне

ни за что не хотели бежать дальше с изенгардцами. Одни показывали назад, на юг; другие — на восток.

— Ладно, хватит! — заорал Углук. — Дальше мое дело! Убить нельзя, вам сказано, а хотите их бросить, бросайте: понабегались, мол, так и мы понабегались не меньше вашего — бросайте! А уж я присмотрю, никуда они не денутся. Урукхай потрудится и повоюет, ему не привыкать. Бойтесь бледнокожих, так и бегите! Вон туда — в лес! — зычно указал он. — Может, и доберетесь — больше-то вам некуда. Давай шевелись! Да живо, пока я не оттяпал башку-другую: то-то взбодритесь!

Еще ругань, еще потасовка — и больше сотни орков отделились и опрометью кинулись по речному берегу в сторону гор. При хоббитах остались изенгардцы: плотная, сумрачная свора, шесть-семь дюжин здоровенных, черномазых и косоглазых орков с большими луками и короткими, широкими мечами, — и с десятков северян, посмелее и крупнее.

— Ну, теперь разберемся с Грыشناком, — объявил Углук, но даже самые стойкие его заединщики поглядывали через плечо, на юг.

— Знаю, знаю, — прорычал он. — Лошадники распроклятые нас унюхали. А все из-за тебя, Снага. Тебе и другим дозорным надо бы уши обрубить. Погодите, бой за нами, а мы бойцы. Мы еще поедим ихней конины, а может, и другого мяса, послаще.

Пин обернулся: почему это иные урукхайцы указывали на юг? Оттуда донеслись хриплые вопли, и явился Грышнав, а за ним с полсотни таких же, кривоногих и широкоплечих, с руками до земли. На их щитах было намалевано красное око. Углук выступил им навстречу.

— Явились — не запыхались! — хохотнул он. — Никак передумали?

— Вернулся приглядеть, как выполняются приказы и чтобы пленников не тронули, — проскрежетал Грышнав.

— Да неужели! — издевался Углук. — Зря беспокоился. Я и без тебя как-нибудь распорядюсь: и приказы выполним, и пленников не тронем. Еще-то чего надо: уж больно ты запыхался. Может, забыл что-нибудь?

— Забыл с одним дураком посчитаться, — огрызнулся Грышнав. — Он-то и сам на смерть наскочит, да с ним

крепкие ребята остались, жаль, если сгинут без толку. Вот я и вернулся им помочь.

— Помогай нашелся! — реготал Угрук. — Если только драться помогать, а то лучше бегите-ка в свой Лугбурз, нас бледнокожие окружают. Ну и где же твой хваленый назгул? Опять под ним коня подстрелили, а? Ты бы его, что ли, сюда позвал, может, и пригодился бы, если рассказы про назгулов не сплошь вранье.

— Назгулы, ах, назгулы, — произнес Грышнак, вздрагивая и облизываясь, точно слово это мучительно манило его могильной гнилью. — Помалкивай лучше, Угрук, серая скотинка, — вкрадчиво посоветовал он. — Тебе такое и в самом паскудном сне не привидится. Назгулы! Вот кто всех насквозь видит! Ох и нависишься ты вверх ногами за такие свои слова, ублюдок! — лягнул он зубами. — Ты что, не знаешь? Они — зрочки Всевидающего Ока. А тебе подавай крылатого назгула — не-ет, подождешь. По эту сторону Великой Реки им пока что не велено показываться — рановато. Вот грянет война — тогда увидите... но и тогда у них будут другие дела.

— Ты зато больно много знаешь, умник! — отозвался Угрук. — Не на пользу тебе это, вовсе не на пользу. Тоже ведь и в Лугбурзе могут призадуматься, не слишком ли много ума у тебя в башке. А пока что ты языком болтаешь, а мы, Урукхай, посланцы грозного Изенгарда, должны разгребать за вами, и разгребем! Кончай хайлом мух ловить! Строй свое отребье! Прочая сволочь вон уже драпает к лесу. Давай за ними — все равно не видать тебе Великой Реки как своих ушей. Бегом марш, да живо! Я от вас не отстану.

Изенгардцы снова схватили Пина и Мерри и мешками закинули их за плечи. Земля загудела под ногами. Час за часом бежали они без передышки, приостанавливаясь, только чтобы перебросить хоббитов на новые спины. То ли бежалось им, здоровякам, быстрее, то ли план особый был у Грышнака, но постепенно изенгардцы обогнали мордорских орков, и свора Всевидающего Ока сгрудилась позади. Немного осталось догонять северян, а там и до леса почти что рукой подать.

Пина обдавали болью синяки и ушибы на всем теле, и

горело лицо, исцарапанное о гнусную чешуйчатую шею и волосатое ухо. Впереди убегали, не убегая, согнутые спины, и толстые крепкие ноги топали, топали, топы-топы, без усталости, точно кости, скрученные проволокой, отмеряя жуткие миги нескончаемого сна.

Под вечер углуковцы северян обогнали. Те мотались под лучами солнца, хотя и солнце-то уже расплылось в холодном, стылом небе, но они бежали, свесив головы и высунув языки.

— Эй вы, слизни! — хохотали орки Изенгарда. — Каюк вам. Щас бледиокожие вас догонят и слопают. Гляньте, вон они!

Донесся злобный крик Грышнака: оказалось, что это не шутки. Появились конники, и мчались они во весь опор, еще далеко-далеко, но нагоняя быстро и неотвратимо, словно накат прибоя застрывших в песке ленивых купальщиков.

Вдруг изенгардцы, на удивление Пину, кинулись бежать чуть не вдвое быстрее прежнего: того и гляди, добегут, одолеют первые. И еще он увидел, как солнце заходит, теряется за Мглистыми горами и быстро падает ночная тень. Солдаты Мордора поднимали головы и тоже прибавили ходу. Лес надвигался темной лавиной. Навстречу выплеснулись перелески, тропа пошла в гору, забирая все круче и круче. Орки, однако, шагу не сбавляли. Впереди орал Углук, сзади — Грышник: призывали своих молодцов наподдать напоследок.

«Добегут, успеют, а тогда все», — думал Пин и, чуть не вывернув шею, исхитрился глянуть через плечо. И увидел краем глаза, что на востоке всадники уже поравнялись с орками, мчась по равнине. Закат золотил их шлемы и жала копий; блестели длинные светлые волосы. Они окружали орков, сбивая их в кучу, оттесняя к реке.

«Что же за люд здесь живет?» — припоминал Пин. Было б ему в Раздолье-то поменьше слоняться, а побольше смотреть на карты и вообще учиться уму-разуму. Но ведь тогда какие головы дело обмозговывали: откуда ему было знать, что в недобрый час придется думать самому, без Гэндальфа, без Бродяжника, да что там, даже и без Фродо. Про Мустангрим ему помнилось только, что отсюда родом

конь Гэндальфа Светозар; это, конечно, уже хорошо, но одного этого все-таки маловато.

«От орков-то они нас как отличат?—задумался Пин.— Они ведь небось про хоббитов здесь слыхом не слышали. Хорошо, конечно, ежели они истребят гадов-орков всех подчистую, но лучше бы нас заодно не истребили!»

А между тем очень было похоже, что его и Мерри, как пить дать, стопчут вместе с орками, убьют и похоронят в общей куче.

Среди конников были и лучники, стрелявшие на скаку. Они подъезжали поближе и одного за другим подстреливали отстающих, потом галопом отъезжали, и ответные стрелы орков, не смевших остановиться, ложились под копыта их коней. Раз за разом подъезжали они, и наконец их меткие стрелы настигли изенгардцев. Один из них, пронзенный насквозь, рухнул перед самым носом Пина.

Подошла ночь, однако ристанийские всадники битвы не начинали. Орков перебили видимо-невидимо, но осталось их все же сотни две с лишком. Уже в сумерках орки взбежали на холм, ближний к лесу, до опушки было саженой триста, только дальше ходу не было: круг коинников сомкнулся. Дюжины две орков не послушались Углука и решили прорваться, вернулись трое.

— Вот какие у нас дела,—гадко рассмеялся Грышняк.— В хорошую переделку угодили! Ну ничего: великий Угрук нас, как всегда, вызволит.

— Недомерков наземь!—скомандовал Угрук, как бы не расслышав грышняковской подначки.— Ты, Лугдуш, возьми еще двоих и неси охрану. Не убивать, пока бледнокожие, суки, не прорвутся. Понятно, нет? Покуда я живой, они тоже пусть поживут. Только чтоб не пискнули, и не вздумай упустить. Ноги им свяжи!

Последний приказ выполнили злобно и старательно. Однако же Пин впервые оказался рядом с Мерри. Орки галдели и ссорились, орали и клацали оружием, а хоббиты тем временем ухитрились перемолвиться словечком.

— Голова у меня совсем не варит,—сказал Мерри.—

Укатали, сил больше никаких нет. Если даже окажусь на свободе, далеко не уползу.

— А путлибы-то! — шепнул Пин.— Путлибы! Слушай: у меня есть. У тебя ведь тоже? Они же не обыскивали, мечи забрали, и все.

— Да были вроде у меня в кармане,— отозвался Мерри,— раскрошились только, наверно. Какая разница: я же ртом в карман не залезу!

— Ртом лезть и не надо. У меня...— Но тут ему с размаху пнули в ребра: галдеж прекратился и охранники снова были начеку.

Ночь стояла тихая и холодная. Вокруг холма, на котором сгрудились орки, вспыхнули сторожевые костры, рассеивая золотисто-красные отблески. Костры были неподалеку, но всадники возле костров не показывались, и много стрел было растратчено впустую, пока Угрук не велел отставить стрельбу.

А всадники вовсе исчезли. Потом уж, когда луна как бы нехотя взошла из туманного сумрака, они порой мелькали в огневых просветах—несли, должно быть, неусыпный дозор.

— Солнца, падлы, дожидаются!—процедил один из охранников.—А мы, может, не будем дожидаться, рванем, слушай, а? Угрук-то о чем думает, где у него башка?

— Башка у меня где, говоришь?—рыкнул Угрук, вынырнув из темноты.—Я, значит, ни о чем не думаю? Гады вы все-таки! Не лучше тех желтопузых с севера или горилл из Лугбурза. Какие из них бойцы—завизжат, и наутек, а вонючих коневодов тринадцать на дюжину, не управимся мы с ними, тем более на ровном месте. Одно только умеют эти желтопузые вшивари: видят в темноте, что твои совы, но тут и это без пользы. Белокожие, слышно, тоже мастера глазом темень буровить, да у них еще кони! Говорят, на пару с конем они и ночной ветерок углядят. Но кое-чего они покамест не учуяли: Маухур и с ним отборные ребята идут на подмогу лесом, вот-вот подоспеют.

Изенгардцев Угруку вроде бы удалось приободрить; прочие орки по-прежнему роптали и артачились. Выставили дозорных, но те большей частью улеглись наземь,

стосковавшись по спасительной темноте. А темно стало хоть глаз выколи: на луну напозла с запада черная туча, и собственные ноги исчезли из виду. Тьма сгущалась между кострами. Но отдыхать до рассвета оркам не дали, от восточного склона донесся гвалт, и, верно, неспроста. Действительно: конники беззвучно подъехали, спешили, ползком пробрались в лагерь, перебили с десятков орков и растворились в ночи. Угрук кинулся наводить порядок.

Пин и Мерри сели. Охранники-изенгардцы убежали с Углуком. Однако помышлять о спасении было рановато: обонх перехватили под горло волосатые лапищи, и, притянутые друг к другу, они увидели между собой огромную башку и мерзостную харю Грыشناка; пасть его источала гнилой смрад. Стиснув хоббитов до костного хруста, он принялся ощупывать и обшаривать их. Пин задрожал, когда холодная клешня проехала по его спине, обдирая кожу.

— Шшто, малышатки? — вкрадчиво прошептал Грышнав. — Как отдыхается? Ну да, ну да, неуютненько. Тут тебе ятаганы и плети, а там — гадкие острые пики. А не надо, не надо мелюзге соваться в дела, которые им не по мерке.

Крюковатые пальцы рыскали все нетерпеливее. Глаза орка светились бледным огнем добела раскаленной злобы.

Внезапно Пин разгадал, точно учуял, умысел врага: «Грышнав знает про Кольцо! Угрук отлучился, вот он нас и обыскивает: ему оно самому нужно!» Сердце Пина сжималось от ужаса, и все же он изо всех сил соображал, как бы им половчее обойти ослепленного алчностью злыдня.

— Зря ищешь — не найдешь его, — шепнул он. — Не так-то это просто.

— Не найдешь его? — миготнул Грышнав, вцепившись в плечо Пина. — Чего это не найдешь? Ты о чем говоришь, лягушонок?

Пин немного выждал и вдруг едва слышно заурчал:

— *Горлум, горлум*. Ни о чем, моя прелесть, — прибавил он.

Хватка Грыشناка стала судорожной.

— Ого! — тихо-тихо протянул гоблин. — Так ты вот о

чем, а? Ого! Оч-чень опас-сно слишком много знать, оч-чень.

— Еще бы,—подхватил Мерри, поняв, куда клонит Пин.—Еще бы не опасно: тебе не меньше нашего. Но это уж твое дело. Лучше скажи, хочешь его заполучить или нет? А если хочешь—что дашь за это?

— Заполучить? Заполучить?—повторил Грышнак как бы в недоумении, но дрожь выдавала его.—Что я дам за это? Как то есть—что дам?

— Да вот так,—сказал Пин, отцеживая слово за словом.—Чего тебе без толку-то шарить в темноте. Времени нет, возни много. Ты только ноги нам поскорее развяжи, а то не скажем больше ни словечка.

— Козявочки вы несчастненькие,—зашипел Грышнак,—да все, что у вас есть, и все, что вы знаете, вы в свое время выложите: наизнанку вывернетесь! Об одном жалеть будете—что вам больше нечем ублажить Допросчика, ох как будете жалеть и как скоро! Куда спешить? Спешить-то некуда. Думаете, почему вас до сих пор не распотрошили? Уж поверьте мне, малявочки вы мои, что не из жалости: такого даже за Углуком не водится.

— Чего-чего, а этого нет,—согласился Мерри.—Только добычу-то еще тащить и тащить, к тому же все равно не в твое логово, как дело ни обернись. Притащат нас в Изенгард, и останется большой гоблин Грышнак с преогромным носом, а руки нагреет Саруман. Нет, хочешь подумать о своей выгоде, думай сейчас.

Грышнак вконец остервенел. Особенно взъярило его имя Сарумана. Время было на исходе, гам затих. Того и гляди, вернется Угрук или охранники-изенгардцы.

— Ну, говорите: у тебя оно, что ли? Или у тебя?—повел он глазами-угольями.

— Горлум, горлум!—отвечал Пин.

— Ноги развяжи!—отозвался Мерри.

Лапищи орка содрогнулись.

— Ладно же, гниды недоделанные!—скрежетнул он.—Ножки вам развязать? Да я вас лучше вашими кишками удавлю. Вы что, думаете, я вас до костей не обыщу? Обыщу! Изрежу обоих на мелкие вонючие клочья! И ножки ваши не понадобятся, я и так вас унесу туда, где нам никто не помешает!

Он подхватил и притиснул под мышками обоих хоббитов до костного хруста; неимоверная сила была в его руках и плечах. Пришлепнув им рты ладонями, он втянул голову в плечи и прыгнул вперед. Быстро и бесшумно добрался он до ската, а там проскочил между орками-дозорными и темным призраком смешался с ночью, сбегая по холму на запад, к реке, вытекавшей из леса. Серел мутный широкий простор, и одинокое пламя колыбалось впереди.

Пробежав с десятков саженей, он остановился, всматриваясь и вслушиваясь. Ничего было не видно, ничего не слышно. Он медленно пробирался вперед, согнувшись чуть не вдвое, потом присел на корточки, снова вслушался — и выпрямился: настал миг рискнуть и прорваться. Но вдруг перед ним возник темный конный силуэт. Конь заржал и вздыбился. Всадник что-то прокричал.

Грышник бросился наземь плашмя, подминая под себя хоббитов, и обнажил ятаган. Он, конечно же, решил на всякий случай убить пленников, но решение это было роковое. Ятаган брякнул и блеснул в свете дальнего костра слева. Из мрака свистнула стрела: то ли пущена она была очень метко, то ли судьба ее подправила — но стрела пронзила его правую руку. Он уронил ятаган и вскрикнул. Топотнули копыта, и едва Грышник вскинулся и побежал, как его насквозь прободало копьё. Он дико взвыл и тяжело рухнул, испуская дух.

Хоббиты лежали ничком, как их бросил Грышник. Другой конник подъехал на помощь товарищу. То ли конь его видел по-особому, то ли особое было у него чутье, только он перепрыгнул хоббитов, а седок не заметил их, прикрытых эльфийскими плащами, прижавшихся к земле, испуганных до полусмерти.

Наконец Мерри шевельнулся и тихо прошептал:

— Ну ладно, это вышло, а теперь же что?

Ответа ждать не пришлось. Орки услышали предсмертные вопли Грышника. На холме раздались еще и не такие вопли: обнаружилось, что хоббиты исчезли, и Угрук, должно быть, оттяпал виновным одну-другую башку. Ответные крики орков вдруг послышались справа, за сторожевыми кострами, со стороны леса и гор. Явился,

верно, долгожданный Маухур и с ходу кинулся на конников. Пронесся топот коней. Ристанийцы стянули кольцо вокруг холма, подставившись под стрелы орков, лишь бы никто из них не ушел; кое-кого отрядили разобраться с новоприбывшими. Мерри и Пин оказались за пределами битвы: путь к бегству никто им не преграждал.

— Ишь ты,—сказал Мерри,—будь у нас руки и ноги свободны, мы бы, пожалуй что, и спаслись. Но я до узлов не дотянусь, их не перегрызу.

— Была нужда их грызть,—возразил Пин.—Зачем бы это? Я же тебе начал говорить: руки-то у меня свободны. Связаны так, для виду. Ты не болтай зря, а поешь-ка вот путлибов.

Он высвободил кисти и залез в карман. Путлибы раскрошились, конечно, однако никуда не делись, обернутые листьями. Хоббиты съели по две, если не по три раскрошенные галеты. Вкус их был давний и вызвал на память милые светлые лица, веселый смех и вкусную, полузабытую еду. Они сидели и вкушали, медленно и задумчиво, не обращая внимания на крики и лязги битвы, происходившей рядом. Первым опомнился от забытья Пин.

— Бежать надо,—сказал он.—Погоди-ка!

Ятаган Грышнака лежал рядом, но он был тяжелый и неудобный; пришлось проползти к труп гоблина, нащупать и вытащить длинный острый нож. Этим ножом он мигом разрезал все их путы.

— Поехали!—сказал он.—Вот малость разогреемся, тогда уж можно и на ноги, а дальше своим ходом. Только знаешь, для начала лучше все-таки ползком.

И они поползли. Земля была сырая и мягкая, ползти было легко, только ползлось медленно. Они сильно приняли в сторону от сторожевого костра и продвигались совсем потихонечку, пока не добрались до речного берега: внизу, под кручей, kloкотала вода. Хоббиты обернулись.

Шум битвы стих. Наверно, Маухура с его «ребятами» искрошили или прогнали. Конники возобновили свою безмолвную зловещую стражу. Недолго им оставалось нести ее. Ночь уходила. На востоке, по-прежнему безоблачном, побледнели небеса.

— Надо нам куда-нибудь спрятаться,— сказал Пин,— а то ведь, чего доброго, заметят. Или стопчут нас конники, а потом увидят, что мы не орки,— утешительно, конечно...— Он встал и потопал ногой.— Ну и веревки, почище проволоки— но у меня ноги понемногу оживают. Поковыляем, что ли. Ты как, Мерри?

Мерри поднялся на ноги.

— Да,— сказал он,— пожалуй, попробуем. Ай да путлибы— не то что это оркское снадобье. Из чего, интересно, они его делают. Хотя вообще-то лучше не знать из чего. Давай-ка глотнем водички, чтобы отбить его вкус!

— Нет, здесь к речке не спустишься, берег уж больно крутой,— возразил Пин.— Пойдем к лесу, там посмотрим.

Бок о бок побрели они вдоль берега. За спиной у них светлел восток. Они беседовали и перешучивались, как истые хоббиты, сопоставляя впечатления последних дней. Никто со стороны и вдомек бы не взял, что они еле держатся на ногах, чудом избавились от неминуемой пытки и смерти, а теперь очутились одни в дальнем, диком краю, и надеяться им было не на что и не на кого.

— Ну, сударь мой Крол, вы лицом в грязь не ударили,— подытожил Мерри.— В книге Бильбо тебе причитается чуть ли не целая глава: уж я ему тебя при случае распишу. Молодец, нечего сказать, здорово ты раскусил этого волосатого бандюгу и ловко ему подыграл. Хотел бы я знать, найдет ли кто-нибудь твой след и сыщется ли твоя брошь. Я-то свою буду беречь пуще глаза, а ты, пожалуй что, пиши пропало. Да, надо мне подсуетиться, чтоб ты нос не задира. Настал черед братана Брендизайка, а он, глядите, уж тут как тут. Ты вот небось туго смекаешь, куда это нас занесло: скажи спасибо, что я в Раздole чуть поменьше твоего ворон насчитал. Идем мы вдоль Онтавы. Вон южные отроги Мглистых гор, а это—Фангорн.

И точно: впереди зачернела мрачная широкая опушка. Казалось, ночь отползает и прячется от рассветных лучей в непроглядную лесную глубь.

— Вперед, бесстрашный Брендизайк!— предложил Пин.— А может, все-таки назад? Вообще-то в Фангорн нам

не велено соваться. Это из твоей ученой головы не вылетело?

— Не вылетело,— отвечал Мерри,— но лучше уж в чашу леса, чем в гущу битвы.

Он первым вступил под сень обомшелых многовековых деревьев, под низко склоненные гигантские ветви; до земли свисали с них седые бороды лишайника, чуть колыхаясь от предутреннего ветерка. Хоббиты робко выглядывали из лесного сумрака: две крохотные фигурки в полусвете были точь-в-точь малютки эльфы, изумленно глазевшие с опушки Диколесья на первые рассветы мироздания.

За Великой Рекой, за Бурыми Равнинами алым пламенем вспыхнула денница, озаряя степные просторы. Звучной и дружной переключкой приветствовали ее охотничьи рога. Конники Ристании воспрянули к бою.

Мерри и Пин слышали, как звонко разнеслось в холодном воздухе ржание боевых коней и многоголосое пение. Огненный солнечный край возник над землей. И с громким кличем ринулись конники с востока; кровавым блеском отливали их панцири и копья. Орки завопили и выпустили навстречу им тучу стрел, опустошив колчаны. Хоббиты видели, как несколько всадников грянулись оземь; но строй сомкнулся, лавина промчалась по холму, развернулась и помчалась обратно. Уцелевшие орки разбежались кто куда; их настигали и брали на копья. Однако небольшой отряд, сбившись черным клином, упорно и успешно продвигался к лесу. Им оставалось одолеть с полсотни саженей, и ясно было, что они их одолеют, они сшибли трех всадников, преградивших им путь.

— Что-то мы с тобой загляделись,— сказал Мерри.— Смотри, Угрук! Как бы нам с ним опять не встретиться!

Хоббиты повернулись и бросились без оглядки подальше в лес.

Поэтому и не видели они, чем кончилась битва, как Углука и его свору нагнали и окружили возле самой опушки Фангорна, как, спешившись, бился с Углуком на мечах и зарубил его Эомер, Третий Сенешаль Мустангри-

ма. А на равнине зоркие конники догоняли и прикалывали последних беглецов.

Они предали погребению павших друзей и спели над могильным курганом похвальную песнь их доблести. Потом спалили вражеские трупы и рассеяли пепел. Тем и кончился набег орков, и ни в Мордоре, ни в Изенгарде вестей о нем не получили; но дым от кострища вознесся к небесам, и не одно недреманное око заметило его.

ГЛАВА IV

ДРЕВЕНЬ

жду тем хоббиты поспешно и бестолково пробирались напрямик темной лесной чащобой близ тихоструйной речки к западным горным склонам, все дальше и дальше уходя в глухую глубину Фангорна. Становилось не так страшно, и спешить вроде было уже незачем. Однако же задышка не проходила, а усиливалась, точно не хватало воздуха или воздух сделался таким, что его не хватало.

В конце концов Мерри потерял всякую прыть.

— Все, больше сил нет,— выговорил он непослушным ртом.— Глоток бы воздуха!

— Глотнем хотя бы воды,— сказал Пин.— А то у меня глотка совсем пересохла.

Он спустился к воде по извилистому толстому корню, присел и зачерпнул пригоршню. Вода струилась чистая и студеная, он никак не мог нахлебаться. Мерри рядом с ним—тоже. Питье освежило их, и на сердце полегчало; они

посидели на берегу, омывая речной водой измученные ноги и поглядывая на молчаливые деревья, ряд за рядом возвышавшиеся над ними, тонувшие в сером сумраке.

— Заблудиться-то пока не успел?—спросил Пин, прислонившись спиной к могучему стволу.— А то смотри, пойдем обратно по течению и выйдем, где вошли.

— Оно бы можно,—сказал Мерри,— да на ноги плоха надежда, а тут еще и дышать нечем.

— Да, тускловато здесь и малость затхловато,—подтвердил Пин.— Мне, знаешь, припоминаются заброшенные палаты Старинной норы Кролов— ну, в смилах. Дворец дворцом, запущенный только, мебель там отродясь не двигали, как стояла, так и стоит. Говорят, будто жил там сам Старый Крол, жил и жил, дряхлел вместе с палатами, а потом умер—и никто туда ни ногой вот уже лет сто. Старик мне доводится прапрадедушкой; дела, сам понимаешь, давние. Но с этим лесом сравнить—так вчера это было! Ты только посмотри на лишайник: всюду вырос, все оплел, висит-качается, точно бородой трясет. Деревья тоже, глянь, в сухой листве: листопадов для них словно и не бывало! Неприбрано, в общем. Вот уж не знаю, какая здесь может быть весна, а тем более весенняя уборка.

— Однако же солнце сюда порой заглядывает,—заметил Мерри.— Помнишь, Бильбо расписывал Лихолесье—так здесь вовсе, совсем даже не то. Там все черно и гадко, там всякая мразь ютится. А здесь тускло, глухо, и одни деревья. Зверья никакого нет, зверье здесь жить не станет, им здесь не житье.

— И хоббитам не житье,—согласился Пин.— Взять хоть меня,—мне и идти через Фангорн ох как неохота. Идти миль сто, а есть нечего. Запас у нас как, имеется?

— Имеется, только пустяковый,—сказал Мерри.— Побежали-то мы как дураки, с пачкой-другой путлибов в карманах. Остальной припас в лодках остался.

Они проверили, сколько у них было эльфийских галет: крошево, дней на пять, да и то впроголодь.

— И ни тебе одеяльца,—вздыхнул Мерри.— Ох и озябнем мы нынче ночью, куда бы нас ни понесло.

— Впору подумать, куда нас понесет,—заявил Пин.— Утро уж, поди, разгорается.

Лес впереди вдруг просиял золотистым светом: где-то, должно быть, лучи просквозили древесный шатер.

— Ишь ты! — сказал Мерри. — Пока мы тут с тобой торчали, солнце, наверно, пряталось за облаком, а теперь вот выглянуло. А может, взошло так высоко, что ему листва и ветки не помеха. Вот оно где сквозит — пойдем-ка поглядим!

Неблизко оно сквозило, пришлось попотеть: склон стал чуть ли не круче прежнего и уж куда каменистей. А свет разливался, и вскоре навис над ними скалистый откос: то ли обрез холма, то ли скос длинного отрога дальних гор. Он был голый — ни дерева, — и солнце вовсю искрилось на каменном сломе. Лес у подножия распростер ветви, точно согреваясь. Только что все казалось серым и тусклым, а тут проблеснуло густо-коричневое, и чернопятнистые стволы засверкали, залоснились, словно зверьи шкуры. Понизу они отливали зеленью под цвет юной травы: ранняя весна, не во сне ли увиденная, оставила им свой блеск.

Откос, однако, был вроде лестницы, грубой и неровной, образовавшейся, должно быть, по милости погоды, услужливо выветривавшей камень. Высоко-высоко, почти вровень с древесными вершинами, тянулся широкий уступ, по краям обросший жесткими травами, а на нем стояло одинокое дерево — обрубок с двумя склоненными ветвями, ни дать ни взять какой-то корявый человечик: выбрался и стоит, греется на солнышке.

— А ну-ка, наверх! — воскликнул Мерри. — Глотнем воздуха, а заодно и оглядимся!

Оскользаясь, карабкались они по скалистому склону. Если и правда здесь проложили лестницу, то уж точно не для них: чьи-то ноги были побольше и шагали пошире. Они очень спешили и поэтому не заметили, что их раны и порезы, ссадины и ушибы сами собой зажили и сил против прежнего прибавилось. Наконец они добрались до уступа возле того самого высокого обрубка; вскочили и обернулись спиной к взгорью, передохнули немного и поглядели на восток. Стало видно, что они прошли по лесу всего лишь три или четыре мили: судя по верхушкам деревьев, никак не больше. От опушки вздымался черный дым, крутясь и стремясь вслед за ними.

— Переменился ветер,—сказал Мерри.—Снова дует с востока. Холодно здесь.

— Да, холодно,—сказал Пин.—И вообще: вот погаснет солнце, и все снова станет серое-серое. Жалость какая! Лес прямо засверкал под солнцем в своих ветхих обносках. Мне уж даже показалось, что он мне нравится.

— Даже показалось, что Лес ему нравится, ах ты, скажите на милость! — произнес чей-то неведомый голос.— Ну-ка, ну-ка, обернитесь, дайте я на вас спереди посмотрю, а то вот вы мне прямо-таки совсем не нравитесь, сейчас не торопясь порассудим да смекнем, как с вами быть. Давайте, давайте обернемся-ка!

На плечи хоббитам легли долгопалые корявые ручищи, бережно и властно повернули их кругом и подняли к глазам четырнадцатифутового человека, если не тролля. Длинная его голова плотно вросла в кряжистый торс. То ли его серо-зеленое облачение было под цвет древесной коры, то ли это кора и была—трудно сказать, однако на руках ни складок, ни морщин, гладкая коричневая кожа. На ногах по семь пальцев. А лицо необыкновеннейшее, в длинной окладистой бороде, у подбородка чуть не ветвищейся, книзу мохнатой и пышной.

Но поначалу хоббиты заметили одни лишь глаза, оглядывавшие их медленно, степенно и очень пронзительно. Огромные глаза, карие с прозеленью. Пин потом часто пытался припомнить их въяве: «Вроде как заглянул в бездонный колодезь, переполненный памятью несчетных веков и долгим, медленным, спокойным раздумьем, а поверху искристый блеск, будто солнце золотит густую листву или мелкую рябь глубокого озера. Ну вот как бы сказать, точно земля проросла древесным порождением и оно до поры дремало или мыслило сверху донизу, не упуская из виду ни корешочка, ни лепестка, и вдруг пробудилось и осматривает тебя так же тихо и неспешно, как издревле растило самого себя».

— Хррум, хуум,—прогудел голос, густой и низкий, словно контрабас.—Чудные, чудные дела! Торопиться не будем, спешка нам ни к чему. Но если бы я вас увидел прежде, чем услышал—а голосочки у вас ничего, милые голосочки, что-то мне даже как будто напоминают из незапамятных времен,—я бы вас попросту раздавил, подумал бы, что вы из мелких орков, а уж потом бы, наверно,

огорчался. Да-а, чудные, чудные вы малыши. Прямо скажу, корни-веточки, очень вы чудные.

По-прежнему изумленный Пин бояться вдруг перестал. Любопытно было глядеть в эти глаза, но вовсе не страшно.

— А можно спросить,— сказал он,— а кто ты такой и как тебя зовут?

Глубокие глаза словно заволокло, они проблеснули хитровой искринкой.

— Хррум, ну и ну,— пробасил голос,— так тебе сразу и скажи, кто я. Ладно уж, я—онт, так меня называют. Так вот и называют—онт. По-вашему если говорить, то даже не онт, а Главный Онт. У одних мое имя—Фангорн, у других—Древень. Пусть будет Древень.

— Онт?—удивился Мерри.— А что это значит? Сам ты как себя называешь? Как твое настоящее имя?

— У-у-у, ишь вы чего захотели!—насмешливо прогудел Древень.— Много знать будете—скоро состаритесь. Нет уж, с этим не надо спешить. И погодите спрашивать—спрашиваю-то я. Вы ко мне забрели, не я к вам. Вы кто такие? Прямо сказать, ума не приложу, не упомяну вас в том древнем перечне, который заучил наизусть молодым. Но это было давным-давно, может статься, с тех пор и новый перечень составили. Погодите-ка! Погодите! Как бишь там, а?

Слух преклони к изначальному Перечню Суших!
Прежде поименуем четыре свободных народа:
Эльфы, дети эфира, встречали зарю мироздания;
Горные гномы затем очнулись в гранитных пещерах;
Онты-опекуны явились к древесным отарам;
Люди, лошадиники смелые, смертный удел обрели.

Хм, хм, хм-м-м...

Бобр—бодрый строитель, баран быстроног и брыклив,
Вепрь—свирепый вонитель, медведь—сластена-мохнач,
Волк вечно с голоду воеет, заяц-затейник пуглив...

Хм, хм-м-м...

Орлы—обитатели высей, буйволы бродят в лугах,
Ворон—ведуи чернокрылый, олень осеней венцом,
Лебедь, как лилия, бел, и, как лед, холоден змеей...

Н-да, хм-хм, хм-хм-хм, как же там дальше? Там-тарарам-татам и татам-тарарам-там-там. Неважно, как дальше, вас все равно там нет, хотя список и длинный.

— Вот так и всегда нас выбрасывали из списков и выкидывали из древних легенд,— пожаловался Мерри.— А мы ведь не первый день живем на белом свете. Мы—хоббиты.

— Да просто надо вставить!— предложил Пин.

Хоббит хоть невелик, но хозяин хорошей норы— ну, в этом роде. Рядом с первой четверкой, возле людей, Громадин то есть,— и дело с концом.

— Хм! А что, неплохо придумано, совсем неплохо!— одобрил Древень.— Пожалуй, так и будем соображать. Вы, значит, в норках живете? Хорошее, хорошее дело. М-да, а кто же это вас называет хоббитами? Звучит, знаете ли, не по-эльфийски, а все старинные имена придумали эльфы: с них и началось такое обыкновение.

— Никто нас хоббитами не называет, мы сами так себя зовем,— сказал Пин.

— У-гу-гу, а-га-га! Ну и ну! Вот заторопились! Вы себя сами так называете? Ну и держали бы это про себя, а то что же— вот так бряк первому встречному. Эдак вы невзначай и свои имена назовете.

— А чего тут скрывать?— засмеялся Мерри.— Если уж на то пошло, так меня зовут Брендизайк, Мериадок Брендизайк, хотя вообще-то называют меня просто Мерри.

— А я—Крол, Перегрин Крол, и зовут меня Пин, короче уж просто некуда.

— Эге-ге, да вы и впрямь, как я погляжу, сущие торопыги,— заметил Древень.— Что вы мне доверяете, за это спасибо, но вы бы лучше поосторожнее. Разные, знаете, бывают онты; а вернее сказать, онты онтам рознь, со всеми всякое бывает, иные, может, вовсе и не онты, хотя, по правде сказать, похожи, да, очень похожи. Я буду, если позволите, звать вас Мерри и Пин— хорошие имена. Но свое-то имя я пока что вам не скажу— до поры до времени незачем.— И зеленый проблеск насмешки или всеведения мелькнул в его глазах.— Начать с того, что и говорить-то долговато: имя мое росло с каждым днем, а я прожил многие тысячи лет, и длинный получился бы рассказ. На моем языке, по-вашему, ну скажем, древнеонтском, подлинные имена рассказывают, долго-долго. Очень хороший, прекрасный язык, однако разговаривать на нем трудно, и долго надобно разговаривать, если стоит поговорить и послушать.

Ну а если нет,—тут его глаза блеснули здешним блеском и как бы немножко сузились, проницая,—тогда скажите по-вашему, что у вас нынче творится? И вы тут при чем? Мне отсюда кое-что и видно, и слышно (бывает, и унюхаете же)—ну отсюда, с этой, как ее, с этой, прямо скажу, *а-лалла-лалла-румба-каманда-линд-ор-буруме*. Уж не взыщите: это малая часть нашего названия, а я позабыл, как ее называют на других языках,—словом, где мы сейчас, где я стою погожими утрами, думаю, как греет солнце, как растет трава вокруг леса, про лошадей думаю, про облака и про то, как происходит жизнь. Ну так как же? При чем тут Гэндальф? Или эти—*бурарум*,—точно лопнула контрабасная струна,—эти орки, что ли, и молодой Саруман в Изенгарде? Новости я люблю. Только без всякой спешки.

— Большие дела творятся,—сказал Мерри.—И как ни крути, а долгонько придется нам тебе о них докладывать. Ты вот нас просишь не спешить—так что, может, и правда спешить не будем? Не сочти за грубость, только надо бы тебя сперва спросить, как думаешь с нами обойтись, на чьей ты вообще-то стороне? Ты что, знаешь Гэндальфа?

— А как же, знаю, конечно: вот это маг так маг—один, который по-настоящему о деревьях заботится. А вы его тоже знаете?

— Очень даже знали,—печально выговорил Пин.—Он и друг наш был, и вожатый.

— Тогда отвечу и на другие ваши вопросы,—сказал Древень.—«Обходиться» я с вами никак не собираюсь: обижать вас, что ли? Нет, зачем же. Может, у нас вместе с вами что-нибудь да получится. А насчет «сторон», простите, даже и в толк не возьму. У меня своя, ничья сторона: хорошо, коли нам с вами окажется по дороге. Да, а про Гэндальфа вы почему так говорили, будто его уж и в живых нет?

— Нет его в живых,—угрюмо сказал Пин.—Вроде бы и надо жить дальше, а Гэндальфа с нами уж нет.

— Ого-го, ничего себе,—сказал Древень.—Хум, хм, вот тебе и на.—Он примолк и поглядел на хоббитов.—Н-да, ну извините, не знаю, что и сказать. Дела, дела!

— Захочешь подробнее, мы тебе и подробнее расскажем,—пообещал Мерри.—Только это много времени займет. Ты опусти-ка нас на землю, а? Посидим, погреемся

на солнышке, пока оно не спряталось. Устал, поди, держать-то нас.

— Хм, устал, говоришь? Нет, я не устал. Со мной такого почти что не бывает. И сидеть я не охотник. Я, как бы сказать, сгибаться не люблю. Но солнце и правда норовит спрятаться. Давайте-ка уйдем с этой—как вы ее называете?

— С горы, что ли?—предположил Пин.

— С уступа, с лестницы?—не отстал Мерри.

Древень медленно и задумчиво взвесил предложенные слова.

— Ну да, с горы. Вот-вот. Слово-то какое коротенькое, а она ведь здесь стоит спокон веков. Ну ладно, ежели вам так понятней. Тогда пошли, уйдем отсюда.

— Куда уйдем-то?—спросил Мерри.

— Ко мне домой, домов у меня хватает,—отвечал Древень.

— А далеко это?

— Вот уж не знаю. По-вашему, может, и далеко. А какая разница?

— Видишь ли, мы ведь чуть не нагишом остались,—извинился Мерри.—Еды и той почти что нет.

— А! Хм! Ну, это пустяки,—сказал Древень.—Я вас так накормлю-напою, что вам только расти да зеленеть. А если наши пути разойдутся, я вас доставлю куда захотите, на любую свою окраину. Пошли, пошли!

Бережно и плотно примостив хоббитов на предплечьях, Древень переступил огромными ногами и оказался у края уступа. Пальцы ног его впивались в камень, точно корни. Осторожно и чинно прошел он по ступеням и углубился в лес.

Широкими, ровными шагами шествовал он напрямик сквозь чащу, не отдаляясь от реки, все выше по лесистому склону. Из деревьев многие словно дремали, не замечая его: ступай, мол, своей дорогой; но были и такие, что с радостным трепетом вздымали перед ним ветви. Он шел и разговаривал сам с собой, и долгий, мелодичный поток странных звуков струился и струился мимо ушей.

Хоббиты помалкивали. Им почему-то казалось, что пока все более или менее в порядке, и надо поразмыслить,

прикинуть на будущее. Пин наконец решился и заговорил.

— Древень, а Древень,—сказал он,—можно немного поспрашивать? Вот почему Келеборн не велел к тебе в Лес соваться? Он сказал нам, мол, берегитесь, а то мало ли.

— Н-да-а, вот что он вам сказал?—прогудел Древень.—Ну и я бы вам то же самое сказал, иди вы от нас обратно. Да, сказал бы я, вы поменьше плутайте, а главное—держитесь подальше от кущей Лаурелиндоренана! Так его встарь называли эльфы; нынче-то называют короче, Кветлориэн нынче они его называют. Так-то вот: звался Золотозвончатой Долиной, а теперь всего лишь Дремлюцвет, если примерно по-вашему. И недаром, должно быть: ихнему бы краю цвести да разрастаться, а он, гляди-ка, чахнет, он все меньше и меньше. Ну, словом, неверные те места, и не след туда забредать, вовсе даже незачем, ни вам, ни кому другому. Вы оттуда выбрались, а зачем туда забрались, пока не знаю, и такого что-то ни с кем, сколько помню, не бывало. Да, неверный край.

Наши места тоже, конечно, хороши. Худые здесь случались дела со странниками, ох, худые, иначе не скажешь. М-да, от нас не выберешься: *Лаурелиндоренан линдолорендор малинофнелион орнемалин*,—как бы нехотя произнес он.—За Кветлориэном они, похоже, уж и света белого не видят. Келеборн застрял в своей юности, а с тех пор что у нас, что вообще за опушками Златолесья много чего переменялось. Но все же верно, что

Таурелиломеа-тумбалеморна Тумбалетауреа Ломеанор, это да, это как и прежде. Да-да, многое переменялось, однако же это по-прежнему, хоть и не везде.

— Ты это о чем?—спросил его Пин.—Что не везде?

— Деревья с онтами, онты и деревья,—ответствовал Древень.—Сам-то я не очень понимаю, что происходит, и не смогу, наверно, толком объяснить. Однако попробую: вот некоторые из нас как были онты, так и есть, и живут по-положенному; а другие прижались, вроде бы одеревенели, что ли. Деревья—наоборот, они все больше деревья как деревья, а некоторые, и очень таких многовато, пробуждаются. Иные даже и совсем пробудились: из этих кое-какие ни дать ни взять онты, хотя куда им до онтов. Да, дела, что ни говори.

Вот тебе дерево: растет-зеленеет как ни в чем не бывало, а сердцевина-то у него гнилая. Дровесина—нет,

древесина добротная, я не о том. Да взять те же древние ивы у нижнего тока Онтавы: их уж нет теперь, только в моей памяти навечно остались. Совсем они прогнили изнутри, держались еле-еле, а были тихие и простые, мягкие и легкие, что твой весенний листочек. И есть, наоборот, деревья в предгорьях—ядренные, как орех, а на поверку—дрянь дрянью. Сушая это зараза. Нет, правда, пожалуй что, очень опасно к нам зазря забредать. Есть у нас черные, угрюмые лощины, как были, так и есть.

— Вроде как там на севере, в Вековечном Лесу?— робко осведомился Мерри.

— Ну да, ну да, вроде как там, только гораздо хуже, чернее. Оно конечно, Великая Тьма и там, на севере, обрушилась, и там у вас тоже дурной памяти хватает. Только у нас кое-где Тьма изначально как лежала, так и лежит, а деревья-то иной раз постарше меня. Ну, мы, конечно, делаем, что можем. Отгоняем чужаков, не подпускаем кого не надо, учим и умудряем, выхаживаем и ухаживаем.

Мы, онты, издревле назначены древопасами. Теперь нас маловато осталось. Говорят, пастух и овца преподобны с лица, но и это вовсе не сразу, а жизнь им отмерена короткая. Зато онты с деревьями—живое подобие друг друга: века они обвыкают рядом. Ведь онты, они вроде эльфов: сами себе не слишком-то и любопытны, не то что люди, и уж куда лучше людей умеют вникать в чужие дела. И однако же люди нам, может, и больше сродни: мы, как бы сказать, переменчивей эльфов, видим снаружи, не только изнутри. Вообще-то что эльфы, что люди нам не чета: онты тверже ходят и дальше смотрят.

Кое-кто из моей близкой родни совсем уж одеревенел, им хоть в ухо труби, а сами только шепотом и разговаривают. Но есть и деревья, которые разогнулись, и с ними у нас идет разговор. Разговор, конечно, эльфы завели: они, бывало, будили деревья, учили их своему языку и учились по-ихнему. Древние эльфы, они были такие, им лишь бы разговоры выдумывать—ну со всеми обо всем говорили. А потом пала Великая Тьма, и они уплыли за Море или обрели приют в дальних краях, там сложили свои песни о веках невозвратных. Да, о невозвратных веках. В те давние времена отсюда до Лунных гор тянулся сплошной лес, а это была всего лишь его восточная опушка.

То-то было времечко! Я распевал и расхаживал день за днем напролет, гулким эхом вторили моему пению лесистые доли. Тогдашний лес походил на Кветлориэн, однако ж был гуще, мощнее, юнее. А какой духовитый был воздух! Я, помню, стоял неделями и надышаться не мог.

Древень примолк, вышагивая размашисто и бесшумно, потом снова забормотал, бормотание стало напевом, в нем зазвучали слова, и хоббиты наконец расслышали обращенное к ним песнопение:

У ивняков Тасаринена бродил я весенней порой.
О пряная свежесть весны, захлестнувшей Нантасарнион!
И было мне хорошо.
К вязам Оссиранда на лето я уходил.
О светлый простор Семиречья, о звонкоголосица вод!
И радостней мне не бывало.
А осенью я гостил в березняках Нелдорета.
О Таур-на-Нелдор в осеннем, златобагряном уборе!
Я не видел прекрасней тебя.
На взгорьях Дортоннона я встречал холода.
О ветер, о белоснежье, о зимний Ород-на-Тхон!
И я возвысил голос и восславил творенье.
А теперь эти древние земли сокрылись на дне морском,
Остались мне Амбарон, Тауреморне и Аладоломэ,
Брожу по своим краям и обхожу свой Фангорн,
Где корни впились глубоко-глубоко,
Где годы слежались, как груды палой листвы,
У меня, в Тауреморналомэ.

Отзвучали медленные слова; Древень шествовал молча, а кругом стояла непроницаемая тишь.

День померк, и дымкой окутывались деревья у корней. В вышине возникли из полусвета и надвинулись темные взлобья: они подошли к южной оконечности Мглистых гор, к зеленым подножиям великана Метхедраса. От высокогорных истоков неслась по уступам и прыгала с круч шумливая, резвая Онтава. По правую руку тянулся отлогий, сумеречно-серый травянистый склон. Ни деревца на нем, сливавшемся с облачными небесами; уже мерцали из бездонных промоин ранние звезды.

Древень пошел вверх по склону, почти не сбавляя шага. Внезапно, хоббитам на изумление, гора расступилась.

Два высоких дерева явились по сторонам прохода, точно неподвижные привратники, но никаких ворот не было, вход преграждали лишь переплетенные ветви. Перед старым онтом ветви разомкнулись и поднялись, приветственно всплеснув листвою. темной, крупной, вечнозеленой; она лоснилась в тусклом сумраке. Открылась широкая травяная гладь — пол горного чертога с наклонными стенами-скалами высотой до полусотни футов; вдоль стен, крона за кроной, выстроились густолиственные стражи.

Дальней стеной чертога служила отвесная скала, прорезанная сквозной аркой — входом в сводчатый внутренний покой; остальной чертог от небосвода заслоняли одни воздетые ветви, и деревья так столпились возле арки, что видна была только широкая входная тропа. От реки оторвался ручеек и, угодив на отвесную скалу над аркой, расструился, затенькал, сделался серебристой занавесью. Внизу вода стекалась в каменный водоем, осененный деревьями, и, переполняя его, бежала к откосу, а там опять становилась ручьем, и мчалась вниз, и догоняла Онтаву в лесистых предгорьях.

— Кгм! Ну вот и пришли! — промолвил Древень, прерывая долгое молчание. — Отмерили мы с вами тысяч эдак семьдесят моих, онтских шагов, а сколько это будет вашим счетом, того не ведаю. Словом сказать, мы у гранитных корневищ Последней горы. Как это место называется? Ну, если маленький кусочек его названия перевести на ваш язык, то оно, пожалуй что, называется Ключищи. Я здесь люблю бывать. Здесь и переночуем.

Он опустил хоббитов на травяной ковер, и они побежали вслед за ним к дальней арке. Снизу им стало видно, как он шагает, почти не сгибая колен, впиваясь в землю широкими пальцами, а потом уж опускаясь на всю ступню.

Древень постоял под струистой завесой, глубоко-глубоко вздохнул, рассмеялся и вошел в покой. Там стоял большой каменный стол, но никаких сидений возле него не было. Из углов ползла темнота. Древень поставил на стол две каменные чаши, должно быть с водой, повел над ними ладонями, и одна засветилась золотым, другая — темно-зеленым светом. Покой озарился, по стенам и своду

забегали зелено-золотые блики, точно лучистое летнее солнце пронизывало молодую листву. Хоббиты огляделись и увидели, что стали светиться деревья во всем чертоге, сначала чуть-чуть, а потом все ярче, и наконец всякий лист оделся ореолом — зеленым, золотым, медно-красным, а стволы казались колоннами, изваянными из прозрачного камня.

— Ладно, теперь и поговорим, — сказал Древень. — Только вам ведь, наверно, пить хочется. А может, вы, чего доброго, и устали. Ничего, сейчас освежитесь!

Он отошел в угол, в цветной полумрак: там обнаружили высокие корчаги с массивными крышками. Древень поднял и отложил крышку, запустил в корчагу черпак и наполнил три кубка, один огромный и два маленьких.

— В домах у онтов, — сказал он, — сидений не бывает. Так что вы давайте садитесь пока что на стол.

Он разом поднял обоих хоббитов и посадил их на гранитную плиту футах в шести над землей; они сидели, болтали ногами и прихлебывали из кубков.

В кубках была вода, на вкус вроде такая же, как из Онтавы близ опушки, но был в ней другой, какой-то несказанный привкус и запах, точно вдруг повеял свежий ночной ветерок и пахнуло дальним лесом. От пальцев ног свежая, бодрящая струя разлилась по всему телу, аж до корней волос. Да и волосы взаправду шевельнулись, стали расти, виться, курчавиться. А Древень пошел за арку к водоему и подержал ноги в воде, потом вернулся, взял наконец свой кубок и опорожнил его одним долгим, прямо-таки нескончаемым глотком.

И поставил на стол пустой кубок.

— У-ух, а-ах, — выдохнул он. — Гм, кгм, мда-а, поговорим. Слезайте, садитесь на пол, а я прилягу, чтоб мне питье-то в голову не бросилось, не заснуть бы.

У правой стены была большая кровать фута два вышиной, застланная сеном и хворостом. Древень медленно опустился на нее, чуть-чуть прогнувшись посредине, и улегся в свое удовольствие, заложив руки за голову и глядя в потолок, на цветные зайчики. Мерри с Пином пристроились возле него на пышных копнах.

— Давайте рассказывайте, только без спешки! — приказал Древень.

И хоббиты принялись рассказывать с самого начала, с тех самых пор, как они покинули Норгорд. В рассказе их не было порядка, они все время перебивали друг друга, да и Древень то и дело останавливал рассказчика вопросами о том, что было раньше и что случилось после. Про Кольцо они ни слова не сказали, не сказали и о том, зачем они пустились в путь и куда направлялись.

А он ужас как любопытствовал обо всем: выпрашивал и про Черных Всадников, и про Элронда, и про Раздол, про Вековечный Лес, Тома Бомбадила, копи Морин, про Кветлориэн и про Владычицу Галадриэль. Хоббитанию, Норгорд и вообще свои места им пришлось описать не один раз. Древень слушал-слушал, а потом вдруг спросил:

— Вы там у себя не видели, кгм, онтов, нет? Онтов-то нет, я не о том, онтицы вам не встречались?

— Онтицы? — удивился Пин. — Они какие, вроде тебя?

— Ну да, вроде меня, хотя, кгм, нет, не вроде. Пожалуй что, уж и не помню, какие они, — задумчиво проговорил Древень. — Но им бы ваши края понравились, я потому и спросил.

Особенно же он любопытствовал насчет Гэндальфа и еще того пуще — про Сарумана и про все его дела. Хоббиты переглядывались и огорчались, что так мало об этом знают: только со слов Сэма, что говорилось на Большом Совете, что Гэндальф сказал. Одно они знали точно: Угрук со всей его сворой — изенгардцы, и хозяин их — Саруман.

— Гм, кгм! — сказал Древень, когда их рассказ кое-как подошел к концу и они наперебой повествовали о битве орков с ристанийскими конниками. — Н-да, нечего сказать, целая груда у вас новостей. Рассказали вы мне, конечно, не все, чего там, очень много пропустили, это сразу видно, н-да. Ну, Гэндальф вам, наверно, так бы и велел. У вас там, видать, большие дела творятся, большие, н-да, а что за дела, узнается в свое время, лишь бы не позже. Ах ты, корни-веточки, вот ведь штука: откуда ни возмись, явился народец, даже и в перечень не занесенный, и вот поди ж ты! Про Девятерых все давно уж и позабыли, кто они такие, а они объявились и гонятся за малышами; Гэндальф зачем-то берет малышей с собой в дальний путь, Галадриэль дает им приют в Карас-Галадхэне, орки гоняются за

ними по голой степи—н-да, попали детки в большую переделку. Теперь только держись!

— А ты-то с кем?— рискнул спросить Мерри.

— Кгм, гм, мне дела нет до ваших Великих Войн,— отвечал Древень.— Пусть их люди с эльфами разбираются, как умеют. Туда же и маги: чародействуют, хлопочут, о будущем пекутся. Меня будущее не касается. И я—ни с кем, со мной-то ведь, соображайте, никого нет, верно? Моя забота—Лес, а нынче кто о Лесе заботится? Бывало, эльфы заботились, да эльфы давно уж не те. Все же если с кем бы то ни было, так, пожалуй, с эльфами: они ведь нас когда-то излечили от немоты, а такое не забывается, хоть и выпали нам разные пути. Н-да, и уж само собой, не по пути мне со всякой мразью, вроде этих, эти-то враги всегдашние—(*«бурарум»*,—сердито пророкотал он на своем языке)—орки-то эти, и их хозяева тоже.

Когда они захватили Лихолесье, я встревожился, а потом они убралась в Мордор, и я думать о них забыл. Мордор—вон он где, далеко Мордор. Конечно, ежели повеет страшным ветром с востока, то и от лесов ничего не останется. Что тут делать старому онту? Погибай, либо уж как-нибудь.

Однако же вот Саруман! Саруман—наш сосед. Это так оставить нельзя. Надо, наверно, что-то делать. Я уж и то все время думал: как быть с Саруманом?

— А Саруман, он—кто?—спросил Пии.—Ты про него-то много ли знаешь?

— Саруман, он—маг,—объяснил Древень.—Маг, да и все тут. Мало я про них знаю, про магов. Маги эти объявились, когда из-за Моря приплыли большие корабли: может, на кораблях они к нам приехали, а может, и нет, дело неясное. Саруман, помнится, был у них в большом почете. Поначалу он все разгуливал там да сям и совался не в свои дела, в людские и в эльфийские, а потом перестал соваться—давным-давно перестал, вам и не объяснить когда,—и облюбывал крепость Ангреност, по-ристанийски Изенгард. Держал себя тише тихого, а прославился на все Средиземье. Его, говорят, выбрали главою Светлого Совета, ну и, наверно, зря выбрали. Я уж теперь думаю, не тогда ли он стал склоняться ко злу. Однако соседей он до поры до времени никак не задевал. Любил со мной потолковать, по нашим местам гуляючи.

Он прежде был учтивый, на все у меня позволения спрашивал, ежели мы встречались, и слушал в оба уха. Много я ему тогда порассказал такого, что сам бы он в жизни не выведал; а он держал язык на привязи. Ни разу не разговорился. Дальше—больше: и глаза-то его, как мне помнится (а давненько же я его не видел), стали ни дать ни взять окна в каменной стене, да-да, занавешенные окна.

Теперь-то мне, пожалуй, и понятно, чего ему надо. Власти ему надо, всемогущества. В голове у него одни колесики да винтики, а живое—глядишь, на что и сгодится, а нет—пропадай. Понятно, понятно; предатель он, не иначе. Это ж надо, с орками связался, всякая дрянь у него под началом. Бр-р-р, кгм! Да нет, еще того хуже, он и с ними как-то там чародействует, черные дела творит. Изенгардцы по вашим рассказам выходят не просто орки, а злодеи на людскую статью. Злыдням и нежити, отродью Великой Тьмы, дневной свет невоготу; а Сарумановы новоявленные орки хоть и злобствуют, да терпят. Что же это такое он там намудрил? Людей, что ли, испортил или орков обчеловечил? Хуже мерзости не придумаешь!

Древень бурчал и рокотал, точно про себя предавал Сарумана неизбывному, земляному, онтскому проклятию.

— То-то я в толк не возьму, с чего это орки так осмелели и средь бела дня шляются у меня по Лесу. Давеча только я додумался, что виною тут Саруман: он давным-давно разведal все лесные тропинки, а я, дурак, раскрывал ему здешние тайны. Вот он теперь и хозяйничает со своими сворами. Деревьев на опушках порубили видимо-невидимо—а хорошие были деревья. Много оставлено бревен—пусть, мол, гниют сорокам на радость, а еще больше оттащили в Изенгард, на растопку тамошних печей. Нынче Изенгард все время дымится.

Да чтоб ему сгнуться от корня до последней веточки! Я с этими порубленными деревьями дружил, я их многих помнил с малого росточка, и голоса их помню, а теперь их нет, как и не было. Где была звонкая чаща, там торчат пни и стелется кустарник. Нет, я, видать, проморгал. Запустил я свои дела. Хватит!

Древень рывком встал с постели, распрямился и ударил кулаком по столу. Огненные чаши вздрогнули и выплеснули цветное пламя. Глаза его тоже сверкнули зеленым огнем, и борода вздыбилась пышной метлою.

— Нет уж, хватит! — загудел он. — И вы со мной пойдите. Глядишь, чем и поможете. Не мне, а своим друзьям: им-то, в Ристании и Гондоре, каково, ежели враг и спереди, и с тыла. Пока пойдем вместе — на Изенгард!

— Да, мы пойдем с тобой, — согласился Мерри. — И попробуем быть тебе не в тягость.

— Непременно пойдем! — подхватил Пин. — И с ихней Белой Дланью обязательно разделаемся. На что другое, а на это я погляжу, пусть от меня и не будет толку. Углука я не забуду, и как мы бежали — тоже.

— Вот и ладно, и не забывай! — сказал Древень. — Но слова мои были поспешные, а торопиться не надо. Разгорячился я. Надо успокоиться и подумать, а то ведь легко сказать «хватит»! Кому хватит, а кому и нет. Разберемся!

Он пошел под арку и постоял под струйчатой занавесью. Потом рассмеялся и встряхнулся, разбрызгивая зеленые и алые капли. Подумал, возвратился, лег на постель и лежал молча.

Вскоре хоббиты услышали, как он забормотал. И вроде бы считал на пальцах.

— Фангорн, Финглас, Фладриф, ага, всего-то, — вздохнул он. — Н-да, маловато нас осталось, вот в чем печаль. — И обратился к слушателям: — Только трое осталось из тех, что бродили, пока не обрушилась Великая Тьма, ну да, трое: я, Фангорн, а еще Финглас и Фладриф — это их эльфийские имена; можете называть их Листвень и Вскорень, если вам так больше нравится. И вот из нас-то из троих Листвень и Вскорень уже никуда не годятся. Листвень заспался, совсем, можно сказать, одеревенел: все лето стоит и дремлет, травой оброс по колено. И весь в листьях, лица не видать. Зимой он, бывало, встрепенется, да теперь уж и зимой шелохнуться лень. А Вскорень облюбовал горные склоны к западу от Изенгарда — самые, надо сказать, ненадежные места. Орки его ранили, родичей перебили, от любимых деревьев и пней не осталось. И ушел он наверх, к своим милым березам; теперь там и живет, и оттуда его не выманить. А все ж таки, сдается мне, молодых-то я, может, и наберу — вот только объяснить бы им, чтобы поняли, поддеть бы их как-нибудь, а то ведь мы ох

как тяжелы на подъем. Экая жалость, что нам счет чуть ли не по пальцам!

— А почему по пальцам, вы же здесь старожилы? — удивился Пин. — Умерли, что ли, многие?

— Да нет! — сказал Древень. — Как бы это вам сказать: сам по себе никто из нас не умер. Ну, бывали, конечно, несчастья, за столько-то лет, а больше одеревенели. Нас и так-то было немного, а поросли никакой. Онтят не было — ну, детишек, по-вашему, — давным-давно, с незапамятных лет. Онтицы-то ведь у нас сгинули.

— Ой, прости, пожалуйста! — сказал Пин. — Прямо все до одной перемерли?

— Не перемерли они! — чуть не рассердился Древень. — Я же не сказал «перемерли», я сказал «сгинули». Запропалились невесть куда, никак не отыщутся. — Он вздохнул. — Я думал, все об этом знают, сколько песен про это: и эльфы их пели, и люди, от Лихолесья до Гондора, — как онты ищут онтиц. Надо же, совсем уж все позабыли.

— Вовсе мы ничего не забыли, — возразил Мерри. — Просто к нам, в Хоббитанию, песни из-за гор не дошли. Ты вот возьми да расскажи поподробнее, как было дело, а заодно и песню бы спел, какая лучше помнится. Расскажи, а?

— Ладно уж, расскажу и даже, так и быть, спою, — согласился явно польщенный Древень. — Поподробнее-то рассказывать некогда, придется покороче: время позднее, а завтра надо совет держать, заводить большой разговор, да, глядишь, и в путь собираться.

— Чудно об этом вспоминать и грустно рассказывать, — вымолвил он, призадумавшись. — В ту изначальную пору, когда повсюду шумел и шелестел дремучий Лес без конца и края, жили да были онты и онтицы, онтики и онтинки, и тогда, в дни и годы нашей давней-предавней юности, не было краше моей Фимбретили, легконогой Приветочки, — где-то она, ах, да! Да! Так вот, онты и онтицы вместе ходили-рассказывали, вместе ладили жилье. Однако же сердца их бились вразлад: онты полюбили сущее в мире, а онтицы возжелали иного; онтам были в радость высокие сосны, стройные осины, густолесье и

горные кручи, пили они родниковую воду, а ели только паданцы. Эльфы стали их наставниками, и на эльфийский лад завели они беседы с деревьями. А у онтиц под опекой были деревья малые, и радовали их залитые солнцем луговины у лесных подножий; лиловый терновник проглядывал в зарослях, брезжил по весне вишневый и яблоневый цвет, летом колыхались пышные заливные луга, и клонились потом осенние травы, рассеивая семена. Беседовать с ними у онтиц нужды не бывало: те лишь бы слышали, что им велят, и делали, что велено. Онтицы-то и велили им расти как надо, плодоносить как следует; им, онтицам, нужен был порядок, покой и изобилие (ну, то есть нужно было, чтобы все делалось по-положенному). И онтицы устроили роскошные сады. А мы, онты, по-прежнему расхаживали да скитались и только иногда, редко навещали ихние сады. Потом Тьма заполонила север, и онтицы ушли за Великую Реку, разбили там новые сады, распахали новые поля, и совсем уж редко мы стали видаться. Тьму одолели, и тогда еще пышнее расцвела земля у наших подруг, и не бывало изобильнее их урожаев. Разноплеменные люди переняли их умения, и онтицы были у них в большом почете; а мы словно бы исчезли, ушли в полузабытую сказку, стали темной лесной тайной. Однако же мы вот они, а от садов наших онтиц и следа не осталось. Люди называют тамошние места Бурями Равнинами, Бурятьем.

И вот еще помню, как сейчас, а сколько времени прошло—когда Заморские Рыцари взяли в плен Саурана, очень мне захотелось повидать Фимбретиль. Я ее помнил все такой же красавицей, хотя в последний раз она была вовсе не та, что в былые времена. И немудрено: они ведь трудились не покладая рук, стали сутулыми и смуглыми, волосы у них выцвели под солнцем, а щеки задубели яблочным румянцем. Но все же глаза у них наши—наши, зеленые глаза. Мы пересекли Андун, мы явились в тамошний край и увидели пустыню, изувеченную промчавшейся войной. И не было там наших онтиц. Мы их звали, мы их долго искали и спрашивали всех, кто нам ни попадался. Одни говорили, что не видали, другие—что видели, как они уходили на запад, на восток, а может, и на юг. Туда и сюда мы ходили: не было их нигде. Очень нам стало горько. Но Лес позвал нас обратно, и мы вернулись

в любимое густолесье. Год за годом выходили мы из Леса и звали наших подруг, выкликали их милые, незабвенные имена. А потом выходили все реже, и выходили недалеко. Теперь наших онтиц как и не было, только и остались, что у нас в памяти, и отросли у нас длинные седые бороды. Много песен сложили эльфы про то, как мы искали наших подруг; потом и люди переиначили эльфийские песни. Мы об этом песен не слагали, мы про них помнили и напевали их древние имена. Наверно, мы с ними все-таки встретимся, и, может быть, еще отыщется край, где мы заживем вместе. Однако же предсказано другое, что мы воссоединимся, потерявши все, что есть у нас теперь. Нынче, кажется, к тому и дело идет. Тот Саурон, прежний, выжигал сады, а нынешний Враг, похоже, все леса норовит извести под корень.

Н-да, и вот эльфы давным-давно сложили про все про это одну такую песню. Пели ее всюду по берегам Великой Реки. Эльфийская это песня: мы бы не так пели, наша была бы очень длинная, чересчур даже длинная, пожалуй. Но эту-то, эльфийскую, мы все помним наизусть. По-вашему вот она как будет:

ОНТ. Березы оделись прозрачной листвою и вешним
соком полны,
Резвится и блещет лесной поток, прыгая
с крутизны,
Шагается вольно, ветер свеж, рокошет эхо
в горах —
Скорей, скорей возвращайся ко мне, в веселый
весенний край!

ОНТИЦА. Весна залила поля и луга, расплеснулась зеленой
волной,
В цвету, как в снегу, блистают сады серебряной
белизной,
Брызжет солнце и плещут дожди, чтоб жажду земли
утолить.
Зачем же я возвращусь к тебе из своих цветущих
долин?

ОНТ. Простерся и млеет летний покой, золотистый,
знойный, дневной,
Под лиственным кровом лесные сны бредут чудной
чередой,
В прохладных чертогах зеленая тишь, и западный
веет ветер —

Приди же ко мне! Возвратись ко мне!

Здесь лучше всего на свете!

ОНИЦА. Вызревают в летнем тепле плоды, и ягоды все
 смуглей,
 Золотые снопы и жемчуг зерна вот-вот повезут
 с полей,
 Наливаются яблоки, соты в меду, и пусть веет
 западный ветер—
 Я к тебе не вернусь ни за что: у меня лучше
 всего на свете!

ОНТ. Но грянет сумрачная зима, и мертвенной станет
В древесном треске беззвездная ночь поглотит
Ветер с востока все омертвит, обрушится черный
И сам я тогда разыщу тебя, если ты сама

ОНИЦА. Небывалой зимой обомрут поля, кладбищами лягут сады,
Заглохнут песни, и смех отзвучит, и сгинут наши труды.
Тогда бывшее явится вновь, и мы друг друга найдем
И вместе пойдем в подзакатный край
ОБА. под черным, злобным дождем!
Мы вместе пойдем заповедным путем за дальние рубежи,
И нам откроется новый край, и снова заблещет жизнь.

Древень допел и примолк.

— Да, вот такая песня,—сказал он погодя.— Эльфийская, это само собой: траля-ля-ля, словцо за словцом, раз-два, и дело с концом. Однако же неплохо сочинили, ничего не скажешь. Только онтов малость обидели: очень уж коротко они говорят. Н-да, ну ладно, я, пожалуй, постою да посплю. А вы где встанете спать?

— Мы обычно спать не встаем, а ложимся,—сказал Мерри.—Мы бы, если можно, прямо здесь, на ложе, и поспали бы.

— Как то есть ложитесь спать?—удивился Древень.— Ах, ну да, конечно! Гм, кгм, спутался я: пришли мне на память древние времена и показалось, будто я говорю с онтятами, вот ведь как, ишь ты! Что ж, тогда ложитесь и спите. А я постою под ручеечком. Покойной ночи!

Хоббиты пристроились на постели, с головой зарывшись в душистое сено, свежее, мягкое, теплое. Мало-помалу угасли светильники и померкли разноцветные деревья; но все равно было видно, как Древень неподвижно стоит под аркой, закинув руки за голову. Вызвездило, и замерцали струи, тихо стекавшие к его ногам, и тенькали, тенькали, тенькали сотни серебряных звездных капель. Под этот капельный перезвон Мерри с Пином крепко-крепко уснули.

Когда они проснулись, пышнозеленый чертог освещало лучистое утреннее солнце, проникая в укромный покой. Высоко в небесах порывистый восточный ветер рассеивал облачные клочья. Древень куда-то подевался, и Мерри с Пином пока что пошли купаться в бассейне за аркой — и слышали его гуденье и пенье, а потом и сам он появился на широкой тропе меж деревьев.

— Кгм, кха! Ну, доброе утро, Мерри и Пин,— прогудел он при виде хоббитов.— Вы, однако, поспать горазды! А я уж нынче отшагал шагов под тысячу. Сейчас вот попьем водички и отправимся на Онтомолвище!

Он нацедил им по полному кубку из каменной корчаги, но не из вчерашней, из другой. И вкус у воды был не тот, что вечером: она была гуще и сытнее, вроде и не питье вовсе, а прямо-таки еда. Хоббиты прихлебывали, сидя на краю высокого ложа, и закусывали эльфийскими хлебцами-путлибами (они были вовсе не голодные, но как-никак завтрак, жевать что-то полагается), а Древень стоял дожидаясь их, напевая то ли на онтском, то ли на эльфийском, то ли еще на каком языке и поглядывая на небо.

— А где оно, ваше Онтомолвище? — отважился наконец спросить Пин.

— Кгм, как? Онтомолвище-то где? — переспросил Древень, обернувшись.— Это не место, Онтомолвище, это собрание онтов, нынче такие собрания созываются очень редко. Ну, сейчас-то многие, н-да, многие мне накрепко обещали быть. А соберемся мы, где и всегда: людское название этому месту — Тайнодол. Отсюда малость на юг. Надо нам подойти туда к полудню, не позже.

Вскоре они тронулись в путь. Древень, как накануне, усадил хоббитов на предплечьях. Выйдя из чертога, он свернул вправо, шутя перешагнул через бурливый ручей и пошел на юг возле безлесных подножий высоких обрывистых склонов. За каменистыми осыпями виднелись березняк и рябинник, а выше — темное густое красное дерево. Потом Древень отошел от предгорий и подался в Лес, где деревья были такие высокие, раскидистые и толстые, каких хоббиты в жизни не видавали. Поначалу их, почти как на опушке Фангорна, прихватило удушье, но очень скоро дыхание наладилось. Древень с ними не заговаривал. Он раздумчиво бухтел себе под нос, и слышалось только «бум-бум, рум-бум, бух-трах, бум-бум, трах-бах, бум-бум, та-ра-рах-бум» или вроде того — то угрюмей, то радостней, то глуше, то гулче. Иногда хоббитам чудился ответный гул, трепет или звук, не то из-под земли, не то над головой, а может быть, гудели стволы; но Древень знай себе вышагивал, не глядя по сторонам.

Пин принялся было считать мерные «онтские шаги», но сбился со счета на третьей тысяче, а тут и Древень пошел чуть помедленнее. Внезапно остановившись, он опустил хоббитов на траву, растробом приложил ладони ко рту и, словно из гулкового рога, огласил лес протяжным кличем. «Гу-у-гу-у-гу-умм!» — раскатилось окрест, и деревья явно вторили зову. Потом со всех сторон издали донеслось: «Гу-у-гу-у-гу-у-гу-у-гу-умм!» — и это был уже не отзвук, а отклик.

Древень примостил хоббитов на плечи и опять зашагал, время от времени повторяя громогласный призыв. Отклики слышались все ближе. Так они шли да шли — и наконец уперлись в глухую стену вечнозеленых деревьев неведомой хоббитам разновидности: они ветвились от самых корней, густой темноглянцевитой листвой походили на падуб и были усыпаны крупными, налитыми оливковыми бутонами.

Древень свернул налево, и через несколько шагов живая преграда вдруг разомкнулась: утоптанная тропа ныряла в узкий проход и вела вниз по крутому склону в просторную чашеобразную долину, обнесенную поверху вечнозеленой изгородью. На округлой травянистой глади

не было ни деревца, лишь посреди долины высились три белоснежные красавицы березы. По откосам сбегали еще две тропы, с запада и с востока.

Одни онты уже пришли, другие шествовали вдали по тропам, третьи вереницей спускались за Древнем. Пин и Мерри озирались и изумлялись: они-то ожидали, что онты все похожи на Древня, как хоббиты друг на друга (если, конечно, глядеть посторонним глазом), а оказалось — ничего подобного. Они были разные, как деревья: как деревья одной породы, но разного возраста и по-разному возросшие; или совсем уж несхожие, как бук и береза, дуб и ель. Были старые онты, бородастые и заскорузлые, точно могучие многовековые деревья (и все же по виду намного моложе Древня), были статные и благообразные пожилые исполины, но ни одного молодого, никакой поросли. Десятка два их сошлось у берез; с разных сторон брели еще двадцать или около того.

Сперва у хоббитов глаза разбежались от несхожести их фигур и окраски, обхвата и роста — и руки-ноги разной длины, и пальцев на них неодинаково (не меньше трех, не больше девяти). С подобиями дубов и буков Древень все же мог бы, наверно, посчитаться родней, но многие онты вовсе на него не походили. Иные были вроде каштанов: кожа коричневая, разлапистые ручищи, короткие толстые ноги. Иные — вроде ясеней: рослые серокожие онты, многопалые и длинноногие. Были еще пастыри сосен и елей (эти самые высокие), пестуны берез, рябин и лип. Но когда все онты столпились возле Древня, чинно кланяясь и учтиво приветствуя его благозвучными голосами, разглядывая чужестранцев неспешно и пристально, тут хоббитам сразу стало яснее ясного, до чего они друг на друга похожи: глаза-то у всех такие же — ну, не такие, конечно, бездонные, как у Древня, но спокойные, задумчивые, внимательные, с зеленым мерцанием.

Подоспели последние; онты обступили Древня широким кругом и завели прелюбопытный и загадочный разговор. Полилась плавная молвь: каждый вступал в свой черед, и общий медленный распев притихал по одну сторону круга и гулко гудел по другую. Хотя Пин не различал и не понимал слов — по-онтски все ж таки разговаривали онты, — однако поначалу ему очень понравилось их слушать, пока не надоело. Он слушал и слушал

(а они все говорили и пели) и наконец начал думать, что онтский язык слишком уж медленный, интересно, сказали они или нет друг другу «доброе утро», а коли Древень делает перекличку, то когда они доскажут ему свои имена.

«Хотел бы я знать, как по-онтски *да* или *нет*»,— подумал он и зевнул.

Древень мгновенно все учуял.

— Кгм, кха-кха, ты вот что, друг мой Пин,— сказал он, и звучный хоровод онтов вдруг примолк.— Я и забыл, что вы такие несусветные торопыги. Но и то правда, скучновато слушать разговор на непонятном языке. Подите-ка погуляйте. Имена ваши на Онтомолвище названы, все вас разглядели и все согласны, что вы не орки и что нужно добавить строку-другую в древний перечень. На этом мы пока что и порешили, и очень, я вам скажу, быстро порешили, едва ли не чересчур. Вы с Мерри побродите пока по долине, чем вам плохо. Пить захотите—там есть на северном склоне, повыше, очень вкусный источник. А тут еще надо изрядно поговорить, чтобы устроилось настоящее Онтомолвище. Я потом приду вас проведать, тогда расскажу, как у нас чего.

Он опустил Пина и Мерри наземь, а они, не сговариваясь, оба враз сообразили низко и благодарственно поклониться. Онтов это очень позабавило: они о чем-то перемолвились, и зеленые искры замелькали в их взорах. Но вообще-то им, видимо, было уже не до хоббитов. А те побежали наверх западной тропой: надо же поглядеть, что там, за оградой, с этой стороны Тайнодола. Там громоздились лесистые откосы, и за высокогорным ельником сверкал сахарно-белый пик. Слева, на юге, тоже виднелся лес, лес и лес, уходивший в серую расплывчатую даль с бледной прозеленью. «Наверно, ристанийская равнина»,— догадался Мерри.

— А где, интересно, Изенгард?— спросил Пин.

— Знал бы я, куда хоть нас занесло,— отозвался Мерри.— Ну, если это вот вершина Метхедраса, то у подножия его, помнится, как раз и есть Изенгард, крепость в глубоком ущелье. Небось вон там, слева за хребтиной. Видишь, не то дым сочится, не то туман?

— Изенгард, он какой? — выпрашивал дальше любопытный Пин. — Он ведь онтам, поди, не по зубам.

— Да и я тоже думаю — куда им, — согласился Мерри. — Изенгард — это скалистое кольцо, внутри каменная гладь, а посредине торчит высоченная гранитная башня, называется Ортханк. Там и живет Саруман, гранит на граните, на возвышении. Кругом скалы, во сто раз толще любых стен, ворот не помню сколько, может и не одни, и в каменном русле бежит горячая речка, которая пересекает Врата Ристании. Да, онтам вроде бы там делать нечего. Но про онтов, понимаешь, как-то мне странно думается: не такие они смирные, не такие смешные. С виду-то, оно конечно, — чудаковатые тихони, терпеливые, опечаленные, обиженные, обойденные жизнью; но, если их обидишь, тогда хватайся за голову и смазывай салом пятки.

— Ага, ага, — подтвердил Пин. — Сидит себе старая корова и жует свою жвачку; и глазом не успеешь моргнуть, как это не корова, а бык, и не сидит он, а вскачь несется на тебя. Да, хорошо бы старик Древень их расшевелил. Затем, видать, и собрал, только трудное это дело. Вчера, помнишь, как он сам собой разошелся, а потом пых-пых — и выкипел.

Хоббиты вернулись в долину. Онтормолвище продолжалось вовсю: то глуше, то громче звучала напевная неспешная беседа. Солнце поднялось над оградой, брызнули серебром кроны средних берез, и желтоватым светом озарился северный склон. Блеснул незаметный родник. Хоббиты пошли закраиной круглой долины, возле вечнозеленой изгороди — так отрадно было не спеша брести по свежей мягкой траве, — и напрямик спустились к искристому фонтанчику. От кристальной студеной воды щемило зубы; они уселись на обомшелый валун и смотрели, как бегают по траве солнечные блики и проплывают тени облаков. Онтормолвище не смолкало. Какие-то все ж таки непонятные, совсем уж чуждавшие это были места, точно все бывшее осталось в другой жизни. И чуть не до слез захотелось увидеть лица и услышать голоса друзей — особенно Фродо, особенно Сэма и особенно Бродяжника.

Вдруг стихли голоса онтов, и невдалеке появился Древень, да не один, а со спутником.

— Кгум, кгу-гум, вот и я, — сказал Древень. — А вы тут, поди, притомились, всякое терпенье у вас кончается, кгмм,

а что, разве не так? Нет уж, терпением вы запаситесь как следует. На первый случай мы все проговорили, это да; однако еще надо много чего растолковать и разжевать, довести до ума тех наших, кто живет далеко-далеко от Изенгарда, и еще тех, кого я не застал дома, когда утром приглашал на разговор; потом уж будем сообща решать, что нам делать. Ну, правда, онты не слишком долго решают, что им делать, ежели перед тем все как есть обговорено и разобрано до последнего листочка-корешка. Но толком-то если, еще поговорить надо: день-другой, не меньше. Так вот, я вам пока что товарища привел. Он здесь живет неподалеку. По-эльфийски зовут его Брегалад. Он говорит, решение, мол, у него готово, на Онтотомлище ему, дескать, делать нечего. Гм, гм, таких торопливых онтов прямо-таки свет не видывал. Вы с ним поладите. Вот и до свидания!—И Древень удалился.

Брегалад стоял замерши, пристально разглядывая хоббитов; а те сидели в ожидании, когда-то он заторопится. Высокий, стройный и гибкий, он, наверно, считался у онтов молодым: гладкая, блестящая кора обтягивала его руки и ноги; у него были темно-алые губы и пышные серо-зеленые волосы. Наконец Брегалад заговорил, и звучный, как у Древня, голос был, однако же, тоньше и звонче.

— Кха-ха, эге-гей, ребятки, пойдемте-ка погуляем!—пригласил он.—Меня, как сказано было, зовут Брегалад, по-вашему—Скоростень. Но это, конечно, не имя, а всего-то навсего кличка. Так меня прозвали с тех пор, как один наш старец едва-едва напыжился задать мне важный вопрос, а я ему ответил: «Да, конечно». Опять же и пью я слишком быстро: добрые онты только-только бороны замочили, а я уж губы утираю. Словом, идемте со мной, не пожалеете!

Он протянул им руки—очень красивые, длинные, долгопалые. Весь день пробродили они втроем по лесу—хором пели песни, дружно смеялись. А смеялся Скоростень часто, и смеялся всегда радостно. Смеялся он, когда солнце являлось из-за облаков, смеялся при виде родника или ручья; смеясь, останавливался и кропил водой ноги и голову. Слышал трепет или шепоток деревьев—и тоже заливался смехом. А увидев рябину, стоял, раскинув руки, стоял и пел, гибкий, точно юное деревце.

Под вечер он привел их к себе домой: впрочем, дома-то никакого у него не было, а был мшистый камень в уютной зеленой ложинке. Рябины осеняли ее, и журчал ручей, как в любом жилище онта: этот, звеня, бежал сверху. Они разговаривали, пока не стемнело, а в темноте где-то неподалеку гудело Онтомолвище, басовитое, гулкое и по-новому беспокойное; время от времени чей-нибудь голос звучал громче и тревожнее других, и общий гомон смолкал. Но их слух заполняла тихая речь Брегалада, и шелестели знакомые, понятные слова: он вел рассказ о том, как разорили его древний край, где старейшиной был Вскорень. «Вот оно что,— подумали хоббиты,— с орками у него, стало быть, особые счеты, то-то он долго и не раздумывал».

— Рябинник обступал мой дом,— печально повествовал Брегалад,— и рябины эти взрастали вместе со мною в тишине и покое незапамятных лет. Иные из них, самые старинные, были посажены еще ради онтиц, но те лишь взглянули на них и с усмешкой покачали головами: в наших, мол, землях у рябин и цветы белей, и ягоды крупнее. А по мне, так не бывало и быть не могло деревьев прекраснее и благороднее этих. Они росли и росли, раскидывая тенистую густолиственную сень и развешивая по осени тяжкие, ярко-багряные, дивные ягодные гроздья, и птицы слетались стаями на роскошный рябиновый пир. Я люблю птиц, хоть они и болтушки, и чего-чего, а уж ягод им хватало с избытком. Однако птицы почему-то стали грубые, злые и жадные, они терзали деревья, отклеивали грозди и разбрасывали никому не нужные ягоды. Явились орки с топорами и срубили мои рябины. Я приходил потом и звал их по именам, незабвенным и нескончаемым, но они даже не встрепенулись, они не слышали меня и отозваться не могли, они лежали замертво.

О Орофарнэ, Лассемисте, Карнимириэ!

Рябины мои нарядные, горделивые дерева!

Рябины мои ненаглядные, о, как мне dozваться вас?

Серебряным покрывалом вас окутывал вешний цвет,

В ярко-зеленых уборах встречали вы летний рассвет,

Я слышал ваши приветные, ласковые голоса,

Венчалась червонными гроздьями рябиновая краса.

Но рассыпаны ваши кроны ворохами тусклых седи,

Голоса ваши смолкли навеки, и я остался один.
О Орофарнэ, Лассемисте, Каринмириэ!

И хоббиты мирно уснули, внимая горестным песнопениям Брегаллада, оплакивавшего на разных языках гибель своих возлюбленных, несравненных деревьев.

Наутро они снова пошли гулять втроем и провели весь день недалеке от его жилища. Ходили они мало, больше сидели под зеленой закраиной; ветер стал холоднее, солнце редко пробивалось сквозь нависшие серые облака; и немолчные голоса онтов звучали то гулко и раскатисто, то глухо и печально; то почти наперебой, то медленно и скорбно, как погребальный плач. Настала вторая ночь, а совещанье все длилось; в разрывах мчащихся туч мутно мерцали звезды.

Забрезжил третий рассвет, ветренный и угрюмый. Онтомолвище загремело и снова притихло. Прояснилось утро, ветер улегся, и неподвижный воздух точно отяжелел в ожидании. Хоббиты заметили, что теперь-то Брегаллад прислушивался в оба уха, хотя до их лошинки вроде бы доносился лишь смутный гул.

Близился вечер, солнце клонилось к западу, за мгlistые вершины, и длинные желтые лучи пронизывали облака. Стало как-то уж очень тихо, кругом ни звука, ни шороха. Ну вот, значит, кончилось Онтомолвище. Чем же оно кончилось? Брегаллад напряженно замер, глядя на север, в сторону Тайнодола.

Вдруг по лесу раскатился зычный и дружный возглас: «Тррам-тарарам-тарам!» Деревья затрепетали и пригнулись, словно под могучим порывом ветра. Снова все смолкло, а потом донесся мерный, как будто барабанный рокот, его перекрывало грозное многогласие:

— Идем под барабанный гром: трамбам-барам-барам-бам-бом!

Онты приближались, и все оглушительнее гремел их походный напев:

— Идем-грядем, на суд зовем: трумбум-бурум-бурум-бум-бом!

Брегаллад подхватил хоббитов и поспешно выбрался из лошины.

любим и очень редко сердимся, только если почуем, что нашим деревьям и нам самим чуть ли не гибель грозит. Такого в нашем краю не бывало со времен войны Саурана и Заморских Витязей. А всё эти орки, древорубы треклятые — *фарум!* — ишь, размахались топорами, ладно бы уж на дрова рубили, мерзавцы, еще куда бы ни шло, на дрова много не надо, — так ведь нет, для одного изуверства. Тут от соседа впору помощи ждать, а он, смотрите пожалуйста, заодно с ними. Нет, уж коли ты маг, с тебя и спрос особый; и то сказать, другие маги все ж таки не ему чета. Ни на эльфийском, ни на онтском, ни на людских языках и проклятья-то ему подходящего никак не сыщу. Долой Сарумана, да и только!

— А вы что, взаправду собрались сокрушить изенгардские стены? — осторожно поинтересовался Мерри.

— Ха, хм-м, да как тебе сказать, а почему бы и нет! Вам ведь небось и невдомек, какие мы сильные? Про троллей когда-нибудь слышали? Они очень сильные, тролли. Но они, тролли, не сами собой на свет появились, их вывел Предвечный Враг под покровом Великой Тьмы: вывел в насмешку над онтами, вроде как орков — над эльфами. Так вот мы гораздо сильнее троллей. Мы — кость от кости самой земли. Как древесные корни впиваются в камень, знаете? Только они впиваются веками, а мы — сразу, ну если, конечно, рассердимся. Изрубить-то нас, сильно поставившись, можно, сжечь или чародейством каким одолеть — тоже не очень, но все-таки можно, а мы зато, коли захотим, и Изенгард вдребезги разнесем, и от стен его одно крошево оставим, понятно?

— Но Саруман-то не будет смотреть на вас, сложа руки?

— Кгм, да, нет, он не будет, это верно, и я об этом не забыл. По правде сказать, я как раз об этом все время и думаю. Но я из нас самый старый, многие онты куда помоложе, на сотни древесных веков. Сейчас они осерчали и у них одно на уме — сокрушить Изенгард. А потом немного поодумаются, поостынут, выпьют водички на ночь — и начнут успокаиваться. Ох, изрядно водички мы выпьем на ужин! Ну а пока пусть их топают и поют! Идти нам еще далеко, поразмыслить времени хватит. Лиха беда начало.

И Древень подхватил общий напев, раздававшийся с

прежней силой. Однако мало-помалу голос его притих и смолк, а нахмуренный лоб глубоко взбороздили морщины. Потом он поднял глаза, и Пин заметил в них скорбь — но не уныние. Казалось, зеленый огонь разгорелся еще сильнее, но светил он как бы издали, из темной глубины его мыслей.

— Оно конечно, друзья мои, может статься иначе, — медленно промолвил он. — Может статься и так, что судьба против нас, что нас постигнет рок, что это — последний поход онтов. Но если бы мы остались дома в блаженном бездействии, мы бы своей судьбы не миновали, раньше ли, позже ли, не все ли равно? Мы об этом давно размышляем — потому и в поход двинулись. Нет, спешки тут не было: просто решение созрело. Зато, глядишь, и песни сложат когда-нибудь о нашем последнем походе. Да, — вздохнул он, — сами, может, и сгинем, но хоть другим поможем. Жаль только, если вопреки старым песням мы никогда больше не встретимся с онтицами. Очень бы мне хотелось еще разок повидать Фимбретиль. Однако ж, друзья мои, песни — они ведь как деревья: плодоносят по-своему и в свою пору, а случается, что и безвременно засыхают.

Онты шагали ровно и размашисто. Вначале путь их лежал на юг длинною логовиной; потом приняли вправо и двинулись наискосок, все выше и выше, к вздымавшимся за верхушками деревьев западным кряжам Метхедраса. Лес отступал; рассыпался купами окраинный березняк, а там лишь кое-где на голом склоне торчали одинокие сосны. Солнце кануло за темный гребень. Стелились сумерки.

Пин оглянулся. То ли онтов прибавилось, то ли — что за наваждение? За ними оставался пустой и тусклый откос, а теперь он был покрыт деревьями. И деревья не росли, не стояли — они двигались! Неужели Фангорн очнулся от вековой дремы и выслав на горный хребет древесное воинство? Он протер глаза: может, он сам задремал или ему померещилось в сумерках — но нет, серые громады шествовали вверх по склону, разнося глухой шум, гудение ветра в бесчисленных ветвях. Онты всходили на гребень и

давно уже не пели. Воцарились темень и тишь: только земля трепетала от поступи древопасов и пробегал шелест, зловещий многотысячелиственный шепот. С вершины стала видна далеко внизу черная пропасть, огромное ущелье между последними отрогами Мглистых гор—Нан-Курунир, Долина Сарумана.

— Изенгард окутала ночь,—вымолвил Древень.

ГЛАВА V

БЕЛЫЙ ВСАДНИК

у и ну, до костей пробирает,— выговорил Гимли, стуча зубами, хлопая в ладоши и приплясывая. На ранней зорьке они всухомятку перекусили и теперь дожидались, пока рассветет: вдруг да сыщутся все-таки хоббитские следы.— Да, а старик-то!— вспомнил он.— Вот чей след мне бы ох как хотелось увидеть!

— Зачем бы это?— удивился Леголас.

— Если по земле ходит, значит, он старик и старик, не более того,— пояснил гном.

— Откуда тебе следы возьмутся, трава-то жесткая и высокая.

— Это Следопыту не помеха,— возразил Гимли,— Арагорн и примятую былинку мигом заметит. Другое дело, что нечего ему замечать: призраки следов не оставляют, а являлся нам Саруманов призрак. Что ночью, что поутру я то же самое скажу. Да он и

сейчас небось исподтишка следит за нами с той вон лесной кручи.

— Очень может быть,—согласился Арагорн,—однако же вряд ли. Ты, Гимли, помнится, сказал: дескать, спугнули лошадей? Леголас, а ты не расслышал—по-твоему, как они ржали, испуганно?

— Ясно расслышал,—сказал Леголас.—Нет, ничуть не испуганно. Это мы в темноте перепугались, а они—нет, они ржали радостно, точно встречали старинного друга.

— Вот и мне так показалось,—сказал Арагорн.—А что было на самом деле—узнаем, если они вернутся. Ладно! Вон уж светлым-светло. Пойдем искать, думать будем потом! Вкруговую от ночлега и весь склон перед опушкой. Ищем следы хоббитов, с ночным пришельцем отдельно разберемся. Если им каким-нибудь чудом удалось сбежать, то они прятались за деревьями—больше нигде. Не найдем ничего отсюда до опушки, тогда придется обыскивать поле битвы и рыться в пепле. Но там надежда плоха: ристанийские конники свое дело знают.

Они прошупывали и разглядывали каждую пядь. Печальное, поникшее над ними дерево шелестело сухими листьями на холодном восточном ветру. Арагорн медленно продвигался к гряде золы от дозорного костра над рекой, потом заново обошел холм последней сечи. Вдруг он остановился и нагнулся так низко, что лицо его утонуло в траве. И подозревал Леголаса с Гимли—те прибежали со всех ног.

— Вот наконец и новости!—объявил Арагорн и показал им изорванный бледно-золотистый лист, немного увядший и порыжелый.—Лист лориэнского мэллорна, в нем крошки, и вокруг крошки рассыпаны. А еще—взгляните-ка!—перерезанные пути.

— Здесь же и нож, которым их перерезали!—заметил Гимли и, склонившись, извлек из дерновины вдавленный в нее копытом короткий зубчатый клинок, затем отломанную рукоять.—Оркский кинжал,—прибавил он, брезгливо разглядывая резной черенок с омерзительной харей, косоглазой и ухмыляющейся.

— Да, это всем загадкам загадка!—воскликнул Леголас.—Связанный пленник сбегает от орков и ускользает от

бдительного ока ристанийских конников. Потом останавливается посередь поля и перерезает путы оркским ножом. Не возьму в толк. Если у него были связаны ноги, то как он сбежал? Если руки—как орудовал ножом? Если ни ноги, ни руки—тогда что это за веревка, зачем разрезана? А каков голубчик-то: едва спасся, тут же уселся и давай закусывать. Сразу видно, что это хоббит, если б и листа мэллорна не было. Дальше, как я понимаю, руки у него обернулись крыльями, и он с песней улетел в лес. Полетим следом и запросто отыщем его: только за крыльями дело стало!

— Нет, видать, без чародейства не обошлось,— заключил Гимли.— Недаром по лесу тот старик шастал. Ну, Арагорн, Леголас нам почти все растолковал, как сумел. Может, ты лучше сумеешь?

— Да попробую,— усмехнулся Арагорн.— Плоховато вы осмотрелись, потому кой-чего и не сообразили. Верно, что пленник этот—хоббит и что либо руки, либо ноги ему еще прежде удалось высвободить. Думаю, что руки,— тогда все понятнее, это первое; а второе—его сюда *притащил* орк. Неподалеку на земле засохшие подтеки черной крови. И кругом глубокие следы копыт: судя по всему, волокли тело. Орка, разумеется, убили конники, и труп его сожгли в общем костре. А хоббита «посередь поля» не заметили: темень, а он в эльфийском плаще. Перерезал кинжалом мертвеца ножные путы; был он голодный и изнуренный, решил отдохнуть и подкрепиться—что здесь удивительного? Мешка при нем наверняка не было; стало быть, путлибы—из кармана: вот это по-хоббитски, и тут есть чему порадоваться. Я говорю «при нем», хотя, по-моему, спаслись они оба—надеюсь, что так. Пока только надеюсь.

— А как же, по-твоему, удалось одному из них руки высвободить?—спросил Гимли.

— Чего не знаю, того не знаю,— отвечал Арагорн.— Не знаю и того, зачем орк их утащил. Едва ли он помогал им сбежать... Погодите, погодите-ка: я как будто разрешил один вопрос, который донимал меня с самого начала. Кажется, я начинаю понимать, почему орки, одолев Боромира, схватили Мерри с Пином и бросились наутек. Остальных они не искали, скarb наш не разграбили, а припустились прямым путем к Изенгарду. Может, решили, что им в когти попал Хранитель Кольца со своим верным

другом? Нет, не так. Не рискнули бы хозяева орков доверить им столь важную тайну, если б даже сами ее проведдали. Нельзя с орками в открытую говорить о Кольце: ненадежные они рабы. Им, должно быть, просто велели любой ценой захватить в плен *хоббитов*—и доставить их живьем. А перед решающей битвой кто-то попытался улизнуть с драгоценными узниками. Пахнет предательством, но это у них в заводе; какой-нибудь ражий и лихой орк решил дать тягу с живой добычей и отличиться в одиночку. Вот вам моя разгадка, можете разгадывать иначе. Ясно только, что хотя бы один из наших друзей спасся, и надо его найти и выручить: без этого нет нам пути в Ристанию. Раз судьба занесла его в Фангорн, придется следовать за ним, отринув страхи и опасения.

— Я уж и не знаю, что меня больше пугает: Фангорн или пеший путь в Ристанию,—проворчал Гимли.

— Тогда пошли в Лес,—сказал Арагорн.

Вскоре отыскиались новые, опять-таки еле заметные хоббитские следы: возле берега Онтавы и под раскидистыми ветвями огромного дерева на самой опушке—земля там была голая и сухая.

— Уж один-то хоббит точно стоял здесь и озибался, а потом побежал в Лес,—сказал Арагорн.

— Значит, и нам Леса не миновать,—вздыхнул Гимли.—Ох не по нутру мне этот Фангорн; и ведь сказано было—нам в него не забираться! За ними, так за ними, только бы не сюда.

— А я не думаю, что это злокозненный Лес, не внушает он мне опаски,—задумчиво произнес Леголас. Он стоял у лесного порога, подавшись вперед, вслушиваясь и вглядываясь в тусклую чащобу.—Кознями здесь и не пахнет; я, правда, чую слабое и дальнее зловещее эхо—наверно, где-нибудь в темной глуши деревья с гнилой сердцевиной таят недобрые замыслы. Но поблизости нет никакого лиходейства: просто Лес встревожен и рассержен.

— На меня-то за что ему сердиться?—буркнул Гимли.—Я ему худа не сделал.

— Не сделал,—подтвердил Леголас.—Но он и без тебя

натерпелся. И еще—что-то такое в этом Лесу то ли творится, то ли готовится. Чувствуешь, как замерло все кругом? Дыханье перехватывает.

— Да, душновато,—согласился гном.—Лихолесье-то ваше куда погуще будет, и дух там спертый, но не такой затхлый, и деревья не такие ветхие.

— Древний Лес, очень древний,—проговорил эльф.—Я даже словно бы помолодел, а то с вами, детишками, я суший дед-лесовик. Древний Лес, хранилище памяти. Мне бы здесь гулять да радоваться, кабы не война.

— Тебе-то конечно,—хмыкнул Гимли.—Ты как-никак лесной эльф, хотя все вы, эльфы, и лесные, и прочие, народ чудной. Однако ты меня приободрил. Что ж, куда ты, туда и я. Ты держи лук наготове, а я приготовлю секиру. Только пусть деревья не сердятся,—поспешно добавил он, покосившись на могучий дуб, под которым они стояли,—я их пальцем не трону. Просто не хочу, чтобы тот старик, чего доброго, застал нас врасплох, вот и все. Пойдемте!

Леголас и Гимли не отставали от Арагорна, а тот шел чутьем по грядам сухой листвы, меж ворохами валежника. «Беглецов,—рассудил он,—наверняка потянет к воде»,—и держался близ берега Онтавы. Так они и вышли к тому месту, где Мерри и Пин напились, вымыли ноги и оставили две пары отчетливых следов—побольше и поменьше.

— Добрая весточка,—сказал Арагорн.—Следы, правда, третьегодняшние, и похоже, что затем хоббиты пошли прочь от реки.

— Ну и как же нам быть?—спросил Гимли.—Прочесывать, что ли, весь Фангорн? Припасов у нас маловато. Хороши мы будем, ежели хоббиты найдутся через неделю-другую: усядемся рядком и для пущего дружества вместе ноги протянем.

— Хоть ноги вместе протянем, тоже неплохо,—сказал Арагорн.—В путь!

В свой черед они подошли к отвесу Древенной горы и, запрокинув головы, разглядывали щербленые ступени, ведущие на уступ. Сквозь быстрые рваные облака пробивалось солнце, оживляя и расцветчивая унылый серый лес.

— Взяберемся наверх, оглядеться бы надо! — предложил Леголас. — Трудно все-таки дышится, а там воздух посвежее.

Арагорн пропустил друзей вперед и медленно поднимался следом, тщательно осматривая ступени и выступы.

— Почти уверен, что хоббиты здесь побывали, — сказал он. — Но следов их незаметно, а чьи тут небывалые следы — ума не приложу. Ладно, оглядимся, может, что и рассмотрим.

Он выпрямился во весь рост и без особой надежды окинул взглядом окрестность. Уступ был обращен на юго-восток, с хорошим восточным обзором. Но виднелись только верхушки деревьев, серо-зеленой лавиной наплавивших на степь.

— Изрядного мы крюка дали, — заметил Леголас. — Свернули бы на второй или третий день к западу от Великой Реки — и давным-давно все как один добрались бы досюда. Так ведь почему знать, куда тебе надо, пока не придешь.

— Нам вовсе и не надо было в Фангорн, — возразил Гимли.

— А попали мы сюда, как птички в силос, — сказал Леголас. — Посмотри!

— Куда смотреть-то?

— Вон туда, в чащу.

— Ну и что ты там углядел своими эльфийскими глазами?

— Тише ты разговаривай! Смотри, смотри, — показал Леголас. — В лесу, на тропе, которой мы шли. Это он: видишь, пробирается между деревьями.

— Ага, теперь вижу! — зашептал Гимли. — Гляди, Арагорн! Говорил я тебе? Старик, он самый, в грязном сером балахоне, потому я его сначала и не заметил.

Арагорн присматривался к согбенному путнику: тот уже вышел из лесу у склона горы. С виду старый нищий, брел он еле-еле, подпираясь суковатым посохом; брел, устало понурив голову, не глядя по сторонам. В других землях они бы окликнули его, обратились с приветливым словом, а сейчас стояли молча, напрягшись в непонятном ожидании, чуя смутную и властную угрозу.

Гимли глядел во все глаза, как согбенный старец шаг за

шагом приближался, и наконец не вытерпел, крикнул сдавленным шепотом:

— Бери лук, Леголас! Целься! Это Саруман. Не давай ему рта раскрыть, а то околдует! Стреляй сразу!

Леголас нацепил тетиву—медленно, будто вопреки чьей-то воле—и нехотя извлек стрелу из колчана, но к тетиве ее не приладил.

— Чего ты дожидаясь? Что это с тобой?—яростно прошептал Гимли.

— Леголас прав,—спокойно молвил Арагорн.—Нельзя беспричинно и безрассудно убивать немощного старика, чего бы мы ни опасались, что бы ни подозревали. Подождем, посмотрим!

Между тем старец вдруг ускорил шаг, мигом оказался у подножия каменной лестницы, поднял голову и увидел безмолвных наблюдателей на уступе, но не издал ни звука.

Лицо его скрывала накидка и нахлобученная поверх нее широкополая шляпа: виднелся лишь кончик носа да седая борода. Однако Арагорну показалось, что из-под невидимых бровей сверкнули острым блеском пронзительные глаза. Наконец старик нарушил молчание.

— С добрым утром, друзья!—негромко проговорил он.—Я не прочь с вами потолковать. Может, вы спуститесь или я поднимусь к вам?

Не дожидаясь ответа, он двинулся по ступеням.

— Ну же!—вскрикнул Гимли.—Стреляй в него, Леголас!

— Сказал же я, что не прочь потолковать с вами,—настойчиво повторил старик.—Оставь в покое лук, сударь мой эльф!

Лук и стрела выпали из рук Леголаса, и плечи его опустились.

— А ты, сударь мой гном, сделай милость, не хватайся за секиру! Она тебе пока не понадобится.

Гимли вздрогнул и замер, как изваянье, а старик горным козлом взлетел по ступеням: немощь его как рукой сняло. Он шагнул на уступ, сверкнув мгновенной белизной, точно белым одеяньем из-под засаленной ветоши. В тишине было слышно, как Гимли с присвистом втянул воздух сквозь зубы.

— Я повторяю, с добрым утром! — сказал старик, подходя к ним. За несколько футов он остановился, тяжело опершись на посох, вытянув шею и, должно быть, оглядывая всех троих таящимися под накидкой глазами. — Что привело вас в здешние края? Эльф, человек и гном — и все одеты по-эльфийски! Наверно, вам есть о чем порассказать: здесь такое не часто увидишь.

— Судя по твоим речам, ты хорошо знаешь Фангорн? — спросил в ответ Арагорн.

— Какое там! — отозвался старик. — На это ста жизней не хватит. Но я сюда иной раз захоживаю.

— Может быть, ты назовешься, и мы выслушаем тебя? — предложил Арагорн. — Утро на исходе, а мы торопимся.

— Меня вы уже выслушали: я спросил, что вы здесь делаете и что вас сюда привело. А имя мое!..

Старик залился тихим протяжным смехом. Холод пробежал по жилам Арагорна, и он встрепнулся, но это был не холодный трепет ужаса: он точно глотнул бодрящего морозного воздуха, ему точно брызнуло свежим дождем в лицо, прерывая тяжкий сон.

— Мое имя! — повторил старик, отсмеявшись. — А вы разве еще не угадали? Кажется, вам доводилось его слышать. Да наверняка доводилось. Лучше уж вы скажите, какими судьбами вас сюда занесло.

Но никто из троих не вымолвил ни слова.

— Можно подумать, что дела у вас неблагоприятные, — продолжал старик. — Но, по счастью, я о них кое-что знаю. Вы идете по следам двух юных хоббитов — так, кажется? Да, хоббитов. Не делайте вида, будто впервые слышите это слово. Вы его слышали прежде, да и я тоже. Они, хоббиты, стояли на этом самом месте позавчера и здесь повстречались... скажем так, неведомо с кем. Любопытно вам это слышать? Или вы вдобавок захотите узнать, куда они после этого делись? Ладно уж, расскажу, что знаю. Однако почему мы стоим? Не так уж вы торопитесь, как вам кажется. Давайте-ка правда посидим, потолкуем.

Старик повернулся и отошел к россыпи валунов и высокой скале у отвесной кручи. И сразу же, словно рассеялось волшебство, все трое воспрянули. Гимли схватился за рукоять секиры, Арагорн обнажил меч, Леголас поднял свой лук.

Ничего этого как бы не замечая, старик присел на низкий и плоский обломок; его ветхий балахон распахнулся—да, он был весь в белом.

— Саруман!—крикнул Гимли, подскочив к нему с занесенной секирой.—Говори! Говори, куда упрятал наших друзей! Что ты с ними сделал? Говори живей, колдовством не спасешься, я надвое раскрою тебе череп вместе со шляпой!

Но старик опередил его. Он вскочил на ноги, одним махом вспрыгнул на скалу и внезапно вырос, как слепящий столп, сбросив накидку вместе с балахоном. Сверкало его белое одеяние. Он воздел посох, и секира Гимли бессильно звякнула о камни. Меч Арагорна запламенел в его недрогнувшей руке. Леголас громко вскрикнул, и стрела его, полыхнув молнией, прынула в небеса.

— Митрандир!—возгласил он затем.—Это Митрандир!

— Повторяю тебе: с добрым утром, Леголас!—промолвил старец.

Пышные волосы его блистали, как горный снег, сияло белоснежное облачение, ярко светились глаза из-под косматых бровей, и мощь была в его поднятой руке. От изумленья, ужаса и восторга все трое приросли к земле и утратили дар речи.

Наконец Арагорн обрел язык.

— Гэндальф!—воскликнул он.—Ты ли это возвратился в час нашего отчаяния! Как мог я тебя не узнать, о Гэндальф!

Гимли молча упал на колени, закрыв руками лицо.

— Гэндальф,—повторил старец, как бы припоминая давно забытое имя.—Да, так меня звали. Я был Гэндальфом.

Он сошел со скалы, поднял сброшенную серую хламиду и снова облачился в нее—будто просиявшее солнце утонуло в туче.

— Да, можете по-прежнему называть меня Гэндальфом,—сказал он, и голос его зазвучал, как прежде, стал голосом старого друга и наставника.—Встань, мой добрый Гимли! Нет за тобой вины, и вреда ты мне не нанес. Да по правде говоря, и не мог: я неуязвим для вашего оружия. Прибодритесь же! Вот мы и встретились снова, на гребне

вскипевшей волны. Грядет великая буря, но эта волна спадает.

Он возложил руку на круглую голову Гимли; гном поднял глаза и внезапно рассмеялся.

— Точно, Гэндальф! — признал он. — Но почему ты в белом?

— Теперь мне пристало белое одеяние, — отвечал Гэндальф. — Можно даже сказать, что я теперь Саруман — такой, каким ему надлежало быть. Но это потом, расскажите-ка о себе! Я не тот, кого вы знали! Я сгорел в черном пламени, захлебнулся в ледяных подземных водах. Забылось многое из того, что было мне ведомо прежде, и многое ведомо заново — из того, что было забыто. Я отчетливо вижу дали, а вблизи все как в тумане. Рассказывайте о себе!

— Что ты хочешь узнать? — спросил его Арагорн. — Столько всякого приключилось с тех пор, как мы вышли из Мории; это долгая повесть. Скажи нам сперва про хоббитов — ты нашел их, они целы и невредимы?

— Нет, я их не нашел и не искал, — покачал головой Гэндальф. — Долины Привражья были покрыты мглой, и я не знал, что их захватили в плен, пока орел не сказал мне об этом.

— Орел! — воскликнул Леголас. — Я видел орла в дальней выси: последний раз над Привражьем, четвертого дня.

— Да, — подтвердил Гэндальф, — это был Гвайгир Ветробой, тот, что вызволил меня из Ортханка. Я послал его в дозор, следить за Великой Рекой и разведать новости. Немало, однако, укрылось от его орлиного глаза в лесах и лощинах, и то, чего он не увидел, потом разузнал я сам. Хранитель Кольца ушел далеко, и подмоги ему не будет ни от меня, ни от вас. Черный Властелин едва не отыскал свое орудие всевластья; но этого не случилось, отчасти и потому, что я из заоблачных высей противился его непреклонной воле и отвел ее от Кольца: Тень пронеслась мимо. Но я тогда обессилел, совсем обессилел — и долго потом блуждал во мраке забвенья.

— Значит, про Фродо ты все знаешь! — обрадовался Гимли. — Где он, что с ним?

— Этого я не знаю. Он избегнул страшной опасности;

но впереди его ждут другие, еще пострашнее. Он решился один-одинешенек идти в Мордор и отправился в путь — вот все, что мне известно.

— Не одинешенек, — сказал Леголас. — Похоже, Сэм увязался за ним.

— Вот как! — Гэндальф улыбнулся, и глаза его блеснули. — Увязался, значит? Это для меня новость, впрочем предвиденная. Хорошо! Хорошо, что это сбылось! Мне стало легче на сердце. Присядьте и расскажите подробнее о своих злоключениях.

Друзья уселись у его ног, и Арагорн повел рассказ. Гэндальф долго слушал молча, прикрыв глаза и положив руки на колени, и вопросов не задавал. И лишь когда Арагорн поведал о гибели Боромира и о скорбном отплытии его праха по Великой Реке, старик вздохнул.

— Ты сказал не все, что знаешь или о чем догадался, друг мой Арагорн, — мягко заметил он. — Бедняга Боромир! А я-то недоумевал, что с ним приключилось. Трудное выпало испытание ему, прирожденному витязю и военачальнику. Галадриэль говорила мне, что с ним неладно. Но он победил себя — честь ему и хвала. Значит, даром мы взяли с собой юных хоббитов — даже если только ради Боромира. На самом же деле — не только ради него. Орки, на свою беду, дотащили их до Фангорна... да, мелкие камушки обрушивают горный обвал. Далекий гул его слышен уже сейчас — и горе Саруману, если он не успеет укрыться от лавины за крепостными стенами!

— В одном ты вовсе не изменился, дорогой друг, — сказал ему Арагорн. — Ты по-прежнему говоришь загадками.

— Да? Разве? — отозвался Гэндальф. — Нет, я просто говорил вслух сам с собой. Стариковский обычай: избирай собеседником мудрейшего — молодежи слишком долго все объяснять.

Он рассмеялся, но теперь и смех его был ласков, как теплый солнечный луч.

— Меня молодым не назовешь, даже в сравнение с королями древности, — возразил Арагорн. — Ты разъясни, попробуй, а я постараюсь понять.

— Как же мне вам разъяснить, чтоб всем троим было

понятно? — призадумался Гэндальф. — Ладно, попробую — вкратце и как нельзя проще. Враг, разумеется, давно уже выведал, что Кольцо в наших руках и что оно доверено хоббиту. Он знает, сколько нас отправилось в путь из Раздолоа, знает, кто мы такие, про всех и каждого. Покамест неведома ему лишь наша цель. Он думает, что все мы держим путь в Минас-Тирит, ибо так он поступил бы на нашем месте. И поступил бы мудро, подрывая и умаляя враждебную мощь. Сейчас он в великом страхе ждет внезапного появления неведомого и могучего недруга, который наденет Кольцо, дабы низвергнуть его бывшего Властелина и самому воцариться на черном троне. Что мы хотим лишь низвергнуть, а не заменить его — это превыше его разумения. Что мы хотим уничтожить Кольцо — это ему и в самом страшном сне не приснится. Таков неверный залог нашей удачи, зыбкое основание надежды. Опережая призрак, он поспешил с войной: ведь если первый удар — смертельный, то второго не надо. И вот по мановению его зашевелились — раньше намеченного — давно и втайне снаряжавшиеся полчища. Мудрый глупец! Ему бы всеми силами охранять Мордор, чтоб туда муха не залетела, и всеми средствами охотиться за Кольцом — и не было бы у нас никакой надежды: с помощью самого Кольца он быстро отыскал бы его Хранителя. Но взор его рыщет за пределами Мордора и вперяется в Минас-Тирит. Скоро, очень скоро на Гондор обрушится грозная буря.

Ибо уже известно ему, что лазутчики, высланные наперехват Хранителям, сгинули без следа. Кольцо не отыскалось. И заложников-хоббитов ему не доставили. Если бы удалось хоть это, судьба наша повисла бы на волоске. Но не стоит беречь сердце ужасами испытаний, ожидавших хрупкую стойкость наших малышей в стенах Черного Замка. Пока что планы Врага сорвались — благодаря Саруману.

— Так значит, Саруман — не предатель? — удивился Гимли.

— Предатель, конечно, — сказал Гэндальф. — Вдвойне предатель. Ну не чудеса ли? Из наших недавних горестей горше всего казалась нам измена Сарумана; к тому же, сделавшись владыкой и воеводой, он большую силу набрал. Он сковал угрозой Мустангрим, и отсюда не шлют дружины в Минас-Тирит, на защиту от нашествия с

востока. Но изменник всегда сам себе петлю вьет. Саруман возмечтал овладеть Кольцом или же захватить хоббитов и выпытать у них всю подноготную. А удалось ему на пару с Сауроном всего лишь вихрем домчать Мерри и Пина к Фангорну, и они как раз вовремя оказались там, куда бы иначе нипочем не попали!

А обоюдные подозрения путают их планы. В Мордоре о битве у опушки ничего не знают, спасибо ристанийским конникам; зато известно, что в Привражье были захвачены в плен два хоббита и что их умыкнули в Изенгард вопреки велению Черного Властелина. Теперь ему надо остерегаться Изенгарда на придачу к Минас-Тириту. И если Минас-Тирит падет, худо придется Саруману.

— Как жаль, что наши друзья поневоле мешают им сцепиться!— заметил Гимли.— Будь Изенгард и Мордор соседями, дрались бы они между собой, а нам было бы легче разделаться с обессиленным победителем.

— Мощь победителя возросла бы вдвое, а сомнения исчезли бы,—возразил Гэндальф.— Да и куда Изенгарду воевать с Мордором— разве что Саруман прибрал бы к рукам Кольцо, но теперь это ему больше не грозит. Он и сам еще не ведает, в какую петлю угодил. Вообще ему многое невдомек. Он так спешил ухватить добычу, что не усидел дома, вышел навстречу своим лазутчикам. Но опоздал: лишь куча пепла осталась от его свирепой своры. Недолго он здесь бродил. Его сомнения и помыслы ясны мне до смешного. В лесной науке он не смыслит: что ему Фангорн! Он решил, что конники перебили всех без разбора и спалили все трупы, а были с орками пленники или нет—это ему неизвестно. Он ничего не ведает ни о распре своих молодцов с посланцами Мордора, ни о Крылатом Супостате.

— Какой еще Крылатый Супостат!— перебил Леголас.— Я его подстрелил из лориэнского лука над Взгорным Перекатом; он рухнул в воду. Нагнал он на нас страху. А что это было за чудище?

— Это чудище стрелой не достанешь,— сказал Гэндальф.— Ты спешил всадника, добро тебе, но он опять верхом. Это назгул, один из Девятерых, они теперь носятся на крылатых тварях. Скоро эти невиданные чудища, черной тучей затмевая небеса, нависнут над последними ратями Запада, и ужас оледенит сердца наших

воинов. Но пока что им не велено перелетать за Великую Реку, и Саруман еще не проведал о новом обличье Кольценосцев. В мыслях у него одно Кольцо: а вдруг его нашли на поле брани? Что, если оно теперь у Теодена, конунга Мустангрима, что, если он распознает Кольцо и сумеет им воспользоваться? Это страшит Сарумана больше всего; потому он и кинулся назад в Изенгард, чтобы удвоить и утроить натиск на Ристанию. А угроза таится вовсе не там, куда обращен его воспаленный взор. Угроза у него под боком: про Древня-то он и думать забыл.

— Ты опять говоришь сам с собой,— улыбнулся Арагорн.— Я не знаю, кто такой Древень. О двойном предательстве Сарумана я догадался; но какой прок в том, что судьба забросила хоббитов в Фангорн, а мы попусту сбили с ног и потеряли время?

— погоди, погоди! — вмешался Гимли.— Я сперва хочу про другое спросить. Вчера-то вечером кто был на опушке — ты, Гэндальф, или же Саруман?

— Меня там вчера вечером не было,— отвечал Гэндальф,— стало быть, вы видели Сарумана. Должно быть, мы так схожи, что ты недаром покушался раскроить надвое мою шляпу.

— Ладно, ладно! — сказал Гимли.— Я рад, что это был не ты.

— Еще бы, о досточтимый гном,— опять рассмеялся Гэндальф.— Приятно все-таки хоть в чем-то не ошибиться. Мне ли, увь, этого не знать? Но ты не подумай, я на тебя ничуть не в обиде за приветливую встречу. Разве не я всегда твердил друзьям, чтобы они на всякий случай опасались собственной тени? Так что хвала тебе, Гимли, сын Глоина! Может быть, тебе однажды доведется увидеть рядом меня и Сарумана — тогда и разберешься.

— О хоббитах речь! — напомнил Леголас.— Мы прибежали сюда сломя голову их выручать, а ты, оказывается, знаешь, где они? Говори, где!

— Там же, где Древень и прочие онты,— отвечал Гэндальф.

— Онты! — повторил Арагорн.— Значит, не врут старые небылицы об исполинах-древопасах из лесной глуши? Есть еще онты на белом свете? А я думал, это обманный отзвук былых дней или просто ристанийские байки.

— Ристанийские! — воскликнул Леголас.— Да любой те-

бе эльф в Глухоманье слышал и помнит жалобные песни про онодримское разлучение! Но даже и для нас это древние были. Вот бы мне встретить живого онта, тогда бы я и вправду помолодел! Но «Древень» — это же «Фангорн» на всеобщем языке, а ты ведь говорил не о Лесе. Кто такой Древень?

— Ну и вопрос, — вздохнул Гэндальф. — Я о нем совсем немного знаю, а начни я рассказывать, и этой незатейливой повести конца не будет видно. Древень — это и есть Фангорн, главный здешний лесовод, извечный обитатель Средиземья. А знаешь, Леголас, возможно, ты с ним еще и встретишься. Вот Мерри с Пином повезло: они на него наткнулись прямо здесь, где мы сидим. Третьего дня он унес их к себе в гости на другой конец Леса, к горным подножиям. Он сюда частенько заходит, когда ему беспокойно — а нынешние слухи один другого тревожней. Я видел его четверо суток назад: он бродил по Лесу и, кажется, заметил меня, даже остановился — но я не стал с ним заговаривать; меня угнетали мрачные мысли, и я был изнурен поединком с Оком Мордора. Он промолчал и не окликнул меня.

— Наверно, он тоже принял тебя за Сарумана, — предположил Гимли. — Но ты о нем говоришь так, точно это друг. А вроде бы Фангорна надо остерегаться?

— Остерегаться! — усмехнулся Гэндальф. — Меня тоже надо остерегаться: опасней меня ты в жизни никого не встретишь, разве что тебя приволакут живьем к подножию трона Черного Владыки. И Арагорна надо остерегаться, и Леголаса. Поберегись, Гимли, сын Глоина, да и тебя тоже пусть поберегутся! Конечно, Фангорн-Лес опасен — особенно для тех, кто размахивает топорами; и опасен лесной страж Фангорн — однако же мудрости и доброты ему не занимать. Веками копились его обиды, чаша терпения переполнилась, и весь Лес напоен гневом. Хоббиты с их новостями расплескали чашу и обратили гнев на Сарумана, на изенгардских древорубов. И будет такое, чего не бывало со Дней Предначальных: смиренные онты, воспрянув, познают свою непомерную силу.

— А что они могут? — изумленно спросил Леголас.

— Не знаю, — сказал Гэндальф. — Если бы я знал! Должно быть, и сами они этого не ведают.

Он замолчал, низко склонив голову.

Друзья не сводили с него глаз. Проглянувшее солнце озарило его руки и наполнило пригоршни светом, словно живую чашу. Он обратил лицо к небесам.

— Близится полдень,—сказал он.— Пора в путь.

— Пойдем туда, где сейчас Древень и хоббиты?—спросил Арагорн.

— Нет,—отвечал Гэндальф.— Наш путь не туда лежит. Я вас обнадежил, но от надежды до победы как до звезды небесной. Война зовет нас; все наши друзья уже сражаются. Верную победу в этой войне сулит одно лишь Кольцо. Скорбь и тревога обуревают меня, ибо впереди великие утраты, а может статься, и всеобщая гибель. Я—Гэндальф, Гэндальф Белый, но черные силы ныне превосмогают.

Он поднялся и устремил на восток пристальный взор из-под ладони, вглядываясь в непроницаемую даль. И покачал головой.

— Нет,—сказал он тихо,—его уже не вернуть: порадуемся хотя бы этому. Кольцо перестало быть для нас искушением. Мы пойдем навстречу отчаянию и гибели, но эта смертельная опасность миновала.—Он обернулся.— Мужайся, Арагорн, сын Араторна! В долине Привражья, в горестный час ты выбрал свой жребий: не сожалей о выборе, не называй вашу погоню тщетной. В тяжком сомнении ты избрал путь, указанный совестью. Ты поступил правильно, и награда не замедлила: мы с тобой встретились вовремя—беда, если бы разминулись. Спутники твои как хотят; они свое исполнили. Тебе же должно спешить в Эдорас, к трону Теодена, и да заблещет ярче всех молний меч твой Андрил, стосковавшийся по сече! Ристания охвачена войной, но страшнее войны—немощь Теодена.

— Значит, мы больше никогда не увидим веселых малышей-хоббитов?—спросил Леголас.

— Я этого не говорил,—сказал ему Гэндальф.— Почему знать? Иди туда, где ты нужен, наберись терпенья и не теряй надежды. Итак, в Эдорас! Мне с вами пока по пути.

— Пешему путнику—и старому, и молодому—долго отсюда брести до Эдораса,—сказал Арагорн.— Пока мы дойдем, все битвы уже отгремят.

— Посмотрим, посмотрим,—сказал Гэндальф.— Так ты идешь со мной?

— Да, мы пойдем вместе,— ответил Арагорн.— Но ты, конечно, опередишь меня, если захочешь.

Он поднялся и долгим взглядом посмотрел на Гэндальфа. Они стояли друг против друга, и в молчанье наблюдали за ними Леголас и Гимли. Суров, как серое каменное изваяние, высился Арагорн, сын Араторна, держа руку на мече; казалось, величавый исполин явился из-за морей на берег своей державы. А перед ним ссутулился согбенный годами старец, весь в белом сиянье, наделенный властью превыше царей земных.

— Поистине сказал я, Гэндальф,— произнес наконец Арагорн,— что ты всегда и везде опередишь меня, если захочешь. И скажу еще вот что: ты — ниспосланный нам предводитель. У Черного Владыки Девятеро приспешников. Но властительней, чем они все, наш Белый Всадник. Он прошел сквозь огонь, бездна не поглотила его; и они рассеются перед ним. А мы пойдем вслед за ним, куда он нас поведет.

— Втроем не отстанем,— подтвердил Леголас.— Только все-таки, Гэндальф, расскажи ты нам, что выпало на твою долю в Мории. Неужто не расскажешь? Велико ли промедление — а на сердце у друзей как-никак полегчает!

— Я уж и так промедлил, а время не ждет,— сказал Гэндальф.— Да и рассказов тут хватит на год с лишним.

— На год с лишним не надо, а полчаса можно,— попросил Гимли.— Расскажи хотя бы, как ты разделался с Барлогом.

— Не именуй его! — Гэндальф вздрогнул, лицо его мертвенно посерело, и он застыл в молчании.— Падал я очень долго,— наконец выговорил он, припоминая как бы через силу.— Я очень долго падал, а тот падал вместе со мной и опалил меня своим огнем до костей. Потом нас поглотили черные воды, и замогильный мрак оледенил мое сердце.

— Бездонна пропасть под Мостом Дарина, и несть ей меры,— глухо произнес Гимли.

— Она не бездонна, она лишь неимоверна,— сказал Гэндальф.— И одиако ж я достиг ее дна, последней каменной глубины. Но он был со мной; лишившись огня, он сделался скользким и могучим, как огромный удав.

И там, в заподземном глухом тупике, мы продолжали бой. Он сдавливал меня змеиной хваткой, а я разил его мечом, и он бежал от меня по извилистым узким проходам, не кирками народа Дарина прорубленным, о Гимли, сын Глоина. Так глубоко не забирался ни один гном; каменные корневища гор источены безымянными тварями, неведомыми самому Саурону, ибо они древнее его. О тамошнем кромешном ужасе я молчу, чтоб не омрачить дневной свет. Выбраться оттуда я мог лишь вслед за врагом; я гнался за ним по пятам, и волей-неволей он вывел меня наконец к потайным ходам Казад-Дума: вверх и вверх вели они, и мы очутились на Бесконечной Лестнице.

— О ней уж и память изгладилась,— вздохнул Гимли.— Одни говорят, что это—сказка, другие—что Лестницу давным-давно разрушили.

— Это не сказка, и давным-давно ее не разрушили. В ней много тысяч ступеней, и винтом восходит она от каменных подземелий к Башне Дарина, вытесанной в остроконечной скале, вершине Зиракзигила, иначе Среброга, Келебдора по-среднеэльфийски.

Там, за одиноким окном, прорезью в оснеженном льду, был узкий выступ, точно орлиное гнездовье над мглистым покровом гор. Сверху ярилось солнце, внизу залегли облака. Я выпрыгнул наружу вслед за ним, а он вспыхнул огненной головней. Ничьи глаза не видели этого Поединка на Вершине Вершин, а то бы песни о нем, может статься, пережили века.— И Гэндальф вдруг рассмеялся.— Но о чем тут слагать песни? Издали заметили только страшную грозу на вершине Келебдора: грохотал, говорят, гром, и молния за молнией разрывались лоскутьями пламени. Может, для песен и этого хватит? Дым стоял над нами столбом, клубился смрадный пар, сыпалось ледяное крошево. Я одолел врага; он низвергся с заоблачных высот, в паденье обрушивая горные кручи. Но тьма объела меня, и я блуждал в безначальном безвременье, путями, тайна которых пребудет нерушима.

Нагим меня возвратили в мир—ненадолго, до истечения сроков. И очнулся я на вершине горы. Ни окна, ни самой Башни не было; Лестницу загромождили груды обожженных камней. Я лежал один, не чая спасенья и помощи ниоткуда, на кремнистой крыше мира. Надо мною вершился звездный круговорот, и дни казались мне

веками. Я внимал смутному, слитному ропоту земного бытия: предсмертным крикам и воплям рожениц, застольным песням и погребальному плачу и медленным, тяжким стонам утомленного камня. И прилетел Гвайгир Ветробой; он меня поднял и понес неведомо куда.

«Ты поистине друг в беде, а я — твое вечное бремя», — сказал я ему.

«Был ты когда-то бременем, — проклекотал он, — но нынче ты не таков. Лебединое перышко несу я в своих когтях. Солнечные лучи пронизывают тебя. И я тебе больше не нужен: отпускаю — и ты поплывешь с потоками ветра».

«Не надо, не отпускай! — попросил я, понемногу возвращаясь к жизни. — Отнеси меня лучше в Кветлориэн!»

«Так мне и повелела Владычица Галадриэль, высылая меня за тобою», — отвечал он.

И принес он меня в Галадхэн, откуда вы недавно перед тем отплыли. Вы знаете, время там не старит, а целит, и я исцелился. Меня облачили в белые одежды. Я был советчиком и принимал советы. Необычной дорогой пришел я оттуда и принес вам устные посланья. Арагорну сказано так:

На сумеречном Севере блесни, Эльфийский Берилл!
Друзей призови к оружию и родичей собери.
Они увидят, услышат — и откликнутся все, кто жив, —
И Серая выйдет Дружина на южные рубежи.
Тебе же сужден одинокий и непомерный труд:
Прямую дорогу к Морю мертвые стерегут.

А тебе, Леголас, Галадриэль передала вот что:

Царевич из Лихолесья! Под сенью лесной
Жил ты себе на радость. Но потеряешь покой!
Возгласы быстрых чаек и рокот прибрежной волны
Станут тебе отрадней возлюбленной тишины.

Гэндальф замолк и прикрыл глаза.

— А мне, значит, ничего нет? — спросил Гимли и повесил голову.

— Темны слова ее, — сказал Леголас. — Моему уху они ничего не говорят.

— Для меня это не утешение, — буркнул Гимли.

— Тебе что, больше всех надо? Хочешь, чтобы она предрекла твою гибель?

— Да, хочу, если больше ей нечего мне передать.

— О чем вы там? — спросил Гэндальф. — Нет, моему уху обращенные к вам слова кое-что говорят. Прошу прощения, Гимли! Я просто сызнава обдумывал эти два ее послания. Но есть и третье, не туманное и не скорбное.

— «Гимли, сыну Глоина, — сказала она, — поклон от его Дамы. Хранитель моей пряди, мысли мои неотлучно следуют за тобой. Да не остынет твоя доблесть, и пусть рубит твоя секира лишь то, что должно рубить!»

— В добрый час ты вернулся к нам, Гэндальф! — возгласил Гимли и пустился в пляс под диковатый напев на гномьем языке. — Ну, теперь держитесь! — кричал он, вертя топором над головой. — С Гэндальфом я, конечно, дал маху, но уж в следующий раз рубанем кого надо на славу!

— Следующего раза недолго ждать, — пообещал Гэндальф, вставая с камня. — Что ж, поговорили — и будет с нас на первый случай. Пора в путь!

Он снова завернулся в свою ветхую хламиду и пошел первым. Молча и быстро спустились они с горы, добрались до Онтавы и берегом вышли к опушке, на лужайку под развесистым дубом. Лошадей было по-прежнему не видеть и не слышать.

— Не возвратились они, — заметил Леголас. — Пешком побредем.

— Некогда мне пешком ходить, — сказал Гэндальф. Он задрал голову и засвистел так пронзительно-звонко, что все на него обернулись — неужто свист этот издал благообразный старец с пышной бородой? Он просвистел трижды; им почудилось, будто восточный ветер донес издалека ржание лошадей, и они изумленно прислушались. Арагорн лег, приложил ухо к земле и почуял дальнее содроганье; вскоре оно превратилось в цокот быстрых копыт, стучавших все четче и ближе.

— Скачет не одна лошадь, — сказал Арагорн.

— Конечно, не одна, — отозвался Гэндальф. — Одной на четверых маловато.

— Их три! — воскликнул Леголас, вглядываясь в степную даль. — Вот скажут так скажут! Да это Хазуфел, и Арод

мой с ним! Но третий мчится впереди: огромный конь, я таких в жизни не видывал.

— И не увидишь,—молвил Гэндальф.—Это Светозар, вожак царственного табуна Бэмаров: такой конь в диковинку самому конунгу Теодену. Видишь—он блещет серебром, а бег его плавен, точно живой ручей! Конь под стать Белому Всаднику, мой соратник в грядущих битвах.

Так говорил старый маг; и пышногривый красавец конь на скаку появился вдали, весь в серебряных бликах. Хазуфел и Арод поотстали, а Светозар приблизился легкой рысью, стал, склонил горделивую шею и положил голову на плечо старика. Гэндальф ласково потрепал его по холке.

— Далеко был путь от Раздола, друг мой,—сказал он,—но ты не промедлил и примчался в самую пору. Теперь поскачем вместе и уж более не разлучимся до конца дней! Мы спешим в Медусельд, в тронный чертог вашего господина,—обратился Гэндальф к двум другим коням, стоявшим поодаль как бы в ожидании. Они понятливо склонили головы.—Время наше на исходе; позвольте, друзья мои, мы поедем верхом, и просим вас бежать со всею резвостью. Седок Хазуфела—Арагорн, Арода—Леголас. Гимли я посажу перед собою: надеюсь, Светозару будет не в тягость двойная ноша. Тронемся в путь немедленно, только напьемся воды у Онтавы.

— Теперь хоть я понимаю, что случилось ночью,—сказал Леголас, взлетев на коня.—Сначала их, может быть, и спугнули, а потом они с радостным ржаньем понеслись навстречу своему вожаку Светозару. Ты знал, что он неподалеку, Гэндальф?

— Знал,—ответил маг.—Я устремил к нему мысль и призывал его поспешить, ибо вчера еще он был далеко на юге. А нынче помчится обратно—серебряной стрелой!

Гэндальф склонился к уху Светозара, и тот принул с места, оглянувшись на собратьев; круто свернул к Онтаве, мигом отыскал покатый береговой спуск и брод, пересек реку и поскакал на юг по безлесной плоской равнине, колыхавшей от края до края серые травяные волны. Ни дорог, ни тропинок не было и в помине, но Светозар неся, точно летел над землей.

— Скачет напрямик на Эдорас, к подножиям Белых

гор,—объяснил Гэндальф.—Так, конечно, быстрее. Есть туда и наезженная дорога, она осталась за рекой, в Остемнете, и сильно забирает на север, а здесь бездорожье, но Светозар каждую кочку знает.

Тянулись дневные часы, а они все ехали приречьем, заболоченными лугами. Высокая трава порой охлестывала колени всадников, и кони их словно плыли в серо-зеленом море. Ехали, минуя глубокие промоины и коварные топи среди зарослей осоки; Светозар скакал как посуху, и оба других коня поспешали за ним след в след.

Солнце медленно клонилось к западу; далеко-далеко, за бескрайней равниной, трава во всю ширь занялась багрянцем и, надвинувшись, озарились багровым отсветом склоны гор. А снизу подымалось и кровянило солнечный диск меж горами дымное облако: закат пламенел, как пожар.

— Это Врата Ристании,—объявил Гэндальф,—они прямо к западу от нас. А вон там, севернее, Изенгард.

— Дым валит тучей,—пригляделся Леголас.—Там что, большой пожар?

— Большая битва! —сказал Гэндальф.—Вперед!

ГЛАВА VI

КОНУНГ В ЗОЛОТОМ ЧЕРТОГЕ

акат догорел, понемногу смер-
клось, потом сгустилась ночная
тьма. Они скакали во весь
опор; когда же наконец остано-
вились, чтоб дать отдых лоша-
дям, то даже Арагорн пошат-
нулся, спешившись. Гэндальф
объявил короткий ночлег. Ле-
голас и Гимли разом уснули;
Арагорн лежал на спине, рас-
кинув руки; лишь старый маг
стоял, опершись на посох и
вглядываясь в темноту на запа-
де и на востоке. В беззвучной
ночи шелестела трава. Небо за-
волокло, холодный ветер гнал
и рвал нескончаемые облака,
обнажая туманный месяц. Сно-
ва двинулись в путь, и в жид-
ком лунном свете кони мчались
быстро, как днем.

Больше не отдыхали; Гимли
клевал носом и наверняка сва-
лился бы с коня, если б не
Гэндальф: тот придерживал и
встряхивал его. Хазуфел и

Арод, изнуренные и гордые, попевали за своим вожаком, за серой еле заметной тенью. Миля за милей оставались позади; бледный месяц скрылся на облачном западе.

Выдался знобкий утренник. Мрак на востоке поблек и засерел. Слева, из-за дальних черных отрогов Привражья, брызнули алые лучи. Степь озарил яркий и чистый рассвет; на их пути заметался ветер, вороша поникшую от холода траву. Внезапно Светозар стал как вкопанный и заржал. Гэндальф указал рукой вперед.

— Взгляните! — крикнул он, и спутники его подняли усталые глаза. Перед ними возвышался южный хребет, крутоверхие белые громады, изборожденные рытвинами. Зеленело холмистое угорье, и прилив степной зелени устремлялся в глубь могучей гряды — клиньями еще объятых темнотою долин. Взорам открылась самая просторная и протяженная из них. Она достигала горного узла со снежною вершиной, а широкое устье разлога стерегла отдельная гора за светлым речным витком. Еще неблизкое ее взлобье золотилось в утренних лучах.

— Ну, Леголас! — сказал Гэндальф. — Поведай нам, что ты видишь!

Леголас заслонила глаза от рассиявшегося солнца.

— Я вижу, со снеговых высей, блистая, бежит поток, исчезает в разлоге и возникает из мглы у подошвы зеленой горы, близ восточной окраины дола. Гора обнесена мощной стеной, остроконечной оградой и крепостным валом. Уступами вздымаются крыши домов; венчает крепость круглая зеленая терраса с высоким дворцом. Кажется, он крыт золотом: так и сияет. И дверные столбы золотые. У дверей стража в сверкающих панцирях; во всей крепости никакого движенья — видно, еще спят.

— Крепость называется Эдорас, — сказал Гэндальф, — а златоверхий дворец — Медусельд. Это столица Теодена, сына Тенгела, властителя Мустангрима. Хорошо, что мы подоспели к рассвету: вот она, наша дорога. А ехать надо с оглядкой — время военное, и коневоды-ристанийцы не спят и не дремлют, мало ли что издали кажется. Не прикасаться к оружию и держать языки на привязи — это я всем говорю, да и себе напоминаю. Надо, чтобы нас добром пропустили к Теодену.

Стояло хрустальное утро, и птицы распевали вовсю, когда они подъехали к реке. Она шумно изливалась в низину, широким извивом пересекая их путь и унося свои струи на восток, к камышовым заводям Онтавы. Сырые пышные луговины и травянистые берега заросли ивняком, и уже набухали, по-южному рано, густо-красные почки. Мелкий широкий брод был весь истоптан копытами. Путники переправились и выехали на большую колеистую дорогу, ведущую к крепости мимо высоких курганов у подошвы горы. Их зеленые склоны с западной стороны подернуло, точно снегом, звездчатыми цветочками.

— Смотрите,— сказал Гэндальф,— как ярко они белеют! Называются поминальники, по-здешнему *симбельмейны*, кладбищенские цветы, и цветут они круглый год. Да-да, это все могильники предков Теодена.

— Семь курганов слева, девять—справа,— подсчитал Арагорн.— Много утекло жизней с тех пор, как был воздвигнут золотой чертог.

— У нас в Лихолесье за это время пять сотен раз осыпались красные листья,— сказал Леголас,—но, по-нашему, это не срок.

— Это по-вашему, а у мустангримцев другой счет времени,—возразил Арагорн.—Лишь в песнях осталась память о том, как построили дворец, а что было раньше, уж и вовсе не помнят. Здешний край они называют своей землей, и речь их стала невнятна для северных сородичей.

Он завел тихую песню на медлительном языке, неведомом ни эльфу, ни гному, но им обоим понравился ее протяжный напев.

— Послушать, так ристанийское наречие,—сказал Леголас,—и правда звучит по-здешнему, то красно и раздольно, то жестко и сурово: степь и горы. Но я, конечно, ничего не понял. Слышится в песне печаль о смертном уделе.

— На всеобщий язык,—сказал Арагорн,—это можно перевести примерно так:

Где ныне конь и конный? Где рог его громкозвучащий?
Где его шлем и кольчуга, где лик его горделивый?
Где сладкозвучная арфа и костер, высоко горящий?
Где весна, и зрелое лето, и золотистая нива?
Оттремели горной грозою, отшумели степными ветрами,
Сгнули дни былые в закатной тени за холмами.

С огнем отплясала радость, и с дымом умчалось горе,
И невозвратное время не вернется к нам из-за Моря.

Такое поминанье сочинил давно забытый ристанийский песенник в честь Отрока Эорла, витязя из витязей: он примчался сюда с севера, и крылья росли возле копыт его скакуна Феларофа, прародителя нынешних лошадей Мустангрима. Вечерами, у костров, эту песню поют и поныне.

За безмолвными курганами дорога вкруговую устремилась вверх по зеленому склону и наконец привела их к прочным обветренным стенам и крепостным воротам Эдораса.

Возле них сидели стражи, числом более десятка; они тотчас повскакивали и преградили путь скрещенными копьями.

— Ни с места, неведомые чужестранцы! — крикнули они по-ристанийски и потребовали затем назвать себя и изъяснить свое дело. Изумление было в их взорах и ни следа дружелюбия; на Гэндальфа они глядели враждебно.

— Добро вам, что я понимаю ваш язык, — отозвался тот на их наречии, — но странники знать его не обязаны. Почему вы не обращаетесь на всеобщем языке, как принято в западных землях?

— Конунг Теоден повелел пропускать лишь тех, кто знает по-нашему и с нами в дружбе, — отвечал самый видный из стражей. — В дни войны к нам нет входа никому, кроме мустангримцев и гондорцев, посланцев Мундбурга. Кто вы такие, что безмятежно едете в диковинном облачении по нашей равнине верхом на конях, как две капли воды схожих с нашими? Мы стоим на часах всю ночь и заметили вас издалека. В жизни не видели мы народа чуднее вас и коня благородней того, на котором вы сидите вдвоем. Он из табуна Бэмаров, или же глаза наши обмануты колдовским обличем. Ответствуй, не ведьмак ли ты, не лазутчик ли Сарумана, а может, ты чародейный призрак? Говори, ответствуй немедленно!

— Мы не призраки, — отвечал за Гэндальфа Арагорн, — и глазам своим можете верить. Что кони это ваши — знаете сами, нечего и спрашивать зря. Однако же редкий конокрад пригоняет коня хозяевам. Это вот — Хазуфел и Арод: Эомер, Третий Сенешаль Мустангрима, одолжил их нам двое суток назад. Мы их доставили в срок. Разве Эомер не вернулся и вас не предупредил?

Страж, как видно, смутился.

— Об Эомере у нас речи не будет,— молвил он, отводя глаза.— Если вы говорите правду, то конунга, без сомнения, надо оповестить. Пожалуй, вас, и то сказать, поджидают. Как раз две ночи назад к нам спускался Гнилоуст: именем Теодена он не велел пропускать ни одного чужестранца.

— Гнилоуст?— сказал Гэндальф, смерив его строгим взглядом.— Тогда больше ни слова! До Гнилоуста мне дела нет, дела мои—с повелителем Мустангрима. И дела эти спешные. Пойдешь ты или пошлешь объявить о нашем прибытии?

Глаза его сверкнули из-под косматых бровей; он сурово нахмурился.

— Пойду,— угрюмо вымолвил страж.— Но о ком объявлять? И как доложить о тебе? С виду ты стар и немощен, а сила в тебе, по-моему, страшная.

— Верно ты углядел и правильно говоришь,— сказал маг.— Ибо я—Гэндальф. Я возвратился. И, как видишь, тоже привел коня, Светозара Серебряного, неподвластного ничьей руке. Рядом со мной Арагорн, сын Араторна, наследник славы древних князей, в Мундбург лежит его дорога. А это—эльф Леголас и гном Гимли, испытанные наши друзья. Ступай же скажи своему подлинному господину, что мы стоим у ворот и хотим говорить с ним, если он допустит нас в свой чертог.

— Чудеса, да и только!— пожал плечами страж.— Ладно, будь по-твоему, я доложу о вас конунгу, а там воля его. Погодите немного, я скоро вернусь с ответом. Очень-то не надейтесь, время нынче недоброе.

И страж удалился быстрыми шагами, препоручив чужестранцев надзору своих сотоварищей. Вернулся он и взаправду скоро.

— Следуйте за мною!— сказал он.— Теоден допускает вас к трону; но всякое оружие, будь то даже посох, вам придется сложить у дверей. За ним приглядит охрана.

Негостеприимные ворота приоткрылись, и путники вошли по одному вслед за своим вожатым. В гору поднималась извилистая брусчатая улица: то плавные изгибы, то короткие лестницы, выложенные узорными

плитами. Они шли мимо бревенчатых домов, глухих изгородей, запертых дверей, возле переливчатого полноводного ручья, весело журчавшего в просторном каменном желобе. Выйдя к вершине горы, они увидели, что над зеленой террасой возвышается каменный настил, из него торчала искусного ваяния лошадиная голова, извергавшая прозрачный водопад в огромную чашу; оттуда и струился ручей. Длинная и широкая мраморная лестница вела ко входу в золотой чертог; по обе стороны дверей были каменные скамьи для телохранителей конунга: они сидели с обнаженными мечами на коленях. Золотистые волосы, перехваченные тесьмой, ниспадали им на плечи; зеленые щиты украшал солнцевидный герб; их длинные панцири сверкали зеркальным блеском; они поднялись во весь рост и казались на голову выше простых смертных.

— Вам туда,—сказал вожатый.—А мне—обратно, к воротам. Прощайте! Да будет милостив к вам повелитель Мустангрима!

Он повернулся и, точно сбросив бремя, легко зашагал вниз. Путники взойшли по длинной лестнице под взглядами молчаливых великанов-часовых и остановились у верхней площадки; Гэндальф первым ступил на мозаичный пол, и сразу же звонко прозвучало учтивое приветствие пористанийски.

— Мир вам, пришельцы издалека! — промолвили стражи и обратили мечи рукоятью вперед. Блеснули зеленые самоцветы. Потом один из часовых выступил вперед и заговорил на всеобщем языке:

— Я Гайма, главный телохранитель Теодена. Прошу вас сложить все оружие здесь у стены.

Леголас вручил ему свой кинжал с серебряным черенком, колчан и лук.

— Побереги мое снаряжение,—сказал он.—Оно из Золотого Леса, подарок Владычицы Кветлориэна.

Гайма изумленно вскинул глаза и поспешно, с видимой опаской сложил снаряжение возле стены.

— Можешь быть спокоен, никто его пальцем не коснется,—пообещал он.

Арагорн медлил и колебался.

— Нет на то моей воли,—сказал он,—чтобы расставаться с мечом и отдавать Андрил в чужие руки.

— На то есть воля Теодена,—сказал Гайма.

— Вряд ли воля Теодена, сына Тенгела, хоть он и повелитель Мустангрима, указ для Арагорна, сына Араторна, потомка Элэндила и законного государя Гондора.

— В этом дворце хозяин Теоден, а не Арагорн, даже если б он и сменил Деизтора на гондорском троне,—возразил Гайма, преградив путь к дверям. Меч в его руке был теперь обращен острием к чужеземцам.

— Пустые перекоры,—сказал Гэндальф.—Веленье Теодена неразумно, однако же спорить тут не о чем. Конунг у себя во дворце волен в своем неразумии.

— Поистине так,—согласился Арагорн.—И я покорился бы воле хозяина дома, будь то даже хижина дровосека, если бы меч мой был не Андрил.

— Как бы он ни именовался,—сказал Гайма,—но ты положишь его здесь или будешь сражаться один со всеми воинами Эдораса.

— Почему же один?—проговорил Гимли, поглаживая пальцем лезвие своей секиры и мрачно поглядывая на телохранителя конунга, точно примеряясь рубить молодое деревце.— Не один!

— Спокойствие!—повелительно молвил Гэндальф.—Мы—ваши друзья и соратники, и всякая распря между нами на руку только Мордору—он отзовется злорадным хохотом. Время дорого. Прими *мой меч*, доблестный Гайма. Его тоже побереги: имя ему Яррист, и откован он эльфами много тысяч лет назад. Меня теперь можешь пропустить. А ты, Арагорн, образумься!

Арагорн медленно отстегнул пояс и сам поставил меч стоймя у стены.

— Здесь я его оставляю,—сказал он,—и повелеваю тебе не прикасаться к нему, и да не коснется его никто другой. Эти эльфийские ножны хранят Сломанный Клинок, перекованный заново. Впервые выковал его Тельчар—во времена незапамятные. Смерть ждет всякого, кто обнажит меч Элэндила, кроме его прямых потомков.

Страж попятился и с изумлением взглянул на Арагорна.

— Вы словно явились по зову песни из дней давно забытых,—проговорил он.—Будет исполнено, господин, как ты велишь.

— Ну, тогда ладно,—сказал Гимли.—Рядом с Андри-

лом и моей секире не зазорно полежать отдохнуть.— И он с лязгом положил ее на мозаичный пол.— Теперь все тебя послушались, давай води нас к своему конунгу.

Но страж мешкал.

— Еще твой посох,— сказал он Гэндальфу.— Прости меня, но и его надлежит оставить у дверей.

— Вот уж нет!— сказал Гэндальф.— Одно дело — предосторожность, даже излишняя, другое — неучтивость. Я — старик. Если ты непустишь меня с палкой, то я сяду здесь и буду сидеть, пока Теодену самому не заблагорассудится приковылять ко мне на крыльцо.

Арагорн рассмеялся.

— Кто о чем, а старик о своей палке,— сказал он.— Что ж ты,— укоризненно обратился он к Гайме,— неужели и вправду станешь отнимать палку у старика? А без этого не пропустишь?

— Посох в руке волшебника может оказаться не подпоркой, а жезлом,— сказал Гайма, пристально поглядев на ясеневую палку Гэндальфа.— Однако ж в сомнении мудрость велит слушаться внутреннего голоса. Я верю, что вы друзья и что такие, как вы, не могут умышлять лиходейства. Добро пожаловать!

Загремели засовы, тягучим скрежетом отозвались кованые петли, и громоздкие створки медленно разошлись. Пахнуло теплом, почти затхлым после свежего и чистого горного воздуха. В многоколонном чертоге повсюду таились тени и властвовал полусвет; лишь из восточных окон под возвышенным сводом падали искристые солнечные снопы. В проеме кровли, служившем дымоходом, за слоистой пеленой виднелось бледно-голубое небо. Глаза их пообвыкли, и на мозаичном полу обозначилась затейливая руническая вязь. Резные колонны отливали тусклым золотом и сеяли цветные блики. Стены были увешаны необъятными выцветшими гобеленами; смутные образы преданий терялись в сумраке. Но один из ковров вдруг светло озарился: юноша на белом коне трубил в большой рог, и желтые волосы его развевались по ветру. Конь ржал в предвкушении битвы, задрал голову, раздувая красные ноздри. У колен его бурлил, плеща зеленоватой пеной, речной поток.

— Вот он, Отрок Эорл! — сказал Арагорн. — Таким он был, когда примчался с севера и ринулся в битву на Келебранте.

Посредине чертога ровно и ясно пламенел гигантский очаг. За очагом, в дальнем конце зала, было возвышение: трехступенчатый помост золоченого трона. На троне восседал скрюченный старец, казавшийся гномом; его густые седины струились пышной волной из-под тонкого золотого обруча с крупным бриллиантом. Белоснежная борода устилала его колени, и угрюмо сверкали глаза навстречу незваным гостям. За его спиною стояла девушка в белом одеянии, а на ступеньках у ног примостился иссохший человечек, длинноголовый, мертвенно-бледный; он смежил тяжелые веки.

Молча и неподвижно взирал на пришельцев с трона венценосный старик. Заговорил Гэндальф:

— Здравствуй, Теоден, сын Тенгела! Видишь, я снова явился к тебе, ибо надвигается буря и в этот грозный час все друзья должны соединить оружие, дабы не истребили нас порознь.

Старик медленно поднялся на ноги, подпираясь коротким черным жезлом со светлым костяным набалдашником; тяжело лежало на конунге бремя лет, но, видно, старческому телу памятна еще была прежняя осанка могучего, рослого витязя.

— Здравствуй и ты, чародей Гэндальф, — отвечал он. — Но если ты ждешь от меня слова привета, то ждешь напрасно: по чести, ты его не заслужил. Ты всегда был дурным вестником. Напасти слетаются вслед за тобой, как вороны, и все чернее их злобная стая. Скажу не солгу: когда я услышал, что Светозар вернулся, потеряв седака, я рад был возвращению коня, но еще больше рад избавлению от тебя; и не печалился я, когда Эомер привез весть о том, что ты наконец обрел вечный покой. Увы, дальнейшее эхо обычно обманчиво: ты не замедлил явиться вновь! А за тобою, как всегда, беды страшнее прежних. И ты, Гэндальф Зловещий Ворон, ждешь от меня милостивых речей? Не дождешься!

И он опустил на свой золоченый трон.

— Справедливы слова твои, государь, — сказал бледный человечек на ступеньках. — И пяти дней не прошло, как принесли нам скорбную весть о гибели сына твоего

Теодреда в западных пределах: ты лишился правой руки, Второго Сенешаля Мустангрима. На Эомера надежда плоха: ему только дай волю, и он оставит дворец твой безо всякой охраны. А из Гондора между тем извещают, что Черный Властелин грозит нашествием. В лихую годину пожаловал вновь этот бродячий кознодей! Взаправду, о Зловещий Ворон, неужели радоваться нам твоему прилету? *Латспелл* нареку я тебя, Горевестник—а по вестям и гонца встречают.

Он издал сухой смешок, приподняв набрякшие веки и злобно оглядывая пришельцев.

— Ты слывешь мудрецом, приятель Гнилоуст, и на диво надежной опорой служишь ты своему господину,—спокойно заметил Гэндальф.—Знай же, что не одни кознодеи являются в горестный час. Бывает, что рука об руку с худыми вестями спешит подмога, прежде ненадобная.

— Бывает,—ехидно согласился Гнилоуст,—но бывают еще и такие костоглоды, охочие до чужих бед, стервятники-трупоседы. Бывала ли от тебя когда-нибудь подмога, Зловещий Ворон? И с какой подмогой спешил ты сейчас? Прошлый раз ты, помнится, сам явился за подмогой. Конунг оказал тебе милость, дозволил выбрать коня, и, всем на изумленье, ты дерзостно выбрал Светозара. Государь мой был опечален; но иным даже эта великая цена не показалась чересчур дорогой, лишь бы ты поскорее убрался восвояси. И нынче ты опять наверняка явился не с подмогой, а за подмогой. Ты что, привел дружину? Конников, меченосцев, копейщиков? Вот это была бы подмога, надобная нам теперь. А ты—кого ты привел? Троих грязных голодранцев, а самому только нищенской суммы недостает!

— Неучтиво стали встречать странников во дворце твоём, о Теоден, сын Тенгела,—покачал головой Гэндальф.—Разве привратник не поведал тебе имен моих спутников? Таких почетных гостей в этом чертоге еще не бывало, и у дверей твоих они сложили оружие, достойное величайших витязей. Серое облачение подарили им эльфы Кветлориэна: оно уберегло их от многих опасностей на трудном пути в твою столицу.

— Так, стало быть, верно сказал Эомер, что вас привечала колдунья Золотого Леса?—процедил Гнило-

уст.— Оно и немудрено: от века плетутся в Двиморнеде коварные тенета.

Гимли шагнул вперед, но рука Гэндальфа легла ему на плечо, и он замер.

О Двиморнед, Кветлориэн,
Где смертных дней не властен тлен!
Укрыт вдали от смертных глаз,
Тот край сияет, как алмаз.
«Галадриэль! Галадриэль!» —
Поет немолчная свирель,
И подпевает ей вода,
И блещет белая звезда.
Кветлориэн, о Двиморнед,
Прозрачный мир, где тлена нет!

Так пропел Гэндальф, и вмиг его облик волшебным образом изменился. Он сбросил хламиду, выпрямился, сжимая посох в руке, и произнес сурово и звучно:

— Мудрые не кичатся невежеством, о Грима, сын Галмода. Но без остатка сгнило твое нутро. Замкни же смрадные уста! Я не затем вышел из огненного горнила смерти, чтоб препираться с презренным холоуем!

Он воздел посох, и грянул гром. Солнечные окна задернуло черным пологом, чертог объела густая тьма. Огонь исчез в груди тускнеющих угольев. Виден был один лишь Гэндальф: высокая белая фигура у мрачного очага.

В темноте послышалось яростное шипенье Гнилоуста:

— Я же говорил, государь, надо было отнять у него посох! Болван и предатель Гайма погубил нас!

Проблестала ветвистая молния; казалось, свод раскололся. Потом все смолкло. Гнилоуст простерся ничком.

— Выслушай же меня, Теоден, сын Тенгела! — молвил Гэндальф. — Ты искал помощи в годину бедствий? — Он указал посохом на высокое окно: в разрыве туч открылась глубокая небесная лазурь. — Еще не всевластен мрак в Средиземье. Мужайся, повелитель Мустангрима! — вот тебе самая верная подмога. Отчаянье к советам глухо; отринь его, и я готов быть твоим советчиком, но лишь с глазу на глаз. А прежде выйди на свое крыльцо, погляди вокруг. Засиделся ты взаперти, внимая кривдам и криво-толкам.

Еще медленней прежнего поднялся с трона Теоден. В чертоге стало светлее. Девушка поддерживала дряхлого конунга; старец неверными шагами сошел по ступеням помоста и, волоча ноги, поплелся через огромную палату. Гнилоуст остался лежать, где лежал. Наконец они подошли к дверям, и Гэндальф гулко ударил в них посохом.

— Отворите! — крикнул он. — Отворите повелителю Мустангрима!

Двери распахнулись, и свежий воздух с шумом хлынул в чертог. Горный ветер засвистал в ушах.

— Отошли телохранителей к подножию лестницы, — сказал Гэндальф. — И ты оставь его, дева, на мое попечение.

— Иди, Эовин, сестрина дочь! — повелел конунг. — Время страхов миновало.

Девушка отправилась назад, но в дверях обернулась. Суров и задумчив был ее взор; на конунга она глянула с безнадежной грустью. Лицо ее сияло красотой; золотистая коса спускалась до пояса; стройнее березки была она, в белом платье с серебряной опояской; нежнее лилии и тверже стального клинка: кровь конунгов текла в ее жилах.

Так Арагорну впервые предстала при свете дня Эовин, ристанийская принцесса, во всей ее холодной, еще не женственной прелести, ясная и строгая, как вешнее утро в морозной дымке. А она поглядела на высокого странника в серых отрепьях и увидела властителя и воина, величавого и доблестного, умудренного долголетними многотрудными испытаниями. На миг она застыла, не сводя с него глаз, потом повернулась и исчезла.

— Государь, — сказал Гэндальф, — взгляни на свою страну! Вздохни полной грудью!

С крыльца на вершине высокой террасы, далеко за бурливой рекой виднелась зеленая степная ширь в туманном окоеме. Ее застилали косые дождевые полотна. Грозовые тучи еще клубились над головой и омрачали западный край небосвода: там, среди невидимых вершин, вспыхивали дальние молнии. Но все упорнее задувал северный ветер, и гроза, налетевшая с востока, отступала на юг, к морю. Внезапно тучи вспорол яркий солнечный луч, и засеребрились ливни, а река словно остекленела.

— Не так уж темно на белом свете, — молвил Теоден.

— Темно, да не совсем,—подтвердил Гэндальф.—И годы твои не так уж гнетут тебя, как тебе нашептали. Отбрось клюку!

Черный жезл конунга со стуком откатился. А конунг выпрямился устало и медлительно, точно разгибаясь из-под ярма. И стоял, стройный и высокий, а глаза его просияли небесной голубизной.

— Смутные, черные сны одолевали меня,—сказал он,—но я, кажется, пробудился. Да, Гэндальф, пожалуй, надо было тебе явиться пораньше. Боюсь, ты запоздал и подоспел лишь затем, чтоб увидеть крушение Мустангри-ма, мои последние дни в высоком чертоге, который построил некогда Бrego, сын Эорла. Пепелище останется на месте древней столицы. И все же как быть, по-твоему?

— Сперва,—отвечал Гэндальф,—вели послать за Эоме-ром. Ты ведь заточил его в темницу по совету Гримы, которого все, кроме тебя, называют Гнилоустом?

— Да, это так,—подтвердил Теоден.—Он ослушался меня и вдобавок угрожал Гриму смертью у подножия моего трона.

— Твой верноподданный вправе ненавидеть Гнилоуста и презирать его советы,—возразил Гэндальф.

— Может быть, может быть. Пусть свершится по просьбе твоей. Кликни Гайму. Телохранитель он ненадежный, посмотрим, каков на посылках. Обе провинности рассудим заодно,—сказал Теоден, и голос его был суров, но он встретил взгляд Гэндальфа улыбкой, и многие морщины на челе его изгладились бесследно.

Гайму призвали и отправили с порученьем в темницу, а Гэндальф указал Теодену на каменную скамью и сел у ног его на верхней ступени лестницы. Арагорн, Леголас и Гимли стояли неподалеку.

— Нет времени на долгие рассказы,—сказал Гэндальф.—А между тем многое не мешало бы тебе знать. Впрочем, должно быть, вскоре выпадет нам с тобой случай потолковать как следует. А пока открою тебе, что бедствия подлинные не в пример грознее тех, которыми пугал тебя Гнилоуст. Однако же явь—не морок, а ты теперь ожил въяве. Не только Гондор и Мустангрим противостоят

Всеобщему Врагу. Полчища его несметны, но нас осеняет надежда, неведомая ему.

Быстрой стала речь Гэндальфа, тихий его голос был слышен одному конунгу, и глаза Теодена разгорались все ярче. Наконец он встал со скамьи и выпрямился во весь рост. Гэндальф стоял рядом, и оба глядели на восток с горной высоты.

— Поистине так,— произнес Гэндальф громко, звонко и раздельно.— Спасение наше там, откуда грозит нам гибель. Судьба наша висит на волоске. Однако надежда есть; лишь бы удалось до поры до времени выстоять.

Трое спутников Гэндальфа тоже обратили взоры к востоку. Неоглядная даль тонула во мгле; но они уносились мыслью за горные преграды, в край, окованный холодным мраком. Где-то там Хранитель Кольца? Тонок же тот волосок, на котором повисла общая судьба! Зоркому Леголасу почудилась точно бы светлая вспышка: должно быть, солнце блеснуло на шпиле гондорской Сторожевой Башни; и в запредельном сумраке зажегся ответный, крохотный и зловещий багровый огонек.

Теоден опустил на скамью: старческая немощ снова обессилила его вопреки воле Гэндальфа. Он обернулся и поглядел на свой дворец.

— Увы! — сказал он.— Увы мне, под старость мою нагрянули скорбные дни, а я-то надеялся окончить жизнь в мире, заслуженном и благодатном. Доблестный Боромир убит! Увы, молодые гибнут смертью храбрых, а мы, старики, догниваем, кое-как доживаем свой век.

— Длань твоя вспомнит былую мощь, если возьмется за рукоять меча,— сказал Гэндальф.

Теоден встал, рука его попусту обшаривала бедро: не было меча у него на поясе.

— Куда его спрятал Грима? — пробормотал он.

— Возьми, государь! — раздался чей-то звонкий голос.— Лишь в твою честь обнажался этот клинок, ты — его хозяин.

Два воина приблизились незаметно и остановились за несколько ступеней. Один из них был Эомер, без шлема и панциря; он держал за острие обнаженный меч и протягивал его конунгу.

— Это что еще такое? — сурово спросил Теоден. Он повернулся к Эомеру, статный и величавый: куда подевал-

ся скрюченный гном на троне, немощный старец с клюшкой?

— Моя вина, государь,—с трепетом признался Гайма.— По моему разумению, ты простил и освободил Эомера, и я так возрадовался, что не взыщи за ошибку. Освобожденный Сенешаль Мустангрима потребовал меч, и я ему не отказал.

— Лишь затем, чтобы положить его к твоим ногам, государь,—сказал Эомер.

Теоден молча глядел на преклонившего колени Эомера. Все стояли неподвижно.

— Меч-то, может, возьмешь? — посоветовал Гэндальф.

Теоден потянулся за мечом, взялся за рукоять — и рука его на глазах обрела богатырскую силу и сноровку. Меч со свистом описал в воздухе сверкающий круг. Конунг издал клич на родном языке, призыв к оружию, гордый и зычный:

Конники Теодена, конунг зовет на брань!
На кровавую сечу, в непроглядную тьму.
Снаряжайте коней, и пусть затрубят рога!
Эорлинги, вперед!

Взбежав по лестнице, телохранители с изумленьем и восторгом поглядели на своего государя — и сложили мечи у его ног.

— Повелевай! — в один голос молвили они.

— *Весту Теоден хал!* — воскликнул Эомер. — Великая радость выпала нам — узреть возрожденное величье. Уж не скажут более про тебя, Гэндальф, будто приносишь ты одни горести!

— Возьми свой меч, Эомер, сестрин сын! — сказал конунг. — Гайма, пойди за моим мечом: он хранится у Гримы. И Гриму приведи. Ты сказал, Гэндальф, что готов быть моим советчиком, но советов твоих я пока не слышал.

— Ты их уже принял, — отозвался Гэндальф. — Доверься Эомеру вопреки подлым наветам. Отбрось страхи и сожаленья. Ничего не откладывай. Всех годных к ратному делу немедленно конным строем на запад, как и советовал тебе Эомер: надо, пока не поздно, расправиться с Саруманом. Не сумеем — все пропало. Сумеем — там будет видно. Женщины, дети и старики пусть перебирают-

ся из Эдораса в горные убежища—на этот случай они и уготованы. И как можно скорей: побольше припасов, поменьше скарба; лишь бы сами успели спастись.

— Да ты советчик хоть куда,—сказал Теоден.—Снаряжаться и собираться! Но хороши мы хозяева! Верно сказал ты, Гэндальф, неучтиво стали встречать у нас странников. Вы скакали ночь напролет, вот уж и полдень; вам надо поесть и выспаться. Сейчас приготовят покои: отоспитесь после трапезы.

— Нет, государь,—сказал Арагорн.—Не будет нынче отдыха усталым. Сегодня же выступят в поход копейщики Мустангрима, и мы с ними—секира, меч и лук. Не должно оружию нашему залеживаться у твоих дверей. Я обещал Эомеру, что клинки наши заблещут вместе.

— И победа будет за нами!—воскликнул Эомер.

— Посмотрим, посмотрим,—сказал Гэндальф.—Изенгард—страшный противник, но во сто крат гибельнее грядущие напасти. Мы отправимся им навстречу, а ты, Теоден, поскорее уводи оставшихся всех до единого в Дунхергскую теснину.

— Нет, Гэндальф!—возразил конунг.—Ты сам еще не знаешь, каков ты лекарь. Я поведу ристанийское ополчение и разделю общую участь на поле брани. Иначе не будет мне покоя.

— Что ж, тогда и поражение Мустангрима воспоют как победу,—сказал Арагорн, и рядом стоявшие воины, бряцая оружием, возгласили:

— Да здравствует вождь Теоден! Вперед, эорлинги!

— Однако и здесь нельзя оставить безоружный люд без предводителя,—сказал Гэндальф.—Кого ты назначишь своим наместником?

— Решение за мной, и я повременю,—отвечал Теоден.—А вот, кстати, и мой тайный советник.

Гайма показался в дверях чертога. За ним, между двух стражей, втянув голову в плечи, следовал Грима Гнилоуст. Лицо его было мучнистое, непривычные к солнцу глаза часто моргали. Гайма преклонил колени и вручил Теодену длинный меч в золотокованных ножнах, усыпанных смарагдами.

— Вот, государь, твой старинный клинок Геругрим,—

сказал он.— Нашелся у него в сундуке, который он никак не хотел отпирать. Там припрятано много пропавших вещей.

— Ты лжешь,— прошипел Гнилоуст.— А меч свой государь сам отдал мне на хранение.

— И теперь надлежит возвратить его владельцу,— сказал Теоден.— Тебе это не по нутру?

— На все твоя воля, государь,— отвечивал тот.— Я лишь смиренно пекусь о тебе и твоём достоянии. Но побереги свои силы, повелитель, они ведь уж не те, что прежде. Препоручи другим назойливых гостей. Трапеза твоя готова. Не пожалуешь ли к столу?

— Пожалую,— сказал Теоден.— И позаботься о трапезе для моих гостей, мы сядем за стол вместе. Ополчение выступает сегодня. Разошли глашатаев по столице и ближним весям. Мужам и юношам— всем, кому по силам оружие и у кого есть кони,— построиться у ворот во втором часу пополудни!

— Ох, государь!— воскликнул Гнилоуст.— Этого-то я и страшился: чародей околдовал тебя. И ты оставишь без охраны золотой чертог своих предков и свою казну? Без охраны останется повелитель нашего края?

— Околдовал, говоришь?— переспросил Теоден.— По мне, такие чары лучше твоих пошептов. Твоими заботами мне бы давно уж впору ползать на четвереньках. Нет, в Эдорасе не останется никого; даже тайный советник Грима сядет на коня. Ступай! У тебя еще есть время счистить с меча ржавчину.

— Смиловатись, государь!— завопил Гнилоуст, извиваясь у ног конунга.— Сжался над стариком, одряхлевшим в неусыпных заботах о тебе! Не отсылай меня прочь! Я и в одиночку сумею охранить твою царственную особу. Не отсылай своего верного Гриму!

— Сжалюсь,— сказал Теоден.— Сжалюсь и не отошлю. Я поведу войско; сражаясь рядом со мной, ты сможешь доказать свою верность.

Гнилоуст обвел враждебные лица взглядом затравленного зверя, судорожно изыскивающего спасительную уловку. Он облизнул губы длинным бледно-розовым языком.

— Подобная решимость к лицу конунгу из рода Эорла, как бы он ни был стар,— сказал он.— Конечно, преданный слуга умолил бы его пощадить свои преклонные лета. Но я

вижу, что запоздал и государь мой внял речам тех, кто не станет оплакивать его преждевременную кончину. Тут уж я ничем не могу помочь; но выслушай мой последний совет, о государь! Оставь наместником того, кто ведает твои сокровенные мысли и свято чтит твои веления! Поручи преданному и многоопытному советнику Гриму блюсти Эдорас до твоего возвращения — увы, столь несбыточного.

Эомер расхохотался.

— А если в этом тебе будет отказано, о заботливый Гнилоуст, ты, может, согласишься и на меньшее, лишь бы не ехать на войну? согласишься тащить в горы кулы муки — хотя кто его тебе доверит?

— Нет, Эомер, не понимаешь ты умысла почтенного советника, — возразил Гэндальф, обратив на Гнилоуста пронзительный взгляд. — Он ведет хитрую, рискованную игру — и близок к выигрышу даже и сейчас. А сколько он уже отыграл у меня драгоценного времени! Лежать, гадина! — крикнул он устрашающим голосом. — Лежи, ползай на брюхе! Давно ты проданся Саруману? И что тебе было обещано? Когда все вонны полягут в бою, ты получишь свое — долю сокровищ и вожделенную женщину? Ты уж не первый год исподтишка, похотливо и неотступно следишь за нею.

Эомер схватился за меч.

— Это я знал и раньше, — проговорил он. — И за одно это я готов был зарубить его в чертоге, на глазах у конунга, преступив древний закон. Так, стало быть, он еще и изменник? — И он шагнул вперед, но Гэндальф удержал его.

— Эовин теперь в безопасности, — сказал он. — А ты, Гнилоуст, — что ж, для своего подлинного хозяина ты сделал все, что мог, и он у тебя в долгу. Но Саруман забывчив и долги платить неохоч: поезжай-ка скорей к нему, напomini о своих заслугах, а то останешься ни при чем.

— Ты лжешь, — прогнусил Гнилоуст.

— Недаром это слово не сходит у тебя с языка, — сказал Гэндальф. — Нет, я не лгу. Смотри, Теоден, вот змея подколотная! Опасно держать его при себе, и здесь тоже не оставишь. Казнить бы его — и дело с концом, но ведь много лет он служил тебе верой и правдой, служил, как

умел. Дай ему коня и отпусти на все четыре стороны. Выбор его будет ему приговором.

— Слышишь, Гнилоуст?—сказал Теоден.—Выбирай: либо рядом со мною, в битве, докажешь свою преданность мечом, либо отправляйся, куда знаешь. Только, если мы снова встретимся, милосердия не жди.

Гнилоуст медленно встал, повел глазами исподлобья, взглянул на Теодена и открыл было рот, но вдруг разогнулся и выпрямился. Скрюченные пальцы его дрожали; взор зажегся такой нещадной злобой, что перед ним расступились, а он ощерился, с присвистом сплюнул под ноги конунгу, отскочил и кинулся вниз по лестнице.

— За ним!—распорядился Теоден.—Приглядите, чтоб он чего не учинил, но его не трогать и не задерживать. Если ему нужен конь, дайте ему коня.

— Еще не всякий конь согласится на такого седока,—сказал Эомер.

Один из телохранителей побежал вниз. Другой принес в шлеме родниковой воды и омыл камни, оскверненные плевком Гнилоуста.

— Теперь воистину добро пожаловать!—сказал Теоден.—Пойдемте побеседуем за нашей недолгой трапезой.

Они вернулись во дворец. Снизу, из города, слышались крики глашатаев и пенье боевых рогов: объявляли приказ конунга и уже трубили сбор.

За столом у Теодена сидели Эомер и четверо гостей. Конунгу прислуживала Эовин. Ели и пили быстро и молча; лишь хозяин расспрашивал Гэндальфа про Сарумана.

— С каких пор он стал предателем, этого мне знать не дано,—сказал Гэндальф.—Зло овладевало им постепенно; некогда он, я уверен, был вашим искренним другом, и, даже когда черные замыслы его созрели и сердце ожесточилось, Мустангрим поначалу ему не мешал, а мог быть и полезен. Но это было давно, и давно уже он задумал вас погубить, собираясь для этого с силами и скрывая козни под личиной добрососедства. В те годы Гнилоуст просто-напросто сразу оповещал Изенгард обо всех твоих делах и намерениях. Это было ему нетрудно: чужаки-соглядатаи сновали туда-сюда, но Ристания—край открытый, и никто их не замечал. А он вдобавок советовал да наушничал,

отравляя твои мысли, оледеняя сердце, расслабляя волю; подданные твои это видели, но ничего не могли поделать, ибо ты стал его безвольным подголоском.

Но когда я спасся из Ортханка и предостерег тебя, когда личина была сорвана—тут уж тайное сделалось явным, и Гнилоуст принялся опасно хитрить. Он выдумывал препоны, отводил удары, распылял войска. А изворотлив он был на диво: то стыдил за оглядку, то страшил колдовством. Помнишь, как по его наущению все войска впустую услали на север, когда они нужны были на западе? Твоими устами он запретил Эомеру погоню за сворой орков, и если бы Эомер не ослушался твоего, а вернее, Гнилоустова злокозненного запрета, то орки сейчас доставили бы в Изенгард бесценную добычу. Не ту, о которой пуще всего мечтает Саруман, нет,—но двоих из нашего Отряда, сопричастных тайной надежде: о ней я даже с тобой, государь, пока не смею говорить открыто. Подумай только, что бы им довелось претерпеть и что Саруман проведал бы на пагубу нам?

— Я многим обязан Эомеру,—сказал Теоден.— Говорят: словом дерзок, да сердцем предан.

— Скажи лучше: кривой суд всегда правое скривит,—посоветовал Гэндальф.

— Да, судил я вкривь,—подтвердил Теоден.— А тебе обязан прозрением. Ты опять явился вовремя. Позволь одарить тебя по твоему выбору: что ни захочешь—все твое. Лишь меч мой оставь мне!

— Вовремя явился я или нет, это мы увидим,—сказал Гэндальф.— А дар от тебя охотно приму, и выбор мой уже сделан. Подари мне Светозара! Ведь ты его лишь одолжил—таков был уговор. Но теперь я помчусь на нем навстречу неизведанным ужасам: один серебряный конь против девяти вороных. Чужим конем рисковать не след; правда, мы с ним уже сроднились.

— Достойный выбор,—сказал Теоден,—и нынче я с радостью отдаю тебе лучшего коня из моих табунов, ибо нет среди них подобных Светозару и, боюсь, не будет. В нем одном неожиданно возродилась могучая порода древности. А вы, гости мои, подыщите себе дары у меня в оружейной. Мечи вам не надобны, но там есть шлемы и кольчуги отменной работы мастеров Гондора. Подберите, что придется по душе, и да послужат они вам в бою!

Из оружейной нанесли груды доспехов, и вскоре Арагорн с Леголасом облачились в сверкающие панцири, выбрали себе шлемы и круглые щиты с золотой насечкой, изукрашенные по навершью смарагдами, рубинами и жемчугом. Гэндальфу доспех был не нужен, а Гимли не требовалась кольчуга, если бы даже и нашлась подходящая, ибо среди сокровищ Эдораса не было панциря прочнее, чем его собственный, выкованный гномами Подгорного Царства. Но он взял себе стальную шапку с кожаным подбоем—на его круглой голове она сидела как влитая; взял и маленький щит с белым скакуном на зеленом поле, гербом Дома Эорла.

— Да сохранит он тебя от стрел, мечей и копий!—сказал Теоден.—Его изготовили для меня еще во дни Тенгела, когда я был мальчиком.

Гимли поклонился.

— Я не посрамлю твоего герба, Повелитель Ристании,—сказал он.—Да мне и сподручней носить щит с лошадью, чем носиться на лошади. Свои ноги—они как-то надежнее. Вот отвезут меня куда надо, опустят на твердую землю—а там уж я себя покажу.

— Увидим,—сказал Теоден.

Конунг встал, и Эовин поднесла ему кубок вина.

— *Фэрту Теоден хал!*—промолвила она.—Прими этот кубок и почни его в нынешний добрый час. Да окрылит тебя удача, возвращайся с победой!

Теоден отпил из кубка, и она обнесла им гостей. Перед Арагорном она помедлила, устремив на него лучистые очи. Он с улыбкой взглянул на ее прекрасное лицо и, принимая кубок, невзначай коснулся затрепетавшей руки.

— Привет тебе, Арагорн, сын Араторна!—сказала она.

— Привет и тебе, Дева Ристании,—отвечал он, по-мрачнев и больше не улыбаясь.

Когда круговой кубок был допит, конунг вышел из дверей чертога. Там его поджидала дворцовая стража, стояли глашатаи с трубами и собрался знатный люд из Эдораса и окрестных селений.

— Я отправляюсь в поход, может статься, последний на своем веку,—сказал Теоден.—Мой сын Теодред погиб, и нет прямых наследников трона. Наследует мне сестрин сын Эомер. Если и он не вернется, сами изберите себе государя. Однако же надо назначить правителя Эдораса

на время войны. Кто из вас останется моим наместником?

Нн один не отозвался.

— Что ж, нкого не назовете? Кому доверяет мой народ?

— Дому Эорла,—ответствовал за всех Гайма.

— Но Эомера я оставить не могу, да он и не останется,—сказал конунг.—А он—последний в нашем роду.

— Я не называл Эомера,—возразил Гайма.—И он в роду не последний. У него есть сестра—Эовин, дочь Эомунда. Она чиста сердцем и не ведает страха. Любезная Эорлингам, пусть примет она бразды правления; она их удержит.

— Да будет так,—скрепил Теоден.—Глашатаи, оповестите народ о моей наместнице!

И конунг опустился на скамью у дверей и вручил коленопреклоненной Эовин меч и драгоценный доспех.

— Прощай, сестрина дочь!—молвил он.—В трудный час расстаемся мы, но, может, еще и свидимся в золотом чертоге. Если же нет, если нас разобьют, уцелевшие ратники стекутся в теснину Дунхерга: там вы еще долго продержитесь.

— Напрасны эти слова,—сказала она.—Но до вашего возвращения мне день покажется с год.

И, говоря так, взглянула на Арагорна, стоявшего рядом.

— Конунг вернется,—сказал тот.—Не тревожься! Не на западе—на востоке ждет нас роковая битва!

Теоден и Гэндальф возглавляли молчаливое шествие, растянувшееся по длинной извилистой лестнице. Возле крепостных ворот Арагорн обернулся. С возвышенного крыльца, от дверей золотого чертога смотрела им вслед Эовин, опершись на меч обеими руками. Ее шлем и броня блистали в солнечных лучах.

Гимли шел рядом с Леголасом, держа секиру на плече.

— Ну, наконец-то раскачались!—сказал он.—Ох и народ эти люди—за все про все у них разговор. А у меня уж руки чешутся, охота секирой помахать. Хотя ристанийцы-то небось тоже рубаки отчаянные. А все ж таки не по мне такая война: поле боя невесть где, как хочешь, так и

добирайся. Ладно бы пешком, а то трясись, мешок мешком, на луке у Гэндальфа.

— Завидное местечко,—сказал Леголас.—Да ты не волнуйся, Гэндальф тебя, чуть что, живенько на землю спустит, а Светозар ему за это спасибо скажет. Верхом-то секирой не помашешь.

— А гномы верхом и не воюют. С лошади удобно разве что людям затылки брить, а не оркам рубить головы,—сказал Гимли, поглаживая топорщице.

У ворот выстроилось ополчение: и стар, и млад—все уже в седлах и в полном доспехе. Собралось больше тысячи; колыхался лес копий. Теодена встретили громким, радостным кличем и подвели его коня, именем Белогрив. Наготове стояли кони Арагорна и Леголаса. Покинутый Гимли только было насупился, как к нему подошел Эомер с конем в поводу.

— Привет тебе, Гимли, сын Глоина!—сказал он.—Вот видишь, все недосуг поучиться у тебя учтивости. Но, может, мы пока не будем квитаться? Обещаю, что более ни словом не задену Влавычцу Золотого Леса.

— Я готов отложить наш расчет, Эомер, сын Эомунда,—важно отозвался Гимли.—Но если тебе выпадет случай воочию увидеть царицу Галадриэль, ты либо признаешь ее прекраснейшей на свете, либо выйдешь со мной на поединок.

— Да будет так!—сказал Эомер.—До тех пор, однако, прости мои необдуманные слова и в знак прощения изъяви, если можно, согласие быть моим спутником. Гэндальф поедет впереди, вместе с конунгом; а мой конь Огненог, с твоего позволения, охотно сvezет нас двоих.

— Согласен и благодарен,—ответил польщенный вежливой речью Гимли.—Только пусть мой друг Леголас едет рядом с нами.

— Решено!—сказал Эомер.—Слева поедет Леголас, справа—Арагорн; кто устоит против нас четверых?

— А где Светозар?—спросил Гэндальф.

— Пасется у реки,—сказали ему.—И никого к себе близко не подпускает. Вон он, там, близ переправы, легкой тенью мелькает в ивняке.

Гэндальф свистнул и громко кликнул коня; Светозар переливисто заржал в ответ и примчался в мгновение ока.

— Западный ветер во плоти, да и только,—сказал

Эомер, любясь статью и норовом благородного скакуна.

— Как тут не подарить,— заметил Теоден.— Впрочем,— повысил он голос,— слушайте все! Да будет ведомый всем вам Гэндальф Серая Хламида, муж совета и брани, отныне и присно желанным гостем нашим, сановником Ристании и предводителем Эорлингов; и да будет слово мое нерушимо, пока не померкнет слава Эорла! Дарю ему— слышите? — Светозара, коня из коней Мустан-грима!

— Спасибо тебе, конунг Теоден,— молвил Гэндальф. Он скинул свой ветхий плащ и отбросил широкополую шляпу. На нем не было ни шлема, ни брони; снежным блеском сверкнули его седины и засияло белое облачение.

— С нами наш Белый Всадник! — воскликнул Арагорн, и войско подхватило клич.

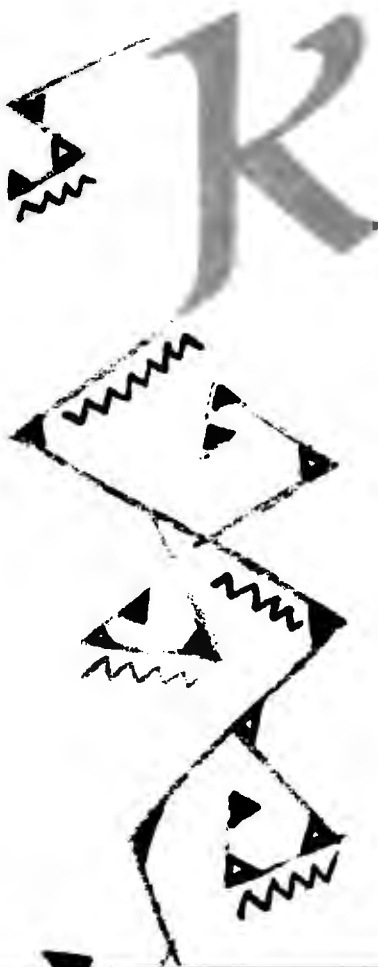
— С нами конунг и Белый Всадник! — пронеслось по рядам.— Эорлинги, вперед!

Протяжно запели трубы. Кони вздыбились и заржали. Копья грянули о щиты. Конунг воздел руку, и точно могучий порыв ветра взметнул последнюю рать Ристании: громоносная туча помчалась на запад.

Эовин провожала взглядом дальние отблески тысячи копий на зеленой равнине, одиноко стоя у дверей опустевшего чертога.

ГЛАВА VII

ХЕЛЬМОВО УЩЕЛЬЕ

огда отъезжали от Эдораса, солнце уже клонилось к западу, светило в глаза, и простертую справа ристанийскую равнину застилала золотистая дымка. Наезженная угорная дорога вилась то верхом, то низом, разметав густые сочные травы, истоптанными бродами пересекая быстрые мутные речонки. В дальнем далеке, на северо-западе, возникали Мглистые горы, все темнее и выше, обрисованные зарей. Вечерело.

А войско мчалось во весь опор, почти что без остановок: боялись промедлить, надеялись не опоздать и торопили коней. Резвей и выносливей их не бывало в Средиземье, однако же и путь перед ними лежал неблизкий: добрых сорок лиг по прямой, а дорогою — миль сто сорок от Эдораса до Изенгардской переправы, где рати Ристании отражали Сарумановы полчища.

Надвинулась ночь, и войско

наконец остановилось; пять с лишним часов проскакали они, но не одолели еще и половины пути. Расположились на ночлег широким кругом, при свете звезд и тусклого месяца. На всякий случай костров не жгли; выставили круговое охранение и выслали дозорных, серыми тенями мелькавших по ложбинам. Ночь тянулась медленно и бестревожно. Наутро запели рога, и дружина в одночасье снова тронулась в путь.

Мутновато-безоблачное небо стояло над ними, и наваливалась не по-вешнему тяжкая духота. В туманной поволоке вставало солнце, а за ним омрачала тусклые небеса черная, хищная, грозовая темень. И ей навстречу, с северо-запада, расплзалась у подножия Мглистых гор подлая темнота из Колдовской логовины.

Гэндальф придержал коня и поравнялся с Леголасом, ехавшим в строю возле Эомера.

— У тебя зоркие глаза, Леголас,— сказал он.— Вы, эльфы, за две лиги отличаете воробья от зяблика. Скажи ты мне, видишь ли что-нибудь там, на пути к Изенгарду?

— Далеко еще до Изенгарда,— отозвался Леголас, козырьком приложив ко лбу длиннопалую руку.— Темнотой окутан наш путь, и какие-то громадные тени колышутся во тьме у речных берегов, но что это за тени, сказать не могу. Сквозь темноту или туман я бы их разглядел, но некою властительной силой опущен непроницаемый занавес, и река теряется за ним. Точно лесной сумрак из-под бесчисленных деревьев ползет и ползет с гор.

— И вот-вот обрушится вдогон гроза из Мордора,— проговорил Гэндальф.— Страшная будет ночь.

Духота все сгущалась, под вечер их нагнали черные тучи, заставивши небеса, и уже впереди нависали лохматые клочья, облитые слепящим светом. Кроваво-красное солнце утонуло в дымной мгле. Приблизилась северная оконечность Белых гор, солнце озарило слоистые кручи троeverшого Трайгирна, и закатным огнем полыхнули копыта ристанийского воинства. Передовые увидели черную точку, потом темное пятно: всадник вырвался к ним навстречу из алых отблесков заката. Они остановились в ожидании.

Усталый воин в изрубленном шлеме, с иссеченным щитом медленно спешил, постоял, шатаясь, переводя дух, и наконец заговорил.

— Эомер с вами?—сипло спросил он.—Прискакали все-таки, хоть и поздно, только мало вас очень. Худо пошло наше дело после гибели Теодреда. Вчера мы отступили за Изен: многие приняли смерть на переправе. А ночью их полку прибыло, и со свежими силами они штурмовали наш берег. Вся изенгардская нечисть, все здесь, и числа им нет, а вдобавок Саруман вооружил диких горцев и заречных кочевников из Дунланда. Десять на одного. Опорную стену взяли приступом. Эркенбранд из Вестфольда собрал, кого мог, и затворился в крепости, в Хельмовом ущелье. Остальные разбежались кто куда. Эомер-то где? Скажите ему: все пропало. Пусть возвращается в Эдорас и ждет изенгардских волколаков, недолго придется ждать.

Теоден молча слушал, скрытый за телохранителями; тут он тронул коня и выехал вперед.

— Дай-ка поглядеть на тебя, Сзорл!—сказал он.—Я здесь, не в Эдорасе. Последняя рать эорлингов выступила в поход и без битвы назад не вернется.

Радостным изумлением просияло лицо вонна. Он выпрямился—и горделиво преклонил колено, протягивая конунгу зазубренный меч.

— Повелевай, государь!—воскликнул он.—И прости меня! Я-то думал...

— Ты думал, я коснею в Медусельде, согбенный, как дерево под снежным бременем. Верно, когда ты поехал на брань, так оно и было. Но теперь не так: западный ветер стряхнул снег с ветвей. Дайте ему свежего коня! Скачем на выручку к Эркенбранду!

Тем временем Гэндальф проехал вперед; он глядел из-под руки на север, на Изенгард, и на отуманенный запад.

— Веди их, Теоден!—велел он, вернувшись галопом.—Скорей сворачивайте к Хельмову ущелью! На Изенских бродах вам делать уже нечего. А у меня другие, срочные дела—Светозар не подведет!—И крикнул еще Арагорну, Эомеру и телохранителям конунга:—Во что бы то ни

стало сберегите государя! Ждите меня у Хельмовой Крепи! Прощайте!

Он склонился к уху Светозара, и точно стрела сорвалась с тетивы: мелькнул серебристый блик, порхнул ветерок, исчезла легкая тень. Белогрив заржал и вздыбился, готовый мчаться следом, но и самая быстрая птица не угиалась бы за Светозаром.

— Это как же понимать?—спросил у Гаймы один из телохранителей.

— Так и понимать, что Гэндальф Серая Хламида куда-то очень спешит,—ответствовал Гайма.—Нежданно-негаданно он, Гэндальф, появляется и пропадает.

— Был бы здесь Гнилоуст, он бы живенько это объяснил,—заметил тот.

— Объяснил бы,—согласился Гайма,—да только я уж лучше подожду Гэндальфа, авось все само объяснится.

— Жди-жди, может, и дождешься,—послышалось в ответ.

Войско круто свернуло на юг и помчалось ночной степью. Уже близок был горный кряж, но высокие вершины Трайгирна едва виднелись в темном небе. На юге Вестфольдского низкодожья пролежала, уходя в горы, обширная зеленая логовина, посреди которой струилась река, вытекавшая из Хельмова ущелья. Река звалась Ущелицей, а ущелье носило имя Хельма, в честь древнего конунга-ратоборца, державшего здесь долгую оборону. Узкое, глубокое, извилистое ущелье взрезало склон Трайгирна, уходя на север, и наконец утесистые громады почти смыкались над ним.

На северном отроге у горловины ущелья возвышалась старинная башня, обнесенная могучей стеной древней каменной кладки. По преданию, во времена могущества и славы Гондора крепость эту выстроили заморские короли руками титанов. Горнбург звалась она; и трубный глас с высоты башни стократ откликался позади в ущелье, будто несметное воинство дней былых, хоронившееся в пещерах, спешило на выручку.

Древние строители преградили ущелье от Горнбурга до

южных утесов; под стеною был широкий водосток, откуда выбегала Ущелица, огибая скалистое подножие крепости, и ровной ложбиной по зеленому пологому склону стекала от Хельмовой Крепи к Хельмовой Гати, а оттуда — в Ущельный излог, к Вестфольдскому низкодолью. Ныне Горнбург стал оплотом Эркенбранда, правителя Вестфольда, воеводы западного пограничья. В предгрозые последних лет он, опытный и дальновидный военачальник, отстроил стены и обновил укрепления.

Войско еще мчалось низиной, приближаясь к устью излога, когда от передовых разъездов слышались крики и затрубили рога. Потом из темноты засвистали стрелы. Вскоре прискакал разведчик: по ущелью рыскали орки верхом на волколаках и большое полчище надвигалось с севера, от Изенгардской переправы, видимо, к ущелью.

— Много там наших поодиночке перебито, — продолжал разведчик. — Отрядами кое-как отбиваются — но мечутся без толку, собирать их некому. Что с Эркенбрандом, никто вроде бы не знает. До Хельмовой Крепи он едва ли доберется, а может, уже и убит.

— Гэндальфа там не видели? — спросил Теоден.

— Видели, государь. То там, то сям проносился белый старик на серебряном коне: думали, это Саруман. Говорят, он впотьмах ускакал к Изенгарду. Еще говорят, будто видели Гнилоуста, правда, пораньше, этот скакал на север со сворой орков.

— Не завидую Гнилоусту, если он подвернется Гэндальфу, — сказал Теоден. — Зато я дурак дураком: сбежали оба советника, и прежний, и новый. Гэндальф, правда, посоветовал кое-что на прощанье, хоть это и без него ясно: надо пробиваться к Хельмовой Крепи, что бы там ни было с Эркенбрандом. Полчище, говоришь, валит, а каково полчище, не разузнал?

— Огромное полчище, — сказал разведчик. — У страха, конечно, глаза велики, но я говорил с опытными и хладнокровными воинами, и, по их словам, даже головной отряд орков во много раз больше всей нашей рати.

— Тогда поторопимся, — сказал Эомер. — Ту сволочь, которая встанет между нами и крепостью, перебьем с первого до последнего. А пещеры за Хельмовой Крепью забыли? Там, может статься, уже собралась не одна сотня воинов, и оттуда есть тайные ходы в горы.

— На тайные ходы надежда плоха,—сурово осек его конунг.—Саруман их небось давным-давно разведal. Однако ж оборонять Крепь можно долго. Вперед!

Арагорн и Леголас, по-прежнему рядом с Эомером, стали теперь передовыми. Понемногу с галопа перешли на шаг, темень сгущалась, а дорога вела все выше, прячась в сумрачных теснинах. Путь был свободен, своры орков мигом рассеивались, избегая малейшей стычки.

— Ох, боюсь, что о прибытии конунга с ополчением уже доложено Саруману или Саруманову главарю, да и точный счет нашим воинам известен,—угрюмо заметил Эомер.

А ратный грохот нарастал и нагонял их. Темнота наполнилась многотысячегласым сиплым песенным ревом. Посреди излога, уже на высоте, обернувшись, они увидели бесчисленные факелы, красновато-огнистый ковер, расстилавшийся у горных подножий, и прерывистые огненные струи, взползавшие по склонам. Там и сям вспыхивали мрачные зарева.

— Большое войско идет за нами по пятам,—сказал Арагорн.

— Они несут огонь,—глухо отозвался Теоден,—и поджигают все на своем пути—дома, рощи и стога. Богатый край, благословенная долина, селенье за селеньем. Горе мне и моему народу!

— При дневном-то свете повернули бы мы коней и обрушились на поджигателей с высоты,—сказал Арагорн.—Не по мне это—бежать от них.

— Бежать осталось недолго,—заверил Эомер.—Вот-вот подъедем к Хельмовой Гати: там глубокий ров, надежный вал и до Крепи еще добрая миля. Развернемся и дадим бой.

— Нет, на оборону Гати у нас сил неостанет,—возразил Теоден.—Где нам: она длиннее мили и въезд очень широкий.

— Въезд все равно придется оборонять, значит, нужна тыловая застава,—сказал Эомер.

Ни звездочки не было в безлунном небе, когда передовые конники достигли въезда над рекой по широкой

дороге, спускавшейся берегом от Горнбурга к Гати. Из-за черного провала, со смутной высоты стены их окликнул часовой.

— Властитель Ристании ведет ополчение к Хельмовой Крепи,—отозвался Эомер.—Говорю я, Эомер, сын Эомунда.

— Мы такого и не чаяли,—молвил часовой.—Скорей заезжайте! Того и гляди, нагрянут орки.

Вскоре войско выстроилось за Гатью у реки, на пологом склоне. Вздвигнувшись, передавали из уст в уста, что Эркенбранд оставил в крепости изрядную дружину и ее немало пополнили беженцы.

— Пожалуй, наберется и с тысячу пеших ратников,—сказал старый Гамлинг, поставленный начальником низовой охраны.—Многие, правда, в чересчур уж почтенных летах, вроде меня, а у других, как у моего внука, молоко на губах не обсохло. Что слышно про Эркенбранда? Вчера говорили, будто он идет сюда с остатками отборной дружины Вестфольда. А нынче о нем ни слуху ни духу.

— Боюсь, что даром,—сказал Эомер.—Дозорные наши вернулись ни с чем, а где ему быть? Всю долину заполонили враги.

— Худо наше дело, если он погиб,—молвил Теоден.—Могучий витязь—поистине в нем ожила доблесть Хельма Громобоя. Но ждать его здесь мы не можем: надо стянуть все силы к Горнбургу. Как у вас там с припасами? Мы-то налегке: на битву ехали, а не садиться в осаду.

— Три четверти вестфольдцев укрылись в здешних пещерах—стар и млад, женщины и дети,—сказал Гамлинг.—Но припасов все равно хватит надолго: туда согнали весь скот, да и кормов заготовлено в достатке.

— Это хорошо,—сказал Эомер.—Долину они выжгли и разграбили дотла.

— Разграбить Хельмову Крепь куда потруднее, это им дороговато станет,—проворчал Гамлинг.

Спешились у крепостной плотины и по гребню ее, а затем по откосу длинной вереницей провели коней к воротам Горнбурга. Там их тоже встретили с ликованием и новой надеждой; как-никак вдвое прибавилось защитников крепости.

Эомер быстро распорядился: конунгу с телохранителями и сотней-другой вестфольдцев предоставил оборонять Горнбург, а всех остальных разместил на Ущельной стене и Южной башне, ибо там ожидался главный натиск оголтелых полчищ. И там он был опаснее всего. Коней под малой охраной отвели подальше в ущелье.

Ущельная стена была высотой в двадцать футов и такой толщины, что по верху ее могли пройти рука об руку четверо, а парапет скрывал воинов с головой. На стену можно было спуститься по лестнице от дверей внешнего двора Горнбурга или подняться тремя пролетами сзади, со стороны ущелья. Впереди она была гладко обтесана, и громадные камни плотно и вровень пригнаны, сверху они нависали, точно утесы над морем.

Гимли стоял, прислонясь к парапету, а Леголас уселся на зубце, потрагивая тетиву лука и вглядываясь во мглу.

— Вот это другое дело,— говорил гном, притопывая.— Насколько же мне легче дышится в горах! Отличные скалы! Вообще крепкие ребра у здешнего края. Как меня спустили с лошади, так ноги просто не нарадуются. Эх, дайте мне год времени и сотню сородичей—да никакой враг сюда после этого даже не сунется, а сунется—костей не соберет.

— Охотно верю,—отозвался Леголас.—Ты ведь истый гном, гном всем на удивление, любитель горного труда. Мне-то здешний край не по сердцу, что ночью, что наверняка и днем. Но с тобою я чувствую себя надежнее, мне отрадно, что рядом эдакий толстоногий крепыш с боевым топором. И правда, не помешала бы здесь сотня твоих сородичей. Но еще бы лучше—сотня лучников из Лихолесья. Ристанийцы—они стрелки по-своему неплохие, но мало у них стрелков, раз-два и обчелся!

— Темновато для стрельбы,—возразил Гимли.—А если уж на то пошло, так лучше всего бы сейчас как следует выспаться. Честное слово, таких сонных гномов, как я, свет еще не видывал. Маятное дело эта верховая езда. И однако ж секира у меня в руках ну прямо ходуном ходит. Ладно уж, раз спать нельзя, давайте сюда побольше орков, было бы только где размахнуться—и сразу станет не до сна.

Время тянулось еле-еле. В долине догорали далекие пожары. Изенгардское воинство теперь надвигалось в молчаньи: огненные змеи вились по излогу.

Вдруг от Гати донесся произительный вой и ответный клич ристанийцев. Факелы, точно уголья, сгрудились у въезда — и рассыпались, угасая. По приречному лугу и скалистому откосу к воротам Горнбурга примчался отряд всадников: застава отступила почти без потерь.

— Штурмуют вал! — доложили они. — Мы расстреляли все стрелы, ров и проход завалены трупами. Это их задержит ненадолго — они лезут и лезут на вал повсюду, бесчисленные, как муравьи. Но идти на приступ с факелами им впредь будет неповадно.

Перевалило за полночь. Нависла непроглядная темень, душное затишье предвещало грозу. Внезапно тучи расползлась ослепительная вспышка, и огромная ветвистая молния выросла среди восточных вершин. Мертвенным светом озарился склон от стены до Гати: там кишмя кишело черное воинство — приземистые, широкозадые орки и рядом рослые, грозные воины в шишаках, с воронеными щитами. А из-за Гати появлялись, наползали все новые и новые сотни. Темный, неодолимый прибой вздымался по скату, от скалы к скале. Гром огласил долину. Хлынул ливень.

И другой, смертоносный ливень обрушился на крепостные стены: стрелы свистели, лязгали, отскакивали, откатывались — или впивались в живую плоть. Так начался штурм Хельмовой Крепи, а оттуда не раздалось ни звука, не вылетело ни единой ответной стрелы.

Осаждающие отпрянули перед безмолвной, окаменелой угрозой. Но молния вспыхивала за молнией, и орки приободрились: они орали, размахивали копьями и мечами и осыпали стрелами зубчатый парапет, а ристанийцы с изумленьем взирали на волнуемую военной грозой злоеущую черную ниву, каждый колос которой ошетинился сталью.

Загремели медные трубы, и войско Сарумана ринулось на приступ: одни — к подножию Ущельной стены и Южной башне, другие — через плотину на откос, к воротам Горнбурга. Туда устремились огромной толпой самые крупные

орки и дюжие, свирепые горцы Дунланда. В блеске молний на их шлемах и щитах видна была призрачно-бледная длань. Они бегом одолели откос и подступили к воротам.

Крепость, словно пробудившись, встретила их тучею стрел и градом каменье. Толпа дрогнула, откатилась врассыпную и снова хлынула вперед, опять рассыпалась и опять набежала, возвращаясь упорно, как приливная волна. Громче прежнего взвыли трубы, и вперед с громогласным ревом вырвался плотный клин дунландцев; они прикрывались сверху своими большими щитами и несли два огромных обитых железом бревна. Позади их столпились орки-лучники, держа бойницы под ураганным обстрелом. На этот раз клин достиг ворот, и они содрогнулись от тяжких размашистых ударов. Со стены падали камни, но место каждого поверженного тут же занимали двое, и тараны все сокрушительней колотили в ворота.

Эомер и Арагорн стояли рядом на стене. Они слышали воинственный рев и гулкие удары таранов; ярко сверкнула молния, и при свете ее оба враз поняли, что ворота вот-вот поддадутся.

— Скорей! — крикнул Арагорн. — Настал час обнажить мечи!

Вихрем промчались они по стене и вверх по лестнице во внешний двор Горнбурга, прихватив с собой десяток самых отчаянных рубак. В стене была потайная дверца, выходившая на запад, узкая тропа над обрывом вела от нее к воротам. Эомер и Арагорн бежали первыми, ратники едва поспевали за ними. Два меча заблестали вместе.

— Гутвинэ! — воскликнул Эомер. — Гутвинэ и Мустанgrim!

— Андрил! — воскликнул Арагорн. — Андрил и Дунадан!

Нападения сбоку не ожидали, и страшны были разящие насмерть удары Андрила, пылавшего белым пламенем. Стену и башню облетел радостный клич:

— Андрил! Андрил за нас! Сломанный Клинок откован заново!

Захваченные врасплох горцы обронили бревна-тараны, изготовившись к бою, но стена их щитов раскололась, точно гнилой орех. Отброшенные и разрубленные, падали

они замертво наземь или вниз со скалы, в поток. Орки-лучники выстрелили не целясь и бросились бежать.

Эомер и Арагорн задержались у ворот. Гром рокотал в отдаленье, и где-то над южными горами вспыхивали бледные молнии. Резкий ветер снова задувал с севера. Рваные тучи разошлись, и выглянули звезды, мутно-желтая луна озарила холмы за излогом.

— Вовремя же мы подоспели,— заметил Арагорн, разглядывая ворота. Их мощные петли и железные поперечины прогнулись и покривились, толстые доски треснули.

— Но здесь, снаружи, мы их не защитим,— сказал Эомер.— Смотри! — Он указал на плотину. Орки и дунландцы снова собирались за рекой. Засвистели стрелы, на излете звякая о камень.— Пойдем! Надо завалить ворота камнями и подпереть бревнами. Поспешим!

Они побежали назад. В это время около дюжины орков, схоронившихся среди убитых, вскочили и кинулись им вслед. Двое из них бесшумно и быстро, в несколько прыжков нагнали оставшего Эомера, подвернулись ему под ноги, оказались сверху и выхватили ятаганы, как вдруг из мрака выпрыгнула никем дотоле не замеченная маленькая черная фигурка. Хрипло прозвучал клич: *«Барук Казад! Барук ай-мену!»*, и дважды сверкнул топор. Наземь рухнули два обезглавленных трупа. Остальные орки опрометью кинулись врассыпную.

Арагорн, почуяв недоброе, вернулся, но Эомер уже стоял на ногах.

Дверцу тщательно заперли, ворота загромодили бревнами и камнями; наконец Эомер, улучив минуту, обратился к своему спасителю.

— Спасибо тебе, Гимли, сын Глоина! — сказал он.— Я и не знал, что ты отправился с нами на вылазку. Но частенько незваный гость—самый дорогой. А что это тебе вздумалось?

— Да хотел прогуляться, сон стряхнуть,— отвечал Гимли.— А потом гляжу—уж больно здоровы эти горцы: ну, я присел на камушек и полюбовался, как вы орудуете мечами.

— Теперь я у тебя в неоплатном долгу,— сказал Эомер.

— Ночь длинная, успеешь расплатиться,— засмеялся гном.— Да это пустяки. Главное дело— почин, а то я от самой Морин своей секирой разве что дрова рубил.

— Двое! — похвастал Гимли, поглаживая топорщице. Он возвратился на стену.

— Вот как, целых двое? — отозвался Леголас.— На моем счету чуть больше, хотя приходится, видишь, собирать стрелы: у меня ни одной не осталось. Но два-то десятка я уж точно уложил, а толку что? Их здесь что листьев в лесу.

Небо расчистилось, и ярко сияла заходящая луна. Но лунный свет не обрадовал осажденных: вражьи полчища множились на глазах, прибывала толпа за толпой. Вылазка отбросила их ненадолго, вскоре натиск на ворота удвоился. Свирепая черная рать, неистовствуя, лезла на стену, густо облепив ее от Горнбурга до Южной башни. Взметнувшись, цеплялись за парапет веревки с крючьями, и ристанийцы не успевали отцеплять и перерубать их. Приставляли сотни осадных лестниц, на месте отброшенных появлялись другие, и орки по-обезьяньи вспрыгивали с них на зубцы. Под стеной росли груды мертвецов, точно штормовые наносы, и по изувеченным трупам карабкались хищные орки и озверелые люди, и не было им конца.

Ристанийцы бились из последних сил. Колчаны их опустели, дротиков не осталось, копья были изломаны, мечи иззубрены, щиты иссечены. Трижды водили их на вылазку Арагорн с Эомером, и трижды отшатывались враги, уstraшенные смертоносным сверканьем Андрила.

Сзади по ущелью раскатился гул. Орки пробрались водостоком под стену и, скопясь в сумрачных расселинах скал, выжидали, пока все воины уйдут наверх отражать очередной приступ. Тут они повыскакивали из укрьтий, целая свора бросилась в глубь ущелья, рубя и разгоняя коней, оставленных почти без охраны.

Гимли прыгнул со стены во двор, оглашая скалы яростным кличем: «*Казад! Казад!*», и сразу принялся за дело.

— Э-гой! — кричал он. — Орки напали с тыла! Э-гей! Сюда, Леголас! Тут их нам обоим хватит! *Казад ай-мену!*

Старый Гамлинг услышал из крепости сквозь шум битвы зычный голос гнома.

— Орки в ущелье! — крикнул он, вглядываясь с высоты. — Хельм! Хельм! За мной, сыны Хельма! — И ринулся вниз по лестнице во главе отряда вестфольдцев.

Смятые внезапной атакой орки со всех ног бежали в теснину и все до единого были изрублены или сброшены в пропасть; и молча внимали их предсмертным воплям и следили за падающими телами стражи потаенных пещер.

— Двадцать один! — воскликнул Гимли, взмахнув секирой и распластав последнего орка. — Вот мы и сравнялись в счете с любезным другом Леголасом.

— Надо заткнуть эту крысиную дыру, — сказал Гамлинг. — Говорят, гномы — на диво искусные каменщики. Окажи нам помощь, господин!

— Тесать камни секирой несподручно, — заметил Гимли. — Ногтями тесать я тоже не горазд. Ладно, попробуем, что получится.

Вестфольдцы набрали булыжников и щебня и под руководством Гимли замуровали водосток, оставив лишь небольшое отверстие. Полноводная после дождя Ущелица вспучилась, забулрила и разлилась среди утесов.

— Авось наверху посуше, — сказал Гимли. — Пойдем-ка, Гамлинг, посмотрим, что делается на стене.

Леголас стоял возле Арагорна с Эомером и точил свой длинный кинжал. Нападающие покамест отхлынули — наверно, их смутила неудача с водостоком.

— Двадцать один! — объявил Гимли.

— Отлично! — сказал Леголас. — Но на моем счету уже две дюжины. Тут пришлось поработать кинжалом.

Эомер и Арагори устало опирались на мечи. Слева, от крепостного подножия, слышались крики, грохот и лязг — там вновь разгоралась битва. Но Горнбург стоял незыблемо, как утес в бушующем море. Ворота его сокрушили, однако завал из камней и бревен не одолел еще ни один враг.

Арагорн взглянул на тусклые звезды, на заходящую луну, золотившую холмистую окраину излога, и сказал:

— Ночь эта длится, словно многолетнее заточение. Что так медлит день?

— Да недолго уж до рассвета,— молвил Гамлинг, взобравшийся на стену вслед за Гимли.— Но много ли в нем толку? От осады он нас не избавит.

— От века рассвет приносит людям надежду,— отвечал Арагорн.

— Этой изенгардской нечисти, полуоркам и полулюдям, выпестованным злым чародейством Сарумана,— им ведь солнце нипочем,— сказал Гамлинг.— Горцы тоже рассвета не испугаются. Слышите, как они воют и вопят?

— Слышать-то слышу,— отозвался Эомер,— только их вой и вопли какие-то нечеловеческие, а скорее птичьи, не то зверьи.

— А вот ты бы вслушался, может, и слова бы различил,— возразил Гамлинг.— Дунландский это язык, я его помню смолоду. Когда-то он звучал повсюду на западе Ристании. Вот, слышите? Как они нас ненавидят и как ликуют теперь, в свой долгожданный и в наш роковой час! «Конунг, где ваш конунг?— вопят они.— Конунга вашего давайте сюда! Смерть Форгойлам— да сгинут желтоволосые ублюдки! Северьянам-грабителям— смерть всем до единого!» Вот так они нас честят. За полтысячи лет не забылась их обида на то, что Отрок Эорл стал союзником Гондора и властителем здешнего края. Эту застарелую рознь Саруман разжег заново, и теперь им удержу нет. Ни закат им не помеха, ни рассвет: подавай на расправу Теодена, и весь сказ!

— И все равно рассвет— вестник надежды,— сказал Арагорн.— А правда ли, будто Горнбург не предался врагам ни единожды, и не бывать этому, доколе есть у него защитники?

— Да, так поется в песнях,— устало отвечал Эомер.

— Будем же достойными его защитниками!— сказал Арагорн.

Их речи прервал трубный вой. Раздался грохот, полыхнуло пламя, повалил густой дым. Шипя, клубясь и пенясь, Ущелица рванулась новопроложенным руслом сквозь зия-

ющий пролом в стене. А оттуда хлынули черные ратники.

— Вот проклятый Саруман!—воскликнул Арагорн.— Пока мы тут лясы точим, орки снова пробрались в водосток и подорвали стену колдовским огнем Ортханка! Элендил, Элендил!—крикнул он, кидаясь в пролом; а тем временем орки сотнями взлезали по лестницам. И сотии напирали с тыла, везде бушевала сеча, приступ накатывался, точно мутная волна, размывающая прибрежный песок. Защитники отступали к пещерам, сражаясь за каждую пядь, другие напропалую пробивались к цитадели.

Широкая лестница вела от ущелья на крепостную скалу, к задним воротам Горнбурга. У ее подножия стоял Арагорн со сверкающим мечом в руке: орки испуганно пятились, а те из своих, кому удавалось прорубиться к лестнице, стремглав бежали наверх. За несколько ступеней от Арагорна опустился на одно колено Леголас, натянув лук, готовый подстрелить любого осмелевшего орка.

— Все, Арагорн, черная сволочь сомкнулась,—крикнул он.— Пошли к воротам!

Арагорн побежал вслед за ним, но усталые ноги подвели: он споткнулся, и тут же с радостным воем кинулись снизу подстерегавшие орки. Первый из них, самый громадный, опрокинулся со стрелой в глотке, однако за ним спешили другие, попирая кровавый труп. Но сверху обрушился метко пущенный тяжкий валун—и смел их в ущелье. Ворота с лязгом затворились за Арагорном.

— Плоховаты наши дела, друзья мои,—сказал он и отер рукавом пот со лба.

— Да хуже вроде бы некуда,—подтвердил Леголас,—а все-таки здорово повезло, что ты уцелел. Гимли-то где?

— Не знаю, где он,—сказал Арагорн.—Я видел, он рубился у стены, а потом нас разнесло в разные стороны.

— Ой-ой-ой! Вот так новости!—огорчился Леголас.

— Да нет, он крепкий, сильный боец,—сказал Арагорн.— Будем надеяться, что он пробился к пещерам и там ему лучше, чем нам. Гном—он в любой пещере как дома.

— Ну ладно, будем надеяться,—вдохнул Леголас.— Но лучше бы он сюда пробился. Кстати бы узнал, что на моем счету тридцать девять.

— Если он и правда в пещерах, он тебя опять

перекроет,— рассмеялся Арагорн.— Секирой он орудовал так, что залюбуешься.

— Пойду-ка я поищу, может, стрелы какие валяются,— сказал Леголас.— Когда-нибудь да рассветет, тут они и пригодятся.

Арагорн поднялся в цитадель и с огорчением узнал, что Эомера в Горнбурге нет.

— И не ищи, не проходил он,— сказал один из стражей-вестфольдцев.— Я видел, как он собирал бойцов в устье ущелья; рядом с ним дрались Гамлинг и гном, но туда было не пробиться.

Арагорн пересек внутренний двор и взошел на башню, в покой, где конунг стоял, ссутулившись, подле узкого оконца.

— Что нового, Арагорн?— спросил он.

— Ущельная стена захвачена, государь, и разгромлена оборона Крепи, но многие прорвались в Горнбург.

— Эомер здесь?

— Нет, государь. Однако и в ущелье отступило немало воинов: говорят, среди них видели Эомера. Может быть, там, в теснине, они задержат врага и проберутся к пещерам. А уж как им дальше быть...

— Им-то ясно, как дальше быть. Припасов, кажется, достаточно. Дышится легко—там воздушные протоки в сводах. Да к пещерам и подступу нет, лишь бы защитники стояли насмерть. Словом, долго могут продержаться.

— Так-то оно так, однако орков снарядили в Ортханке пробойным огнем,— сказал Арагорн.— Иначе бы мы и стену не отдали. Если не пробьются в пещеры, то могут наглухо замуровать защитников. Впрочем, нам и правда надо сейчас думать не о них, а о себе.

— Душно мне здесь, как в темнице,— сказал Теоден.— На коне перед войском, с копьем наперевес я бы хоть испытал в последний раз упоение битвы. А тут какая от меня польза?

— Еще ничего не потеряно, пока ты цел и невредим со своей дружиной в неприступнейшей цитадели Ристании. У нас больше надежды отстоять Горнбург, чем Эдорас или даже горные крепии Дунхерга.

— Да, Горнбург славен тем, что доселе не бывал во

вражеских руках,—сказал Теоден.— Правда, на этот раз я и в нем не уверен. Нынче рушатся в прах вековые твердыни. Да и какая башня устоит перед бешеным натиском огромной орды? Знал бы я, как возросла мощь Изенгарда, не ринулся бы столь опрометчиво мериться с ним силою по первому слову Гэндальфа. Теперь-то его советам и уговорам другая цена, чем под утренним солнцем.

— Государь, не суди раньше времени о советах Гэндальфа,—сказал Арагорн.

— Чего же еще дожидаться?—горько обронил Теоден.— Конец наш близок и неминуем, но я не хочу подыхать, как старый барсук, обложенный в норе. Белогрив, Хазуфел и другие кони моей охраны—здесь, во внутреннем дворе. С рассветом я велю трубить в рог Хельма и сделаю вылазку. Ты поскачешь со мною, сын Араторна? Может быть, мы и прорубимся, а нет—погибнем в бою и удостоимся песен, если будет кому их слагать.

— Я поеду с тобой,—сказал Арагорн.

Он вернулся на внешнюю стену и обошел ее кругом, ободряя воинов и отражая вместе с ними самые яростные приступы. Леголас не отставал от него. Один за другим полыхали взрывы, камни содрогались. На стену забрасывали крючья, взбирались по приставным лестницам. Сотнями накатывались и сотнями валились со стены орки: крепка была оборона Горнбурга.

И вот Арагорн встал у парапета над воротной аркой, вокруг свистели вражеские стрелы. Он взглянул на восток, на бледнеющие небеса—и поднял руку ладонью вперед, в знак переговоров.

— Спускайся! Спускайся!—злорадно завопили орки.— Если тебе есть что сказать, спускайся к нам! И подавай сюда своего труса конунга! Мы—могучие бойцы, мы—непобедимый Урукхай! Все равно мы до него доберемся, выволокем его из норы. Конунга, конунга подавай!

— Выйти ему или оставаться в крепости—это конунг решает сам,—сказал Арагорн.

— А ты зачем выскочил?—издевались они.— Чего тебе надо? Подсчитываешь нас? Мы—Урукхай, нам нет числа.

— Я вышел навстречу рассвету,—сказал Арагорн.

— А что нам твой рассвет?—захохотали снизу.—Мы—Урукхай, мы бьемся днем и ночью, ни солнце, ни гроза нам не помеха. Не все ли равно, когда убивать—среди бела дня или при луне? Что нам твой рассвет?

— Кто знает, что ему готовят новый день,—сказал Арагорн.—Уносите-ка лучше ноги подобра-поздорову.

— Спускайся со стены, а то подстрелим!—заорали в ответ.—Это не переговоры, ты тянешь время и просто мелешь языком!

— Имеющий уши да слышит,—отозвался Арагорн.—Никогда еще Горнбург не видел врага в своих стенах, не увидит и нынче. Бегите скорей, иначе пощады не будет. В живых не останется никого, даже вестника вашей участи. Бьет ваш последний час!

Так властно и уверенно звучала речь Арагорна, одиноко стоявшего над разбитыми воротами лицом к лицу с полчищем врагов, что многие горцы опасливо оглянулись на долину, а другие недоуменно посмотрели на небо. Но орки злобно захохотали, и туча стрел и дротиков пронеслась над стеной, едва с нее прыгнул Арагорн.

Раздался оглушительный грохот, взвился огненный смерч. Своды ворот, над которыми он только что стоял, расселись и обрушились в клубах дыма и пыли. Завал размело, точно стог соломы. Арагорн бросился к королевской башне.

Орки радостно взревели, готовясь густой оравой ринуться в пролом, но снизу докатился смутный гомон, тревожный многоголосый повтор. Осадная рать застыла: прислушивались и озирались. И тут с вершины башни внезапно и грозно затрубил большой рог Хельма.

Дрожь пробежала по рядам осаждающих. Многие бросались ничком наземь и затыкали уши. Ущелье отозвалось раскатистым эхом, словно незримые трубачи на каждом утесе подхватывали боевой призыв. Защитники Горнбурга с радостным изумлением внимали немолчным отголоскам. Громовая переключка огласила горы, и казалось, не будет конца грозному и звонкому пенью рогов.

— Хельм! Хельм!—возгласили ристанийцы.—Хельм

восстал из мертвых и скачет на битву! Хельм и конунг Теоден!

И конунг явился: на белоснежном коне, с золотым щитом и огромным копьем. Одесную его ехал Арагорн, наследник Элендила, а за ними — дружина витязей-ворлингов. Занялась заря, и ночь отступила.

— Вперед, сыны Эорла! — С яростным боевым кличем на устах, громяхая оружием, врезалась конная дружина в изенгардские полчища и промчалась от ворот по откосу к плотине, топча и сминая врагов, как траву. Послышались крики воинов, высыпавших из пещер и врубавшихся в черные толпы. Вышли на битву из Горнбурга все его защитники. А в горах все перекикались рога.

Ни громадные латники-орки, ни богатыри-горцы не устояли перед конунгом и сотней его витязей. Мечи сносили им головы, копья вонзались в спины; без оглядки, с воем и воплями бежали они вниз по склону, ибо дикий страх обуял их с рассветом, а впереди ожидало великое изумление.

Так выехал конунг Теоден из Хельмовой Крепи и отбросил осаждающих за Гать. У Гати дружина его остановилась в рассветном сиянии. Солнце, выглянув из-за восточного хребта, золотило жала их копий. Они замерли и молча глядели вниз, на Ущельный излог.

А тамошние места было не узнать. Где прежде тянулись зеленые склоны ложбины, нынче вырос угрюмый лес. Большие деревья, нагие, с белесыми кронами, недвижно высились ряд за рядом, сплетя ветви и разбросав по густой траве извилистые, цепкие корни. Тьма была разлита под ветвями. От Гати до опушки этого небывалого леса было всего лишь три сотни саженей. Там-то и скоплялось заново великое воинство Сарумана, опасное едва ли не пуще прежнего, ибо мрачные деревья пугали их больше, чем копья ристанийцев. Весь склон от Крепи до Гати опустел, но ниже, казалось, копошился огромный мушиный рой. Направо, по крутым каменистым осыпям, выхода не было, а слева, с запада, близилась их судьбина.

Там, на гребне холма, внезапно появился всадник в белом светоносном одеянии, грянули рога, и тысячный отряд пеших ратников с обнаженными мечами устремился

в ложбину. Впереди всех шагал высокий, могучий витязь с красным щитом; он поднес к губам большой черный рог и протрубил боевой сигнал.

— Эркенбранд! — в один голос закричали конники. — Эркенбранд!

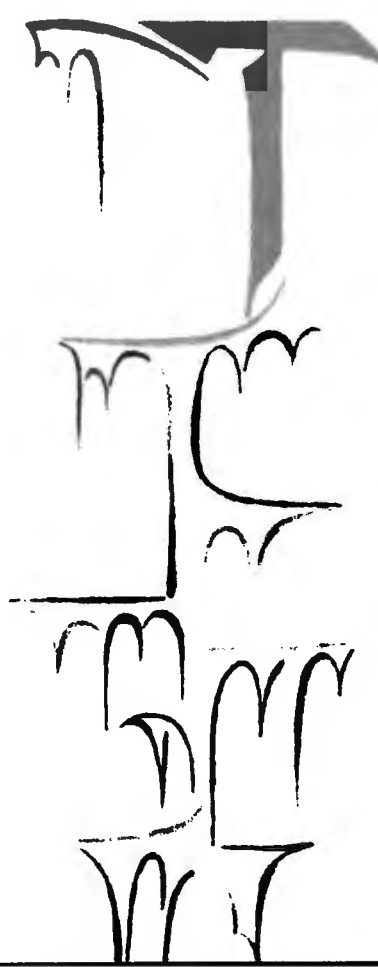
— Взгляните! — воскликнул Арагорн. — Белый Всадник! Гэндальф возвратился с подмогой!

— Митрандир! Митрандир! — подхватил Леголас. — Вот это, я понимаю, волшебство! Скорее, скорее, поедem погляднem на лес, пока чары не рассеялись!

Изенгардцы с воплями метались из стороны в сторону, между двух огней. С башни снова затрубил рог, и дружина конунга помчалась в атаку по мосту через Хельмову Гать. С холмов ринулись воины Эркенбранда, правителя Вест-фольда. Светозар летел по склону, точно горный олень, едва касаясь земли копытами, и от ужаса перед Белым Всадником враги обезумели. Горцы падали ниц; орки, визжа, катились кубарем, бросая мечи и копья. Несметное воинство рассеивалось, как дым на ветру. В поисках спасения ополоумевшие орки кидались во мрак под деревьями, и в этом мраке исчезали без следа.

ГЛАВА VIII

ДОРОГА НА ИЗЕНГАРД

ак ясным весенним утром на зеленом лугу возле реки Ущелицы снова встретились конунг Теоден и Белый Всадник Гэндальф, и были при этом Арагорн, сын Араторна, эльф-царевич Леголас, Эркенбранд из Вестфольда и сановники Златоверхого дворца. Вокруг них собрались ристанийцы, конники Мустангрима, более изумленные волшебством, нежели обрадованные победой: взоры их то и дело обращались к таинственному лесу, который не исчезал.

Но снова раздались громкие возгласы: из-за Гати показались воины, вышедшие из пещер,— и старый Гамлинг, и Эомер, сын Эомунда. А рядом с ними вразвалку шагал гном Гимли: шлема на нем не было, голова обвязана окровавленной тряпичей, но голос звучал по-прежнему задорно и зычно.

— Сорок два как один, любезный друг Леголас!—

крикнул он.—Только вот у последнего оказался стальной воротник. Голова его слетела, а секира моя зазубрена. Твои-то как успехи?

— На одного ты меня перегнал,—отвечал Леголас.— Да ладно уж, гордись: коли ты на ногах держишься, то мне и проигрыш не в тягость!

— Привет тебе, Эомер, сестрин сын!—сказал Теоден.—Поистине рад я, что вижу тебя в живых.

— Здравствуй и ты, повелитель Ристании!—отвечал Эомер.—Видишь, рассеялся мрак ночи, и снова наступил день. Однако же диковинный подарок преподнес нам рассвет!—Он удивленно огляделся и, посмотрев на лес, перевел взгляд на Гэндальфа.—А ты снова явился в трудный час, неожиданно и негаданно,—сказал он ему.

— Нежданно?—отозвался Гэндальф.—Негаданно? Я, помнится, даже назначил вам место встречи.

— Однако время ты не указал, и не знали мы, с чем ты вернешься, с какой неведомой подмогой. Ты—великий волшебник, о Гэндальф Белый!

— Может быть, и так. Но пока обошлось без моего волшебства. Я всего лишь дал в свое время нужный совет, и Светозар меня не подвел. А победу принесла ваша доблесть и крепкие ноги вестфольдцев, ни разу не отдохнувших за ночь.

Все усталились на Гэндальфа, онемев от изумления. Искося поглядывали на странный лес и протирали глаза: быть может, ему не видно того, что видят они?

Гэндальф весело расхохотался.

— Ах, вы о деревьях?—сказал он.—Да нет, деревья я вижу не хуже вас. Но это—этот исход вашей битвы от меня не зависел. Здесь растерялся бы даже целый Совет Мудрых. Я этого не замышлял и уповать на это не мог, однако же так вот случилось.

— Не твое волшебство, так чье же?—спросил Теоден.—Не Саруманово, это уж точно. Значит, есть колдун сильнее вас обоих, и надо узнать, кто он таков.

— Тут не волшебство, тут нет колдовского морока,—промолвил Гэндальф.—Встала древняя сила, старинные обитатели Средиземья: они бродили по здешним местам прежде, чем зазвенели эльфийские песни, прежде, чем молот ударил о железо.

Еще руду не добыли, деревья не ранил топор,
Еще были юны подлунные, сребристые выси гор,
Колец еще не бывало в те стародавние дни,
А по лесам неспешно уже бродили они.

— Ты задал загадку, а где на нее ответ?—спросил Теоден.

— Хочешь ответа, поехали со мною в Изенгард,—предложил ему Гэндальф.

— Как в Изенгард?—вскричали все разом.

— Да так вот, в Изенгард,—отвечал Гэндальф.—Туда лежит мой путь, и кто хочет, пусть едет со мной. Странные, должно быть, нас ожидают зрелища.

— Однако ж во всей Ристании,—возразил Теоден,—не найдется довольно ратников—даже если поднимутся на битву все до одного, забыв усталость и презрев раны,—не хватит их, чтобы осадить, а не то что взять неприступную твердыню Сарумана.

— Словом, я еду в Изенгард,—еще раз повторил Гэндальф.—И времени у меня в обрез: на востоке темень смыкается. Увидимся, значит, в Эдорасе, до ущерба луны!

— Нет!—сказал Теоден.—В смутный предрассветный час я усомнился в тебе, но теперь нам расставаться не с руки. Я поеду с тобою, если таков твой совет.

— Я хочу как можно скорее поговорить с Саруманом,—объяснил Гэндальф.—А он—виновник всех ваших бед, и слово теперь за вами. Но уж ехать, так ехать немедленно—сможете?

— Воины мои утомлены битвой,—проговорил конунг,—да и сам я, по правде сказать, тоже очень устал: полсуток в седле, а потом бессонная ночь. Увы, старость моя неподдельна, и не Гнилоуст нашептал ее. От этого недуга исцеления нет, тут и Гэндальф бессилен.

— Что ж, пусть все, кто поедет со мной, сейчас отдохнут,—сказал Гэндальф.—Тронемся ввечеру—да так оно и лучше, а впредь мой вам совет: таитесь, действуйте скрытно. И поменьше людей бери с собой, Теоден,—не на битву едем, на переговоры.

Отрядили гонцов из числа тех немногих, кто остался цел и невредим; на самых быстрых скакунах помчались они по ближним и дальним долам и весям, разнося весть о победе; и повелел конунг всем ристанийцам от мала до велика снаряжаться в поход и поспешать к Эдорасу, на

боевой смотр—через двое суток после полнолуния. Он взял с собой в Изенгард Эомера и двадцать дружинников. А с Гэндальфом поехали Арагорн, Леголас и Гимли. Гном, несмотря на рану, не пожелал отстать от своих.

— Удар-то пустяковый, пришлось вкось по шлему,— сказал он.— Да если я из-за каждой поганой царапины...

— Сейчас попробуем подлечить,— прервал его Арагорн.

Теоден вернулся в Горнбург и опочил таким безмятежным сном, каким не спал уж много лет; легли отдыхать и те, кому предстоял с ним далекий путь. А остальные—все, кроме тяжелораненых,—принялись за дело, ибо надлежало собрать под стенами и в ущелье тела павших и предать их земле.

Орков в живых не осталось, и не было числа их трупам. Но многие горцы сдались в плен; в ужасе и отчаянии молили они о пощаде. У них отобрали оружие и приставили их к работе.

— Отстроите вместе с нами заново то, что разрушали с орками, принесете клятву никогда более с враждою не переступать Изенских бродов и ступайте себе восвояси,— сказал им Эркенбранд.— Саруман обманул вас, и дорогой ценой расплатились вы за вашу доверчивость, а если б одержали победу, расплатились бы еще дороже.

Дунландцы ушам своим не верили: Саруман говорил им, что свирепые ристанийцы сжигают пленников живьем.

Подле Горнбурга посреди поля насыпали два кургана: под одним схоронили вестфольдцев, под другим—ополченцев Эдораса. У самой стены был погребен главный телохранитель Теодена Гайма—он пал, защищая ворота.

Трупы орков свалили поодаль, возле опушки новоявленного леса. И многие тревожились, ибо неведомо было, что делать с огромными горами мертвечины: закапывать—хлопотно, да и некогда, сжечь—недостанет хворосту, а рубить диковинные деревья никто бы не отважился, если б Гэндальф и не запретил строго-настрого даже близко к ним подходить.

— И не возитесь с трупьем,—велел он.— К завтрашнему утру, я думаю, все уладится.

Еще далеко не закончено было погребение, когда конунг со свитою изготовились к отъезду. И Теоден оплакал своего верного стража Гайму и первым бросил горсть земли в его могилу.

— Великое горе причинил Саруман мне и всему нашему краю,— молвил он.— Когда мы с ним встретимся, я ему это попомню.

Солнце клонилось к западному восхолмью излога. Теодена и Гэндальфа провожали до Гати—ополченцы и вестфольдцы, стар и млад, женщины и дети, высыпавшие из пещер. Звонко разливалась победная песнь—и вдруг смолкла, ибо угрюмые деревья внушали страх ристанийцам.

На опушке кони стали: им, как и их всадникам, не хотелось углубляться в лес. Недвижные, серые, зловещие деревья стояли в туманной дымке: их простертые ветви растопырились, точно лапы, готовые схватить и впиться, извилистыми щупальцами застыли корни, а под ними зияли черные провалы. Но Гэндальф тронулся вперед, и за ним последовали остальные, въезжая один за другим под своды корявых ветвей, осенявших дорогу из Горнбурга—а она оказалась свободна, рядом с нею текла Ущелица, и золотистым сиянием лучились небеса. А древесные стволы по обе стороны уже окутывали сумерки, и из густеющей мглы доносилась скрипы, трески и кряхтенье, дальние вскрики и сердитая безголосая молвь. Ни орков, ни лесных зверей не было.

Леголас и Гимли ехали на одной лошади и держались поближе к Гэндальфу, а то Гимли сильно побаивался леса.

— Душно как, правда?—сказал Леголас Гэндальфу.— Нас обступает безысходный гнев. Слышишь, воздух трепещет?

— Слышу,—отозвался Гэндальф.

— А что случилось с несчастными орками?—спросил Леголас.

— Этого, я думаю, никто никогда не узнает,—отвечал Гэндальф.

Какое-то время они ехали молча, и Леголас все поглядывал по сторонам: если б не Гимли, он бы охотно остановился и послушал лесные голоса.

— Ничего не скажешь, чудные деревья,— заметил он,— а уж я ли их не навидался на своем веку! Сколько дубов знал от желудя до кучи трухи! А что, никак нельзя немного задержаться? Я походил бы по лесу, вслушался бы в их разговор, может, и понял бы, о чем речь.

— Нет, нет!— поспешно возразил Гимли.— Оставь их в покое! Я и так понимаю, о чем речь: им ненавистны все двуногие, вот они и переговариваются, как нас ловчее ловить и давить.

— Нет, не все двуногие им ненавистны, это ты выдумываешь,— сказал Леголас.— Ненавидят они орков, а до эльфов и людей им дела нет, они и не знают, кто мы такие. Откуда же? Они нездешние, они родились и выросли в лесной глуши, в тенистых ложбинах Фангорна. Так-то, друг мой Гимли: фангорнские это деревья.

— Ну да, из самого, стало быть, гиблого леса в Средиземье,— проворчал Гимли.— Спасибо им, конечно, здорово помогли, но не лежит у меня к ним душа. Любуйся на них, коли они тебе в диковинку, а вот мне и правда такое привелось увидеть! Что там все леса и долины на свете! До сих пор не нарадуюсь.

Говорю тебе, Леголас, чудной народ эти люди! Под носом у них диво дивное, на всем Севере не сыщешь подобного, а они говорят—пещеры! Пещеры, и все тут! Убежища на случай войны, кладовки для припасов! Друг мой Леголас, да знаешь ли ты, какне хоромы сокрыты в горных недрах возле Хельмова ущелья? Проведай об этом гномы, они бы стекались сюда со всех концов земли, чтобы только взглянуть на них, и платили бы за вход чистым золотом!

— А я не пожалел бы золота за выход, если б там случайно оказался,—заявил Леголас.

— Ты их не видел, что с тебя взять,—сказал ему Гимли.— Прощаю, так и быть, твою дурацкую шутку. Да ваш царский подгорный дворец в Лихолесье, который, кстати, гномы же и отделывали,—просто берлога по сравнению со здешними хоромами! Это огромные чертоги, в которых звучит и звучит медленная музыка переливчатых струй и вечной капли над озерами, прекрасными, как Келед-Зарам в сиянье звезд.

А когда зажигают факелы и люди расхаживают по песчаным полам под гулками сводами, тогда, представля-

ешь, Леголас, гладкие стены сеют сверканье самоцветов, хрусталей, рудных жил — и озаряются таинственным светом мраморные кружева и завитки вроде раковин, прозрачные, словно пясти Владычицы Галадриэли. И слушай, Леголас, повсюду вздымаются, вырастают из многоцветного пола причудливые, как сны, витые изваяния колонн — белоснежные, желто-коричневые, жемчужно-розовые, а над ними блещут сталактиты — крылья, гирлянды, занавеси, окаменевшие облака; башни и шпили, флюгеры и знамена висячих дворцов, отраженных в недвижно-стылых озерах, — и дивные мерцающие виденья рождаются в темно-стеклянной глади: города, какие и Дарину едва ли грезились, улицы, колоннады и галереи, взвешенные над черною глубиной. Но вот падает серебряная капля, круги расходятся по стеклянистой воде — и волшебные замки колышутся, словно морские водоросли в подводном гроте. Наступает вечер — факелы унесли: видения блекнут и гаснут, а в другом чертоге, блистая новой красой, является новая греза. Чертогов там не счесть, Леголас, хоромина за хороминной, своды над сводами, бесконечные лестницы, и в горную глубь ведут извилистые ходы. Пещеры! Хоромы возле Хельмова ущелья! Счастлив жребий, что привел меня сюда! Уходя, я чуть не плакал.

— Ну раз так, Гимли, — сказал немного ошарашенный Леголас, — то желаю тебе уцелеть в грядущих битвах, вернуться в здешние края и снова узреть любезные твоему сердцу пещеры. Только ты своим-то про них не очень рассказывай: судя по твоим словам, здесь трогать ничего не надо, а от семейки гномов с молотками и чеканами вреда, пожалуй, не оберешься. Может, ристанийцы и правильно делают, что помалкивают об этих горных хоромках.

— Ничего ты не понимаешь, — рассердился Гимли. — Да любой гном просто обомлеет от восторга. Нет среди потомков Дарина таких, чтобы принялись здесь добывать драгоценные камни или металл, будь то даже алмазы и золото. Ты ведь не станешь рубить по весне на дрова цветущие деревца? Этот каменный цветник стал бы у нас изумительным, блистающим заповедником. Бережно и неспешно, тук да тук, там да сям, бывает, за день только один раз и приладишься с чеканом — мы знаешь как умеем работать! — и через десятки лет чертоги явили бы свою

сокровенную красоту и открылись бы новые—там, где сейчас за расселинами скал зияют темные пропасти. И все бы озарилось светом, Леголас! Засияли бы такие же невиданные светильники, как некогда в Казад-Думе; и отступила бы ночь, от века заполонившая горные недра; она возвращалась бы только по нашему мановению.

— Удивил ты меня, Гимли,—сказал Леголас.—Раньше я таких речей от тебя не слышивал. Еще немного—и я, чего доброго, начну сожалеть, что не видел твоих чертогов. Ладно! Давай заключим уговор: если обоих нас минует гибель—что вряд ли,—то немного попутешествуем вдвоем. Ты со мною в Фангори, а потом я с тобой—к Хельмову ущелью.

— Фангори-то я бы далеко стороной обошел,—вздыхнул Гимли.—Но будь по-твоему, в Фангори так в Фангори, только уж после этого—прямоком сюда, я сам тебе покажу пещеры.

— Идет,—скрепил Леголас.—Но пока что, увы, и от пещер мы отъезжаем все дальше, а вот, гляди-ка, и лес кончается. Далеко еще до Изенгарда, Гэндальф?

— Кому как,—отозвался Гэндальф.—Сарумановы вороны летают по прямой, им пятнадцать лиг: пять от Ущельного излога до переправы, а оттуда еще десять до изенгардских ворот. Но мы отдохнем: заночуем.

— А там, на месте, что нас все-таки ожидает?—спросил Гимли.—Ты-то, конечно, знаешь заранее, а я даже не догадываюсь.

— Нет, я заранее не знаю,—отвечал маг.—Я там был вчера ночью; с тех пор могло случиться многое. Но ты, я думаю, сетовать не будешь, что зря проехался, хотя и покинул, не насмотревшись, Блισταющие Пещеры Агларонда.

Наконец они выехали из лесу к развилку большой дороги, которая вела от Ущельного излога на восток, к Эдорасу, и на север, к Изенгардской переправе. Леголас остановил коня на опушке, с грустью оглянулся и громко вскрикнул.

— Там глаза!—закричал он.—Из-за ветвей глаза глядят нам вслед! В жизни не видал таких глаз!

Встревоженные его возгласом воины тоже остановились и обернулись, а Леголас поскакал обратно.

— Нет, нет!—завопил Гимли.—Езжай, куда хочешь, коли совсем свихнулся, а меня спусти с лошади! Ну тебя с твоими глазами!

— Стой, царевич Лихолесья!—приказал Гэндальф.—Сейчас не время. Погоди, от тебя этот лес не уйдет.

Между тем на опушке показались три удивительных исполина: ростом с троллей, футов двенадцати, если не больше, плотные, крепко сбитые, как деревья в поре, долгоногие, длиннорукие, многопалые; то ли одежда в обтяжку, то ли кожа была у них светло-бурая, курчавились кронами пышные волосы, торчали серо-зеленые, мшистые бороды. Огромные внимательные глаза глядели вовсе не на конников, взоры их устремлялись к северу. Внезапно они, приставив раструбом руки ко рту, издали громкий клич, похожий на пенье рога, но протяжнее и мелодичнее. Раздались ответные звуки; всадники обернулись в другую сторону и увидели, что с севера к лесу быстро приближаются такие же исполины, вышагивая в траве. Шагали они, точно аисты, но гораздо проворнее. Конники разразились изумленными возгласами, иные из них схватились за мечи.

— Оставьте оружие,—сказал Гэндальф.—Это всего-навсего пастухи. Они не враги наши, да они нас вовсе и не замечают.

Видимо, так оно и было: исполины, даже не взглянув на всадников, скрылись в лесу.

— Пастухи!—сказал Теоден.—А где же их стада? Кто они такие, Гэндальф? Тебе они, по всему виду, знакомы.

— Пастыри деревьев,—отвечал Гэндальф.—Давно ли, о конунг Теоден, внимал ты долгим рассказам у вечернего очага? Многие ристанийские дети, припомнив волшебные сказки и чудесные были, шутя отыскиали бы ответ на твой вопрос. Ты видел онтов, конунг, онтов из Фангорнского Леса, который на вашем языке зовется Онтвальд. Может, тебе казалось, что он прозван так ненароком? Нет, Теоден, разуверься: это вы для них мнмолетная небыль, столетья, минувшие со времен Отрока Эорла до старца Теодена, в их памяти короче дня, и летопись ваших деяний—как пляска солнечных зайчиков.

— Онты! — вымолвил конунг после долгого молчания. — Да, среди сказочных теней понятней нынешние чудеса, а время нынче небывалое. Век за веком мы холили коней и распахивали поля, строили дома, ковали мечи и косы, выезжали в дальние походы и помогали гондорцам воевать — и называли это жизнью людской, и думали, будто мир вертится вокруг нас. И знать не желали никаких чужаков за нашими рубежами. Старинные песни и сказания мы забывали: одни обрывки их случайно достигали детских ушей. И вот свершилось — древние небылицы ожили и, откуда ни возмись, явились среди бела дня.

— Вот и радуйся, конунг Теоден, — сказал Гэндальф. — Стало быть, нынче злая беда грозит не только недолговечному роду людскому, но и жизни иной, которая мнилась вам небылицей. Есть у вас союзники и соратники, неведомые вам самим.

— Не знаю, радоваться мне или печалиться, — возразил Теоден. — Ведь даже если мы победим — все равно много дивного и прекрасного исчезнет наверное из жизни Средиземья.

— Исчезнет, — подтвердил Гэндальф. — Лиходейство Саурона с корнем выкорчевать не удастся, и след его неизгладим. Но такая уж выпала нам участь. Поехали дальше, навстречу судьбе!

Обросший лесом излог остался позади, свернули налево, к бродам. Леголас скакал последним, то и дело озираясь. Солнце уже закатилось, но, отъехав от горных подножий, они взглянули на запад и увидели за Вратами Ристании багряное небо и пылающие облака. Стаи черных птиц носились кругами и разлетались врассыпную у них над головой, с жалобным криком возвращаясь на свои скалистые кручи.

— Вдоволь поживы стервятникам на бранном поле, — сказал Эомер.

Они шли на рысях по темнеющей равнине. Медленно выплыла чуть урезанная луна, и в ее серебристом свете степь колыхала неровные серые волны. Часа через четыре подъехали к переправе; под откосом виднелись длинные отмели и высокие травянистые насыпи. С порывом ветра донесся волчий вой, и горестно припомнили риста-

нийцы, сколько доблестных воинов полегло в этих местах.

Прорезая насыпи, дорога витками спускалась к воде и поднималась в гору на том берегу. Три узкие тропы из тесаных камней и конские броды между ними вели через голый островок посредине реки. Конники смотрели на переправу и дивились: обычно там меж валунов клубилась и клокотала река, а сейчас было тихо. Безводное русло обнажило галечники и серые песчаные залежи.

— Унылые места, их и не узнать!— проговорил Эомер.— Саруман изуродовал все, что смог: неужели же запрудил и загадил источники Изена?

— Похоже на то,— сказал Гэндальф.

— Надо ли нам,— молвил Теоден,— непременно ехать этим путем, мимо наших мертвецов, истерзанных и изглоданных?

— Надо,— сказал Гэндальф.— Надо нам ехать этим путем. Скорбь твоя, конунг, понятна; ты, однако, увидишь, что волки с окрестных гор до наших мертвецов не добрались. Они обжираются трупами своих приятелей-орков: такая у них дружба, не на жизнь, а на смерть. Вперед!

Они спустились к реке, и волчий вой притих, а волки попятились: страшен был им вид Гэндальфа, грозно-белого в лунном свете, и его гордого серебряного коня Светозара. Конники перешли на островок, а мерцающие глаза тускло и хищно следили за ними с высокого берега.

— Взгляни!— указал Гэндальф.— Друзья твои не дремали.

И они увидели посреди островка свеженасыпанный курган, обложенный камнями и утыканный копьями.

— Здесь покоятся все мустангримцы, павшие окрест,— сказал Гэндальф.

— Мир их праху!— отозвался Эомер.— Ржа и гниль источат их копья, но курган останется навеки— стеречь Изенгардскую переправу.

— И это тоже ты, Гэндальф, бесценный друг?— спросил Теоден.— Много ж ты успел за вечер и за ночь!

— Спасибо Светозару и другим безымянным помощникам,— сказал Гэндальф.— Дела было— только поспевай!

Одно скажу тебе в утешение возле этого холма: молва троекратно умножила число павших, хотя погибло и правда немало. Больше, однако, рассеялось; и я собрал всех, кого удалось собрать. Одних я отправил с Гримбладом из Вестфольда на помощь Эркенбранду, другим поручил погребение. Теперь они на пути к Эдорасу; твой сенешаль Эльфхельм ведет их, и вдогон им послана еще сотня-другая конников. Саруман обрушил на Хельмову Крепь все свое воинство; завернул даже мелкие отряды, а все же я опасался, что какая-нибудь банда мародеров или свора волколаков нападет на беззащитную столицу. Теперь-то можешь не тревожиться: дворец твой ожидает тебя в целости и сохранности.

— Радостно будет мне возвратиться под златоверхий кров моих предков, пусть и ненадолго,—сказал Теоден.

Распростившись с островком и скорбным курганом, пересекли реку и въехали на высокий берег. Едва они отделились, волки снова злобно завывали.

Еще в седой древности была проложена дорога от Изенгарда к переправе. Она шла подле реки, сворачивая на восток, потом на север и наконец, оставив реку в стороне, вела напрямик к изенгардским воротам на западной окраине долины, миль за шестнадцать от ее устья.

Ехали они не дорогой, а рядом с нею, по целине, густо заросшей свежей травой. Ехали быстрее, чем прежде, и к полуночи проскакали добрых пять лиг. Тут, у подножия Мглистых гор, и заночевали: конунг не на шутку утомился. Длинные отроги Нан-Курунира простерлись им навстречу, и густая темень сокрыла долину; луна отошла к западу, спряталась за холмами. Однако же из долины, затопленной темнотой, вздымался огромный столп дымных паров, клубившихся и опадавших, и под лучами луны черно-серебряные клочья расползались в звездном небе.

— В чем тут дело, как думаешь, Гэндальф?—спросил Арагорн.—Похоже, будто горит вся Колдовская логовина.

— Нынче из этой логовины дым всегда клубами валит,—сказал Эомер.—Но такого и я, пожалуй что, не видывал. Дыма-то, поглядите, маловато, все сплошь пар. Это Саруман готовит что-нибудь новенькое. Наверно, вскипятит воды Изена, оттого и русло сухое.

— Может, и вскипятил,—согласился Гэндальф.— Завтра утром узнаем, в чем дело с Изеном. А пока попробуйте все-таки отдохнуть.

Заночевали неподалеку от бывшего русла Изена, пусто-го и заглохшего. И спали, кому спалось. Но посреди ночи вскрикнули сторожевые, и все проснулись. Луна зашла. Блистали звезды, но темнее ночи вскрылась темнота—и пролилась по обе стороны реки, и уползала к северу.

— Ни с места!—велел Гэндальф.— Оружие не трогать! Погодите: сейчас минует!

Их окутал сплошной туман; сверху мигала горсточка серых звезд, но по обе руки стеною выросла темень; они оказались как бы в узкой лощине, стиснутые раздвоенным шествием исполинских теней. Слышались голоса и шепоты, стенания и тяжелый, протяжный вздох; и долгим трепетом ответствовала земля. Казалось, конца не будет их испуганному ожиданию; однако темнота растаяла, и звуки стихли, замерли где-то в горах.

А в южной стороне, близ Горнбурга, за полночь раздался громовой гул, точно ураган пронесся по долине, и содрогнулись недра земные. Всех объял ужас—затворившись, ждали, что будет. Наутро вышли поглядеть и замерли в изумлении: не стало ни волшебного леса, ни кроваво-черной груды мертвецов. Далеко в низине трава была вытоптана, будто великаны-пастухи прогнали там бесчисленные стада; а за милю от Гати образовалась огромная расселина, и над нею—насыпь щебня. Говорили, что там схоронены убитые орки; но куда подевались несметные толпы, бежавшие в лес, никто никогда не узнал: туда, на этот холм, не ступала нога человеческая, и трава на нем не росла. Его прозвали Мертвецкая Запасть. И диковинных деревьев в Ущельном излоге более не видели: как явились они ночью, так и ушли к себе обратно, в темные ложбины Фангориа. Страшной мстью отомстили они оркам.

После этого конунгу с дружинниками не спалось; а ночь тянулась тихая, и только под утро вдруг обрела голос река. Валуны и мели захлестнуло половодьем, потом вода

схлынула. Изен струился и клокотал деловито, как ни в чем не бывало.

На рассвете они изготовились к походу. За бледно-серою дымкой вставало невидимое солнце. Отяжелела, напившись стылым смрадом, сырая утренняя мгла. Медленно ехали по широкой, ровной и гладкой дороге. Слева сквозь туман виднелся длинный горный отрог: въезжали в Нан-Курунир, Колдовскую логовину, открытую лишь с юга. Когда-то была она зеленой и пышной; ее орошал полноводный Изен, вбирая ручьи, родники и дождевые горные потоки,—и вся долина возделывалась, цвела и плодоносила.

Но это было давно. У стен Изенгарда и нынче имелись пашни, возделанные Сарумановыми рабами; но остальной долиной завладели волчцы и терние. Куманника оплела землю, задушила кустарник; под ее густыми порослями гнездились робкие зверьки. Деревьев не было; среди гниющей травы там и сям торчали обугленные, изрубленные пни—останки прежних рощ. Угрюмое безмолвие нарушал лишь Изен, бурливший в каменистом русле. Плавали клочья дыма и клубы пара, оседая в низинах. Конники помалкивали, и сомнение закрадывалось в их сердца: зачем их сюда понесло и добром ли все это кончится?

Через несколько миль дорога превратилась в мощеную улицу, и ни травинки не росло между каменными плантами. По обе стороны улицы текла вода в глубоких канавах. Громадный столб появился из мглы; на черном постаменте был установлен большой камень, высеченный и размалеванный наподобие длинной Белой Длани. Перст ее указывал на север. Недалеко, они знали, оставалось до ворот Изенгарда, и чем ближе к ним, тем тяжелее было на сердце—а впереди стеной стояла густая мгла.

Многие тысячелетия в Колдовской логовине высилась у горных подножий древняя крепость, которую люди называли Изенгардом. Ее извергла каменная глубь, потом потрудились нуменорские умельцы, и давным-давно обитал здесь Саруман, строитель не из последних.

Посмотрим же, каков был Изенгард во дни Сарумана,

многими почитавшегося за верховного и наимудрейшего мага. Громадное каменное кольцо вросло в скалистые откосы, и лишь один был вход внутрь: большая арка с юга и под нею — туннель, прорубленный в скале, с обеих сторон закупоренный массивными чугунными воротами. Толстые стальные брусья глубоко впились в камень, а ворота были так подвешены на огромных петлях, что растворялись легко и бесшумно, от легкого нажима. За этим гулким туннелем приезжий оказывался как бы на дне чаши, от края до края которой была добрая миля. Некогда там росли меж аллей фруктовые рощи и журчали ручьи, стекавшие с гор в озерцо. Но к концу владычества Сарумана зелени не осталось и в помине. Аллеи замостили черным плитняком, вдоль них вместо деревьев тянулись ровными рядами мраморные, медные, железные столбы; их сковывали тяжкие цепи.

Громады скал, ограждавшие крепость, были источены изнутри ходами и переходами между тайниками, кладовыми и камерами, кругом обставлены всевозможными постройками; зияли бесчисленные окна, бойницы и черные двери. Там ютились тысячи мастеровых, слуг, рабов и воинов, там хранилось оружие, там, в подвалах, выкармливали волков. Все днище каменной чаши тоже было иссверлено; низкие купола укрывали скважины и шахты, и при луне Изенгард выглядел беспокойным кладбищем. Непрестанно содрогалась земля; винтовые лестницы уходили вглубь, к сокровищницам, складам, оружейням, кузницам и горнилам. Вращались железные маховики, неумолчно стучали молоты. Скважины изрыгали дымные струи и клубы в красных, синих, ядовито-зеленых оттенках.

Дороги меж цепей вели к центру, к башне причудливой формы. Ее воздвигли древние строители, те самые, что вытесали скалистую ограду Изенгарда; казалось, однако же, что людям такое не под силу, что это — отросток костей земных, увечье разверзнутых гор. Гигантскую глянцеви́то-черную башню образовали четыре сросшихся граненых столпа. Лишь наверху, на высоте пятисот футов над равниной, они вновь расходились кинжальными остриями; посредине этой каменной короны была круглая площадка, и на ее зеркальном полу проступали таинственные письмена.

Ортханк называлась мрачная цитадель Сарумана, и волею судеб (а может, и случайно) имя это по-эльфийски значило Клык-гора, а по-древнеристанийски — Лукавый Ум.

Могучей и дивной крепостью был Изенгард, и многие тысячи лет хранил он великолепии: обитали здесь и великие воеводы, стражи западных пределов Гондора, и мудрецы-звездочеты. Но Саруман медленно и упорно перестраивал его в угоду своим злокозненным планам и думал, что он — великий, несравненный, искусный зодчий; на самом же деле все его выдумки и ухищрения, на которые он разменял былую мудрость и которые мнились ему детищами собственного хитроумия, с начала до конца были подсказаны из Мордора: строил он не что иное, как раболопную копию, игрушечное подобие Барад-Дура, великой Черной Твердыни с ее бастионами, оружейнями, темницами и огнедышащими горнилами; и тамошний властелин в непомерном своем могуществе злорадно и горделиво смеялся над незадачливым и ничтожным соперником.

Таков был оплот Сарумана, так его описывала молва, хотя очевидцев и не было, ибо не помнилось ристанийцам, чтобы кто-нибудь из них проник за крепостные ворота; а те немногие, кто там побывал, — те, вроде Гнилоуста, ездили туда тайком и держали язык за зубами.

Гэндальф проехал мимо столба с изваянием Длани, и тут конники заметили, что Длань-то вовсе не белая, а точно испятнанная засохшей кровью, и вблизи стало видно, что ногти ее побагровели. Гэндальф углубился в туман, и они нехотя последовали за ним. Кругом, словно после половодья, разлились широкие лужи, поблескивали колдобины, налитые водой, журчали в камнях ручьи.

Наконец Гэндальф остановился, сделал им знак приблизиться — и они выехали из тумана. Бледный послеполуденный солнечный свет озарил ворота Изенгарда.

А ворот не было; ворота, сорванные с петель и покореженные, валялись поодаль, среди руин, обломков и бескрайней свалки щебня. Входная арка уцелела, но за нею тянулась расселина — туннель, лишенный кровли. По

обеим его сторонам стены были проломлены, сторожевые башни сшиблены и стоптаны в прах. Если бы океан во всей своей ярости обрушился на горную крепь — и то бы он столько не наворотил.

А в кольце полуразваленных скал дымилась и пузырилась залитая водой огромная каменная чаша, испуская пары, колыхалось месиво балок и брусьев, сундуков и ларей и всяческой прочей утвари. Искривленные, покосившиеся столбы торчали над паводком; все дороги были затоплены, а каменный остров посредине окутан облаком пара. Но по-прежнему темной, незыблемой твердыней возвышалась башня Ортханка, и мутные воды плескались у ее подножия.

Конунг и его конники глядели и поражались: владычество Сарумана было очевидно ниспровергнуто, но кем и как? Снова посмотрели они на арку, на вывернутые ворота — и рядом с ними, на груде обломков, вдруг заметили двух малышей в сером, почти неразличимых средь камней. Подле них стояли и валялись бутылки, чашки и плошки; похоже, они только-только плотно откушали и теперь отдыхали от трудов праведных. Один, видимо, вздремнул, другой, скрестив ноги и закинув руки за голову, выпускал изо рта облачка и колечки синеватого дымка.

Теоден, Эомер и прочие ристанийцы обомлели от изумления: такое ни в одном сне не привидится, тем более посреди сокрушенного Изенгарда. Но прежде, чем конунг нашел слова, малыш-дымоиспускатель заметил в свою очередь всадников, вынырнувших из тумана, и вскочил на ноги. Ни дать ни взять юноша, только в половину человеческого роста, он стоял с непокрытой головой, на которой курчавилась копна каштановых волос, а облачен был в замызганный плащ, вроде Гэндальфа и его сотоварищей, когда те появились в Эдорас. Возложив руку на грудь, он низко поклонился. Потом, словно не замечая мага и его спутников, обратился к Эомеру и конунгу:

— Добро пожаловать в Изенгард, милостивые государи! — промолвил он. — Мы тут исполняем должность привратников. Меня лично зовут Мериадок, сын Сарадока; а мой товарищ по оружию, которого — увы! — одолела уста-

лость,—тут он отвесил товарищу по оружию хорошего пинка,—зовется Перегрин, сын Паладина, из рода преславного Крола. Обиталище наше далеко на севере. Хозяин крепости Саруман—он у себя, но затворился, видите ли, с неким Гнилоустом, иначе бы, разумеется, сам приветствовал столь почетных гостей.

— Да уж конечно, приветствовал бы!—расхохотался Гэндальф.—Так это, значит, Саруман поставил тебя стеречь выломанные ворота и принимать гостей, если будет тебе под силу оторваться от бутылки и оставить тарелку?

— Нет, ваша милость, он не изволил на этот счет распорядиться,—ответствовал Мерри.—Слишком он был занят, извините. К воротам нас приставил некий Древень, теперешний управляющий Изенгарда. Он-то и повелел мне приветствовать властелина Ристании в подходящих выражениях. Надеюсь, я не оплошал?

— А на друзей, значит, плевать, на Леголаса и на меня!—воскликнул Гимли, которого так и распирало.—Ах вы мерзавцы, ах вы шерстопятые и шерстолапые лежебоки! Ну и пробежались мы по вашей милости! Двести лиг по лесам и болотам, сквозь битвы и смерти—и все, чтобы вас догнать! А вы тут, оказывается, валяетесь-пируете как ни в чем не бывало, да еще куревом балуетесь! Куревом, это ж подумать только! Вы откуда, негодяи, взяли табак? Ах ты, клещи с молотом, иначе не скажешь! Если я не лопну от радости и ярости, вот это будет настоящее чудо!

— Хорошо говоришь, Гимли,—поддержал его Леголас.—Однако мне вот любопытно, откуда они взяли вино.

— Бегать-то вы горазды, только ума не набегашь,—заметил Пин, приоткрыв один глаз.—Видите же, сидим мы, победивши, на поле боя, среди всяческой добычи, и еще спрашиваете, откуда взялись эти заслуженные трофеи!

— Заслуженные?—взъерился Гимли.—Вот уж это никак!

Конники захохотали.

— Сомнения нет, мы свидетели встречи старых друзей,—сказал Теоден.—Это и есть, Гэндальф, твои пропащие спутники? Да, нынче наши дни исполнены чудес. Я уж их навидался с тех пор, как покинул Эдорас, а вот

смотрите-ка, опять средь бела дня народец из легенд. Вы кто же, вы, что ли, невысоклики, которых у нас называют хоббитами?

— Хоббиты, государь, с твоего позволения,—сказал Пин.

— Хоб-биты?—неуверенно повторил Теоден.— Странно изменился ваш язык; однако же имя это вполне вам подходит. Хоббиты, значит! Нет, рассказы рассказами, а правда их чудней.

Мерри поклонился; Пин встал и последовал его примеру.

— Приятны слова твои, государь,—сказал он. —Надеюсь, что я их правильно понял. И вот ведь чудо из чудес! В долгом нашем странствии не встречал я никого, кто бы знал хоть что-нибудь о хоббитах.

— Недаром предки мои родом с севера,—сказал Теоден.—Однако не буду вас обманывать: мы тоже о хоббитах знаем мало. Всего-то нам известно, что далеко-далеко, за горами и синими реками, будто бы живут невысоклики, в норах под песчаными дюнами. Но о делах и деяниях ваших речи нет; говорят, не знаю, правду ли, что нечего про них и рассказывать, что вы избегаете людского глаза, скрываясь во мгновение ока, и что не имеете равных в подражании любым птичьим голосам. Наверняка можно бы и еще про вас что-нибудь порассказать.

— Можно бы, государь, золотые твои слова,—сказал Мерри.

— Вот хотя бы,—сказал Теоден,—я и слыхом не слыхивал, что вы умеете пускать дым изо рта.

— Ну, это как раз неудивительно,—заметил Мерри,—этому искусству мы не слишком давно научились. Тобольд Громобой из Длиннохвостья, что в Южном уделе, впервые вырастил у себя в саду истинное табачное зелье, и было это по нашему счисленью примерно в тысяча семидесятом году. А о том, как старина Тоби набрел на эту травку...

— Ты бы остерегся, Теоден,—вмешался Гэндальф.—Хоббитами только дай волю—они усядутся хоть на поле битвы и давай обсуждать кушанья и стряпню, а заодно порасскажут о деяниях своих отцов, дедов и прадедов, девятиюродных родней с отцовской и материнской стороны. В другой раз послушаем, как они пристрастились к табачному зелью. Мерри, где Древень?

— Я так понимаю, где-нибудь в северной стороне,— задумчиво сказал Мерри.— Он пошел водицы испить— чистой, сказал он, водицы. И онты вместе с ним доламывают Изенгард—вон, где-то там.— И Мерри махнул рукой в сторону дымящегося озера; они прислушались—и точно, оттуда доносился дальний грохот и рокот, будто лавина катилась с гор. Слышалось протяжное *хру-у-умм ху-умм!*— как бы торжествующая переключка рогов.

— А Ортханк, стало быть, оставили без охраны?— сурово спросил Гэндальф.

— Там вода плещется на страже,—возразил Мерри.— Да и не одна вода: Скоростень и еще там ребяташки с ним—они ох как стерегут башню. Да ты погляди как следует—думаешь, это все торчат Сарумановы столбы? А Скоростень, по-моему,—вон он где, возле скалы, у подножия лестницы...

— Да, там стоит высокий серый онт,—подтвердил Леголас,—застыл и руки свесил, не отличишь от воротного столба.

— Уже изрядно за полдень,—сказал Гэндальф,—а мы, в отличие от вас, с раннего утра ничего не ели. Однако же мне бы надо сперва повидаться с Древнем. Он ничего мне передать не просил—или у тебя за питьем и кушаньем память отшибло?

— Он как раз очень даже просил,—сказал Мерри,—и давно бы я тебе это передал, если б меня не перебивали посторонними вопросами. Мне велено сказать вам, что ежели повелитель Ристании и Гэндальф соизволят съездить к северной окраине Изенгарда, то онн там имеют встретить Древня, и он будет очень рад с ними свидеться. Смею ли прибавить, что там для них приготовлена отличная трапеза из припасов, отысканных и отобранных вашими покорными слугами.—И он опять поклонился.

— Давно бы так!—рассмеялся Гэндальф.—Что ж, Теоден, поехали со мной, поищем, где там Древень! В обход придется ехать, но все равно недалеко. Зато, увидевши Древня, многое уразумеешь. Ибо он—Фангорн, древнейший и главнейший из онтов; переговоришь с ним—и услышишь первого из ныне живущих.

— Да, я поеду с тобой,—сказал Теоден.—До свидания, холь... хоббиты! Может, еще увидимся у меня во дворце.

Вы тогда мирно усядетесь рядом со мною и расскажете обо всем, о чем душа пожелает: и о деяниях ваших предков, обо всем, что памятно из них; поговорим заодно и про стариину Тобольда, про его ученье о травах. До свидания, государи мои!

Хоббиты низко поклонились.

— Вот он, значит, повелитель Ристании! — вполголоса проговорил Пин. — Старик хоть куда. А учтивый какой!

ГЛАВА IX

ХЛАМ И КРОШЕВО

Дэндалф и конунг с дружиной отправились на поиски Древня в объезд разрушенных изенгардских стен, а Леголас, Гимли и Арагорн отпустили коней щипать, какую найдут, травку и уселись рядом с хоббитами.

— Догнать мы вас, голубчиков, догнали, но как вас сюда занесло—это уму непостижимо,—сказал Арагорн.

— Вот-вот,—подхватил Леголас,—пусть сильные мира сего обсуждают великие дела, а мы, охотники за хоббитами, возьмем-ка их в оборот, раз попались. Ведь что получается—мы их, можно сказать, проводили до самого леса, и все равно загадок не оберешься.

— А нам, наоборот, про вас, охотничков, интересно,—возразил Мерри.—Древень—это который самый старый онт—нам кое-что поразъяснил, теперь очередь за вами.

— За нами?—возмутился

Леголас.— Кто за кем гнался? Мы за вами — вот давайте вы сперва и рассказывайте.

— Не сперва, а потом,— сказал Гимли.— После еды оно лучше пойдет. У меня голова с голодухи побаливает, да и время, кстати, самое обеденное. Соберите-ка вы нам, бездельники, какой ни на есть обед: хвастались ведь добычей. Поем-попью—глядишь, и подобраю.

— Сейчас мы тебя задобрим,— пообещал Пин.— Пить-есть-то где будете—здесь или все-таки, для пущего уюта, в Сарумановой бывшей караулке, вон там, под аркой? Мы-то здесь расположились, чтобы вас не проморгать.

— И проморгали, ротозеи!— сказал Гимли.— Но я в гости к оркам, даже к мертвым, не пойду и не стану подъедать за ними объедки.

— А кто тебя зовет в гости к оркам?— осведомился Мерри.— Нам они и самим, знаешь ли, слегка осточертели. В Изенгарде всякой твари было по паре: у Сарумана и у того хватало мозгов не очень-то доверять оркам. Ворота люди стерегли — похоже, это его лейб-гвардия. Ну, так или иначе, а кормили их не худо.

— И табачным зельем снабжали?— ехидно спросил Гимли.

— Нет, не снабжали,— рассмеялся Мерри.— Но это уже другая, послеобеденная история.

— Ладно, уговорили, ведите обедать!— согласился гном.

Следом за хоббитами они прошли под арку налево в широкую дверь за лестницей и очутились в просторном покое с большим очагом и двумя маленькими дверцами в дальней стене. Окна его глядели в туннель, и обычно здесь, должно быть, царила темнота; нынче, однако, свет проливался сквозь разломанные своды. В очаге пылал огонь.

— Это я разжег,— сказал Пин.— Как-никак, все веселей у огонька, тем более в тумане. Только вот хворосту маловато и дрова сыроваты. Спасибо, дымоход треснул, и тяга такая, что лучше некуда. А теперь огонек очень даже пригодится — я вам сделаю гренки. Хлебушек-то, извините, черственький, третьегодняшней выпечки.

Арагорн и спутники его присели к длинному столу, а хоббиты скрылись за дверцами.

— Там у нас ихняя кладовка, ее, по счастью, не залило,—пояснил Пин, когда они вернулись с мисками, кружками, плошками, столовыми ножами и съестными припасами.

— И нечего нос воротить, сударь ты наш Гимли,—сказал Мерри.—Это тебе не оркская жратва, а самая настоящая людоеда́, как говорит Древень. Хотите вина или, может, пива? Имеется здоровенный бочонок—и недурное, знаете, пивцо. А это, изволите видеть, отличнейший окорочок. Не угодно ли поджаренного бекону? С гарниром, правда, плохо: последнюю неделю, представьте, никакого подвозу не было! Кроме мясного, могу предложить только хлеб с маслом и медом. Устроит?

— Ай да хоббиты!—сказал Гимли.—На славу задабривают!

Все трое ели так, что за ушами трещало, но и хоббиты от них, как ни странно, не отставали.

— Хочешь не хочешь, а гостям надо составить компанию,—вдохнули они, усаживаясь.

— Фу-ты, ну-ты, какие гостеприимные хозяева!—захохотал Леголас.—Чего дурака-то валяете, не было бы нас, вы бы и друг другу компанию составили.

— А что, почему бы и нет,—ответствовал Пин.—Орки нас чуть не уморили, раньше тоже знай пояс подтягивай. Давненько живем впроголодь.

— Изголодались, бедняжки, а по вам и не скажешь,—заметил Арагорн.—Вид у вас цветущий.

— Да уж,—сказал Гимли, выхлебнув кружку в один глоток и оглядывая их.—И волосы у вас вдвое гуще и кучерявее, чем прежде, и сами вы, помнится, были пониже—выросли, что ли? Расти-то вам вроде уж поздновато. Но Древень этот вас, видать, голодом не морил!

— Чего не было, того не было,—признался Мерри.—Но онты—они только пьют, а ведь иной раз и пожевать что-нибудь не мешает. Даже путлибы и те приедаются.

— Ах, вы напились воды из онтских родников?—сказал Леголас.—Тогда все понятно, и Гимли, стало быть, верно углядел. Про чудесные фангорнские родники у нас и песни поются.

— Я тоже наслышался чудес о тамошних краях,— сказал Арагорн.— И никогда там не бывал. А вы побывали— вот и рассказывайте сперва об онтах!

— Онты, они,— начал Пин и осекся.— Они вообще-то совсем разные, онты. Вот глаза у них у всех— ну, необыкновенные! — Он поискал слов и махнул рукой.— Да что тут говорить, ведь вы онтов уже видели, хоть и издали, а они-то вас уж точно видели и донесли, что вы сюда едете. Ладно, еще насмотритесь на них, тогда, наверно, сами разберетесь.

— Погоди, погоди, ишь раскакался! — сказал Гимли.— Ни складу, ни ладу. Давай по порядку, с того злосчастливого дня, когда все пошло кувырком.

— Можно и по порядку, если времени хватит,— сказал Мерри.— Только сначала— если вы наелись, конечно,— набейте трубки и закурим. И вообразим ненадолго, будто мы, живы-здоровы, вернулись в Пригорье, а то и в Раздол.

Он достал толстенький кожаный кисет.

— Табачку у нас хоть отбавляй. Набивайте карманы, пока мы хорошие. Поутру был богатый улов— чего тут только не плавает! Пин изловил два бочоночка: их небось вынесло откуда-нибудь из подвала. Мы их взяли да вскрыли, а там— что бы вы думали? —первейшее трубочное зелье, и ничуть не подмокшее.

Гимли растер табак в ладонях и понюхал.

— Пахнет не худо и на ощупь хорошо,— сказал он.

— Да что там не худо, он лучше хорошего! — укорил его Мерри.— Друг мой Гимли, он же из Длиннохвостья! На бочонках-то было, шутка сказать, клеймо Громобоя! А вот как он сюда попал, ума не приложу. Не иначе, Саруман сам для себя расстарался. Оказывается, наши товары вывозят за тридевять земель. Но ведь как кстати пришелся, а?

— Пришелся бы кстати,— пробурчал Гимли,— будь у меня трубка. А я свою потерял не то в Мории, не то еще раньше. Или, может, вы и трубку тоже выловили?

— Увы,— сказал Мерри,— не выловили. И в кладовках не нашлось ничего похожего. Видно, Саруман не хотел табачком делиться с лейб-гвардией. Можно бы, конечно, сбегать в Ортханк, спросить, не одолжит ли он трубку, да,

по-моему, не стоит. Дружить так дружить — обойдемся одной трубкой на двоих.

— В следующий раз! — сказал Пин. Он сунул руку за пазуху и извлек оттуда мешочек на шнурке. — Есть которые на себе Кольца таскают, а у меня другие сокровища. Вот, например: моя старая черешневая трубка. А вот, смотрите-ка, еще одна — необкурённая! Зачем я ее сберегал, сам не знаю. Никак уж не рассчитывал, что мне табачку подбросят, когда мой кончится. А вот поди ж ты — пригодилась. — Он протянул Гимли трубку с широким плоским чубуком. — Ну как, может, мы с тобой квити?

— Скажешь тоже — квити! — воскликнул Гимли. — О благороднейший из хоббитов, я твой должник навеки!

— Вы как хотите, а я пошел на воздух; там и ветер свежий, и небо над головой, — сказал Леголас.

— Мы тоже пойдем, — поддержал его Арагорн.

Они уселись на каменной россыпи у ворот. Слоистые туманы подымались и уплывали с ветром, открывая долину.

— Ну что ж, давайте и правда немного передохнем! — сказал Арагорн. — Устроимся на развалинах и поболтаем, как выражается строгий Гэндальф, — пока его нету. Устал я, однако, на удивление, давно такого не припомню. — Он запахнул плащ, так что панциря стало не видно, откинувшись, вытянул свои длинные ноги и выпустил изо рта струю голубого дыма.

— Глазам не верю, — развел руками Пин. — Явился не запыхавшись Бродяжник-Следопыт!

— А он никуда и не девался, — сказал Арагорн. — Я и Бродяжник, и Дунадан, гондорский воин и северный Следопыт.

До поры до времени курили в молчании; их озаряли косые солнечные лучи из-за перистых облаков на западе. Леголас лежал неподвижно, широко раскрыв глаза, глядя на солнце и светлое небо, что-то медленно напевая себе под нос. Вдруг он сел, окинул взглядом друзей и сказал:

— Ладно, полежали! Время тянется хоть и медленно, но верно, туманы рассеялись, небо ясное; одни вы,

диковинный люд, кутаетесь в дымы. Рассказ-то обещанный где?

— Ну, мой рассказ начинается с того, что я очнулся в темноте среди орков, связанный по рукам и ногам,— сказал Пин.— Погодите-ка, сегодня какое?

— По хоббитскому счислению пятое марта¹,— отозвался Арагорн.

Пин посчитал на пальцах.

— Всего-то девять дней прошло!— сказал он.— А кажется, мы уж год как расстались. Трудно порядком припомнить дуриой сон, целых три дня, переполненных жутью. Ежели что забуду, Мерри меня поправит, только я все-таки без подробностей: не хватало еще припомнить вошь, гнусь, бичи и всякое такое.

И он рассказал про последний бой Боромира и про бегство от Привражья до Леса. Слушатели кивали, когда рассказ совпадал с их догадками и домыслами.

— Кое-какие свои сокровища вы обронили в дороге,— сказал Арагорн.— Однако же радуйтесь— не потеряли!— Он отстегнул ремень под плащом и снял с него два кинжала в ножнах.

— Батюшки!— воскликнул Мерри.— Вот уж чего не чаял снова увидеть! Немного окровавить свой меч я все-таки успел, но потом Угрук чуть не с руками вырвал оба, у Пина и у меня. Ну и скрежетал же он зубами! Я было подумал: сейчас зарежет, но он только отшвырнул мечи, точно горячие уголья.

— Вот и твоя застежка, Пин,— сказал Арагорн.— Я сберег ее для тебя— ей ведь цены нет.

— А то я не знаю,— сказал Пин.— Я с нею расстался крепя сердце— но что было делать?

— Правильно ты сделал,— отвечал Арагорн.— Кто не может расстаться с сокровищем, тому оно станет в тягость. Так, и никак иначе.

— Ладно, вот что они исхитрились руки освободить— вот это да!— сказал Гимли.— Повезло, конечно; но ведь известное дело— не всяк вывозит, кому везет.

— Вывезти вывезли, а куда следы подевались?— спросил Леголас.— Я уж думал, может, у вас крылья выросли?

¹ Согласно хоббитскому календарю, во всех месяцах по тридцать дней.— *Прим. автора.*

— Нет, не выросли,—вдохнул Пинн.— Тут не крылья, тут Грышнак потрудился.— Его передернуло, и он замолчал; про самое страшное досказывал Мерри—про цепкое обшариванье, про смрадное и жаркое пыхтенье, про костоломную хватку волосатых лапищ Грышнака.

— Очень мне все это не по душе насчет орков из Барад-Дура, по-ихнему Лугбурза,—задумчиво сказал Арагорн.— Черному Властелину и его прислужникам и так-то слишком много было известно, а тут еще Грышнак наверняка изловчился оповестить его из-за реки о кровавой стычке с изенгардцами. Теперь он будет буровить Изенгард своим Огненным Оком. Угодил Саруман в переделку, нечего сказать.

— Да, кто бы ни победил, а ему не поздоровится,—сказал Мерри.— Как сунулись его орки в Ристанию, так и пошло у него все наперекосяк.

— Видели мы тут одним глазком этого старого мошенника, если верить Гэндальфу, что это не он был,—сказал Гимли.— На опушке Фангорна.

— Когда видели?—спросил Пинн.

— Пять ночей назад,—отвечал Арагорн.

— Погоди-ка, ага,—сказал Мерри,—пять ночей назад—это значит, как раз начинается история, вам с начала до конца неизвестная. Наутро после битвы мы встретили Древня и к ночи попали в один из его домов, Ключищи называется. Утром отправились мы на Онтотомовище, но это не место, а собрание онтов, и такого я в жизни не видал и не увижу. Продолжалось оно весь день и еще два, а мы ночевали у онта по имени Скоростень. Только на третий вечер онты договорились до дела—и вскипели ой-ой-ой как! Лес замер, точно копил грозу, а потом она разразилась. Ох, слышали бы вы их походную песню!

— Слышал бы ее Саруман, он бы драпанул за сто земель, не разбирая дороги,—сказал Пинн.

На Изенгард! Пусть грозен он, стеной гранитной огражден,
Но мы идем крушить гранит, и Изенгард не устоит!

Длинная была песня. В ней уж и слов не стало, одни рога распевали да гремели барабаны. Шумим-гремим, идем-грядем! Я было подумал, что они так себе

расшумелись, но теперь знаю: они просто так не шумят.

— Стемнело, и мы взошли на гребень над Нан-Куруннром,— продолжил Мерри.— Тогда мне впервые показалось, что за нами движется Лес: ну, думаю, сплю и вижу онтские сны—ан нет, Пин тоже, хоть и раззява, а чего-то такое заметил. И оба мы здорово испугались, но в чем было дело, покамест не разгадали.

А это, оказывается, были гворны—так их онты именуют на «сокращенном языке». Древень про них вскользь упоминал, и я сообразил, что это вроде бы те же онты, только одеревенелые—во всяком случае, с виду. Стоят они там и сям, в лесу или на опушке, стоят-помалкивают и приглядывают за деревьями; а в ложбинах, что поглубже, их, наверно, скопилось многие сотни.

Сила в них тайная и страшная, и они напускают вокруг себя мрак—даже не заметишь, что движутся. А они очень даже движутся, и если рассердятся, то куда как быстро. Стоишь, к примеру, глядишь, какая погода, слушаешь шорох ветра—глядь, а ты уж среди леса, и огромные деревья тянутся к тебе корнями и голыми ветвями. Речь они сохранили, бывает, говорят с онтами—потому и зовутся гворны, как сказал Древень,—но вконец ошалели и одичали. Вот уж не приведи Фангорн с ними встретиться, если поблизости нет настоящего онта.

Ну, в общем, до полуночи мы скрывались в горах на севере Колдовской логовины: онты, а за ними тьматьмушая гворнов. Мы их, конечно, видеть не могли; только слышали жуткое поскрипывание и побряхтывание. Темная была ночь, облачная. А с гор они двинулись, словно лавина, и ветер засвистал в ушах. Луна из-за туч не выглядывала, и в первом часу пополуночи на Изенгард с севера надвинулся густой лес. А кругом никого-никого—ни врагов, ни друзей. Только светилось окно высоко на башне—вот и все.

Древень с товарищами подобрался поближе к большим воротам, и мы с Пином никуда не делись—сидели на плечах у Древня, и я чувствовал, как он напрягся. Но онты—они, если даже сильно волнуются, все равно очень осторожные и терпеливые. Они и застыли, как статуи, тихо дышали и молча вслушивались.

Внезапно все кругом загрохотало. Завыли трубы, гул

привалился по стенам Изенгарда. Мы уж думали — все, нас выжили, и сейчас начнется битва. Но не тут-то было. Широк Саруман выпустил из крепости все свое воинство. И мало чего понимаю про войну, про эту и про любую, ничего толком не знаю про ристанийских конников, что они за люди, но ясное было дело: Саруман задумал одним махом разделаться с конунгом и его подданными. А Шенгард от кого охранять? Я видел, как они шли: орки за щитами, черные стальные полчища, и верховые — на громадных волках. Потом люди, и тоже их видимо-невидимо, при свете факелов различались их лица. Вроде бы люди как люди, высокие, темноволосые — мрачные, но не злобные. Жуть-то была не в них; страшно стало, когда пошли другие — росту людского, а хари гоблиньские, изжелта-серые, косоглазые. И знаете, мне припомнился тот южанин из Приторье; тот, правда, был все же скорей человек, чем орк.

Да, я его тоже припоминал, — сказал Арагорн. — Мы находились таких полуорков в Хельмовом ущелье. Теперь-то ясно, что тот южанин был шпионом Сарумана, но становился ли он с Черными Всадниками или соблюдал верность здешнему хозяину — кто его знает. Да и то сказать: разве их, лиходеев, разберешь, когда они лгут и верой и правдой, а когда плутуют и мошенничают?

Короче говоря, набралось Сарумановой рати самое малое тысяч десять, — сказал Мерри. — Час или около того выжидали они из ворот. Одни отправились к Бродам, другие — прямо на восток. Там был мост, примерно за милю отсюда, где река глубоко уходит в каменное русло. И вот он, что там от него осталось: если встанешь, отсюда видно. Они сипло орали песни, гоготали и галдели. Ну, подумал я, ристанийцам-то, пожалуй, худо придется. Но Дригсень и ухом не повел. Он сказал: «Нынче мне до них дела нет. Я займусь Изенгардом, скалами и стенами».

И вкромешной тьме много не увидишь, но мне почудилось, будто гвornы помалу двинулись на юг, как только открылись ворота. Должно быть, им-то было дело до орков. А поутру они продвинулись далеко в долину: там лежало темное пятно.

Как только удалилось Саруманово воинство, настал

наш черед. Древень опустил нас наземь, подошел к воротам и принялся колотить в них, вызывая Сарумана. Со стен посыпались стрелы и полетели камни. Ну, стрелы онтам нипочем: они их только язвят, будто осиные укусы. Онта можно истыкать стрелами, как игольник, а он почти и не заметит. Отрава их не берет, да и кожа потолще древесной коры. Разве что если изо всех сил рубануть топором: вот топоров они не любят. Много, однако, понадобится дровосеков на одного онта, тем более что, единожды рубанув его, в живых уж точно не останешься. Онтский кулак мнет броню, как жесь.

Ну и вот, обстреляли они Древня, и тот малость осердился, «поспешничать» стал: есть у него такое словечко. Как гаркнет: «Хрру-ум—ху-ум» — и, откуда ни возьмись, явилась ему на подмогу добрая дюжина онтов. А уж сердитый онт—это не шуточки. Пальцами—что рук, что ног—они мало сказать, впиваются в камень: они его крошат, что твой черствый хлеб. Представьте, что сделают со скалами лет за сто древесные корни; так вот, это делалось у нас на глазах.

Они шатали, трясли, дробили, колотили, молотили—бум-бам, тррах-кррах,—и через пять минут эти огромные ворота валялись, где сейчас; а стены они рассыпали, как кролики роют песок. Не знаю уж, что там подумал Саруман, понял ли он, какая напасть на него свалилась; но надумать он ничегошеньки не надумал. Нынче он и маг-то, видно, так себе, плохонький, но волшебство побоку, просто кишка тонка, а для храбрости ему нужны рабы в ошейниках и колеса на ремнях, извиинте, конечно, за красивое выражение. Да уж, не то что старина Гэндальф. Саруман небось потому и прославился, что всех облапошил, запершись в Изенгарде.

— Нет,—возразил Арагорн.—Когда-то он был достоин своей громкой славы. Велики были его познания, победительна сметка, на диво искусны руки, а главное, он имел власть над чужими умами: мудрых он уговаривал, тех, кто поглупей, запугивал. И эту власть он сохранил: во всем Средиземье немногие устоят или поставят на своем, побеседовав с Саруманом, и это даже теперь, после его поражения. Гэндальф, Элронд, пожалуй, Галадриэль, а кто еще—не знаю, даром что козни его и злодейства очевидны и несомненны.

— Онты—они устоят,—сказал Пин.—Однажды ему их удалось объехать на кривой, другой раз не удастся. Да он про них мало что понимает и очень ошибся, исключивши их из расчетов. В его замыслах им места нет, а передумать уж теперь поздно, когда они сами за ум взялись. Словом, онты пошли на приступ, остатки изенгардского гарнизона разбежались кто куда и, точно крысы, полезли из всех дыр. Людей онты отловили, выпросили и отпустили; их здесь вылезло дюжины две-три, не больше. А вот из орков, крупных и мелких, вряд ли кто спасся. От онтов—может быть, но от гворнов—никак, а они тогда не все еще покинули долину, Изенгард был наглухо оцеплен.

Так вот, когда онты развалили и искрошили южные стены, а гарнизона и след простыл, откуда-то выскочил и сам Саруман. Он, верно, ошивался у ворот, провожал свое достославное воинство. Поначалу он ловко укрывался, и его не заметили. Но тучи разогнало, звезды засияли; словом, для онтов стало светло, как днем, и вдруг слышу—Скоростень кричит: «Древогуб, древогуб!» Он по натуре тихий и ласковый, Скоростень, но тем страшнее ненавидит Сарумана—его самые любимые рябины погибли под оркскими топорами. Он прыгнул со стены у внутренних ворот и помчался по дороге к Ортханку: они, когда надо, быстрее ветра. Серенькая фигурка перебегала от столба к столбу и уже была у башенной лестницы, но еще чуть-чуть—и Скоростень сцапал бы и придушил его возле самых дверей.

Забравшись в Ортханк, Саруман тут же запустил на полную катушку все свои прохиндейские машины; а в стенах Изенгарда уже набралось порядком онтов—одних призвал своим криком Скоростень, другие вломились с востока и севера—расхаживали и крушили что ни попадя. И вдруг скважины и шахты повсюду стали изрыгать огонь и вонючий дым. Кого обожгло, кого опалило. Один высокий, красивый оит—Буковец, кажется, его звали—попал в струю жидкого огня и загорелся, как факел: ужас несусветный!

Вот когда они впрямь рассвирепели. Я по глупости думал, что они и так уже здорово сердитые; но тут такое поднялось! Они трубили, гудели, голосили—от одного этого шума камни стали сами трескаться и осыпаться. Мы с

Мерри забились поглубже в какие-то щели, заткнув уши плащами.

Точно смерч обрушился на Изенгард: онты выдергивали столбы, засыпали шахты валунами и щебнем; обломки скал летали кругом, как листья, взметенные вихрем. И посреди этого бушующего урагана незыблемо и невозмутимо высилась башня Ортханка: ни малейшего вреда не причинял ей град камней и железок, взлетающих на сотни футов.

Спасибо, Древень головы не потерял; его, кстати, по счастью, даже не обожгло. Похоже было, что онты, того и гляди, угробят самих себя, а Саруман улизнет в суматохе каким-нибудь тайным подземным ходом. Они с разгону, как на стену лезли, кидались на черную гладкую башню — и без толку, разумеется. Тут, видно, постарались чародеи почище Сарумана. Ни щелочки в камне не сделали онты, только сами расшиблись и поранились.

Тогда Древень вышел за кольцо стен и затрубил так громко, что перекрыл голосом дикий шум и грохот. Вдруг наступило мертвое молчанье, и из верхнего окна башни донесся злорадный, пронзительный, леденящий хохот. Чудно он подействовал на онтов. Только что они были сами не свои от ярости — и вмиг стали угрюмые, холодные и спокойные. Собрались они в круг возле Древня: тот держал к ним речь, а они молча, неподвижно внимали. Говорил он на их языке; я так понял, что разъяснял им свой план, который был у него готов заранее, а может, и давным-давно. Потом они словно растворились в серой темени; как раз уже начинало светать.

С башни они, конечно, глаз не спускали, но дозорные притаились где-то в тени, невидимые и неслышные. Другие все ушли на север и как в воду канули, а мы остались сами по себе. Денек выдался мрачный; мы бродили, осматривались и хоронились, как умели, от всевидящих и зловещих окон Ортханка. Искали мы хоть чего-нибудь поесть, ничего не находили, присаживались отдохнуть в укромном местечке и заглушали голод разговорами о том, каково-то воюют на юге, в Ристании, и как нынче дышится прочим разнесчастным Хранителям. Время от времени доносилось, будто с каменоломни, гулкое громыханье, и глухо рушились глыбы, раскатывая эхо в горах.

Под вечер мы отправились взглянуть, что там такое делается. Угрюмый лес гворнов вырос у края долины; другой подступил с северо-востока к изенгардскому кольцу. Подойти ближе мы не отважились, только послушали издали треск, грохот и шумы стройки. Онты и гворны копали пруды и каналы, возводили дамбы: скапливали воды Изена, родников, ручьев и речушек. Мы им мешать не стали.

В сумерках Древень явился к воротам. Он ухал, гудел и, кажется, был доволен. Вытянул свои длиннющие руки, размял ноги и продышался. Я спросил его, уж не устал ли он.

«Устал? — повторил он. — Не устал ли я? М-да, нет, не устал: так, разве что заскорузнул. Сейчас бы испытать как следует водницы из Онтавы. А вот поработали мы на славу: перебросали камней и разворотили земли больше, чем лет эдак за сто. Зато, почитай что, и кончили дело. Вы ночью-то держитесь подальше от ворот и от этого, как его, туннеля! Вода оттуда хлынет — поначалу гнилая, мутная, пока не вымоет все пакости Сарумана, а уж потом Изен прикатит чистые, свежие воды». Он еще немного постоял, ковыряя стену и так себе, для развлечения, обрушивая стопудовые обломки.

Мы принялись выбирать место, где бы это поспокойней улечься и вздремнуть, но тут пошли диковинные дела. Раздался стук копыт: всадник мчался по дороге. Мы с Мерри залегли, а Древень укрылся в тени под аркой. Выскочил огромный конь, точно серебро заблестало. Темно уже было, но я разглядел лицо всадника: оно как будто светилось, и он был в белом облачении. Я сел и уставился на него разиня рот. Хотел позвать, да язык не слушался.

Но звать не понадобилось. Он стал рядом и глядел на нас. «Гэндальф!» — выговорил я наконец едва слышным шепотом. Вы думаете, он сказал: «Ах, Пин, привет! Какая приятная встреча!»? Как бы не так! Он гаркнул: «Вставай, лодырь-бездельник Крол! Куда, разрази вас гром, подевался в этой каше Древень? Мне он сейчас же нужен. Сыщи его, да поживее!»

Древень слышал его голос и вышел на свет: вот встретились так встретились! Меня, главное, поразило, что им хоть бы что. Гэндальф наверняка здесь и искал Древня,

а тот, поди, затем и торчал у ворот, чтобы его встретить. А я-то старику рассказывал-разливался про Морю и тому подобное. Помнится, правда, он странным глазом на меня при этом глядел. Только и остается думать, что он то ли виделся с Гэндальфом, то ли что о нем прослышал, да не торопился рассказывать. У него первое дело: «Спешить не надо: поспешишь—людей насмешишь»; но спеши не спеши, а эльфы и те за Гэндальфом не поспеют.

«Кгум! Вот и ты, Гэндальф!—проговорил Древень.— Ты как раз вовремя явился. Вода, деревья, камни, скалы—это мне все под силу; а тут засел маг, и я не знаю, как быть».

«Вот что, Древень,—сказал Гэндальф.— Мне, понимаешь ли, нужна твоя помощь. Ты и так много сделал, но этого мало. Мне надо как-то разобраться с десятком тысяч орков».

Потом они оба куда-то ушли совещаться, чтоб без помех. Наверняка совещание это Древень счел поспешным и торопливым—да Гэндальф и правда очень торопился, он говорил на ходу, потом уж их слышию не стало. Минут, что ли, десять просовещались, самое большее—четверть часа. Потом Гэндальф вернулся—и, видно, отлегло у него от сердца, даже повеселел и сказал, спасибо, что рад нас видеть.

«Слушай, Гэндальф,—воскликнул я,—ты где вообще-то был? Ты остальных наших видел?»

«Где был, там меня уж нет,—отвечал он на гэндальфовский манер.— Да, кое-кого из остальных видел. Но с новостями подождем. Ночь опасная, медлить нельзя, мне еще скакать и скакать. Но с рассветом, может быть, просветлеет; увидимся—поговорим. Берегите себя и от Ортханка держитесь подальше. А пока—прощайте!»

Древень очень задумчиво проводил Гэндальфа глазами. Он, видимо, многое враз узнал и теперь медленно переваривал. Поглядел он на нас и говорит: «Хм, да вы, оказывается, не такие уж и торопыги. Рассказали куда меньше, чем могли, и ровно столько, сколько следовало. Н-да, целый ворох новостей, и никуда от них не денешься! Вот тебе, Древень, и еще куча дел!»

Мы из него все ж таки кое-что вытянули—и новостям

не порадовались. Огорчались мы, правда, только из-за вас троих, а про Фродо с Сэмом и беднягу Боромира и думать забыли. Оказывается, вам предстояла великая битва, и почему еще было знать, уцелеете вы или нет.

«Гворны помогут»,—сказал Древень. Потом он ушел и появился только нынче утром.

— Муторная была ночь,—продолжал Мерри.— Мы кое-как пристроились на высокой груде камней, а кругом все заволокло: мгла колыхалась над нами огромным одеялом. Пáрило, слышались шорохи, трески, удалялось медленное бормотание. Не иначе, сотня-другая гворнов отправилась на подмогу своим. Потом с юга донесся страшный громовой раскат, над Ристанией замелькали молнии, на миг выхватывая из темноты далекие черно-белые вершины. У нас в горах тоже гром грохотал, и долина наполнилась эхом, но совсем по-другому, не похоже на отзвуки битвы.

После полуночи онты разобрали свои запруды и затопили Изенгард через северный пролом. Гворны ушли, их темень рассеялась, и гром понемногу стих вдалеке. Луна спустилась к западному хребту.

А по Изенгарду расплзались потоки, повсюду вскипали колдобины, черный паводок бурлил в лунном свете. Вода впивалась воронками в сарумановские шахты и скважины, оттуда вырывались столбы пара; свист, шипение, дым валил клубами. Вспыхивали разрывы. Длинный стусок тумана змея змеей оплел Ортханк; он стал будто снежный пик, огнисто-рдяный внизу и луино-зеленый сверху. А вода все прибывала; Изенгард кипел, точно кастрюля супа на огне.

— Прошлой ночью Нан-Курунир изрыгнул нам на встречу мутное облако дыма,—сказал Арагорн.— Мы опасались, не Саруман ли это измыслил какое-нибудь новое злодейство.

— Ну да, Саруман!—фыркнул Пин.— Ему уж стало не до смеха: он, поди, задыхался в собственном смраде. Ко вчерашнему утру онтские воды затопили все хитрые провалы, и расстелился плотный вонючий туман. Мы в ту самую караульню и сбежали—и натерпелись там страху.

Вода прибывала; по туннелю мчалась река—того гляди, захлестит, и поминай как звали. Мы уж думали: все, сгинем, как орки в норе; нашлась, спасибо, винтовая лесенка из кладовой, вывела поверх арки. Там мы уселись на камушке над паводком и глядели на великую изенгардскую лужу. Онты подбавляли и подбавляли воды, чтобы загасить все огни и залить все подземные пещеры. Туман прибывал, густел—и склубился в огромный гриб, с милую, не меньше, высотой. Вечером над восточным взгорьем опрокинулась исполинская радуга, и такой потом хлынул грязный ливень, что и заката видно не было. А в общем было довольно тихо, только где-то вдали тоскливо подывали волки. Ночью онты остановили наводнение и пустили Изен по старому руслу. Тем все покамест и кончилось.

— И вода стала опадать. Небось там в пещерах есть нижние подвальные ярусы. Вот уж не завидую Саруману: из любого окна, смотри не смотри, ничего путного не увидишь, одна грязь да гадость. Мы тоже взгрустнули—кругом ни души, ни тебе онта, и новостей никаких. Так мы и проторчали всю ночь над аркою без сна, в холоде и сырости. Казалось, вот-вот что-нибудь такое приключится: Саруман-то в башне сидит! Ночью и впрямь поднялся шум, будто ветер свищет в долине. Вроде бы онты и те гворны, что уходили, вернулись назад, но куда они подевались, даже не спрашивайте—не знаю, и все тут. Промозглым туманным утром спустились мы вниз, огляделись, а кругом опять никогошеньки. Ну вот, пожалуй, и нечего больше рассказывать. После всей этой катавасии нынче тише тихого. А раз Гэндальф приехал, он и вообще порядок наведет. Эх, соснуть бы сейчас!

Помолчали. Гимли выколотил и заново набил трубку.

— Мне вот что еще интересно,—сказал он, запаливши трут и затянувшись,—про Гнилоуста. Ты сказал Теодену, что он в башне с Саруманом. Как он туда попал?

— Забыл рассказать,—спохватился Пин.—Нынче утром он пожаловал. Только это мы разожгли очаг, немного

позавтракали—глядь, ан Древень тут как тут. Слышим: гудит, топочет и нас кличет.

«А,—говорит,—вот и вы, ребятки, ну как, не скучаете? А у меня для вас,—говорит,—новости. Гворны возвратились. Там, в Ристании, все хорошо и даже очень не худо!—смеется и хлопает лапищами по ляжкам.—Покончено,—говорит,—с изенгардскими орками-древорубами. К нам сюда с юга едут и скоренько будут здесь—кое с кем вы, пожалуй, не прочь будете свидеться!»

Только он это сказал, как раздался цокот копыт. Мы кинулись к воротам, я глаза растопырил, жду Гэндальфа с Бродяжником во главе победного воинства, но не тут-то было! Из тумана выехал всадник на заморенном коне и виду довольно-таки неприглядного. А за ним—никого. Выехал он из тумана, увидел, что здесь творится, разинул рот и аж позеленел от изумления. Совсем растерялся, сперва даже нас не заметил. А когда заметил, вскрикнул и вздыбил коня, но Древень шагнул раз-другой, протянул свою длинную руку и вынул его из седла. Конь метнулся и умчался, а его Древень отпустил, и он сразу хлоп на брюхо. Ползает и говорит: «Я,—говорит,—Грима, приближенный советник конунга, меня,—говорит,—Теоден послал к Саруману с неотложными вестями. Все,—говорит,—испугались ехать, кругом ведь гады-орки рыщут, я один вызвался. Ужас,—говорит,—что претерпел, до смерти устал, сутки голодаю. За мной,—говорит,—волки гнались, я,—говорит,—к северу крюка дал».

Я примечаю, как он косится на Древня, и думаю: «Все врет». А Древень посмотрел на него медленно-медленно: тот чуть в землю не вдавился. Потом Древень говорит: «Кха, кхм, а я тебя давно поджидаю, сударь ты мой Гнилоуст.—Тот совсем съезжился и ждет, что дальше будет, а Древень-то:—Гэндальф уже побывал здесь, я все про тебя знаю и знаю даже, куда тебя девать. Гэндальф сказал, чтоб все крысы были в одной крысоловке: давай поспешай. Хозяин Изенгарда теперь я, а Саруман сидит у себя в башне; ступай к нему, раз у тебя такие неотложные вести».

«Пропусти меня, пропусти!—воскликнул Гнилоуст.—Я дорогу знаю».

«Раньше ты ее знал, это конечно,—сказал Древень.—Но теперь там трудновато пройти. Впрочем, ступай по-смотри!»

Гнилоуст поплелся под арку, мы шли за ним следом; миновал он туннель, огляделся, увидел загаженную грязную топь между стенами и Ортханком и попятился.

«Отпустите меня! — заныл он. — Отпустите! Вестн мон запоздали!»

«Что правда, то правда, — сказал Древень. — Но тебе предстонт выбирать: либо полезай в воду, либо оставайся со мной, подождем Гэндальфа и твоего государя. Что тебе больше нравится?»

Тот как услышал о государе, задрожал и сунулся было в воду, но отпрянул.

«Я не умею плавать!» — проскулил он.

«А там неглубоко, — сказал Древень. — Вода, правда, гнилая, но уж тебя-то, Гнилоуста, она не осквернит. Ступай вперед!»

И несчастный подлец погрузился в жижу почти по горло; сначала брел кое-как, потом схватился за бочонок, не то за доску. Древень проводил его.

«Добрался-таки, — сказал он, вернувшись. — А полз по ступеням и лязгал зубами — ну крыса крысой. В башне сидят, как сидели: оттуда высунулась рука и затащила его внутрь. Наверняка его встретили по заслугам. А я пойду обмоюсь от этой гнуси. Если кому понадобится, я на северной окраине, а то здесь и воды-то чистой не сыщешь: ни тебе напиться, ни умыться, а онту без этого никак нельзя. А вы, зайчатки, вот что: побудьте-ка у меня привратниками. Тут ведь такие гости ожидаются — не кто-нибудь, а сам хозяин ристанийских угодий! Вы уж его привечайте, как у вас положено. Едет он тем более с победою: войско конунга одолело орков в кровавой битве. Нешто простой лесной онт сообразит, как его надо чествовать? Вы-то небось лучше нашего знаете людские словеса и обычаи. Много перебывало государей в зеленых ристанийских степях, а я не то что языка их не знаю, а и самые имена позабыл. Им, наверно, нужна будет людоеда: позаботьтесь, поищите, чем не стыдно угостить конунга». Ну, мы что могли, то сделали. Но хотел бы я все-таки знать, кто этот Гнилоуст? Неужто он и правда был советником конунга?

— Был, — подтвердил Арагорн. — А заодно шпионом Сарумана, его главным соглядатаем в Ристании. Судьба его, впрочем, не пощадила: ему привелось увидеть повер-

женным в прах то величие, которому он поклонялся, и пережить крушение всех своих упований. Казалось бы, он довольно наказан, однако худшее у него впереди.

— Да уж едва ли Древень запихал его в Ортханк по доброте душевной!—сказал Мерри.—Очень он угрюмо посмеивался, когда пошел купаться и пить водичку. Ну а мы принялись не покладая рук ворошить плавучий хлам да по каморкам копать. Нашли мы целых три незатопленные кладовки, и вдруг на тебе—явились онты от Древня да и забрали все чуть не подчистую.

«Нам,—говорят,—нужна людоеда, чтоб хватило на двадцать пять человек». Так что, как видите, все поголовно подсчитаны, вы в том числе. Но вы не огорчайтесь, что остались: мы себя не обидели, смею вас уверить. А выпивки онты и вовсе никакой не взяли.

«Пить-то они что будут?»—говорю я им.

«Известно, что,—отвечают,—изенскую воду, она и для онтов, и для людей вполне годится». Наверняка, впрочем, онты состряпали из родниковой воды какой-нибудь свой напиток, и Гэндальф вернется с курчавой бородой. Словом, они отвалили, а мы, вконец усталые и голодные, давай отдыхать и кормиться. Внакладе-то мы не остались: усердствовали в поисках людоеды, а нашли такое, о чем и мечтать не смели. Пин притащил эти бочоночки с клеймом Громобоя, напыжился и говорит: «Поевши и подымить не грех». Ну вот и сказка вся.

— Да, теперь все разъяснилось,—одобрил Гимли.

— Неясно одно,—задумчиво сказал Арагорн,—как хоббитское зелье попало из Южного удела в Изенгард. Что-то я этого в толк не возьму. Положим, в Изенгарде я прежде не бывал, но уж пустынные края между Хоббитанией и Мустангримом исходил вдоль и поперек. Дороги там позаросли, места опасные, товары не возят. Видно, были у Сарумана тайные поставщики из хоббитов. Что ж, гнилоусты водятся не только в золотом чертоге конунга Теодена. Там на бочонках дата не обозначена?

— Обозначена,—сказал Пин.—Сбор тыща четыреста семнадцатого, прошлогодний, значит, то есть, виноват, уже позапрошлогодний, хороший был сбор.

— Ну, пока что он свои лиходейские затеи поневоле

отложит, да и нам, по правде, нынче не до них,—сказал Арагорн.—А все ж таки скажу-ка я об этом Гэндальфу: пустяки тоже упускать из виду не след.

— Что он там застрял, хотел бы я знать,—сказал Мерри.—Время уж за полдень. Идемте прогуляемся! Вот тебе, Бродяжник, и представился случай побывать в Изенгарде, только виды там сейчас незавидные.

САРУМАНА

ни прошли разрушенным туннелем, выбрались на каменный завал, и перед ними предстала черная громада Ортханка, ее окна-бойницы угрюмо и грозно обозревали разоренную крепость. Вода почти совсем спала. Остались замусоренные, залитые водой ямины в мутной пене, но большей частью дно каменной чаши обнажилось, являя взору кучи ила, груды щебня, почернелые провалы и торчащие вкривь и вкось столбы. У щербатых краев громоздились наносы, за стенами виднелась извилистая, заросшая темнолохматой зеленью лощина, стиснутая высокими горными отрогами. Со стороны северного пролома к Ортханку приближалась вереница всадников.

— Это Гэндальф и Теоден с охраной,— сказал Леголас.— Пойдем к ним навстречу!

— Только поосторожней! — предупредил Мерри.— Плиты разъехались: того и гляди,

оступишься и провалишься в какую-нибудь бездонную шахту.

Они пробирались по расколотым, осклизлым плитам бывшей главной дороги от ворот к башне. Всадники заметили их и подождали, укрывшись под сенью огромной подбашенной скалы. Гэндальф выехал им навстречу.

— Мы с Древнем основательно побеседовали и о том, о сем договорились,— сказал он,— а все прочие наконец-то хоть немного отдохнули. Пора и в путь. Вы тоже, надеюсь, удосужились отдохнуть и подкрепиться?

— Еще бы!— отозвался Мерри.— Подымить и то удосужились— для начала и напоследок. Мы теперь даже на Сарумана не очень сердимся.

— Вот как?— сказал Гэндальф.— А я все-таки сержусь, тем более что с ним-то как раз и придется сейчас иметь дело. Разговор предстоит опасный, а может, и бесполезный, но неизбежный. Кто хочет, пошли со мной— но глядите в оба! Учтите, тут не до шуток!

— Я-то пойду,— сказал Гимли.— Охота мне толком на него поглядеть и сравнить с тобой: будто уж вы так похожи?

— Не многого ли захотел, любезнейший гном?— сказал Гэндальф.— Если Саруману понадобится, ты его от меня ни за что не отличишь. И ты думаешь, у тебя хватит ума не поддаться на его уловки? Ну что ж, посмотрим. Как бы он только не заартачился: чересчур уж много собеседников. Он-там я, правда, велел на глаза не показываться, так что, пожалуй, он и рискнет.

— А чего опасного?— спросил Пин.— Стрелять он, что ли, в нас будет, огнем из окон поливать— или околдует издали?

— Да, наверно, попробует околдовать, в расчете на ваше легкомыслие,— сказал Гэндальф.— Впрочем, кто знает, что ему взбредет на ум и что он пустит в ход. Он сейчас опасней загнанного зверя. Помните: Саруман— коварный и могучий чародей. Берегитесь его голоса!

Черная скала— граненое подножие Ортханка— влажно поблескивала; ее чудовищные острые ребра, казалось,

только что вытесаны. Несколько шербин да осыпь мелких осколков напоминали о бессильной ярости онтов.

С восточной стороны между угловыми столпами была массивная дверь, а над нею—закрытое ставнями окно, выходившее на балкон с чугунными перилами. К дверному порогу вели двадцать семь широких и гладких круговых ступеней, искусно вырубленных в черном камне мастерами незапамятных лет. Это был единственный вход в многоглазую башню, исподлобья глядевшую на пришельцев рядами высоких и узких стрельчатых окон.

Гэндальф и конунг спешили к нижней ступени.

— Я поднимусь к дверям,—сказал Гэндальф.— Я бывал в Ортханке, а козни Сарумана не застанут меня врасплох.

— Я тоже поднимусь,—сказал конунг.— Мне, старнику, никакие козни уже не страшны. Я хочу лицом к лицу встретиться с врагом, который причинил мне столько зла. Мне поможет взойти Эомер.

— Да будет так,—скрепил Гэндальф.— А со мною пойдет Арагорн. Остальные пусть подождут здесь. Хватит с них и того, что они увидят и услышат отсюда.

— Нет!—воспротивился Гимли.— Мы с Леголасом желаем смотреть и слушать вблизи. У наших народов свои счеты с Саруманом. Мы последуем за вами.

— Ну что ж, следуйте!—сказал Гэндальф и бок о бок с Теоденом медленно взойшел по ступеням.

Всадники разъехались по сторонам лестницы и остались на конях, тревожно и недоверчиво поглядывали они на страховидную башню, опасаясь за своего государя. Мерри с Пином присели на нижней ступени, им было очень не по себе.

— Это ж по такой грязище до ворот не меньше полумили!—ворчал Пин.— Эх, удрать бы сейчас потихонечку и спрятаться в караулке! Чего мы сюда притащились? Нас и не звал никто.

Гэндальф ударил жезлом в двери Ортханка: они отозвались глухим гулом.

— Саруман! Саруман!—громко и повелительно крикнул он.— Выходи, Саруман!

Ответа долго не было. Наконец растворились ставни за балконом, но из черного проема никто не выглянул.

— Кто там?—спросили оттуда.— Чего вам надо?

Теоден вздрогнул.

— Знакомый голос,— сказал он.— Клянупотот день, когда впервые услышал его.

— Ступай позови Сарумана, коль ты у него теперь в лакеях, Грима Гнилоуст!— сказал Гэндальф.— И без оттяжек!

Ставни затворились. Они ждали. И вдруг послышался другой голос, низкий и бархатный, очарование было в самом его звуке. Кто невзначай поддавался этому очарованию, услышанных слов обычно не помнил, а если припоминал, то с восторженным и бессильным трепетом. Помнилась же более всего радость, с какой он внимал мудрым и справедливым речам, звучавшим как музыка, и хотелось как можно скорее и безогляднее соглашаться, причащаться этой мудрости. После нее всякое чужое слово язвило слух, казалось грубым и нелепым; если же ее оспаривали, то сердце возгоралось гневом. Иные бывали очарованы, лишь пока голос обращался к ним, а после с усмешкой качали головой, как бы разгадав шуточный трюк. Многим было все равно, что кому говорится: их покорял самый звук речей. Те же, кому эти речи западали в душу, уносили восторг и сладкий трепет с собой, бархатистый голос слышался им непрестанно—он объяснял, уговаривал, нашептывал. Равнодушным не оставался никто, и немалое требовалось усилие, чтобы отвергнуть вкрадчивые или повелительные настояния этого мягкого и властного голоса.

— Ну, что случилось?— укоризненно спросил он.— Непременно нужно меня тревожить? Вот уж поистине покоя нет ни днем, ни ночью!— В укоре была доброта—и горечь незаслуженного оскорбления.

Все удивленно подняли глаза, ибо совсем бесшумно невесть откуда у перил появился старец, снисходительно глядевший на них сверху вниз, кутаясь в просторный плащ непонятного цвета—цвет менялся на глазах, стоило зрителям сморгнуть или старцу пошевелиться. Лицо у него было длинное, лоб высокий, темноватые глаза смотрели радушно, пронизательно и чуть-чуть устало. В белоснежной копне волос и окладистой бороде возле губ и ушей сквозили черные пряди.

— Похож, да не слишком,— пробормотал Гимли.

— Что ж вы молчите?— молвил благосклонный го-

лос.—Ну, хотя бы двое из вас мне хорошо знакомы. Гэндальф, увы, знаком слишком хорошо: едва ли он приехал за помощью или советом. Но как не узнать тебя, повелитель Ристании Теоден: твой герб горделиво блещет и благородна осанка конунга из рода Эорла. О, достойный отпрыск преславного Тенгела! Отчего ты так промедлил, зачем давно не явился как друг и сосед? Да и сам я хорош! Надо, надо мне было повидаться с тобой, владыкой из владык западных стран, в нынешние грозные годы! Надо бы остеречь тебя от дурных и малоумных советов! Но, может статься, еще не поздно? Тяжкий урон нанес ты мне ради бранной славы со своими буйными витязями, но я не попомню зла и готов, несмотря ни на что, избавить тебя и царство твое теперь уже от неминуемой гибели, ибо в пропасть ведет тот путь, на который тебя заманили. Скажу больше: лишь я один в силах тебе помочь.

Казалось, Теоден хотел что-то ответить, но речь замерла на его устах. Он глядел в лицо Саруману, в его темные строгие глаза, призывно обращенные к нему, потом взглянул на Гэндальфа—видимо, его одолевали сомнения. А Гэндальф не шелохнулся: опустив глаза, он словно бы ожидал некоего знака, терпеливо и неподвижно. Конники заволновались: слова Сарумана были встречены одобрительным ропотом,—потом смолкли и застыли как зачарованные. Никогда, подумалось им, не оказывал Гэндальф их государю такого неподдельного почтения. Грубо и надменно разговаривал он с Теоденом. И сердца их стеснило темное предчувствие злой гибели: Гэндальф по своей прихоти готов был ввергнуть Мустангрим в пучину бедствий, зато Саруман открывал путь к спасению, и в словах его брезжил отрадный свет. Нависло тяжелое безмолвие.

Внезапно его нарушил гном Гимли.

— Да это не маг, а какой-то вертун,—буркнул он, сжимая рукоять секиры.—У этого ортханкского ловкача помощь означает предательство, а спасти—значит погубить: тут дело ясное. Только ведь мы сюда не за тем явились, чтобы молить его о помощи и спасении.

— Тише!—сказал Саруман, и голос его на миг потерял обаяние, а глаза метнули недобрый блеск.—Есть у меня и к тебе слово, о Гимли, сын Глоина,—продолжал он по-прежнему.—Далеко отсюда чертоги твои, и не твоя забота—здешние запутанные распри. Да сам бы ты в

жизни не стал в них впутываться, и я тебя не виню за твое опрометчивое великодушие, за неуместное геройство. Но позволь мне сперва побеседовать с ристанийским конунгом, моим давним соседом и бывшим другом.

Что скажешь, конунг Теоден? Быть может, мы все же заключим мир и все мои познания, обретенные за много веков, послужат тебе на пользу? Рука об руку выстоим мы в трудные времена, предадим забвению взаимные обиды, и наши дружественные края расцветут пышнее прежнего!

Но Теоден не отвечал—то ли в сомнении, то ли в гневе. Заговорил Эомер.

— Выслушай меня, государь!—взмолился он.—Нас ведь предупреждали, что так и будет. Неужели же мы одержали многотрудную победу лишь затем, чтобы стоять, разинув рот, под окном у старого лжеца, точащего мед со змеиного жала? Это же волк из норы держит речь перед гончими псами! Какая от него помощь? Он всего лишь тщится избежать заслуженной участи. Но тебе ли вести беседу с предателем и кровопийцей, скоронив Теодреда на переправе и Гайму у Хельмовой Крепи?

— Змеиного жала? Да не ты ли норовишь ужалить в спину, змееныш?—не сдержал злобы Саруман.—Но одумайся, Эомер, сын Эомунда!—И речь его вновь заструилась.—Каждому свое. Ты—доблестный витязь, честь тебе и хвала. По велению конунга рази без пощады—таков твой славный удел. Оставь политику государям, ты для нее еще молод. Но если тебе суждено взойти на престол, заранее учись выбирать друзей. Дружбу Сарумана и могущество Ортханка неразумно отвергать во имя обид—подлинных или мнимых. Победа в одной битве еще не победа; к тому же победили вы с чужой и опасной помощью. Лесные чуднища—ненадежные и своенравные союзники: в иной, недобрый час они могут обрушиться на вас самих, ибо люди им ненавистны.

Но рассуди, властелин Ристании, можно ли называть меня убийцей потому лишь, что в битве пали отважные воины? Двинув на меня свон рати—к моему великому изумлению, ибо я не желал войны,—ты отправил их на смертоносную брань. И если я—кровопийца, то уж род Эорла запятнан кровью с головы до ног, ибо немало войн в его достославной летописи и случалось конунгам отвечать ударом на вызов. Однако потом они заключали мир, и

даже худой мир лучше доброй ссоры. Итак, молви свое слово, конунг Теоден: установим ли мы мир, восстановим ли дружбу? То и другое в нашей власти.

— Да, мы установим мир,—наконец глухо выговорил Теоден, и ристанийцы разразились радостными возгласами. Теоден поднял руку, призывая их к молчанию.— Да, мы установим мир,—сказал он ясно и твердо,—мир настанет, когда сгинешь ты и разрушатся твои козни, когда будет низвергнут твой Черный Властелин, которому ты замыслил услужливо нас предать. Ты лжец, Саруман, а ложь растлевает души. Ты протягиваешь мне руку дружбы? Это не рука: это коготь лапы, протянутой из Мордора, цепкий, длинный, острый коготь! Война началась из-за тебя: будь ты вдесятеро мудрей, все равно не вправе ждать от нас рабской покорности во имя чего бы то ни было; но, даже если б не ты ее начал, это твои орки зажигали живые факелы в Вестфольде и душили детей. Это они изрубили на куски мертвое тело Гаймы у ворот Горнбурга. Да, мир с Ортханком настанет—когда ты будешь болтаться на виселице подле этих окон и станешь лакомой поживой для своих друзей-воронов. Вот тебе приговор Дома Эорла. Предков своих я, может быть, и недостоин, однако холопом твоим не стану. Обольщай и предавай других, правда, голос твой прежней власти уже не имеет.

Ристанийцы недоуменно воззрились на Теодена, точно пробудившись от сладкого сна. После Сарумановых плавных речей голос их государя показался им сиплым карканьем старого ворона. Но и Саруман был вне себя от бешенства. Он пригнулся к перилам, занес жезл, будто вот-вот поразит им конунга, и поистине стал внезапно похож на змею, готовую прыгнуть и ужалить.

— Ах, на виселице! — процедил он, и вселял невольную дрожь его дико искажившийся голос.— Слабоумный выродок! Твой Дом Эорла — навозный хлев, где пьяные головорезы вповалку храпят на блевотине, а их вшивое отродье ползает среди шелудивых псов! Это вас всех заждались виселица! Но уже захлестывается петля у вас на горле — неспешная, прочная, жестокая петля. Что ж, коли угодно, подыхайте! — Он с трудом овладел собой, и речь его зазвучала иначе.— Но будет испытывать мое терпение. Что мне до тебя, лошадиник Теоден, до тебя и до кучки твоих всадников, которые только удирать и горазды! Давно уж я

понапрасну предлагал тебе участь, которой ты недостойн, обделенный разумом и величием. И сегодня предложил ее снова лишь затем, чтобы увидели путь спасения несчастные, увлекаемые на верную погибель. Ты отвечал мне хвастливой бранью. Что ж, будь по-твоему. Убирайтесь в свои лачуги!

Но ты-то, Гэндальф! О тебе я скорблю паче всего—скорблю и, прости, стыжусь за тебя. С кем ты ко мне приехал? Ведь ты горделив, Гэндальф,—и не даром: у тебя светлый ум, зоркий и проницательный глаз. Ты и теперь не хочешь выслушать меня?

Гэндальф шевельнулся и поднял взгляд.

— А ты что-нибудь забыл мне сказать, когда мы прошлый раз виделись?—спросил он.—Или, может быть, ты хочешь взять свои слова обратно?

Саруман помедлил, как бы раздумывая и припоминая.

— Обратно?—удивился он.—Что взять обратно? В тревоге за тебя, в заботе о твоём же благе я пытался помочь тебе разумными советами, а ты пропустил их мимо ушей. Я знаю, ты немного заносчив и непрощенных советов не любишь—и то сказать, своим умом крепок. Должно быть, ты ошибся и неверно меня понял—да попросту не дослушал. А я был кругом прав, но, видимо, слегка погорячился—и очень об этом сожалею. Я пекся лишь о твоём благе, да и сейчас зла на тебя не держу, хоть ты и явился с гурьбою невежд и забияк. Разве можем мы с тобой поссориться, разве дано нам такое право—нам, соучастникам верховного древнего ордена, главнейшего в Средиземье! Мы оба равно нужны друг другу—нужны для великих и целительных свершений. Отринем же пустые раздоры, поймем один другого и не будем путать посторонних в дела, которые им не по разуму. Да будут законом для них наши обоюдные решения! Словом, я готов немедленно забыть о прежних неурядицах, готов принять тебя, как и должно. А ты—ужели не смиришь ты свою гордыню, не поступишь обидой ради общего блага? Поднимайся, я жду!

Такая сила обольщения была в этой последней попытке, что завороченные слушатели оцепенели в безмолвии. Волшебный голос все переменял. Они услышали, как милостивый монарх журит за просчеты своего горячо любимого наместника. Они тут были лишними: как наша-

лившие и невоспитанные дети, подслушивали они речи старших, для них загадочные, однако решающие их судьбу. Да, не чета им эти двое—мудрецы, властители, маги. Конечно же, они поладят между собой. Сейчас Гэндальф войдет в башню и там, в высоких покоях Ортханка, два седовласых чародея поведут беседу о делах, непостижных простому уму. А они останутся у запертых дверей ждать наказания и дальнейших повелений. Теоден и тот невольно, как бы нехотя подумал: «Да, он предаст и покинет нас—мы пропали».

Но Гэндальф засмеялся, и наваждение рассеялось как дым.

— Ах, Саруман, Саруман!—смеясь, выговорил он.— Нет, Саруман, ты упустил свой жребий. Быть бы тебе придворным шутом, передразнивать царских советников—и глядишь, имел бы ты под старость лет верный кусок хлеба и колпак с бубенцами. Ну и ну!—покачал он головой, отсмеявшись.— Пойдем, говоришь, один другого? Боюсь, меня ты не поймешь, а я тебя и так вижу насквозь. И дела твои, и доводы памятны мне как нельзя лучше. Тюремщиком Мордора ты был прошлый раз, и не твоя вина, что я избег Барад-Дура. Нет уж, колн гость сбежал через крышу, обратно в дом его через дверь не заманишь. Так что не жди, не поднимусь. Слушай-ка, Саруман, в оба уха, я повторять не буду. Может, надумаешь спуститься? Как видишь, твой несокрушимый Изенгард лежит в руинах. Не зря ли ты уповаешь и на другие твердыни? Не напрасно ли к ним прикован твой взор? Оглянись и рассуди, Саруман! Словом, не надумаешь ли спуститься?

Тень пробежала по лицу Сарумана; он мертвенно побледнел. Сквозь маску его угадывалось мучительное сомнение: постыдно было оставаться взаперти и страшно покинуть убежище. Он явственно колебался, и все затаили дыхание. Но холодно скрежетнул его новый голос: гордыня и злоба взяли свое.

— Не надумаю ли спуститься?—с издевкой промолвил он.— И отдаться безоружным на милость разбойников и грабителей, чтобы лучше их слышать? Мне и отсюда вас хорошо слышно. Не одурачишь ты меня, Гэндальф. Ты думаешь, я не знаю, где укрыты от глаз подвластные тебе злобные лешие?

— Предателю всюду чудится ловушка,—устало отвечал

Гэндальф.— Но ты зря боишься за свою шкуру. Если б ты и вправду меня понял, то понимал бы, что останешься цел и невредим. Напротив, я-то и могу тебя защитить. И оставляю за тобой решающий выбор. Покинь Ортханк своею волей—и ты свободен.

— Чудеса, да и только!—осклабился Саруман.— Вот он, Гэндальф Серый—и снисходителен, и милостив. Еще бы, ведь без меня в Ортханке тебе, конечно, будет куда уютней и просторней. Вот только зачем бы мне его покидать? А «свободен»—это у тебя что значит? Связан по рукам и ногам?

— Тебе, наверно, из окон видно, зачем покидать Ортханк,—отозвался Гэндальф.— Вдобавок сам подумай: твои орды перебиты и рассеяны, соседям ты стал врагом, своего теперешнего хозяина обманул или пытался обмануть, и, когда его взор сюда обратится, это будет испепеляющий взор. А «свободен» у меня—значит ничем не связан: ни узами, ни клятвой, ни зарокотом. Ступай, куда знаешь, даже... даже, если угодно, в Мордор. С одним условием: ты отдашь мне ключ от Ортханка и свой жезл. После ты их получишь обратно, если заслужишь; они берутся в залог.

Лицо Сарумана посерело, перекошилось, и рдяным огнем полыхнули глаза. Он дико, напоказ расхохотался.

— После!—вскрикнул он, срываясь на вопль.— Еще бы, конечно, после! После того как ты добудешь ключи от Барад-Дура, так, что ли? Добудешь семь царских корон, завладеешь всеми пятью жезлами и достанешь головой до небес? Как бы не так! Немного ж тебе надо, и уж без моей скромной помощи ты обойдешься. Я лучше займусь другими делами. А пока что, несчастный глупец, проваливай-ка подобра-поздорову и, если я тебе вдруг понадобится, приходи отрезвевши! Только без этой свиты—без шайки головорезов и жалкого охвостья! Прощай!—Он повернулся и исчез с балкона.

— Вернись, Саруман!—повелительно молвил Гэндальф. И к общему изумлению, Саруман появился снова, точно вытщенный; он медленно склонился к чугунным перилам, с трудом переводя дыхание. В морщинистом, дряхлом лице его не было ни кровинки, а рука, сжимавшая внушительный черный жезл, казалось, истлела до костей.

— Я тебе не дал разрешения уйти,—строго сказал

Гэндальф.—Я с тобой разговор не закончил. Ты ослаб рассудком, Саруман, и мне тебя жаль. Как много приневоли бы ты пользы, если бы перестал злобствовать и безумствовать. Но ты избрал свою участь—грызть капкан, в который сам себя загнал. Что ж, оставайся в капкане! Но помни, наружу теперь тебе нет пути. Разве что с востока протянутся за тобой ухватистые черные лапы. Саруман!—воскликнул он, и голос его властно загредел.—Гляди, я уж не тот Гэндальф Серый, кого ты предал врагам. Я—Гэндальф Белый, отпущенный на поруки смертью! А ты отныне бесцветен, и я изгоняю тебя из ордена и из Светлого Совета!—Он воздел руку и молвил сурово и ясно:—Саруман, ты лишен жезла!

Раздался треск, жезл преломился в руке Сарумана, и набалдашник его упал к ногам Гэндальфа.

—Теперь иди!—сказал Гэндальф, и Саруман вскрикнул, осел и уполз. И грянулось что-то сверху, тяжелое и блестящее: в перила, едва не задев Сарумана, возле виска Гэндальфа, на лестницу. Перила дрогнули и рассыпались вдребезги, лестница с треском брызнула огнистым снопом искр. А брошенный шар промчался вниз по ступеням: черный, хрустальный, багровеющий изнутри. И покатился к колдобине—там его успел перехватить Пин.

—Подлый негодяй!—воскликнул Эомер. Но Гэндальф пожал плечами.

—Нет,—сказал он,—это не Сарумановых рук дело. Брошено из другого, из высокого окна. Гнилоуст, я так думаю, с нами прощается, но неудачно.

—Потому неудачно, что он толком не знал, в кого метит, в тебя или в Сарумана,—предположил Арагори.

—Может, и так,—согласился Гэндальф.—Хороша подобралась парочка! Они же заедят друг друга: слова страшнее всего. Впрочем, поделом вору и мука. Но если Гнилоуст выйдет из Ортханка живьем, ему изрядно повезет... Ну-ка, ну-ка, маленький, оставь шарик! Меня бы сначала спросил!—воскликнул он, резко обернувшись и увидев Пина, который медленно всходил по лестнице, точно нес непосильную тяжесть. Он сбежал ему навстречу и поспешно отобрал у хоббита темный шар, обернув его полый плаща.—Дальше мое дело,—сказал он.—Н-да, Саруман бы, пожалуй, не стал такими вещами швыряться.

—У него и без этого найдется чем швырнуть,—сказал

Гимли.— Если разговор окончен, так хоть отойдем подальше!

— Разговор окончен,— сказал Гэндальф.— Отойдем.

У подножия лестницы ристанийцы громко и радостно приветствовали своего конунга и склонились перед Гэндальфом. Колдовство Сарумана развеялось: все видели его озлобленное бессилие и жалкий позор.

— Ну, вот и все,— вздохнул Гэндальф.— Надо бы Древню сказать, чем дело кончилось.

— А ему это невдомек?— удивился Мерри.— Могло, что ль, кончиться иначе?

— Да нет, наверно, не могло,— сказал Гэндальф,— хоть и висело на волоске. Но пришлось на это пойти: отчасти из милосердия, а отчасти... Надо было показать Саруману, что голос его теряет привычную власть. Деспоту не стоит прикидываться советником. И уж если тайное стало явным, то дальше его не утаишь. А мудрец наш как ни в чем не бывало принялся обрабатывать нас порознь на слуху друг у друга: нерасчетливо поступил. Но все-таки надо было дать ему последний случай отказаться от мордорского лиходейства, а заодно и от своих замыслов. Загладить постыдное прошлое: он ведь мог бы нам очень помочь. Лучше всякого другого знает он наши дела, и захоти он только—нынче же все пошло бы иначе. Но он предпочел свою бессильную злобу и надежную твердыню Ортханка. Не желает помогать, а желает начальствовать. И живет-то в ужасе перед тенью Мордора, а тянется к верховной власти. Вот уж кто несчастный дурак! Если с востока до него доберутся—пиши пропало. Мы-то не можем, да и не станем крушить Ортханк, а Саурон—тот пожалуй что и сокрушит.

— Ну а если победа Саурону не достанется? Ты тогда что с ним сделаешь, с Саруманом?—спросил Мерри.

— Я? С Саруманом? Да ничего я с ним делать не стану,— сказал Гэндальф.— Всякая власть мне претит. А вот что с ним станет, этого я не знаю. Жалко все-таки: столько добра и столько могущества пропадает даром. Зато нам-то как повезло! Вот уж не угадаешь заранее, злоба—она сама по себе в ущерб. Если б мы даже вошли в Ортханк, то и среди всех тамошних сокровищ вряд ли

нашлось бы равное тому, которое вышвырнул Гнилоуст.

Раздался и осекся яростный вопль из высокого открытого окна.

— Похоже, Саруман со мной согласен,—сказал Гэндальф.—Вот теперь давайте отойдем подальше!

Они вернулись к разрушенному входу, и едва вышли из-под арки, как тут же, откуда ни возьмись, к ним зашагали онты, дотоле скрытые за грудями камней. Древень шел во главе, и Арагорн, Гимли и Леголас в изумленье усталились на лесных великанов.

— Вот, кстати, трн моих спутника, Древень,—сказал Гэндальф.—Я тебе про них говорил, но ты их еще не видел.

И представил их, одного за другим. Старый онт внимательно оглядел каждого и с каждым немного побеседовал. Последним оказался Леголас.

— Так ты, стало быть, сударь мой эльф, явился из так нынче называемого Лихолесья? Как оно ни зовись, а лес там был, помнится, хоть куда!

— Да наш лес—он и сейчас ничего себе,—скромно сказал Леголас.—Но ведь деревьев сколько ни есть, а все мало! Больше всего на свете хочется мне побродить по Фангорну, дальше опушки-то и побывать не привелось, а уж так тянуло!

Радостно замерцали глубокие глаза Древня.

— Ну что ж, авось еще и горы не очень постареют, как твое желанье сбудется,—сказал он.

— Надо, чтоб сбылось,—подтвердил Леголас.—Я условился с другом, что если мы останемся живы, то непременно наведаемся в Фангорн—с твоего позволения, конечно.

— Мы эльфам всегда рады,—сказал Древень.

— Друг мой, как бы сказать—не соврать, не из эльфов,—заметил Леголас.—Это Гимли, сын Глоина, вот он стоит.

Гимли низко поклонился, топор его выскользнул из-за пояса и брякнул о камни.

— Кгм, хм! Вот тебе и на!—сказал Древень, тускло взглянув на него.—Гном, да еще с топором! Ну, не знаю, не знаю! Кгм! Эльфам, я говорю, мы всегда рады, но это уж слишком, а? Н-да, подобрал себе дружка!

— Друзей не выбираешь,—возразил Леголас.— Одно скажу: куда жив Гимли, я без него в Фангорн—ни ногой. А топор у него не на деревья, о владыка бескрайнего леса! Он им оркам головы рубит. В одном последнем бою четыре с лишним десятка завалил.

— Кхум! Дела, дела!—сказал Древень.— Ну, это, само собой, приятно слышать. Ладно, пусть будет как будет: торопиться нам некуда. А вот расставаться пора. Вечереет, а Гэндальф сказал, что вам надо выехать до ночи: повелитель Ристании торопится в свой золотой чертог.

— Да, да, ехать надо немедленно,—сказал Гэндальф.— И твоих привратников я с собой заберу. Ты и без них прекрасно обойдешься.

— Обойтись-то обойдусь,—сказал Древень,—но отпустить их жалко. Мы так с ними быстро, прямо сказать, второпях подружились, что мне и самому удивительно—видно, в детство впадаю. Но ежели порассудить, то, может, и двинуться нечему: сколько уж веков не видел я ничего нового под солнцем и под луною, а тут на тебе. Нет, кто-кто, а они у меня в памяти останутся, и в Перечень я их поместил, велю онтам переучивать:

Онты-опекуны явились к древесным отарам—
Исполины собой, земнородные водохлебы;
И хоббиты-хохотуны, лакомки-объедалы,
Храбрые малыши, человечьи зайчата.

Так теперь он и будет читаться, куда листья растут на деревьях. Прощайте же! Если до вашей прелестной Хоббитании дойдут какие-нибудь новости—дайте мне знать! Вам ведь понятно, о чем я? Я про онтиц: вдруг да чего увидите или прослышите. И сами ко мне выбирайтесь!

— Мы выберемся!—сказали в один голос Мерри с Пином и поспешно отвернулись.

Древень молча поглядел на них и задумчиво покачал головой. Гэндальфу же он сказал:

— Саруман, значит, убоился выйти? Ну, я так и знал. Нутро у него гнилое, как у последнего гворна. Правда, если бы меня одолели и истребили все мои деревья, я бы тоже небось затаился в какой-нибудь дыре и носа не казал наружу.

— Зря сравниваешь!—сказал Гэндальф.— Ты ведь не собирався заполонить мир своими деревьями в ущерб

всякой иной жизни. А Саруман — да, он предпочел лелеять свою черную злобу и вынашивать новые козни. Ключ от Ортханка у него не отнимешь, а выпускать его оттуда никак нельзя.

— Не тревожься! Онты за ним приглядят,—пообещал Древень.—Следить будут денно и ночью, и без моего соизволения он шагу не ступит.

— Вот и ладно! — сказал Гэндальф.—Я только на вас и надеялся; хоть одной заботой меньше, а то мне, право, не до него. Но вы уж будьте начеку: воды схлынули, и боюсь, одними часовыми вокруг башни не обойдешься. Наверняка из Ортханка есть глубокие подземные ходы, и Саруман рассчитывает тайком улизнуть. Уж коли на то пошло, затопите-ка вы Изенгард еще разок, да как следует, пока он весь не станет озером или ходы не обнаружатся. Заткните ходы, наводните пещеры—и пусть Саруман сидит в башне и поглядывает из окон.

— Положись на онтов! — сказал Древень.—Мы обшарим каждую пядь и перевернем все камушки до единого! И насадим вокруг деревья: старые, одичалые. Они будут называться Дозорный Лес. Любую белку в тот же миг заприметят. Будь покоен! Семьжды минет срок наших скорбей, которых он был виною, но мы и тогда не устанем его стеречь!

ПАЛАНТИР

олнце опускалось за длинный западный хребет, когда Гэндальф со спутниками и конунг с дружиною покинули Изенгард. Мерри сидел позади Гэндальфа, Арагорн взял Пина. Двое востовых стрелой помчались вперед и вскоре исчезли из виду в долине. Остальные тронулись мерной рысью.

Онты чинно выстроились у ворот, воздев свои длинные руки и замерши, как истуканы. Мерри и Пин, точно по команде, обернулись у поворота извилистой дороги. Небо еще сияло солнечным светом, но серые развалины Изенгарда сокрыла вечерняя тень. Древня пока было видно: он стоял одиноко, словно древесный ствол, и хоббитам припомнилась их первая встреча на залитом солнцем горном уступе близ опушки Фангорна.

Подъехали к столбу с Белой Дланью: столб высился по-прежнему, но изваяние было сшиблено с верхушки его и расколото на куски. Посреди

дороги валялся длинный, мертвенно-белый указующий перст с кроваво-черным ногтем.

— До чего же основательный народ эти онты! — заметил Гэндальф.

Они проехали мимо, сумерки сгущались.

— Долго ли нам нынче ехать, Гэндальф? — спросил Мерри немного погодя. — Тебе-то небось все равно, что сзади тебя болтается жалкое охвостье, а охвостье еще прежде того устало, ему не терпится отдохнуть.

— А-а, расслышал и даже обиделся! — сказал Гэндальф. — Скажи лучше Саруману спасибо за вежливость! Он на вас крепко глаз положил. Если угодно, можешь даже гордиться — сейчас он только про тебя с Пинном и думает: кто вы такие, откуда взялись, что вам известно, вас или не вас захватили в плен и как же вы спаслись, когда всех орков перебили, — над такими вот мелкими загадками бьется наш великий мудрец. Так что, любезный друг Мериадок, будь польщен его руганью.

— Благодарствуйте! — сказал Мерри. — Но мне еще более льстит мотаться у тебя за спиной, хотя бы потому, что я могу повторить свой вопрос: долго ли нам нынче ехать?

— Вот неугомонный хоббит! — расхохотался Гэндальф. — К каждому магу надо бы приставить хоббита-другого, дабы они, маги, следили за своими словами. Прости, что оставил тебя без ответа, даром что и ответ проще простого. Сегодня мы не спеша проедем несколько часов и выберемся из долины. Завтра поскачем галопом.

Мы хотели ехать от Изенгарда степным путем в Эдорас, да передумали. К Хельмовой Крепи отправили гонцов, оповестить о завтрашнем прибытии конунга и созвать ополчение: на Дунхерг пойдем горными тропами. Отныне в открытую — ночью или днем, все равно, — велено будет ездить по двое, по трое.

— То от тебя слова не допросишься, то получай дюжину, — сказал Мерри. — Я ведь только и спросил, долго ли до ночлега? Почему мне знать, что это за Хельмова Крепь и разные Эдорасы? Я, может, чужестранец!

— Так разузнай, коли хочешь что-нибудь понять! А меня больше не тереби, не мешай мне думать.

— Ладно, ладно: сядем у костра, и я пристану к

Бродяжнику, он не такой гневливый. Скажи только, чего ради нам таиться, разве мы не выиграли битву?

— Оттого и таиться, что выиграли: победили мы покамест на свою голову. Изенгард напрямую связан с Мордором — ума не приложу, как они обменивались вестями, а ведь обменивались! Сейчас Око Барад-Дура вперится в Колдовскую логовину и зарыщет по Ристании. Чем меньше оно увидит, тем лучше.

Дорога вилась по долине, то дальше, то ближе слышалось клекотанье Изена. Ночная тень напознала с гор. Туманы развеялись, подул холодный ветер. Бледная полная луна блистала на востоке. Горная цепь справа стала чередой голых холмов. Широкая серая гладь открывалась перед ними.

Наконец повернули коней с дороги налево, на мягкий и упругий травяной ковер, и через милую-другую наехали на лощину за округлым зеленым подножием Дол-Брана, последней горы Мглистого хребта, густо поросшей вереском. Скаты лощины устилал прошлогодний папоротник, сквозь настил из сырой пахучей земли пробивались плотные, крученые молодые побеги. По краям тянулись сплошные заросли боярышника. Примерно за час до полуночи путники спешили и развели костер в ямине под корнями раскидистого куста, большого, как дерево, старого и корявого, однако все ветви его были в набухших почках.

Выставили пару часовых, остальные поужинали, укутались в плащи и одеяла и мигом уснули. Хоббиты приютились в уголку на груде папоротниковой листвы. У Мерри спались глаза, но Пину почему-то не спалось. Он вертелся с боку на бок, шурша и хрустя подстилкой.

— В чем дело? — спросил Мерри. — На муравейник улегся?

— Да нет, — сказал Пин. — Просто неудобно. Вспоминаю, сколько я уже не спал в постели.

Мерри сладко зевнул.

— Сочти на пальцах! — сонно сказал он. — Чего мудрить-то, от Лориэна и не спал.

— Да, как же! — хмыкнул Пин. — В настоящей постели, в спальне.

— Тогда от Раздола, — сказал Мерри. — А я сегодня и на иголках заснул бы.

— Тебе-то хорошо, Мерри,— тихо сказал Пин, помолчав.— Ты с Гэндальфом ехал.

— Ну и что?

— Ты у него что-нибудь узнал, вытянул из него? Или не удалось?

— Вытянул—куда больше обычного. Но ты же все слышал: ехали рядом и говорили мы громко. Ладно уж, поезжай ты с ним завтра, ежели думаешь больше выпросить—и если он согласится.

— Да? Можно? Вот здорово! А он такой же скрытник? Ничуть не изменился!

— Очень даже изменился!—сказал Мерри, приоткнувшись от дремы и не понимая, почему другу неймется.— Правда, это объяснить трудно. По-моему, он стал и добрее, и жестче, и веселее, и суровее. Словом, другой он стал, но вроде и не совсем другой—пока не разберешь. Ты вспомни, чем кончилось с Саруманом! Саруман-то раньше был главнее Гэндальфа в ихнем каком-то Совете, не знаю уж, что это за Совет. Он был Саруман Белый. А теперь Белый—Гэндальф. Саруману велено было вернуться—он и вернулся, и жезл его тю-тю; велели убираться—он и уполз на карачках!

— Не знаю, не знаю, только скрытности у него еще прибавилось против прежнего,—возразил Пин.—Взять хоть этот—ну, хрустальный шар. Вроде он доволен, что его заполучил. То ли он знает, то ли догадывается, что это за шар. И нам—ни полслова, а ведь шар-то я поймал, без меня бы он в пруду потонул. «Ну-ка, маленький, оставь шарик!»—и весь сказ. А правда, что это за шар? Тяжелый такой...—Пин говорил совсем-совсем тихо, точно сам с собой.

— Ага!—сказал Мерри.—Вон ты чего ворочаешься! Слушай, дружище Пин, ты вспомни-ка присловье Гаральда, которое Сэм любил повторять: «В дела мудрецов нося не суй—голову потеряешь!»

— Ну знаешь, за эти месяцы мы в делах мудрецов поневоле по уши завязли,—сказал Пин.—И головой только и делаем, что рискуем. Невелика была бы награда—посмотреть на этот шар!

— Спал бы ты, честное слово!—сказал Мерри.—Все в свое время узнаешь. Между прочим, по части любопытства пока еще ни один Крол Брендизайка не обставил, а ты,

значит, решил на ночь глядя постоять за честь рода? Ох, не вовремя спохватился!

— Да ну тебя! Я всего-то и сказал, что хочу на этот шар поглядеть, а на него поглядишь, как же: Гэндальф лежит на нем, будто собака на сене. Тут еще ты заладил: нельзя да нельзя, спи да спи! Спасибо на добром слове!

— Пожалуйста,—сказал Мерри.—Ты меня прости, Пин, но уж как-нибудь потерпи до утра. Отоспимся, позавтракаем, загоримся любопытством—авось на пару и распотрошим мага! А сейчас не могу больше, до ушей зеваю. Покойной ночи!

Пин в ответ промолчал. Лежал он неподвижно, однако сна у него не было ни в одном глазу, и он досадовал на мирно засопевшего Мерри. Чем тише становилось, тем назойливее вертелся у него перед глазами черный шар. Он точно снова оттягивал ему руки, и снова мерещилась ему багровая глубь, в которую Пин успел на миг заглянуть. Он опять принялся ворочаться и старался думать о чем-нибудь другом.

Но это у него никак не получалось. Наконец он сел и огляделся. Его пронизала дрожь, и он запахнулся в плащ. Ярко-белая луна холодно озаряла лощину, кусты отбрасывали угольно-черные тени. Кругом все спали. Часовых было не видать: может, отошли на гору, а может, укрылись где-нибудь в папоротниках. Движимый какой-то непонятной и неодолимой силой, Пин тихонько подкрался к спящему Гэндальфу и заглянул ему в лицо. Маг хоть вроде бы и спал, но с полуприкрытыми веками: из-под его длинных ресниц поблескивали белки. Пин поспешно отступил, но Гэндальф не шелохнулся, и хоббит, точно его что подталкивало, обошел его со спины. Поверх одеяла маг был укрыт плащом, и рядом, у него под правой рукой, лежал круглый сверток в темной тряпиче—казалось, рука Гэндальфа только что соскользнула со свертка на землю.

Едва дыша, Пин подбирался все ближе и ближе, наконец встал на колени, воровато протянул обе руки, ухватил сверток и медленно поднял его: он был вовсе не такой уж тяжелый. «Пустяки, всего-то какая-нибудь стеклянная безделушка»,—со странным облегчением подумал он, однако на место сверток не положил, а выпрямился,

прижимая его к себе. Потом его осенило: он отошел на цыпочках и вернулся с большим булыжником. Снова вставши на колени, он разом сорвал тряпицу с круглого предмета, закутал в нее булыжник и подсунул его поближе к руке Гэндальфа.

И наконец посмотрел на гладкий хрустальный шар, черный и тусклый, лежавший возле его колен. Пин поднял его, торопливо обернул полой плаща и хотел было вернуться к своему ложу, но тут Гэндальф зашевелился во сне и что-то пробормотал на чужом языке; рука его вытянулась, ощупала круглый сверток, он вздохнул и опять затих.

«Болван ты стоеросовый,—неслышно увещевал себя Пин.—Вляпаешься—не выберешься! Сейчас же положи обратно!» Но колени его тряслись, он не смел подойти к магу и обменять свертки. «Не выйдет, я его разбуджу,—мелькнуло у него в голове,—надо сперва успокоиться. Так что уж ладно, посмотрю хоть, чтобы не зря. Только не здесь!» Он прокрался к зеленому холмику неподалеку от своего травяного ложа. Луна вдруг выглянула из-за края лощины.

Пин сел, сдвинул колени, пристроил на них шар и низко склонился к нему—точь-в-точь голодный мальчишка, стацивший миску с едой,—наконец отвел плащ и посмотрел. Тишина сомкнулась и зазвенела у него в ушах. Сначала шар был темный, янтарно-черный, сверкающий в лунных лучах, потом медленно засветился изнутри, впиваясь в его глаза, неотвратимо притягивая их. Шар вспыхнул и закрутился, нет, это в нем закрутился огненно-багровый вихрь—и вдруг погас. Хоббит ахнул, застонал и попробовал оторваться от шара, но только скрючился, сжимая его обеими руками. Он приникал к нему все ближе и ближе, потом оцепенел, губы его беззвучно шевелились. С придуренным криком он опрокинулся навзничь.

Крик был ужасающий. Часовые спрыгнули в лощину. Весь лагерь мгновенно пробудился.

— Ах ты, воришка несчастный!—сказал Гэндальф, поспешно набросив плащ на хрустальный шар.—Ну, Пин, вот уж не было печали!—Он опустился на колени подле простертого, застывшего хоббита, чьи раскрытые глаза

неподвижно глядели в небо.— Что же он успел натворить и чего нам теперь ждать?

Лицо мага резко осунулось.

Он взял Пина за руку и прислушался к его дыханию, потом возложил ладони ему на лоб. Дрожь пробежала по телу хоббита, и веки его сомкнулись. Он вскрикнул, сел и уставился на склоненные к нему в лунном свете бледные лица.

— Не для тебя эта игрушка, Саруман! — пронзительно и монотонно прокричал он. — Я тотчас же за нею пришлю. Понятно? Так и передай!

Он вскочил и бросился бежать, но Гэндальф перехватил и удержал его — бережно и крепко.

— Перегрин Крол! — молвил он. — Вернись!

Хоббит успокоенно прижался к надежной и твердой руке.

— Гэндальф, это ты! — воскликнул он. — Прости меня, Гэндальф!

— Простить? — нахмурился маг. — Сперва скажи за что!

— Я ук... унес шар и заглянул в него, — запинаясь, проговорил Пин. — И я увидел очень страшное, а уйти было нельзя. Он явился, и допрашивал меня, и стал на меня глядеть, и... и я больше ничего не помню.

— Нет, так не пойдет, — строго сказал Гэндальф. — Что ты увидел, о чем он допрашивал, что ты ему сказал?

Пин закрыл глаза и мелко задрожал, но не произнес ни слова. Все молча смотрели на него, кроме Мерри — тот отвернулся. Лицо Гэндальфа было по-прежнему сурово.

— Отвечай! — велел он.

Пин начал снова — глухим, непослушным голосом, но речь его с каждым словом становилась все отчетливее.

— Я увидел темное небо и высокую зубчатую башню, — сказал он. — И крохотные звезды. Казалось, видится то, что было давным-давно и далеко-далеко, но видится ясно и четко. Звезды меркли, мерцали: их точно гасили какие-то крылатые чудища — казалось, огромные летучие мыши выются над башней. Я их насчитал девять. Одна полетела прямо на меня, разрастаясь и разрастаясь. У нее было жуткое — нет, нет! Нельзя об этом говорить.

Я хотел отдернуться — вдруг она оттуда вылетит, но она заслонила весь шар и исчезла, а появился он. Слов он не говорил, только глядел, и мне было все внятно.

«Ты возвратился? Почему так долго отмалчивался?»

Я не ответил. Он спросил: «Кто ты?», а я все молчал, терпел дикую боль и, когда стало совсем уж неважно, сказал: «Хоббит».

А он будто вдруг увидел меня — и его хохот мучил, как медленная пытка. Я противился из последних сил; он сказал: «Погоди немного. Скоро снова свидимся. Пока скажи Саруману, что эта игрушка не для него. Я тотчас же за нею пришло. Понял? Так и передай».

И снова злорадно захохотал, как клещамн жилы вытягивал, страшнее всякой смерти... нет, нет! Об этом нельзя говорить. Больше я ничего не помню.

— Посмотри мне в глаза! — сказал Гэндальф.

Пин встретил его взгляд не сморгнув; длилось нестерпимое молчание. Потом лицо мага потеплело, и по нему скользнула тень улыбки. Он погладил Пина по голове.

— Ладно! — сказал он. — Будет! Ты уцелел. Глаза твои, внизу, не лгут. Ну, он недолго с тобой говорил. Олухом ты был и остался, но ты честный олух, Перегрин Крол. Будь на твоём месте кто поумнее, он бы, может, вел себя хуже. Но запомни вот что! Тебя и твоих друзей уберег, что называется, счастливый случай, но другой раз не уберезет. Допроси он тебя толком, ты бы не вынес пытки и рассказал ему все, что знаешь, к нашей общей гибели. Но он поторопился. Одних сведений ему показало мало, он решил немедленно заполучить *тебя* и не спеша замучить в темнице Черной Башни. Нет уж, ты не дергайся! Суешь нос в дела мудрецов, так и хвост не поджимай! Ладно уж, я тебя прощаю. Все не так худо обернулось, как могло бы.

Он бережно отнес Пина на папоротниковое ложе. Мерри сел возле друга.

— Лежи смирно и попробуй уснуть, Пин! — сказал Гэндальф. — А впредь больше доверяй мне! Зазудит опять — скажи, есть от этого средства. И, уж во всяком случае, не вздумай опять подкладывать мне камни под локоть! Побудьте вдвоем, это вам полезно.

Маг вернулся к остальным; они в угрюмом раздумье стояли над ортханкским камнем.

— Беда явилась за полночь и застала нас врасплох, — сказал он. — Спаслись мы чудом!

— А что хоббит, что Пин? — спросил Арагорн.

— Думаю, с ним все обойдется,— отвечал Гэндальф.— Пытали его недолго, а хоббиты—на диво стойкий народ. Память о пережитом ужасе и та у него быстро выветрится. Пожалуй, даже чересчур быстро. Не возьмешь ли ты, Арагорн, на сохранение этот камушек? Хранить его, конечно, опасно, но...

— Кому как,—сказал Арагорн.—У него есть законный владелец. Этот камушек—*палантир* Ортханка из сокровищницы Элэндила, и установили его здесь гондорские князья. Роковые сроки близятся. И мой палантир может мне пригодиться.

Гэндальф взглянул на Арагорна и затем, к общему изумлению, с глубоким поклоном протянул ему завернутый камень.

— Прими его, государь!—сказал он.—И да послужит он залогом грядущих дней! Но позволь все же посоветовать тебе—до поры не гляди в него! Остерегись!

— Был ли я тороплив и тщеславен хоть раз за долгие годы испытаний?—спросил Арагорн.

— Ни разу. Не оступись под конец пути,—отвечал Гэндальф.—По крайней мере храни его в тайне. И вы все, свидетели ночного происшествия! Пуще всего берегитесь ненароком выдать хоббиту Перегрину, где хранится камень! Он его будет по-прежнему притягивать, ибо, увы, он держал его в руках еще в Изенгарде: это я недоглядел. Но я был занят Саруманом и не догадался, что это за Камень. Потом я был близок к разгадке, но меня сморила усталость и одолел сон. Лишь сейчас все открылось!

— Да, и вне всяких сомнений,—сказал Арагорн.—Теперь воочию видна связь между Изенгардом и Мордором: объяснилось многое.

— Диковинно могущество наших врагов и диковинна их немощь!—сказал Теоден.—Издавна говорят: нередко зло пожрется злом.

— Чаше всего так оно и бывает,—подтвердил Гэндальф.—Но в этот раз нам невероятно повезло. Проступок хоббита, кажется, спас меня от чудовищного промаха. Я думал было сам изучить этот Камень, проверить его на себе. Сделай я это—и пришлось бы состязаться в чародействе с величайшим колдуном, а я не готов к такому испытанию, оно, может статься, и вообще не для меня. Но если б я и не подпал под его власть, узнан все равно был

бы, а это пагубно для нас—пока не настанет время выступить в открытую.

— По мне, так оно настало,—сказал Арагорн.

— Еще нет,—возразил Гэндальф.—Покамест враг в заблужденнн, и это нам на руку. Прислужник Саурана думает, будто Камень в Ортханке; с какой стати нет? Значит, там же заключен и хоббит; Саруман для пушей муки принуждает его глядеть в чародейное зеркало. Ему запомнились голос и лицо хоббита, он ждет свою безвольную жертву—и ошибка его обнаружится еще не сейчас. Но мы-то что ж упускаем время попусту? Мы были слишком беспечны. Скорее в путь! Нечего медлить неподалеку от Изенгарда. Я поеду вперед и возьму с собой Перегрину Крола: нынче спать ему не придется.

— При мне останутся Эомер и десять дружинников,—сказал конунг.—Прочие пусть едут с Арагорном и мчатся во весь опор.

— Можно и так,—сказал Гэндальф.—Вместе или порознь—спешите в горы, к Хельмову ущелью!

В этот миг их накрыла огромная теиь, яркая луна вдруг погасла. Дружинники с криком припали к земле, закрывая головы руками, словно защищаясь от удара сверху: их обуял слепой ужас и пронизал цепенящий холод. Еле-еле отважились они поднять глаза—и увидели огромную крылатую тварь, черным облаком затмившую луну. Она описала круг и вихрем умчалась на север: звезды тускнели на ее пути.

Ристанийцы поднялись на ноги, но двинуться с места не было сил. Гэндальф провожал чудище глазами, опустив крепко сжатые кулаки.

— Назгул!—крикнул он.—Посланец Мордора! Буревестник Саурана! Назгулы пересекали Великую Реку! Скачите, скачите, не ждите рассвета! И не дожидайтесь отстающих! Скачите!

Он кинулся прочь, кликнув на бегу Светозара. Арагорн быстро помог ему собраться. Гэндальф подхватил Пина на руки.

— На этот раз поедешь со мной,—сказал он.—Светозару лишняя ноша нипочем.

Серебряный скакун уже поджидал его, Гэндальф заки-

нул за плечи свой легкий мешок, вскочил на коня и принял из рук Арагорна укутанного в одеяло и плащ Пина.

— Прощайте. Не мешкайте! — крикнул он. — Вперед, Светозар!

Красавец конь гордо тряхнул головой, его пышный хвост переливчато заблестал в лунном свете. Он прынул, взмыв над землей, и умчался, как северный ветер с гор.

— Приятная и спокойная выдалась ночка! — сказал Мерри Арагорну. — Везет же некоторым! Ему, видите ли, не спалось — он и не спал, захотелось ехать с Гэндальфом — пожалуйста! А надо бы ему окаменеть и остаться здесь в назидание потомкам.

— Если б не он, а ты подобрал ортханкский камень, думаешь, ты бы себя лучше показал? — спросил Арагорн. — Сомневаюсь! Словом, тебе не повезло: повезу тебя я. Иди собирайся и, если Пин что позабыл, прихвати. Мигом!

Светозар мчался по темной степи, его не надо было ни поинюкать, ни направлять. Прошло меньше часа, а они уже миновали Изенгардскую переправу и высокий серый курган, утыканный копьями.

Пин мало-помалу приходил в себя. Он угрелся, лицо овеял свежий бодрящий ветер. Гэндальф был рядом. Ужас, затягивающий в камень, уродливая тень, затмившая луну, — все это осталось позади, как дурной сон или горный туман. Он вздохнул полной грудью.

— А я и не знал, что ты едешь без седла и уздечки, Гэндальф! — сказал он.

— Обычно я по-эльфийски не езжу, — отозвался Гэндальф. — Но Светозар не терпит сбруи: либо он берет седока, либо нет. Если берет, то уж позаботится, чтобы ты не упал — разве что нарочно спрыгнешь.

— А быстрота его какая? — спросил Пин. — Ветер так и свищет в ушах, а как плавно едем! Почти не касаясь земли!

— Сейчас он мчится быстрее самого быстрого скакуна, — сказал Гэндальф. — Но для него и это пустяки. Здесь идет подъем, и степь неровная. Однако смотри, как на

глазах близятся Белые горы под звездным пологом! Вон та, островерхая, трехрогая — это Трайгирн. Недалеко уж до развилки, а там рукой подать и до Ущельного излога, где две ночи назад бушевала битва.

Пин ненадолго примолк. Он слушал, как Гэндальф мурлычет себе под нос обрывки песен на чужих языках, и миля уходила за милей. Наконец маг пропел целый стишок из понятных слов, и хоббит расслышал сквозь немолчный посвист ветра:

Короли привели корабли,
Трижды их было три.
А на кораблях — что они привезли
Из дальней своей земли?
Семь светлых звезд, семь зрячих камней
И Саженец — белый как снег.

— О чем это, Гэндальф? — спросил Пин.

— Я перебирал в памяти древние стихи и песни, — отвечал маг. — Хоббиты их, наверно, давно позабыли — даже и те немногие, что знали.

— Не все мы позабыли, — возразил Пин. — И сочинили много-много своих, хотя у тебя сейчас не хватит на них любопытства. Но этих стихов я никогда не слышал. Что это за семь звезд и семь камней?

— *Палантиры* королей древности, — отвечал Гэндальф.

— Какие такие палантиры?

— «Палантир» значит «дальнозоркий». Ортханкский камень — из них.

— Стало быть, его вовсе... вовсе не Враг изготовил, этот камень?

— Нет, не Враг, — сказал Гэндальф. — И не Саруман. Такое мастерство недоступно ни ему, ни Саурону. Да и никому в Западном Крае, палантиры — они из Эльдамара, изготовили их эльфы Нолдора. Может статься, это дело рук самого Феанора, дело дней столь давно минувших, что с тех пор потерян и счет векам. Однако же злая воля Саурона все на свете пятнает скверной. На этом и попался Саруман, как мне теперь понятно. Опасны орудия, свойства которых превыше нашего разумения. Однако и сам он не без вины. Он сокрыл этот Камень ради собственных тайных целей и в Совете о нем не заикнулся. А мы за грохотом сотрясающих Гондор нашествий да распрей и

думать забыли о древних палантирах. Из людской памяти они тоже едва ли не исчезли: даже в Гондоре мало кто помнит о них, да и в Арноре немногие из дунаданцев поймут загадочные слова древней былины.

— А зачем они были людям древности? — спросил Пин, восхищенный и изумленный тем, что на все его вопросы отвечают, и спрашивая себя, долго ли это продлится.

— Чтобы видеть незримое очами и беззвучно разговаривать издали, — сказал Гэндальф. — Они тайно охраняли целостность Гондора. Камни водрузили в Минас-Аноре, в Минас-Итиле и в нерушимом Ортханке, посреди неприступного Изенгарда. Но главенствовал над ними камень в Звездной Цитадели Осгилиата, ныне лежащего в руинах. Остальные три увезли на далекий север. От Элронда я слышал, будто один из них был в столице Арнора Ануминасе, другой — в Амон-Суле, Ветрогорной Башне, а главный Камень, Камень самого Элендила, — на Подбашенных горах, откуда виден Митлоид и серебристые корабли в Полумесячном заливе.

Палантиры отзывались друг другу в круговой переключке, и во всякое время любой из гондорских был открыт взору из Осгилиата. И вот оказывается, что одна лишь скала Ортханка выдержала напор времени и в тамошней башне сохранился палантир. Сам-то по себе он лишь крохотное зрелище давно минувших времен и событий. Тоже неплохо, но Саруману, видать, этого было мало. Он впивался взором все глубже и глубже и наконец разглядел Барад-Дур. Тут-то он и поймался!

Кто знает, куда подевались пропащие арнорские и гондорские Камни? В земле они схоронены или зарылись в ил на речном дне? Но один из них так или иначе достался Саурону и сделался его орудием. Должно быть, Камень из Минас-Итила, ибо эту крепость он взял давно и превратил ее в обитель ужаса — она стала называться Минас-Моргул.

Теперь-то легко догадаться, как был пленен и прикован блуждающий взгляд Сарумана и как его с той поры исподволь улещивали и запугивали. Изю дня в день, год за годом прикинул он к колдовскому зеркалу и под надзором из Мордора впитывал мордорские подсказки. Ортханкский зрячий камень стал волшебным зеркальцем Барад-Дура: ныне всякий, кто взглянет в него — если он не наделен нестигаемой волей, — увидит и узнает лишь то, что угодно

Черному Владыке, сделается его добычей. А как он притягивает к себе! Мне ли этого не знать! Меня и сейчас подмывает испробовать свою силу, проверить, не смогу ли я высвободить палантир и увидеть в нем за океанской далью времен прекрасный град Тирион, немыслимое творение зодчества Феанора, увидеть в цвету и Белое Древо, и Золотое!

Он вздохнул и замолк.

— Жалко, я этого ничего не знал,—сказал Пин.—Вот уж истинно не ведал, что творил.

— Отлично ведал,—сказал Гэндальф.—Как же не ведал ты, что поступаешь дурно и по-дурацки! Ведал, и сам себе говорил это, и сам себя не послушал. А я тебя раньше не остерег, потому что сейчас только до всего этого додумался. Но если бы и остерег, тебя бы это ничуть не охладило и не удержало. Напротив! А вот как, ожегшись на молоке, станешь дуть на воду, тут и добрый совет кстати придется.

— О чем говорить!—сказал Пин.—Разложи теперь передо мной все эти семь Камней—я только зажмурюсь покрепче и заложу руки в карманы.

— Рад слышать,—сказал Гэндальф.—Затем и рассказано.

— Вот еще хотел бы я знать...—начал Пин.

— Смиловитись!—воскликнул Гэндальф.—Если ублажать твое любопытство рассказами, то остаток моих дней мне рта закрыть не удастся. Ну, что еще ты хотел бы знать?

— Я-то? Названия звезд небесных и зверей земных, историю Средиземья, Верховья и Нездешних Морей. Всего-то навсего!—рассмеялся Пин.—Но мне это не к спеху, могу и подождать. Я спрашивал про ту черную тень; ты крикнул: «Посланец Мордора!» Какой посланец? Зачем ему надо в Изенгард?

— Это был крылатый Черный Всадник, кольценосец-назгул,—сказал Гэндальф.—А зачем? Ну вот, например, забрать тебя и доставить в Барад-Дур.

— Но он ведь не за мной летел, нет?—пролепетал Пин.—Он же не мог еще знать, что я...

— Никак не мог,—сказал Гэндальф.—По прямой от Барад-Дура до Ортханка добрых двести лиг, и даже назгул их меньше чем часа за три-четыре не пролетит. Но

Саруман, конечно, наведывался к Камню после вылазки орков и волей-неволей выдал многие свои тайные помыслы. Вот и полетел посыльный разведать, что он там подельвает. После нынешней ночи и второй наверняка прилетит вдогон. И пропал Саруман, как та птичка, что увязила коготок. Откупиться пленником он не может. Камня у него не стало, он даже не знает, чего от него хотят. А Саурон заведомо подумает, что пленника он прячет и придерживает, а Камня чурается. Даже если Саруман расскажет посланцу всю правду, это Саруману не поможет. Изенгард — верно, разрушен, но он-то отсиживается в Ортханке, почему-то цел и невредим! Словом, Саурон непременно сочтет его мятежником, а ведь он затем и спешил с нами расплестись, чтобы и тени таких подозрений не было! И как ему быть теперь, это сущая загадка. В Ортханке он, пожалуй, сможет кое-как отбиться от Девятерых: попробует, если придется. Может, даже попробует осадить какого-нибудь назгула, убить под ним крылатую тварь. Если у него это выйдет — пусть ристанийцы получше глядят за своими вороними конями! Как это обернется для нас — тоже не знаю. Может быть, Враг собьется с толку, его на время ослепит гнев против Сарумана. Или же проведает, что я стоял на крыльце Ортханка — а позади невдалеке болтались хоббиты. И что наследник Элендила жив и стоял со мною рядом. Если ристанийские доспехи не обманули Гнилоуста, он вспомнит, кто таков Арагорн. Этого-то я и опасаясь. Поэтому мы и бежим — чтоб как можно скорей попасть из огня да в полымя. Ибо Светозар несет нас с тобой, Перегрин Крол, в сторону Края Мрака.

Пин промолчал, только зябко укутался в плащ, как от порыва холодного ветра. Серая равнина мелькала под ними.

— Смотри! — показал Гэндальф. — Перед нами — долины Вестфольда: выезжаем на восточную дорогу. Вон там тень — это устье Ущельного излога: там — Агларонд и Блισταющие Пещеры. Но про них ты меня не спрашивай. Вот встретишься с Гимли, спроси у него — узнаешь тогда, какие бывают длинные ответы на короткие вопросы. Самому тебе увидеть их на этот раз не доведется, скоро мы их оставим далеко позади!

— Как это, а я думал, мы остановимся в Хельмовой

Крепи! — сказал Пин. — Куда же ты так торопишься?

— В Минас-Тирит, пока его не захлестнуло войной.

— Ого! А это здорово далеко?

— Далековато, — сказал Гэндальф. — Втрое дальше, чем до столицы конунга Теодена, а до нее отсюда к востоку сотня с лишним миль, если считать по прямой, как летают посланцы Мордора. Путь Светозара длиннее — посмотрим, кто кого опередит.

На рассвете, часа через три, где-нибудь передохнем — отдых нужен даже Светозару. В горах где-нибудь: хорошо бы доскакать до Эдораса. Постарайся уснуть! Проснешься — и в глаза тебе блеснет первый рассветный луч на золотой кровле дворца зорлингов. А еще через два дня увидишь лиловую тень горы Миндоллуин и белые стены великой крепости Денэтора в утреннем свете.

Скачи же, Светозар! Скачи, благородный конь, как никогда прежде! Ты возрос в этих краях, ты знаешь здесь каждый камень. Скачи во весь опор! Вся надежда на тебя!

Светозар встряхнул головой и звонко заржал, словно услышал зов боевой трубы. И прынул вперед. Копыта его сыпали искры; ночь расступалась по сторонам.

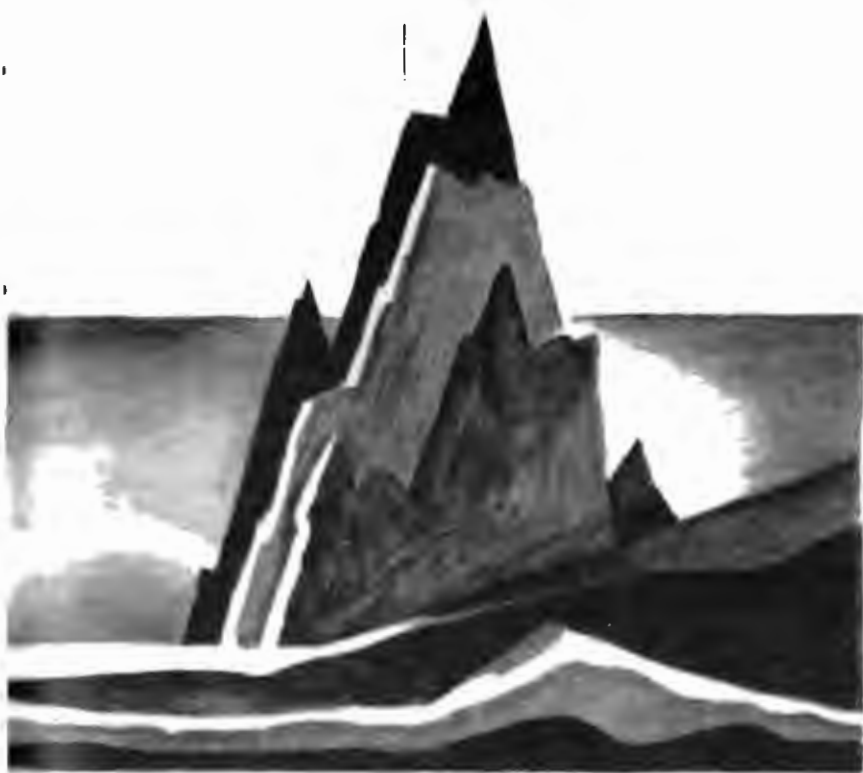
Пин понемногу засыпал, и ему казалось, будто они с Гэндальфом, неподвижные, как изваяния, сидят на каменной конской статуе, а из-под копыт коня в шуме и свисте ветра уносится земля.

**Зарница всенощной зари
За дальними морями,
Надеждой вечною гори
Над нашими горами!**

KHURA U

ПРИРУЧЕНИЕ СМЕАГОРЛА

у, хозяин, засели мы, что гвозди,—ни туда, ни сюда,—сказал Сэм Скромби. Он стоял подле Фродо, горестно сгорбившись, и без толку пялил глаза в сумрак.

В третий раз смеркалось с тех пор, как они бежали от своих, хотя где там было вести счет дням и часам, карабкаясь и пробираясь по голым обрывистым склонам Привражья, то возвращаясь след в след, потому что вперед уж никакого пути не было, то кружа и кружа на одном месте. Однако ж вперед они все-таки продвигались, держась по возможности ближе к краю путаного, ломаного нагорья. Края у него были отвесные, возвышенные, непроходимые; немо и хмуро взирали обветренные скалы на простершиеся от подножных раздрыганных осыпей гнило-зеленоватые безжизненные болота, над которыми не видать было ни единой птицы.

Хоббиты стояли у скалистого обрыва, далеко внизу серое голое подножие заволок туман, а поверху громоздились кручи, упиравшиеся в облака. С востока дул леденящий ветер. Ночь опускалась на болота: мутно-зеленый их цвет менялся на серо-бурый. Далеко справа был Андуин: днем он судорожно поблескивал в лучах неверного солнца, теперь потерялся в бесцветной мгле. Но за реку они не глядели, хотя где-то там были их друзья и светлые земли, населенные людьми. Они смотрели на юго-восток, откуда надвигалась грозовая ночь, где даль была отчеркнута чернотой, как неподвижно склубившимся дымом. Там, между землей и небесами, мерцал ярко-красный огонек.

— Крепко засели! — сказал Сэм. — Одно было место во всем Средиземье, куда нам не хотелось, так теперь на тебе, нам туда и надо! Надо-то надо, а не попадешь, похоже, нас вообще малость подзанесло. Вниз поди-ка спустись, а спустишься — как раз увязнешь по уши в непролазном болотище. Фью! А воняет-то как, замечаете? — Он сопнул.

— Уж как не заметить, — отозвался Фродо, не шевельнувшись.

Он глядел на черный окоем и мигающий огонек.

— Мордор! — едва слышно вымолвил он. — Ну что ж, в Мордор так в Мордор. Поскорей бы только дойти, да и дело с концом!

Он зябко повел плечами: холодный ветер обволакивал густым, тяжелым срадом.

— Ну ладно, — сказал он, устало прикрыв глаза, — засели мы не засели, а всю ночь не торчать же на уступе. Поищем какое ни на есть укрытие, заночуем, а наутро, глядишь, и выберемся.

— Выберемся, как же, — в такую дыру, откуда и вовсе не выберешься, — буркнул Сэм. — Нет, на утро надежда плоха. Говорю же: не туда нас занесло, отсюда пути нет.

— Да нет, путь-то найдется, — сказал Фродо. — Раз уж судьба мне туда попасть, то кривая вывезет. Другое дело — что это будет за кривая. Сказано было нам: промедление смерти подобно. Всякая оттяжка на руку врагу, а мы вот застряли, и ни с места. Может, нас уже водят на крючке из Черной Башни? Эх, что ни делает дурак, все он делает не так: давно надо было мне оставить Отряд, еще на севере, и обойти Привражье с востока посуху, а там как-нибудь и в Мордор горными тропами. А теперь сам

посуди — ну разве мы с тобой сумеем вернуться обратно? По восточному берегу Андунна рыщут орки. Да и всякий потерянный день невозместим. Устал я, Сэм, и, честное слово, не знаю, как нам быть. Еда-то у нас осталась?

— Обязательно осталась, сударь: эти, как бишь их там, путлибы. А кроме них — ничегошеньки. На самом-то деле грех жаловаться: я, когда их впервые отведал, вот уж не подумал бы, что приедятся, а приелись. Сейчас бы ломоть ржаного хлеба и кружку — да ладно, полкружки — пивка, это бы да! Волок я, волок свои котелки-сковородки, а что с них толку? И огонь не разведешь — не из чего, и какая стряпня, когда травы и той не сварить: потому что нет ее, травы!

Они отошли назад, спустились по откосу и подыскивали выбоину поуютнее. Закатное солнце потонуло в тучах, настала ночь. Спалось им плоховато: донимал холод, и они ворочались с боку на бок в своем каменном закоулке, стесненном косыми, обкрошенными громадами, с востока хотя бы не дуло, и то спасибо.

— Вы их больше не видели, сударь? — спросил Сэм, когда они, перемогая утреннюю дрожь, сидели в сером сумраке и жевали тоненькие путлибы.

— Нет, — сказал Фродо. — И не видел, и не слышал ничего, вот уже вторую ночь.

— Я тоже, — сказал Сэм. — Бррр! Ну и лупетки, извините за грубое выражение! Но, может, мы и правда от него наконец избавились, от слизняка несчастного. Горлум! Вот попадется он мне, тогда узнает, где у него «горлум»!

— Авось не придется тебе об него руки марать, — сказал Фродо. — Не знаю уж, как он за нами уследил, но, кажется, потерял след — давай вместе порадуемся. На сухих камнях не то что следа — запаха не остается, как он ни принюхивайся.

— Хорошо бы, — вздохнул Сэм. — Выискался тоже спутник!

— Да уж, — сказал Фродо, — обойдемся, пожалуй, и без него. Однако ж пес с ним. Вот как бы отсюда все-таки спуститься! Я тут сам не свой: с востока смотрят-ищут, а мы, как нарочно, торчим здесь и подставляем, когда между нами и тамошним мраком ничего нет, одни мертвые

болота. И оттуда еще Око поглядывает. Пойдем-ка по-ищем, не может же быть, чтобы сплошь кручи.

Но прошел день, и свечерело, а они все мытарились поверху: пути вниз, как Сэм и сказал, не было и не предвиделось.

В тиши и запустении им иногда мерещились какие-то звуки: падал камень, шлепали по скале босые ноги. Они останавливались, прислушивались—ничего, лишь ветер грузно вздыхал, ушибаясь о скалы, но даже и этот звук напоминал им, как *тот* с присвистом втягивает воздух, ослабив острые зубы.

Внешний кряж Привражья сворачивал к северу, и они то карабкались над откосами, то брели захламощенной плоской складкой от расселины к расселине, стараясь держаться поближе к тысячефутовому обрыву в длиннущих трещинах. Расселины попадались все чаще, становились все глубже, и Фродо с Сэмом уходили все дальше налево, незаметно спускаясь миля за милей.

И зашли в тупик. Кряж изломом направился к северу, перед ними зияло глубокое ущелье. На той его стороне вздымалась на сто сажений отвесная, точно срезанная, щербатая серая скала. Вперед пути не было, надо было сворачивать на запад или на восток. На запад—значит карабкаться наугад, уходя от цели и забираясь в глубь каменного лабиринта, на восток—значит выйти на край пропасти.

— Вниз, в ущелье, больше некуда, Сэм!—сказал Фродо.—Поглядим, куда оно нас выведет.

— Оно выведет!—мрачно посулил Сэм.

Ущелье оказалось бездонное. Они набрали на пространную поросль чахлах, суковатых деревьев: все больше березки, редко сосенка. Многие иссохли и омертвели на корню—восточный ветер пощады не давал. Видимо, когда-то здесь был целый лесок, но уже ярдов через пятьдесят деревья поредели и сошли на нет, хотя пни торчали до самого края пропасти. Дно ущелья, круто уходившего под скалу, было усеяно битым камнем. Они подошли к просвету: Фродо просунулся и выглянул наружу.

— Смотри-ка!—сказал он.—То ли мы глубоко спустились, то ли скалы осели. Гораздо ниже, чем было, и откос не такой уж крутой.

Сэм опустился рядом с ним на колени и неохотно поглядел за обрыв. Потом покосился налево, на суровый отвес надвинувшейся скалы.

— Н-да, не крутой!—буркнул он.—Ну, вообще-то вниз—не вверх. Летать не все умеют, а прыгать чуть ли не все!

— Прыгать-то высоко все-таки,—сказал Фродо.—Примерно,—он смерил высоту глазами,—так, примерно саженой восемнадцать. Не больше!

— Тоже ничего себе!—заметил Сэм.—Ух! Ну и не люблю же я смотреть вниз с высоты! Смотреть-то пусть, лишь бы не спускаться.

— Ладно, ладно,—сказал Фродо.—Сможем мы здесь спуститься или нет, а попробовать надо обязательно. Погляди, и скала совсем другая: пологая, треснутая.

Скала была не пологая, но и правда как бы осунулась вниз. Она походила на бастион—или на морской берег, оставленный морем: пласты его ссохлись и перекосились, и склоны местами выглядели как огромные ступени.

— И уж ежели спускаться, то прямо сейчас. Темнеет рано. И некстати, по-моему, гроза собирается.

Дымный очерк восточных гор заслонила темень, наполнившая на запад. Предгрозовый ветер донес бормотание грома. Фродо понюхал воздух и с большим сомнением взглянул на небо. Потом опоясался поверх плаща, затянул пояс, приладил на спине вещевой мешок—и ступил на край обрыва.

— Будем пробовать,—сказал он.

— Тогда ладно!—угрюмо согласился Сэм.—Только пробовать буду я.

— Ты?—удивился Фродо.—Ты же вроде ползать по скалам не любитель?

— Ну и что, ну и не любитель. Тут ведь, сударь, головой рассудить надо: пускай вперед того, который первым оскользнется. А то ничего себе—шмякнись на вас, и обоих поминай как звали!

Фродо и глазом не успел моргнуть, как он уже сидел, свесив ноги над обрывом; протянул их и нашаривал уступ на скале. Такого с ним, сколько ни припоминай, втресве не бывало, и глупо это было донельзя.

— Да ну тебя! Сэм, не валяй дурака!—крикнул Фродо.—Ты же попросту убьешься—ишь, кинулся, даже не

посмотрел куда. Давай назад!—Он подхватил Сэма под мышки и затащил обратно.—Ну-ну, подождем уж малость и обойдемся без спешки!—сказал он, лег на живот, высунулся и осмотрелся: смеркалось, хоть солнце и не село.—Да одолеем мы этот спуск,—сказал он немного погодя.—Я-то уж точно одолею, ты тоже, если хладнокровно и поосторожнее.

— Сами себя, что ль, подбадриваете?—сказал Сэм.—Ничего же не видно: вон как уж смерклось. Занесет где ногу не поставишь и рукой не уцепишься—тогда что?

— Тогда назад,—сказал Фродо.

— Легко сказать,—фыркнул Сэм.—Давайте-ка лучше подождем: утром оно как-никак посветлее будет.

— Нет! Нет, пока меня ноги держат!—сказал Фродо, сверкнув глазами, с каким-то внезапным упорством.—Каждый лишний час мне в тягость, каждая минута! Я пошел вниз. А ты сиди смирно, пока я не вернусь или не позову!

Он ухватился за выступ, осторожно сполз и еще с запасом нащупал ногами опору.

— Нашел!—крикнул он.—Уступ направо тут широкий, можно стоять и не держаться. Я дальше...—И голос его оборвался.

Налетевшая с востока сплошная темень охватила небо-свод. Над головой раскатисто треснул гром, пламенная молния ударила в нагорье. Взревел шквальный ветер, с ревом его мешался дикный, цепенящий вой—тот самый, слышанный на Болотище, по пути из Норгорда. Он и в лесах Хоббитании замораживал кровь, а здесь, среди каменных дебрей, вонзался во сто крат яростней, ледяными жалами ужаса и отчаяния,—замирало сердце, и дух захватывало. Сэм упал ничком. Фродо невольно отнял руки от скалы, зажал уши, покачнулся, оступился и с жалобным воплем соскользнул вниз.

Сэм услышал этот вопль и, пересилив себя, подполз к краю обрыва.

— Хозяин, хозяин!—позвал он.—Хозяин!

Ответа не было. Его колотила дрожь, и все же он, лязгая зубами, выкрикнул еще раз:

— Хозя-а-а-ин!

Ветер сорвал крик с его губ и унес в глубину ущелья и дальше, в горную глушь, но вдруг слабо донесся ответный возглас:

— Здесь я, здесь, не кричи! Только я ничего не вижу.

Голос был еле слышен, хотя Фродо оказался вовсе не так уж далеко. Он не упал, а проехался животом по скале—благо она была в этом месте пологая и ветер дул в спину, так что он, не опрокинувшись, задержался на уступе еще шире прежнего. Сердце его трепыхалось, он приник лицом к холодному камню. Вокруг было черным-черно: то ли мрак сгустился, то ли глаза отказали—может быть, он ослеп? Фродо с трудом перевел дыхание.

— Возвращайтесь! Возвращайтесь!—голосил Сэм сверху, из непроницаемой темноты.

— Не могу я,—проговорил он.—Ничего не видно: как я взберусь? Мне и двинуться-то невмочь.

— Чем помочь, сударь? Чем помочь?—отозвался Сэм, выставившись по пояс. Почему это хозяину ничего не видно? Ну темень, конечно, но не сказать, чтоб непроглядная. Ему-то Фродо был виден: одинокая серая фигурка, распластавшаяся на уступе. Виден-то виден, а как до него достанешь?

Снова загрохотал гром, и хлестнул ледяной ливень вперемешку с градом, обрыв мигом словно задернуло мутной завесой.

— Сейчас я спущусь к вам!—прокричал Сэм, хотя зачем бы ему спускаться, было неясно.

— Не вздумай! погоди!—крикнул Фродо, голос его окреп.—Я скоро оклемаюсь! Мне уже получше. Не торопись! Тут без веревки не обойдешься!

— Веревки!—с несказанным облегчением возопил Сэм и в гневе обрушился на себя:—Эх, вот бы кого на веревке-то подвесить вверх ногами в науку всем остолопам! Ну и недотепа же ты, Сэм Скромби! Сколько раз мне Жихарь это повторял, словцо у него такое. Веревки!

— Да не болтай ты!—закричал ему Фродо, он уже почти пришел в себя и не знал, смеяться ему или сердиться.—Оставь Жихаря в покое! У тебя что, веревка в кармане и ты сам себя распекаешь? Так лучше доставай ее!

— Не в кармане, сударь, а в котомке! Ну и ну, сколько сотен миль проволоки, а понадобилась—забыл!

Сэм быстро развязал и перерыл котомку. На дне ее и в

самом деле без труда отыскался целый моток шелковисто-серой лоризанской веревки. Тьма перед глазами Фродо словно бы поредела, зрение понемногу возвращалось. Он увидел спускавшуюся к нему по воздуху серую змейку, различил ее серебристый отблеск—и голова его почти перестала кружиться. Фродо поймал конец, обвязался вокруг пояса и схватился за веревку обеими руками.

Сэм отступил назад, уперся ногами в пень и вытянул из-за обрыва что есть мочи карабкавшегося по отвесу Фродо; тот повалился в изнеможении.

Раскаты грома отдалились, но дождь хлестал пуще прежнего. Хоббиты заползли в ущелье и скоронились под каменным навесом, правда, не очень-то это им помогло. Кругом бурлили и пенились ручьи, вода низвергалась со скалы, как по водостоку огромной крыши.

— Я бы там или захлебнулся, или меня бы просто смыло,—сказал Фродо.— Как нам повезло, что ты прихватил веревку!

— Еще больше повезло бы, если бы я, раззява, припомнил о ней раньше,—сказал Сэм.— Ведь когда эльфы грузили лодки, они же положили по три мотка веревки в каждую. Очень мне ихняя веревка понравилась, и я один моток перепрятал к себе. «Наши,—говорят,—веревки не единожды вам пригодятся», вроде это Хэлдар сказал, а может, и другой кто из них. Правильно говорил.

— Жаль, я не захватил еще моток,—сказал Фродо,—но разве упомнишь, такая была неразбериха, когда мы с тобой улизнули. А захватил бы—спустились бы сейчас проще простого. Ну-ка, сколько в ней длины?

Сэм сноровисто промерил веревку на расставленных руках.

— Пять, десять, двадцать, примерно так тридцать локтей, чуть больше, чуть меньше,—сказал он.

— Не может быть!—воскликнул Фродо.

— Ага! Не может?—сказал Сэм.— Дивный народ эти эльфы! С виду-то она тонковата, а прочная какая, упругая и мягкая-мягкая. Моток-крохоток, и весу в нем нет. Дивный народ, иначе не скажешь!

— Тридцать локтей!—соображал Фродо.— А пожалуй что, и хватит. Если гроза до ночи кончится, я возьму да попробую спуститься.

— Дождь уж почти перестал,—заметил Сэм,—да ведь

как бы в сумерках снова не обмишулиться! А вой-то каков был—забыли? У меня он до сих пор в ушах стоит. Ни дать ни взять Черный Всадник—спасибо, они хоть летать не умеют: а вдруг научились? Давайте лучше отлежимся до свету в этой дыре.

— Самое место здесь отлеживаться, когда из Черной Башни так и зыркают через болота,—сказал Фродо.— Да здесь лишней минуты оставаться нельзя!

С этими словами он встал, снова подобрался к обрыву и выглянул. На востоке разъяснилось: по небу ползли последние, обвислые грозовые лохмотья, и даже над Привражьем, над которым помедлили черные думы Саурона, гроза уже отбушевала. Она посекла градом и осыпала молниями долину Андуина и мрачной, зловещей тенью заволокла Минас-Тирит, сокрывши вершины Бельх гор. Медленно прокатилась она по Гондору к Ристании и омрачила закат перед взорами конников, мчавшихся равниной на запад. А здесь, над пустошью и смрадными болотами, расстелился голубой полог вечерних небес, и замерцали бледные звездочки, точно мелкие прорехи возле висячего месяца.

— Хорошо-то как, когда глаза видят,—сказал Фродо, глубоко вздохнув.—Знаешь, я ведь было подумал, что совсем ослеп—от молнии или от чего похуже. И вдруг увидел серую веревку, и она словно светилась.

— И верно, она в темноте вроде как серебрится,—сказал Сэм.—Раньше-то я этого не замечал, да и где ж было заметить: запихнул ее в котомку, там она и лежала, кушать не просила. А как вы ее думаете приспособить, коли уж вам невтерпех карабкаться по скалам? Тридцать локтей—это, стало быть, от силы восемнадцать сажений: в обрез донизу хватит, и то если вы насчет высоты не ошиблись.

— Обвяжи ее вокруг пня, Сэм!—велел Фродо, немного подумав.—На этот раз пусть будет по-твоему, спускайся первый. Я тебя придержу, а ты знай себе отталкивайся от скалы руками и ногами. Ну если где сумеешь притулиться-постоять—тоже неплохо, я передохну. Спустишься до самого низу, отдашь веревку—и я за тобой. Я уже вполне оправился.

— Как скажете,—угрюмо проговорил Сэм.—Ладно, чему быть, того не миновать!

Он закрепил веревку на ближнем к обрыву пне, другой конец обвязал вокруг пояса, повернулся и нехотя полез в пропасть.

А спуск оказался вовсе не очень страшным. Вережка не только поддерживала, но словно подбадривала Сэма, хотя, ненароком взглянув вниз, он каждый раз зажимивался. Один был очень трудный участок: отвесная круча, да еще скошенная внутрь, он оскользнулся и закачался на серебристой бечеве. Но Фродо был начеку, он отпускал веревку равномерно и медленно, словом, все кончилось как нельзя лучше. Больше всего ему было боязно, что веревки не хватит, однако в руках у Фродо оставался еще изрядный моток, когда снизу донесся голос Сэма: «Готово!» Слышно его было хорошо, а видно не было: серый эльфийский плащ сливался с сумерками.

Фродо спускался подольше. Он тоже надежно обвязался, узел на пне был проверен, он закоротил веревку — в случае чего повиснет, а не шлепнется. И все же хорошо бы не упасть — в отличие от Сэма, он не слишком доверял тонкой серой бечеве. Однако ж дважды пришлось на нее целиком положиться: уступов поблизости не было и даже цепкие хоббитские пальцы не находили в скале ни трещинки. Но вот и он тоже ступил на землю.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Спустились! Прощай, Привражье! Ладно, а дальше-то что? Чего доброго, еще затоскуем по твердой земле, по камням под ногами?

Но Сэм не отвечал: он тоскливо глядел на скалистый обрыв.

— Недотепа я, недотепа! — сетовал он. — Дуботол! Вережка моя! Завязана ты накрепко вокруг пня там наверху, а мы вон где. Эх и лесенку мы оставили для этого лиходея Горлума! Чего там, надо было вообще указатель поставить: ушли, мол, туда-то. Чуяло мое сердце, что больно все просто получается!

— Просто не просто, а если сумеешь придумать, как нам было спуститься вместе с веревкой, то зови меня недотепой или любым другим Жихаревым словом, — сказал Фродо. — Коли хочешь, взбирайся обратно, отвяжи ее и спускайся, я на тебя посмотрю!

Сэм почесал в затылке.

— Да нет, чего-то не придумывается, уж не взыщите,— сказал он.— И все же ох как неохота мне ее оставлять!— Он ласково погладил веревку и встряхнул ее.— Жалко расставаться с эльфийским подарком: может, ее сама Галадриэль для нас сплела. Галадриэль...— пробормотал он, грустно покачал головой, взглянул наверх и на прощанье подергал веревку, легкую, крепкую, упругую.

К изумленью обоих хоббитов, веревка сорвалась с пня, Сэм перекувырнулся, и мягкие серые витки укрыли его с ног до головы. Фродо расхохотался.

— Кто, интересно, узел завязывал?— спросил он.— Еще спасибо, что до сих пор продержался! А я-то спокойно висел: Сэм, думаю, не подведет!

— Лазить туда-сюда по горам я, сударь, может, и не обучен,— обиженно сказал Сэм,— но насчет веревок и узлов прощенья просим. Это, с вашего позволения, наше семейное ремесло. У деда в Канатчиках исстари была сучильня; досталась-то она не Жихарю, а старшему брату, дяде моему Энди, но уж ежели узел завязать— так это лучше меня вряд ли кто спроворит во всей Хоббитании, не говоря уж в Средиземье.

— Ну, значит, веревка порвалась— перетерлась, наверно, о какой-нибудь острый выступ.

— Прямо— перетерлась!— За веревку Сэм обиделся еще больше, чем за себя. Он поднял ее и осмотрел.— Целехонька!

— Стало быть, все-таки узел подгулял,— настаивал Фродо.

Сэм покачал головой и не ответил. Он задумчиво перебирал веревку.

— Вы, сударь, думайте, как хотите,— наконец сказал он,— а я смекаю, что веревка сама отвязалась и прибежала, когда я ее позвал.

Он ловко смотал бечеву и любовно уложил ее в котомку.

— Прибежала, было дело,— согласился Фродо,— а прочее неважно. Давай лучше подумаем, как дальше быть. Скоро уж и ночь. Какие красивые звезды, а луна-то!

— Посмотришь— и сердцу веселее, правда?— сказал Сэм, взглянув на небо.— Что-то в них есть такое эльфийское. И месяц с прибылью. Мы же его две ночи, почитай что, не видели за тучами. Ишь рассветился!

— Да—сказал Фродо,—а все ж таки пока тускловат. Придется нам выждать денек-другой, а то при таком свете недолго и в топь угодить.

Еще не совсем стемнело, когда они тронулись в путь. Пройдя несколько шагов, Сэм обернулся и поглядел на обрыв. Издали ущелье казалось черной зазубриной утеса.

— Хорошо, что веревка не осталась там висеть,—сказал он.—Авось оглобед потычется: куда это мы девались? Пусть-ка попрыгает с уступа на уступ на своих поганых перепончатых лапах!

Они отошли от подножия скалы и пробирались крутым откосом среди валунов, по щебняку, мокрому и скользкому после недавнего ливня. И чуть не свалились в расселину, которая внезапно разверзлась у них под ногами. Расселина была неширока, но прыгать впотьмах не стоило: к тому же где-то в глубине ее бойко журчал ручей. Она изгибалась влево, к северу, и уходила в горы, безнадежно преграждая им дорогу—не идти же ночью в обход!

— Пойдемте-ка лучше подле скал на юг,—предложил Сэм.—Повезет—так сыщется какой-нибудь сухой уголок, а то и пещерка.

— Может, и сыщется,—сказал Фродо.—Я порядком устал и еле плетусь, а тут еще сплошные каменья. Волей-неволей придется отдохнуть: эх, была бы перед нами хоть тропка—я бы шел и шел до упаду.

Идти по осыпи у подножий оказалось ничуть не легче. И Сэму не удалось сыскать ни уголок, ни пещерку: тянулся отлогий каменистый скос, а над ним все выше громоздились угрюмые отвесные кручи. Наконец, почти падая с ног, они притулились у огромного валуна неподалеку от обрыва. Сели рядышком, как можно теснее, чтобы как-нибудь угреться среди холодных камней, и сон начал их одолевать—бороться с ним не было сил. Высоко сиял ясный месяц: в его беловатом свете поблескивали голые глыбы. Утесистый обрыв заливал серый полумрак, изборожденный черными тенями.

— Ну ладно!—сказал Фродо, поднимаясь и зябко запахивая плащ.—Поспи-ка ты, Сэм, немного, укройся

моим одеялом. А я постою — вернее, поброжу — на часах. — Вдруг он замер и, нагнувшись, крепко взял Сэма за плечо. — Что это такое? — прошептал он. — Взгляни на утес!

Сэм взглянул и присвистнул.

— Здрасьте! — сказал он. — Не успели соскучиться, чтоб его! Это же Горлум! А я-то думал, мы провели его за нос, спустившись с нашего пригорочка! Нет, вы только посмотрите! Суший паук!

По бледно озаренному — с виду гладкому и скользкому — отвесу ползло, раскинув тонкие конечности, маленькое черное существо. Наверно, все двадцать его чутких, липучих пальцев цеплялись за любые щели и выступы, но казалось, оно по-насекомьи перебирает клейкими ножками. Спускалось оно головой вниз, точно вынюхивало путь. Время от времени голова вертелась на длинной тонкой шее, и мерцали два бледных огонька — два глаза, смаргивавших в лунном свете и тут же закрывавшихся.

— Вы думаете, он нас видит? — спросил Сэм.

— Не знаю, — тихо отвечал Фродо, — но думаю, что нет. Эльфийские плащи неплохо скрывают даже от взгляда друзей: я, например, не вижу тебя в тени за несколько шагов. А он, помнится, враждует и с солнцем, и с луной.

— А чего ж он тогда прямо сюда ползет? — спросил опять Сэм.

— Тише ты, Сэм! — сказал Фродо. — Может быть, он нас унюхал. И слышит он, кажется, не хуже эльфов. По-моему, он что-то услышал: наверно, наши голоса. Мы там орали, как оглашенные, да и здесь с минуту назад галдели почему зря.

— Ну, мне он малость надоед, — сказал Сэм. — Терпел я, терпел — а теперь хочу перекинуться с ним парой ласковых слов. Удрать-то от него, похоже, все равно не выйдет.

И, надвинув серый капюшон, Сэм бесшумно пополз к утесу.

— Осторожней! — прошептал Фродо, следуя за ним. — Не вспугни его! Он даром что с виду ледащий, с ним шутки плохи!

Черная ползучая тварь уже спустилась на три четверти, до подножия утеса оставалось меньше пятидесяти футов. Недвижно притаившись в тени своего валуна, хоббиты глядели во все глаза. То ли ползти ему стало трудно, то ли он почему-то встревожился. Донеслось его сопенье, потом

он злобно зашипел, точно выругался, поднял голову и вроде бы сплюнул, наконец двинулся дальше. И послышался его скрипучий, силый голос.

— Ахх, с-с-с! Оссторожно, моя прелессть! Поспешись—шею сломаешь, а мы же не станем ломать шею, да, прелессть? Не станем, прелессть,—*горлум!*—Он снова поднял голову, смигнул и быстро закрыл глаза.—Нам она ненавистна,—прошипел он.—Мерзкий, мерзкий, трусливый свет—с-с-с,—она подсматривает за нами, моя прелессть, она суется нам в глаза.

Он спустился еще ниже, и шиплое бормотанье стало слышно совсем отчетливо.

— Где же оно, где его спрятали—Прелесть мою, мою Прелесть? Это наша Прелесть, наша, мы по ней скучаем. Воры, воры, гнусные воришки. Где они спрятались с моей Прелестью? Презренные! Ненавистные!

— Да, вроде ему невдомек, что мы здесь,—прошептал Сэм.—А что еще за прелесть? Это он про...

— Ш-ш-ш!—выдохнул Фродо.—Он уж совсем близко, ему теперь и шепот слышен.

И верно: Горлум опять вдруг замер, и его большая голова на жилистой шее моталась туда-сюда—видно, прислушивался. Замерцали его бледные глаза. Сэм затих, только пальцы у него дрожали. С гневом и омерзением он рассматривал жалкую тварь, а Горлум сполз еще ниже, шипя и пришептывая.

Он повис у них над головой, футах в двенадцати от земли, на срезе скалы. Надо было падать либо прыгать—даже Горлум не находил, за что уцепиться. Видно, он хотел повернуться ногами книзу, но сорвался, испустив пронзительный визг и поджавшись, как падающий паук.

Сэм в два прыжка подскочил к утесу и кинулся на лежащего Горлума, но тот, ушибленный и захваченный врасплох, ничуть не растерялся. Сэм глазом не успел моргнуть, как его неодолимо оплели длинные, гибкие руки и ноги, липкие пальцы подобрались к горлу, а острые зубы вонзились в плечо. Он только и сумел крепко ударить головой в физиономию Горлума. Горлум зашипел и сплюнул, но хватки не ослабил.

Худо пришлось бы Сэму, будь он один. Но Фродо был тут как тут, с обнаженным мечом в руке. Он схватил Горлума за редкие сальные космы, запрокинул ему голову,

и налитые злобой бледные глаза поневоле обратились к небу.

— Отпусти его, Горлум! — велел он. — Это меч Терн, ты его уже видел, он очень острый. На этот раз смотри не уколись. Отпусти, а то глотку перережу.

Горлум смяк и отвалился дряблой кучей. Сэм встал, держась за укушенное плечо и сердито глядя на беспомощного врага, с жалким хныканьем елозящего у ног: таких не трогают.

— Не надо нас обижать! Не позволяй им нас обижать, прелесть! Они ведь нас не обижают, миленькие добренькие хоббитцы? Мы ничего, мы сами по себе, а они шасть на нас, как гадкая кошка на бедненькую мышку, правда, прелесть? Мы такие сиротки, *горлум*. Если с нами по-хорошему, мы будем очень, очень послушненькие, да, прелесть? Да-ссс.

— Ну и что с ним теперь делать? — спросил Сэм. — Помоему, давайте свяжем по рукам и ногам, чтоб неповадно ему было за нами таскаться.

— Это смерть для нас, ссмерть, — захныкал Горлум. — Жестокые хоббитцы! Они нас свяжут и оставят умирать с голоду на холодных, жестких камнях, *горлум, горлум!*

В горле у него клокотали рыдания.

— Нет, — сказал Фродо. — Убивать, так сразу. Но убивать его сейчас стыдно и недостойно. Бедняга! Да он и вреда-то нам никакого не причинил.

— Это точно, — буркнул Сэм, потирая плечо. — Не успел, только собирался. Погодите, причинит. Во сне нас задушит, вот что у него на уме.

— Похоже на то, — сказал Фродо. — Но за умысел не казнят.

Он задумался, что-то припоминая. Горлум лежал смирно и даже хныкать перестал. Сэм, насупившись, не спускал с него глаз.

А Фродо слышались далекие, но отчетливые голоса из прошлого:

Какая все-таки жалость, что Бильбо не заколал этого мерзавца, когда был такой удобный случай!

Жалость, говоришь? Да ведь именно жалость удержала его руку. Жалость и милосердие: без крайней нужды убивать нельзя.

Горлума жалеть глупо. Он заслужил смерть.

Заслужить-то заслужил, спору нет. И он, и многие другие, имя им — легион. А посчитай-ка таких, кому надо бы жить, но они мертвы. Их ты можешь воскресить — чтобы уж всем было по заслугам? А нет — так не торопись никого осуждать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть все.

— Да, ты прав, — сказал он вслух и опустил меч. — Я боюсь оставлять его в живых и все же убивать не стану. Ты и тут прав: нельзя увидеть его и не пожалеть.

Сэм воззрился на хозяина, который разговаривал то ли сам с собой, то ли невесть с кем. Горлум приподнял голову.

— Да, мы бедняжки, бедняжки мы, прелесть, — проскулил он. — Плохо нам жить, плохо! Хоббитцы не убьют нас, добренькие хоббитцы.

— Нет, не убьем, — сказал Фродо. — Но и не отпустим. В тебе уйма злобы и коварства, Горлум. Придется тебе идти с нами: за тобой нужен глаз да глаз. И будем ждать от тебя помощи, коли уж мы тебя пощадили.

— Да, да, да-ссс, мы согласны, — заторопился Горлум и сел. — Добренькие хоббитцы! Мы пойдем с ними и будем искать для них в темноте совсем незаметные тропочки, искать и находить, да, прелесть? А куда идут хоббитцы по жесткой и холодной каменной стране, нам интересненько, нам очень интересненько!

Он поднял на хоббитов глаза — хитрые, жадные, бледно мерцавшие из-под белесых ресниц.

Сэм гневно посмотрел на него и, сдерживаясь, сжал зубы: он чуял, что мешаться не надо, у хозяина свой замысел. И все же ответ Фродо его совершенно поразил.

Фродо взглянул Горлumu прямо в лицо, тот сморгнул и потупился.

— Ты знаешь, куда мы идем, Смеагорл, — сказал он тихо и сурово. — А не знаешь, так догадываешься. Идем мы, разумеется, в Мордор, и путь туда тебе знаком.

— Ахх! Ш-ш-ш-ш! — прошипел Горлум, затыкая уши ладонями, точно слова, сказанные впрямую, язвили его слух. — Догадываемся, да, мы догадываемся и просим их туда не ходить, правда, прелесть? Зачем туда добреньким хоббитцам? Там пепел, зола и пыль, в горле першит, а водицы нет, там всюду нарыты ямы и везде шляются орки, тысячи тысяч орков. В такие места не надо ходить

добреньким, умненьким хоббитцам — нет-ссс, не надо.

— Так ты побывал там? — настаивал Фродо. — И тебя снова туда тянет, против воли?

— Снова, да, снова. Нет! — визгнул Горлум. — Это случилось нечаянно, правда, прелесть? Да, совсем нечаянно. Снова мы не хотим, нет, нет! — И вдруг его голос и речь неузнаваемо изменились; он захлебывался рыданиями и обращался вовсе не к хоббитам. — Оставь, отпусти меня, *горлум!* Мне больно. Бедные мои лапки, *горлум!* Я, мы, нет, я не хочу к тебе возвращаться. Не могу я его найти. Я устал. Я, мы не можем найти его, *горлум, горлум*, его нигде нет. А они подстерегают, не спят: гномы, люди, эльфы, ужасные эльфы с горящими глазами. Не могу я его найти. Аххх! — Он вскочил на ноги и погрозил костистым кулаком, узлом бескровной плоти, в сторону востока. — Не станем его искать! — крикнул он. — Для тебя — не станем. — Он съежился и припал к земле. — *Горлум, горлум!* — скулил он, не поднимая лица. — Не смотри на нас. Уходи! Иди спать!

— По твоему слову, Смеагорл, он не уйдет и не уснет, — сказал Фродо. — Но если ты и правда хочешь от него избавиться, то помоги мне. А для этого придется тебе проводить меня в его страну. Только до ворот: внутрь ты со мной не пойдешь.

Горлум снова сел и поглядел на него из-под полуопущенных век.

— И так известно, где он, — заскрежетал его голос. — Он всегда там, на одном месте. Орки вас доведут: здесь, на восточном берегу, они толпами бродят. Не просите Смеагорла. Бедный, бедный Смеагорл, нет его, он сгинул. У него отобрали его Прелесть, и он пропал.

— Может быть, он найдется, поищем вместе, — сказал Фродо.

— Нет, нет, никогда не найдется! Прелесть его пропала.

— Встань! — велел Фродо.

Горлум встал и прижался спиной к утесу.

— Решай! — сказал Фродо. — Когда тебе легче искать тропу — днем или ночью? Мы очень устали, но если ты скажешь — ночью, мы сейчас пойдём.

— Мерзкий яркий свет жжет нам глаза, — хныкнул Горлум. — А сейчас Белая Морда в небе, сейчас еще рано.

Скоро, скоро она скроется за горами, скоро. Сперва отдохните немножечко, добренькие хоббитцы!

— Тогда садись! — сказал Фродо. — И не вздумай удирать!

Хоббиты уселись с двух сторон рядом с ним, прислонившись к скале и вытянув ноги. Сговариваться им нужды не было: оба понимали, что задремать нельзя ни на миг. Луна медленно зашла, и серые скалы почернели. На небо выпали яркие звезды. Ни один не шевелился. Горлум сидел, упершись подбородком в колени, распластав по земле вялые ладони и ступни, глаза его были закрыты, но он весь подобрался: видно, выжидал, ушки на макушке.

Фродо и Сэм переглянулись, понемногу расслабились, закинули головы и сомкнули веки, как бы засыпая. Вскоре послышалось их ровное дыхание. Пальцы Горлума затрепетали. Он едва заметно повел головой: приоткрылась одна, потом другая бледная щелка. Хоббиты явно спали.

Внезапно Горлум сорвался с места прыжком, как лягушка или кузнечик, и задал стрекача в темноту. Но Фродо и Сэм только этого и ждали. Сэм вмиг нагнал и сгреб его, а Фродо ухватил за ногу и повалил.

— Вот и опять твоя веревка пригодится, Сэм, — сказал он.

Сэм вытащил веревку.

— А куда же это вы намылились по холодным жестким камням, моя прелесть, сударь мой Горлум? — грозно спросил он. — Нам интересненько, нам очень интересненько! Голову даю на отсечение, что к своим дружкам-оркам! Ах ты, пакостная, лживая тварь! Тебе бы эту веревку на шею, да петельку потуже затянуть.

Горлум лежал, как колода, точно и не он улепетывал. Сэму он ничего не ответил, только смерил его ненавистным взглядом.

— Нам его просто нужно держать на привязи, — сказал Фродо. — Ноги ему не связывай — идти не сможет, руки тоже не надо, он через раз ходит на четвереньках. Привяжи его за щиколку и сам обвяжись.

Он стоял и смотрел, как Сэм завязывает узел, но тут Горлум изрядно удивил их обоих. Он вдруг разразился диким, пронзительным, несмолкаемым визгом: при этом

катался по земле, извивался и тянулся к лодыжке зубами — перекусить веревку.

Фродо наконец понял, что он не притворяется: петля, что ли, слишком тугая? Он проверил: не слишком, и даже вовсе не слишком. Сэм был грознее на словах, чем на деле.

— Да в чем дело-то?! — прикрикнул он. — Раз ты норовишь сбежать, иди на привязи, а больно тебе никто не сделал.

— Нет, нам болезно, болезно! — сипел сквозь зубы Горлум. — Она кусает, она морозит! Гадкие, жестокие хоббитцы! Мы потому и хотели спастись, правда же, моя прелесть? Мы догадались, что хоббитцы станут нас мучить. Они якшались с эльфами, со злыми огнеглазыми эльфами. Снимите ее, снимите! Нам болезно!

— Нет, не сниму, — покачал головой Фродо. — Разве что, — он помедлил, — разве что ты дашь честное слово, а я ему поверю.

— Мы поклянемся слушаться, да, да, да-sss, — стenal Горлум, корчась и хватаясь за лодыжку. — Болезно нам!

— Поклянешься? — спросил Фродо.

— Смеагорл поклянется, — вдруг сказал Горлум ясным голосом, уставив на Фродо странно заблестевшие глаза. — Смеагорл поклянется на Прелести.

Фродо резко выпрямился, и Сэма снова поразили его слова и суровый голос.

— На Прелести? Да ты что! — сказал он. — Опомнись!

Чтоб разъединить их всех, чтоб лишить их воли

И объединить навек в их земной юдоли.

Ты понимаешь, что тебе грозит, Смеагорл? Что ж, такую клятву ты поневоле сдержишь. Но клятва тебя предаст. Берегись!

Горлум съежился, прижав уши.

— На Прелести, на Прелести! — твердил он.

— И в чем же ты поклянешься? — спросил Фродо.

— Он поклянется быть послушненьким, — сказал Горлум. Он подполз к ногам Фродо и, елозя на животе, сипло зашептал, содрогаясь, точно все кости тряслись у него со страха: — Смеагорл поклянется, что никогда, никогда не отдаст ее Тому. Никогда! Смеагорл ее упасет и скоронит. Только дайте ему поклясться на Прелести.

— Нет! Этого нельзя, — сказал Фродо, строго и жалостливо глядя на него. — Ты жаждешь всего лишь увидеть н

потрогать его, хотя сам знаешь, что это безумие. На нем — нельзя. Хочешь, поклянись им, ибо ты знаешь, где оно. Оно перед тобой.

Сэму на миг показалось, что хозяин его вырос, а Горлум совсем усох: величаясь тень, могучий властитель, скрывающий тайные знаки избранности под серым облачением, и у ног его — скулящая собачонка. Однако же эти двое заведомо были в родстве: они читали в сердце друг у друга. Горлум стоял на коленях, обнимая ноги Фродо, по-собачьи ластясь к нему.

— Прочь! Прочь! — сказал Фродо. — Ну, приноси свое обещание!

— Мы обещаем, да, я обещаю! — проговорил Горлум. — Обещаю верно служить хозяину Прелести. Добрый хозяин, послушный Смеагорл, *горлум, горлум!*

Он вдруг заплакал и опять потянулся зубами к лодыжке.

— Отвяжи его, Сэм! — приказал Фродо.

Сэм неохотно повиновался. Горлум тут же вскочил и запрыгал вокруг, как нашкодивший пес, которого хозяин простил и приласкал. С этой минуты повадка его хоть ненадолго, а изменилась. Шипеть и хныкать он стал реже и обращался к спутникам, а не к себе и своей прелести. Он поджимался и вздрагивал от их внезапных движений, боялся подходить близко и с ужасом сторонился их эльфийских плащей, но был приветлив и жалко угодлив. Он кряхтел от смеха в ответ на любую шутку, прыгал и ликовал, когда Фродо был с ним ласков, и заливался слезами, если Фродо его корил. Сэм с ним почти не разговаривал и ни в чем ему не доверял: новый Горлум, Горлум-Смеагорл, был ему, пожалуй, чуть не противней прежнего.

— Ладно, Горлум, или как бишь тебя теперь, — сказал он. — Пошли! Луна скрылась, ночь на исходе. Пора в дорогу.

— Пошли, пошли, — вприскокку соглашался Горлум. — Пойдемте скорее! Есть только один путь от каменной страны через болота: ни к северу, ни к югу другого пути нет. Я его нашел, давно уже. Орки там не ходят, орки его не знают. Орки боятся болот, они их обходят за много-много миль. Хорошо вышло, что вы здесь оказались. И хорошо, что нашли Смеагорла, да. Смеагорл вас выведет!

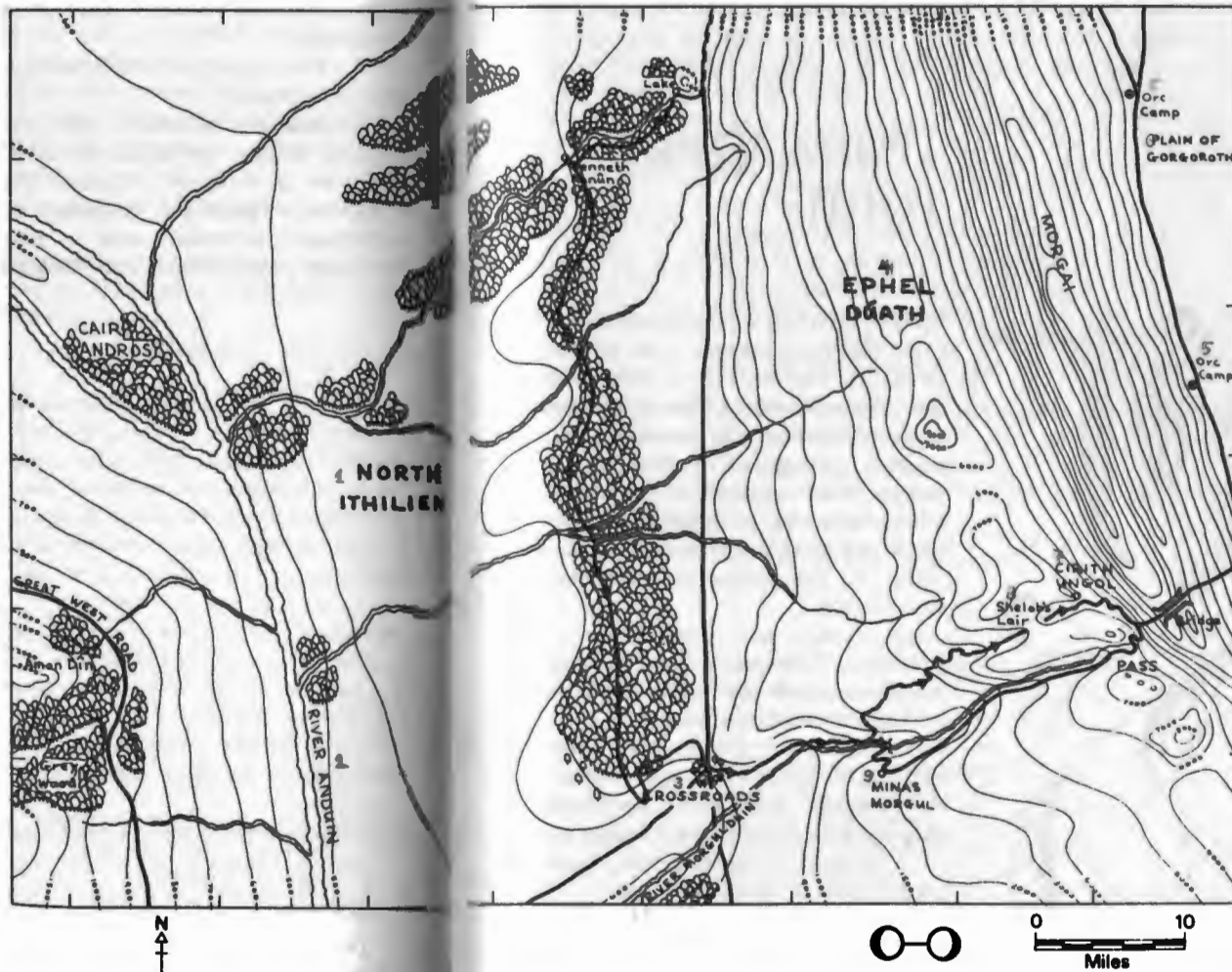
Он побежал вперед и оглянулся, словно пес, зовущий хозяев на прогулку.

— Ты полегче, Горлум! — крикнул ему Сэм. — Не больно-то убегай! Я ведь далеко не отстану, а веревка — вот, наготове.

— Нет, нет, он не убежит! — сказал Горлум. — Смеагорл дал обещание.

И они пустились в путь под звездным пологом ночи. Горлум повел их назад на север, но вскоре они свернули, оставив за спиной обрывы Привражья, и спустились по каменным грядкам к окраине необъятных болот. Быстро и бесшумно исчезли они в темноте. В огромной топкой пустыне перед Воротами Мордора царила сумрачная тишь.

1. Северная Итилия
2. Андуин, или Великая Река
3. Развилок
4. Изгарные горы, или Эфель-Дуат
5. Лагерь орков
6. равнина Горгорота
7. Кирит-Унгол
8. Логово Шелоб
9. Минас-Моргул, или Крепость Темных Сил

ГЛАВА II

ТРОПА ЧЕРЕЗ ТОПИ

орлум двигался одинаково быстро на своих двоих и на четвереньках, вытянув шею вперед и выставив голову. Фродо и Сэм едва поспевали за ним, но он, видно, раздумал улизнуть и, когда они далеко отставали, оборачивался и поджидал их. Они пришли к давешней расселине, но уже вдалеке от горных подножий.

— Ага, вот она где! — крикнул Горлум. — Там понизу тропочка, мы по ней пойдем-пойдем и выйдем во-он туда. — Он махнул рукой на юго-восток, в сторону болот, гнилое и тяжелое зловоние которых превозмогало ночную свежесть.

Горлум порыскал на краю расселины и подозвал их:

— Сюда! Здесь легко можно спуститься. Смеагорл ходил здесь однажды, я здесь ходил, прятался от орков.

Хоббиты спустились во мглу следом за ним — оказалось и правда легко. Футов двенад-

цать шириною, не больше пятнадцати в глубину, впадина служила руслом одной из бесчисленных речушек, стекавших с Привражья, пополняя застойные хляби. Горлум свернул направо, более или менее к югу, и зашлепал по ровному каменному дну. Вода ему была явно очень приятна, он радостно хихикал и даже поквакивал себе под нос нечто вроде песенки.

Ноги грызет холод,
Гложет кишки голод,
Камни больно кусаются—
Голые, словно кости,
Грызть их нету корысти—
Зубы об них обломаются.
А мокрая мягкая речка
Радует нам сердечко,
К усталым ногам ласкается.
И мы говорим с улыбкой...

— Ха-ха! Кому же это мы улыбаемся?—прогнусавил он, покосившись на хоббитов.— А вот сейчас скажем кому. Он тогда сам догадался, треклятый Торбинс.

Глаза его гадко сверкнули в темноте, и Сэму это сверканье очень не понравилось.

Живет она—не дышит,
Безухая—а слышит.
Как мертвая, холодна
В кольчуге своей она.
Все пьет и никак не напьется,
На земле—скачет и бьется.
Ей водомет—дыра,
А островок—гора.
Блестит она и мелькает,
Гладенькая такая!
И мы ее кличем с улыбкой:
Плыви к нам, вкусная рыбка—
Жирненькая!

Песенка снова навела Сэма на мысль, которая осаждала его с тех самых пор, как он понял, что хозяин решил взять Горлума в провожатые: мысль о еде. Хозяин-то, наверно, об этом и вовсе не подумал, зато Горлум подумал наверняка. И вообще—как, интересно, Горлум кормился в своих одиноких скитаниях? «Плоховато кормился,—подумал Сэм.—Сразу видно, изголодался. Ох, не побрезгает он,

коли уж рыбка не ловится, хоббитским мясом. Заснем — и ау! — как пить дать слопают обоих. Ну смотри, Сэм Скримби: на тебя вся надежда».

Они долго брели по дну темной извилистой расселины, усталым хоббитам казалось, что и конца этому не будет. Ущелье свернуло к востоку, расширилось, постепенно стало совсем неглубоким. Серая дымка предвещала рассвет. По-прежнему проворный Горлум вдруг остановился и посмотрел на небо.

— День недалеко, — прошептал он, будто День, того и гляди, услышит его и накинется. — Смеагорл спрячется здесь, я спрячусь, и Желтая Морда меня не заметит.

— Мы бы и рады увидеть солнце, — сказал Фродо, — да сил нет выбираться наверх: ноги подкашиваются.

— Не надо радоваться Желтой Морде, — сказал Горлум. — Она нарочно выдаст врагам. Добренькие умненькие хоббитцы спрячутся со Смеагорлом, а то кругом шныряют орки и злые люди — они далеко видят. Прячьтесь, хоббитцы, здесь, со Смеагорлом!

На отдых пристроились у крутого каменного ската расселины, из которой теперь высокий человек запросто мог бы выглянуть. Ручей бежал поодаль, под ногами была сухая гладь. Фродо и Сэм уселись на большом плоском камне, прислонившись к скату. Горлум плескался и копошился в ручье.

— Надо немного подкрепиться, — сказал Фродо. — Смеагорл, ты голодный? У нас у самих немного, но мы поделимся.

При слове «голодный» глаза Горлума зажглись зеленоватым светом и вытаращились так, что за ними стало не видно лица — исхудалого и землистого. Он заговорил по-старому, по-горлумски:

— Мы совсем, совсем изголодались, прелессть. А какая у них есть еда? Сочненькая рыбка?

Из-за острых желтых зубов высунулся длинный язык и жадно облизнул бескровные губы.

— Нет, рыбы у нас нет, — сказал Фродо. — Вот только это, — он показал путлиб, — и вода, если здешнюю воду можно пить.

— Да, да, да-sss, водица чистенькая, — сказал Горлум. — Пейте, пейте ее досыта, пока она есть. А что это

такое хрустит у них на зубах, моя прелессть? Это вкусненькое?

Фродо отломил и протянул ему кусок лепешки в листовой обертке. Горлум понюхал лист, и лицо его исказилось отвращением и застарелой злобой.

— Смеагорл чует, чем пахнет! — процедил он. — Это листья из страны эльфов, кха! Ф-ф-ф, как они воняют! Он лазил по тем деревьям, и вонь пристала к его рукам, к моим милым лапкам. — Он бросил лист, отгрыз кусочек путлиба, тут же выплюнул его и закашлялся. — Аххх! Нет, — отплевывался он. — Бедненький Смеагорл из-за вас подавился. Пыль и зола, это есть нельзя. Ему придется голодать. Но Смеагорл потерпит. Добренькие хоббитцы! Смеагорл дал обещание. Он будет голодать. Хоббитская пища ему в рот не лезет, и он будет умирать с голоду. Бедненький худенький Смеагорл!

— Жаль, — сказал Фродо, — но уж тут я тебе ничем не смогу помочь. Эта пища, я думаю, пошла бы тебе на пользу, если б ты себя пересилил. Однако пока что, наверно, даже и пытаться не стоит.

Хоббиты молча хрустели путлибами. Сэм заметил, что они вроде бы стали гораздо вкуснее: Горлум напомнил, какая это чудесная еда, но он же и портил ему аппетит, провожая глазами каждый кусок, точно пес у обеденного стола. Лишь когда они сжевали по лепешке и разлеглись отдыхать, он, видимо, убедился, что никаких лакомств от него не прячут, отошел на несколько шагов, сел и похныкал от жалости к себе.

— Хозяин! — довольно громко прошептал Сэм, ему было плевать, слышит Горлум или нет. — Как ни крути, а поспать нам надо; только обоим зараз спать не дело — вон он, гад, каким голодным глазом на нас косится. Мало ли что он «дал обещание»! Горлум он или Смеагорлум — один леший: горбатого могила исправит, а он пока живой. Вы давайте-ка спите, сударь, а я вас разбужу, когда мне уж совсем невмоготу станет. Будем спать по очереди, а то не ровен час...

— Что верно, то верно, Сэм, — сказал Фродо, не тась. — Он *заведомо* изменился, но как и насколько, пока неизвестно. Однако, по-моему, нынче нам опасаться нече-

го. Ну, стереги, если хочешь. Часика два дай мне поспать, а там и буди.

Фродо так устал, что уронил голову на грудь и заснул, едва договорив. А Горлум, видать, свои штучки оставил. Он свернулся калачиком и тоже уснул как ни в чем не бывало—и хотя подозрительно присвистывал сквозь сжатые зубы, однако не шевелился, ровно убитый. Сэм послушал-послушал, как его спутники спят наперегонки, и чуть сам не заснул, но вместо этого встал, подошел к Горлumu и легонько его потыкал. Ладони Горлума раскрылись, пальцы задержались—и больше ничего. Сэм наклонился и сказал ему прямо в ухо: «Вкусненькая рыбка», но Горлум даже ухом не повел и присвистывал по-прежнему.

Сэм почесал в затылке.

— Может, и правда спит,—пробормотал он.—Будь я вроде Горлума, одним Горлумом меньше бы стало.

Он со вздохом отогнал заманчивые мысли о том, что и меч вот он, и за веревкой недалеко ходить, пошел и сел рядом с хозяином.

Открыв глаза, он увидел тусклые небеса, гораздо темнее, чем когда он заснул. Сэм вскочил на ноги и понял, что раз он такой бодрый и голодный, значит, проспал весь день, а уж часов-то девять отхватил наверняка. Фродо спал без задних ног, только на бок повернулся. А Горлума было не видать. Сэму припомнились многие нелестные клички, какими, исполняя отцовский долг, награждал его Жихарь, никогда не лазивший за словом в карман; потом он сообразил, что хозяин-то был прав—стеречься не от кого. Как-никак оба целы, невредимы и ничуть не ужалены.

— Вот бродяга!—сказал он с некоторым раскаянием за свою подозрительность.—А где же он болтается, хотел бы я знать?

— Недалеко, недалеко!—сказал голос сверху, и Сэм увидел на фоне вечернего неба огромную голову и оттопыренные уши Горлума.

— Э-гей, ты чего там делаешь?—спросил Сэм, много став подозрительней прежнего.

— Смеагорл голодный,—сказал Горлум.—Он скоро вернется.

— А ну, воротись! — заорал на него Сэм. — Назад, кому говорю!

Но Горлума и след простыл. Разбуженный криками Фродо сидел и протирал глаза.

— Здравсьте! — сказал он. — Что случилось? Сколько времени?

— Еще не знаю, — сказал Сэм. — Солнце, кажись, закатилось. А он удрал. Говорит, голодный.

— Ладно тебе! — сказал Фродо. — Тут уж ничего не поделаешь. Вернется, не бойся. И обещание заржаветь не успело, да и от своей Прелести он никуда не денется.

Фродо во всем разобрался, когда узнал, что они полсутки мирно проспали рядом с Горлумом, очень голодным и совершенно не связанным.

— Не поминай Жихаря попусту, — сказал он. — Ты был еле живой, и все обернулось не худо: оба мы отдохнули. А впереди трудная дорога, труднее еще не было.

— С едой плоховато, — сказал Сэм. — Сколько нам примерно за все про все времени понадобится? После-то, когда управимся, что будем делать? Я ничего не говорю, эти дорожные хлебцы тебя прямо-таки на ногах держат, спасибо и низкий поклон эльфам-пекарям, хотя в желудке все же ветер свищет, извините за грубость. Но и с ними беда — чем больше их ешь, тем меньше остается. Недельки так на три их, может, и хватит, ежели затянуть пояса и держать зубы на полке. А то мы на них здорово подналегали.

— Я не знаю, сколько нам времени нужно за все про все, — сказал Фродо. — Долгонько мы в горах проторчали. Но вот что я скажу тебе, Сэммиум Скромби — дорогой мой хоббит Сэм, друг из друзей, — по-моему, незачем нам и думать, что будет *после*, когда мы, как ты говоришь, *управимся*. На это нечего и надеяться, но если это нам вдруг удастся, то уж какое там *после*! Представляешь: Кольцо Всевластья упадет в огонь, а мы тут рядышком! Ну посуди сам, до хлеба ли нам будет: нет, хлеб нам больше никогда не понадобится. Дотащимся как-нибудь до Роковой Горы, и дело с концом. Дотащиться бы — мне и это вряд ли по силам.

Сэм молча кивнул, взял хозяина за руку и склонился над ней: не поцеловал, только капнул слезами, отвернулся

и утер нос рукавом. Потом встал, прошелся туда-сюда, якобы посвистывая, и выговорил сдавленным голосом:

— Да куда же этот лиходей подевался?

Горлум ждать себя не заставил: неслышно подобрался и, откуда ни возмись, вырос перед ними. Руки его и лицо были перепачканы черным илом. Он что-то дожевывал и ронял слюну. Что он там жевал, они любопытствовать не стали.

«Жуков-червяков, а может, каких пиявок,— подумал Сэм.— Бррр! Ну, оглоед, ну, бродяга!»

Горлум тоже помалкивал, покуда не напился и не умылся из ручья. Потом подошел к ним, облизываясь.

— Заморил червячка,— сказал он.— Отдохнули? Пойдем дальше? Добренькие хоббитцы крепенько поспали. Теперь верите Смеагорлу? Вот и хорошо, вот и очень хорошо.

Дальше было как раньше. Расселина становилась все шире и шире, каменное дно стало глинистым, а скаты превратились в береговые пригорочки; ручей петлял без конца. Ночь была на исходе, но облачная хмарь скрывала звезды и луну, лишь разлитый кругом сероватый отсвет возвестил утро.

В стылый предутренний час они прыгали по мохистым кочкам, а ручей забулькал на последней россыпи каменных обломков и канул в ржавое озерцо. Шелестели и перешептывались сухие камыши, хотя в воздухе не было ни дуновения.

И впереди, и по обе руки простирались в тусклом свете неоглядные топи и хляби. Тяжелые испарения стелились над темными смрадными мочажинами. Их душливое зловоние стояло в холодном воздухе. Далеко впереди, на юге, высились утесистые стены Мордора, словно черный вал грозových туч над туманным морем.

Хоббитам оставалось лишь целиком довериться Горлуму. Ведь им было невдогад, что у них за спиной, в двух шагах, прячется во мгле северная окраина болот. Будь им знакомы эти края, они могли бы, слегка задержавшись,

вернуться немного назад, свернуть к востоку и выйти торными дорогами на голую равнину Дагорлада, поле древней битвы у Ворот Мордора. Правда, там они вряд ли пробрались бы: на твердой каменистой равнине укрываться негде, а через нее днем и ночью маршируют туда-сюда орки и прочая солдатня Саурона. Лориэнские плащи и те бы их не спасли.

— Ну и как же мы пойдем, Смеагорл? — спросил Фродо. — Нам обязательно лезть в эти вонючие болота?

— Необязательно, вовсе необязательно, — сказал Горлум. — Хоббиты могут куда быстрее добраться до черных гор и предстать перед Тем. Чутьочку назад, немножечко обойти, — его жилистая рука махнула на север и на восток, — и попадете на большую, на жесткую, холодную дорогу, а там все дороги ведут прямо к Тому, да, да. И Тот туда все время смотрит, там он и заметил Смеагорла, давным-давно. — Горлум не сразу совладал с дрожью. — Но Смеагорл тоже с тех пор осмотрелся, да-да: и глаза у него недаром, и нос, и ноги пригодились. Я знаю другие пути. Потруднее, подлиннее, зато безопаснее, если не хотите попасться Тому на глаза. Идите за Смеагорлом! Смеагорл проведет вас через болота в туманах, в густых, хороших туманах. Следуйте за Смеагорлом — и, может быть, Тот еще не скоро, совсем не так уж скоро вас сцапает.

Утро было хмурое и безветренное, болотные испарения лежали недвижными пластами, небо плотно застлали низкие тучи. Горлум радовался, что солнца нет как нет, и торопил их. Едва передохнув, они пустились в путь — и с первых шагов утонули в туманной глуши: позади скрылось из виду Привражье, впереди — хребты Мордора. Они шли гуськом: Горлум, Сэм, Фродо.

Фродо был самый усталый, и, как ни медленно они шли, он все время отставал. Сплошная топь оказалась вблизи ячеистой: окна, заводи, озерца, раскисшие русла речонки. Наметанным глазом можно было прикинуть, а привычной ногой нащупать неверную, петлястую тропу. Уж на что сноровист по этой части был Горлум, но и ему понадобилась вся его сноровка. Голова его на длинной шее

вертелась туда-сюда, он припихивался и бормотал себе под нос. Иногда он поднимал руку: погодите, мол, дальше не суйтесь,— а сам продвигался на четвереньках, осторожно пробуя зыбун руками и ногами, а то и припикая ухом к земле.

Это было нудно и утомительно. Зима с ее мертвенным, цепким холодом еще не отступила от здешнего захолустья. Никакой зелени и в помине не было, разве что синеватая, пенистая ряска на маслянисто-черных заводях. Сухие травы и сгнившие на корню камыши казались в тумане убогими призраками невозвратного лета.

Посветлело, туман поднялся и поредел. Высоко над гнилостными испареньями, в ясной небесной лазури сияло золотистое солнце, однако свет его едва-едва пробивался сквозь густую волнистую пелену: над головой появилось блеклое пятно. Теплее не стало, мертвенный болотный мир ничуть не ожил, но Горлум все равно ежился, вздрагивал, глухо ворчал и наконец заявил, что идти нельзя. Точно загнанные зверьки, скорчились они на краю буроватых плавней. Стояла глубокая тишина, лишь шелестели жухлые стебли да трепетали невесть отчего сломанные былинки.

— Ну хоть бы одна пташка! — печально проговорил Сэм.

— Нет, птичек здесь нету, — сказал Горлум. — Вкусненькие птички! — Он облизнулся. — Змейсы есть, пнявсы, ползучая и плавучая, совсем невкусная гадость. А птичек нет, — вздохнул он.

Сэм на него брезгливо покосился.

Тянулись третьи сутки их путешествия с Горлумом. В иных, счастливых и светлых краях мягко легли вечерние тени, а они были снова в пути, и редко случалось им присесть, да и то не для отдыха, а из-за Горлума: он продвигался очень-очень осторожно и не слишком уверенно. Они забрели в самую глубь Гиблых, или Мертвецких, Болот, и было уже темновато.

Продвигались медленно, согнувшись в три погибели, держась поближе друг к другу, в точности повторяя движения Горлума. Мшистые ходуны стали широкими

водяными окнами, и все труднее было выбирать места потверже, где нога не тонула в булькающей жиже. Легонькие хоббиты шли налегке, а то вряд ли бы и выбрались.

Вскоре совсем стемнело, в плотной черноте, казалось, не продохнуть. Когда кругом замелькали огоньки, Сэм даже протер глаза: подумал, что малость свихнулся. Сперва вспыхнул огонек где-то слева, бледненький и тусклый, вот-вот погаснет, но тут же явились еще и еще—одни точно светлые струйки дыма, другие как мутные язычки пламени, плясавшие над невидимыми свечами, и множество их возникло, точно призрачное шествие. А оба спутника воды, что ли, в рот набрали. И наконец Сэм не выдержал.

— Что это такое творится, Горлум?—шепотом спросил он.— Что это за огоньки? Кругом же обступилн—чего мы им дались? Они откуда?

Горлум поднял голову, он полз на четвереньках, прощупывая и обнюхивая черную лужу.

— Обступили, да,—прошептал он в ответ.—Заманивают нас к мертвецам, да, да, шаг в сторону—и засосет. А тебе-то что? Ты на них не гляди! Пусть себе пляшут! Где хозяин?

Сэм обернулся: Фродо снова отстал, его даже и видно не было. Сэм прошел немного назад, отступая на каждом шагу и призывая хозяина тихим, сиплым шепотом. И наткнулся на Фродо, который стоял задумавшись, глядя на бледные огоньки. Руки его беспомощно повисли, с них капала вода и стекала слизь.

— Пойдемте, судары!—сказал Сэм.—Вы на них не глядите! И Горлум то же говорит: чего глядеть? Пес с ними, давайте выберемся поскорее из этих гиблых мест—уж постараемся!

— Хорошо,—сказал Фродо, как бы очнувшись.—Иду. Не задерживайтесь!

Сэм поспешил обратно, запнулся за корень не то за кочку, увязил руки в илистой жиже и чуть не утопил в ней лицо. Послышалось шипенье, его обдало смрадом, огоньки замигали-заплясали, сближаясь. Черная влага перед его глазами вдруг стала темным окном, в которое он заглянул, и, кое-как выдернув руки, отпрянул назад.

— Там же могила! — вскрикнул он, еле очнувшись от ужаса. — Полным-полно мертвецов, и все глядят!

— Мертвецкие Болота, да, да, так они и называются, — гадко хихикнул Горлум. — Не гляди в воду, когда свечи горят!

— Кто они такие? Откуда взялись? — вздрагивая, спрашивал Сэм у Фродо, который их нагнал.

— Не знаю, кто они, — сказал Фродо дремотным голосом. — Но я их тоже видел: в заводях, когда засветились свечи. Они лежат в черной глубине и глядят мертвыми глазами. Злобные, страшные хари, а рядом — скорбные и величавые, гордые и прекрасные лики, и водоросли оплели их серебристые кудри. И все мертвые, сплошь гнилые трупы, и свет от них замогильный. — Фродо провел ладонями по лицу. — Не знаю, кто они такие и откуда: кажется, я видел эльфов, людей — и орков подле них.

— Да, да, — сказал Горлум. — Все мертвые, все сгнили — эльфы, люди, орки. Потому болота и Мертвецкие. Здесь была великая битва, маленькому Смеагорлу об этом рассказывали, мне бабушка рассказывала, когда еще Прелесть не нашлась. Великая битва, которой не видно было конца. Бились высокие люди с длинными мечами, и страшные эльфы, и орки голосили без умолку. Они бились на равнине у Черных Ворот много дней, много месяцев. А потом напоззли, напоззли болота — проглотили могилы.

— Но это же все было я не знаю сколько тысяч лет назад, — сказал Сэм. — Не может там быть мертвецов! Волшебство, что ли, какое лихоедейское?

— Не знаю, не знаю, Смеагорл не знает, — отвечал Горлум. — До них нельзя дорыться, не доберешься до них. Мы пробовали однажды, да, моя прелесть? — нет, не добрались. Глаз их видит, а зуб неймет, никак, моя прелесть! Они мертвые, их нет.

Сэм угрюмо посмотрел на него и, передернувшись, догадался, зачем Смеагорл хотел до них дорыться.

— Ну, с меня мертвецов хватит! — сказал он. — Как бы нам поскорее отсюда слинять?

— Поскорее, да, да поскорее, — сказал Горлум. — Поскорее и поосторожнее, а то как бы нашим хоббитам не провалиться к мертвецам и не засветить еще по

свечечке. Ступайте след в след за Смеагорлом! Не смотрите на огоньки!

Он пополз куда-то вправо, в обход трясины, они старались не отставать от него и тоже поневоле опустились на карачки. «Еще малость поползаем — и будет не одна, а целых три препакостных горлумских прелести, как на подбор!» — подумал Сэм.

Тропа кое-как отыскалась, и они двинулись через топь — то ползком, то прыгая с зыбкой кочки на кочку: оступались, оскользались, шлепались в черную смрадную жижу. Перемазались с головы до ног, и воняло от всех троих, как из выгребной ямы.

В глухой ночной час они наконец миновали трясины и ступили на твердую, хотя и не очень-то твердую, землю. Горлум шипел и шептался сам с собой: видать, он был доволен. Верхнее чутье, особый нюх и необычайная память на очертания помогли ему выбраться к нужному месту, а дальше он знал, как идти.

— Ну вот и пойдёмчики! — сказал он. — Умнички хоббитцы! Храбренькие хоббитцы! Совсем-совсем устали, конечно, мы тоже, моя прелесть, мы тоже. Но надо скорее увести хозяина подальше от мертвецких свечечек, да, да, подальше.

С этими словами он пустился чуть не вприпрыжку по длинной прогалине в камышах, а они, спотыкаясь, побежали следом. Внезапно он остановился, снова присел на четвереньки и потянул носом, зашипев не то встревожено, не то недовольно.

— В чем дело-то? — проворчал подбежавший Сэм, которому почудилось, будто Горлум брезгливо фыркает. — Чего носом водить? Я нос зажимаю, и то у меня глаза на лоб лезут. И ты смердишь, и хозяин смердит — кругом от вони не продохнешь.

— Да, да, и Сэм смердит! — отозвался Горлум. — Бедняжечке Смеагорлу противно нюхать, но послушный Смеагорл терпит, помогает добренькому хозяину. Пускай воняет! Нет, нет, в воздухе что-то неладное, и Смеагорлу это очень не нравится.

Он побрел дальше, однако становился все беспокойнее, то и дело выпрямляясь, изгибая шею и обращаясь ухом к юго-востоку. Поначалу хоббиты никак не могли взять в толк, что его тревожит. И вдруг все трое разом насторожились. Фродо и Сэму послышался вдалеке протяжный и неистово-злобный леденящий вой. Они вздрогнули и в тот же миг ощутили, как повеяло стужей и колеблется воздух. Потом донесся шум налетающего ветра. Огоньки трепетали, блекли, гасли.

Горлум не двигался. Он стоял, сотрясаясь, и что-то лепетал; ветер с ревом и свистом обрушился на болота, расшвыривая клочья тумана, и высоко в небе показались рваные облака, а между ними заблестала луна.

На мгновение хоббиты обрадовались, но Горлум прижался к земле, ругая ругая Белую Морду. Фродо и Сэм глядели в небо, вдыхали полной грудью свежий воздух — и увидели облачко, мчащееся от проклятых гор, черную тень, которую изрыгнул Мордор, огромную и жуткую крылатую тварь. Терзая слух смертоносным воем, она затмила месяц и, обгоняя ветер, унеслась на запад.

Они упали ничком, как подкошенные, беспомощно корчась на холодной земле. А призрачный замогильный ужас возвратился и пронесся ниже, прямо над ними, разметая крылами зловонные испарения. Пронесся и умчался обратно в Мордор, куда призывал его гнев Саурона, следом за ним бушующий ветер сорвал остатки туманной пелены с Мертвецких Болот. Впереди, сколько видел глаз, до подножий сумрачных гор простерлась голая пустыня в пятнах лунного света.

Фродо и Сэм привстали, протирая глаза, словно дети, очнувшиеся от дурного сна в обыкновенной темноте. Но Горлум лежал на земле как пришибленный. Они с трудом растолкали его, и все равно он не поднимал головы, стоя на карачках, уткнув локти в землю и прикрывая затылок широкими ладонями.

— Призраки! — стонал он. — Крылатые призраки! Прислужники Прелести! Они все видят, все. От них не спрячешься. Ненависстная Белая Морда! Они все расскажут Тому, и он увидит нас, он нас узнает, аххх, *горлум, горлум, горлум*

И лишь когда луна закатилась далеко на западе за вершины Тол-Брандира, они продолжили путь.

С этих пор Сэм стал замечать, что Горлум снова переменился. Он угодничал и подлизывался пуще прежнего, но в глазах его мелькало странное выражение, особенно когда он поглядывал на Фродо, и говорил он все больше по-горлумски, на старый манер. Но еще тревожнее было то, что Фродо, видимо, совсем изнемог. Он не жаловался, он и вообще-то почти не раскрывал рта, но брел согнувшись, как под непосильным грузом, тащился еле-еле—Сэм то и дело просил Горлума подождать хозяина.

Между тем с каждым шагом к Воротам Мордора Кольцо на шее Фродо все тяжелее оттягивало цепочку и точно пригнетало его к земле. Но куда мучительнее донимало его Око: это из-за него, не из-за Кольца Фродо втягивал голову в плечи и робко сутулился. Оком он называл про себя жуткое, обесиливающее чувство могучей и враждебной воли, которой нипочем земные преграды и воздушные заслоны, которая вот-вот отыщет, обнажит, пригвоздит мертвящим взором. Укрыться от него нигде, последние покровы тонки и ненадежны. Фродо в точности знал, откуда исходит этот смертоносный луч—так же как сквозь закрытые глаза знаешь, где пламенеет жгучее и беспощадное солнце. Луч палил ему лицо, поэтому он и опускал голову.

Горлumu, может статься, было немногим легче. Но что творилось в его иссохшем сердце, что его больше мучило—ищущее ли Око, алчная ли тоска по Кольцу, до которого только руку протянуть, или унижительное обещание, наполовину исторгнутое страхом перед холодной сталью,—этого хоббитам знать было не дано. Да Фродо об этом и не думал, а Сэм большей частью думал о хозяине, своих грызущих страхов почти не замечая. Он теперь шел позади Фродо и ни на миг не терял его из виду: поддерживал, когда тот спотыкался, и старался подбодрить неуклюжими шутками.

Когда наконец рассвело, хоббиты с изумленьем увидели, насколько придвинулись утрюмые кручи. В холодном и

ясном утреннем свете все же еще далекие стены-утесы Мордора не нависали угрозой на небосклоне, а исполинскими черными башнями сумрачно взирали окрест. Болота кончились, дальше тянулись торфяники и короста растрескавшейся грязи. К мерзости запустения у Сауоновых Ворот вели длинные, голые, пологие склоны.

Покуда серо-стальной день не угас, они ютились, как черви, под огромным камнем, хоронились от крылатого ужаса, от жестоких пронзительных мертвых глаз. Страх опустошил память этих дней и тех двух ночей, когда они пробирались по унылому бездорожью. Воздух здесь был какой-то колкий, налитый горечью, от него першило в пересохшем горле.

Наконец на пятое утро путешествия с Горлумом они снова остановились. Перед ними высились в серой мгле огромные утесы; вершины их скрывали дымные тучи, а подножия были укреплены мощными устоями и загромождены скалами, до ближней из них оставалось не более двенадцати миль. Фродо огляделся, и ему стало жутко. Отвратны были Мертвецкие Болота и пересохшая пустошь, но во сто крат чудовищнее то, что теперь открывал его запавшим глазам ползучий рассвет. Даже Могильные Топи весна еще подернет зеленоватой пеленой, но здесь не могло быть ни весны, ни лета. Здесь не было ничего живого, не было даже трупного тлена. Зияли ямины, засыпанные золой, загаженные белесовато-серой грязью, точно блевотиной горных недр. Бесконечными рядами возвышались груды каменного крошева и кучи обожженной, изъязвленной земли,—дневной свет как бы нехотя озарял изнанку смерти, кладбище без мертвецов.

Это была поистине мордорская пустыня, памятник на вечные времена непосильному труду рабских полчищ—цели трудов забудутся, но след их пребудет: опоганенная, неисцелимо изуродованная земля, разве что волины Великого Моря сокроют ее от глаз.

— Сейчас меня вывернет,—сказал Сэм.

Фродо промолчал. Они помедлили как бы на краю неминуемого бредового сновидения, которое надо претерпеть, нырнуть во мрак, чтобы пробудиться утром. Между тем светлело—жестоко и безысходно. Провалы и язвы прокаженной земли виднелись с ужасающей четкостью.

Между тучами и клоками дыма проглянуло солнце, но и солнечные лучи были осквернены. Хоббиты не обрадовались солнцу: оно, казалось, служило Врагу, высвечивая их во всей беспомощности—крохотные писклявые существа, копошащиеся на мусорной свалке Черного Властелина.

Идти дальше им было невмочь, искали, где бы отдохнуть. Присели за горой шлака, но она источала удушливый дым, и все трое начали кашлять и задыхаться. Первым встал Горлум; отплевываясь, бранясь и даже не взглянув на хоббитов, он уполз на четвереньках. Фродо и Сэм последовали за ним, и вскоре выискалась большая круглая яма, закрытая с запада насыпью. Там было, как и везде, холодно и гадко, на дне радужно лоснилась маслянистая лужа. Там они и приткнулись, в надежде хоть как-то укрыться от всевидящего Ока.

День тянулся медленно. Нестерпимо хотелось пить, но они лишь смочили губы водой из фляжек, наполненных в ручье—и он, и каменная расселина казались им теперь прекрасным виденьем. Хоббиты караулили по очереди. Сперва, несмотря на усталость, ни один из них уснуть не мог, но, когда солнце утонуло в тяжелой туче, Сэм задремал. Бодрствовать был черед Фродо: он разлегся на спине, но легче ему ничуть не стало, ноша давила все так же. Глядя в дымное небо, он видел странные тени, мчались темные конники, чудились полузабытые лица. Он потерял счет времени, явь смешалась с дремой, и наконец он забылся.

Сэм открыл глаза: ему показалось, будто хозяин зовет его. Но Фродо спал, съехав по скату на дно ямы. Возле него присел Горлум. Сэм было подумал, что он хочет разбудить Фродо, но нет, Горлум разговаривал сам с собой. Смеагорл спорил с кем-то, кто говорил его голосом, сипя и пришепetyвая. И глаза его мерцали то бледным, то зеленым огнем.

— Смеагорл дал обещанье,—говорил первый.

— Да, да, моя прелесть,—отвечал другой,—мы обещались сберечь нашу Прелесть, не отдать ее Тому—нет,

никогда. Но что ни шаг, мы к Тому все ближе. Что хочет хоббит сделать с нашей Прелестью, интересненько, да, нам интересненько.

— Не знаю. Тут уж ничего не поделаешь. Она у хозяина. Смеагорл обещал помогать хозяину.

— Да, да, помогать хозяину нашей Прелести. А если мы станем хозяином, то будем помогать себе и сдержим обещание.

— Но Смеагорл обещал быть очень-очень послушным. Добренький хоббит! Он снял жестокую петлю с ноги Смеагорла. Он ласково говорит со мной.

— Очень-очень послушным, да, моя прелесть? Давай будем послушным и скользким, как рыбка: будем, сладенький мой, слушаться самого себя! Но мы не сделаем худа добренькому хоббиту, нет, совсем нет.

— Я же поклялся Прелестью,—возражал голос Смеагорла.

— Так возьми ее себе,—отвечал другой,—и сдержи клятву! Стань сам хозяином Прелести, *горлум!* Тогда другой хоббит, сердитый, неласковый, подозрительный хоббит, он у нас поползает в ногах, *горлум!*

— А добренького хоббита трогать не будем?

— Нет, не будем, если не понадобится. Он ведь все-таки Торбинс, моя прелесть, да, да, он Торбинс. Торбинс стащил у нас Прелесть. Он нашел ее и ничего нам не сказал. Ненавистные Торбинсы!

— Но это же не тот Торбинс!

— Все Торбинсы ненавистные. Все, у кого наша Прелесть. Она нам самим нужна!

— Но Тот увидит, Тот узнает. Он отберет ее у нас!

— Тот все видит, все знает. Тот слышал наше безрассудное обещание—мы нарушили его приказ-с. Надо ее забрать. Призраки всюду рыскают. Забрать ее надо!

— Но Тому не отдавать!

— Нет, сладенький. Суди сам, моя прелесть: когда она будет у нас, что нам стоит с ней скрыться, а? А может, мы станем сильные-сильные, сильнее призраков. Властелин Смеагорл? Несравненный Горлум! Горлум из Горлумов! Будем есть рыбку каждый день, три раза в день, свеженькую, вкусненькую, с моря. Самый Прелестный Горлум! Ее надо забрать. Скорее, скорее, скорее!

— Но их же двое. Они быстро проснутся и нас убьют,—заскулил Смеагорл, сдаваясь.— Не сейчас. Еще рано. Потерпим.

— Скорее, мы стосковались! Но скажем... — И другой замолчал, должно быть раздумывая.— Скажем — не сейчас? Пусть не сейчас. Она поможет нам. Она поможет, да.

— Нет, нет! Так нельзя! — заныл Смеагорл.

— Да! Нет у нас сил терпеть! Нет сил!

И каждый раз, когда говорил другой, длинная рука Горлума медленно ползла к Фродо — и отдергивалась со словами Смеагорла. Наконец обе скрюченные руки с дрожащими пальцами подобралась к горлу Фродо.

Сэм тихо лежал и внимательно слушал, следя за каждым движением Горлума из-под полуприкрытых век. Раньше он в простоте своей думал, что Горлум — тварь голодная и потому опасная — того и гляди, сожрет, не успеешь чухнуться. Теперь ему стало понятно, что все куда страшнее. Горлума неодолимо притягивало Кольцо. Тот — это, конечно, Черный Властелин, но вот кто такая *Она*, о которой было упомянуто под конец? Наверно, сукин кот Горлум сдружился тут с какой-нибудь дрянью. Но он оставил эти размышления: дело зашло далековато, пора вмешиваться. Руки-ноги его были как свинцом налиты, но он с усилием поднялся и сел, сообразив попутно, что надо быть поосторожнее и притвориться, будто ничего не слышал. Он шумно вздохнул и зевнул во весь рот.

— Времени-то сколько? — сонным голосом спросил он.

Горлум зашипел сквозь зубы, постоял в угрожающей позе, но потом обмяк, плюхнулся на карачки и пополз к краю ямы.

— Добренькие хоббитцы! Добренький Сэм! — сказал он. — Заспались, сони, сильно заспались! Один послушный Смеагорл караулил! Вечер уже. Темнеет. Пора идти.

«Да уж! — подумал Сэм. — И пора нам с тобой, друг ситный, расставаться!» Но тут ему пришло в голову, что вернее-то, пожалуй, будет держать Горлума под присмотром.

— Чтоб ему провалиться! Вот еще напасть! — проворчал он, спустился вниз по скату и разбудил хозяина.

А Фродо, как ни странно, отоспался. Его посетили светлые сны. Черная тень словно бы отшатнулась, и посреди прокаженного края ему явились зрелища дальних стран. В памяти ничего не осталось, однако на сердце полегчало, и ноша не так бременила. Горлум по-собачьи обрадовался, он урчал, хихикал, тараторил, щелкал длинными пальцами, оглаживал колени Фродо. Тот ему улыбнулся.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Ты молодец, ты надежный вожатый. Мы уже почти у цели. Проводи нас к Воротам, дальше не надо. Доведешь до Ворот — и ступай, куда знаешь, только не к нашим общим врагам.

— К Воротам? — Горлум даже привизгнул от испуга и изумленья. — Хозяин говорит: проводи к Воротам? Да, он так сказал, а послушный Смеагорл делает все, что велит хозяин, да, да. Вот мы подойдем поближе, и хозяин, может быть, передумает, посмотрим. Ничего там нет хорошего, у Ворот. Совсем ничего хорошего!

— Ладно, ладно, тебя забыли спросить! — сказал Сэм. — Ты знай веди!

В полутьме они выкарабкались из ямы и двинулись медленно и опасливо. Вскоре их снова охватил страх — тот самый, что на болотах, когда над ними металось крылатое чудище. Они вжались в сухую зловонную землю, но сумеречные небеса не омрачились: видно, зловещий посланец Барад-Дура промчался стороной. Наконец Горлум встал и побрел дальше, вздрагивая и бормоча себе под нос.

Около часу пополудни страх опять пригвоздил их к земле, но отдаленная угроза и на этот раз быстро миновала: призрак летел выше туч и вихрем унесся на запад. Однако Горлум совсем обессилел от ужаса, он был уверен, что это за ними, что их почуяли.

— Три раза! — прохныкал он. — Целых три раза! Они чуют нас, чуют Прелесть, они — ее прислужники. Здесь нам дальше идти нельзя. Изловят нас, изловят!

Тщетно его уламывали и улещивали. Лишь когда Фродо на него прикрикнул и взялся за рукоять меча, Горлум с глухим ворчаньем поднялся на ноги и потрусил впереди, как наказанный пес.

До конца мучительно долгой ночи и жуткой рассветной порой брели они в молчании, ничего не видя и не слыша, только ветер злобно свистел в ушах.

ГЛАВА III

У ЗАПЕРТЫХ ВОРОТ

а рассвете они подошли к Мордору. Болота и пустыня остались позади; перед ними темнели горы, вздымая грозные вершины к белесому небу.

С запада Мордор ограждает сумрачная цепь Эфель-Дуата, Изгарных гор, а с севера — пепельно-серый, обветренный хребет Эред-Литуин. Вместе они образуют великую и неприступную стену вокруг скорбных выжженных равнин — Литлада и Горгорота — и горько-соленого внутреннего моря Нурнен; на северо-западе их длинные отроги сближаются и между ними пролегает глубокая теснина. Это — Кирит-Горгор, Ущелье Привидений, единственный проход во вражеские земли. Возле устья ущелья утесы с обеих сторон чуть пониже, и на двух крайних скалах, крутых, голых и черных, воздвигнуты высокие, массивные башни, именуемые Клыками Мордора. Их построили в давнюю пору,

во времена славы и могущества Гондора после разгрома Саурона — дабы сбежавший Властелин не вздумал вернуться в свои былые владения. Но Гондор ослаб, гондорцы обленились, и многие века сторожевые башни пустовали. А потом Саурон возвратился, они были отстроены, наполнены воинством, вооруженным до зубов, и снова стали сторожевыми. Из их темных окон-глазниц глядели на север, восток и запад тысячи бессонных глаз.

Черный Властелин преградил ущелье от утеса до утеса мощной стеной с единственными чугуиными воротами, и часовые день и ночь напролет расхаживали по зубчатому верху стены. В подножных утесах были вырублены сотни пещер, высверлены ходы и переходы; там кишмя кишели орки, всегда готовые к бою, как черное муравьиное полчище. Миновать кусачие Клыки Мордора мог лишь тот, кто был призван Сауроном либо же знал тайное заклятие, отмыкающее Мораннон, Черные Врата его царства.

Хоббиты смотрели на башни и стену в немом отчаянии. Даже издали, в тусклом предутреннем свете, им были видны часовые на стене и дозорные у ворот. Они притаились в каменной ложбинке под сенью последней северной горы Эфель-Дуата. От их укрытия до черной вершины ближней башни ворон летел бы сотню сажений. Над башней курнулся дымок, как над исполинской трубой.

Настал день, и красноватое солнце замигало над костистым гребнем Эред-Литуи. Внезапно на сторожевых башнях взревели фанфары; отовсюду, с гор и из ущелий, отозвались невидимые казармы и лагеря, далеко в Барад-Дуре загрохотали барабаны, завывли рога, и по равнине прокатилось зловещее, немолчное эхо. Мордор пробуждался к новому дню, к тяжкому труду и беспросветному ужасу; ночную стражу строем развели по каменным мешкам, и место ее заступила стража дневная, бодрая, свирепая и зоркая. Между зубцами стены тускло блистала сталь.

— Вот тебе и пожайуйста! — сказал Сэм. — Пришли к Воротам, только сдается мне, что и зайти нас не пригласят, и ноги унести не дадут. Попадись я сейчас на глаза

Жихарю—он бы нашел, что сказать! И ведь сколько раз говорил мне: не зарывайся, Сэм, выкапывать будет некому! Честное слово, так и говорил. Теперь уж не скажет: вряд ли мы с ним когда свидимся. А жаль, я бы послушал— пусть бы костерил меня день-деньской, я бы на него глядел и радовался. «Ну, Сэм, голова твоя садовая...» Только сперва, конечно, пришлось бы помыться, а то бы он меня не узнал. Без толку небось спрашивать: «Куда мы теперь?» Теперь мы никуда, разве что к оркам на поклон: проведите, мол, ребяташки!

— Нет, нет!—сказал Горлум.— Не надо к оркам. Дальше идти нельзя. Смеагорл так и говорил. Он говорил: подойдем к Воротам, посмотрим. Вот мы и смотрим. Да, моя прелесть, смотрим и видим. Смеагорл знал, что хоббиты здесь не пройдут, о да, Смеагорл это знал.

— Ну и какого же лешего ты нас сюда притащил?—спросил Сэм, хотя вопрос, конечно, был глупый и бессовестный.

— Потому что хозяин велел. Хозяин сказал: проводи нас к Воротам. И Смеагорл послушался. Хозяину видней, он мудреный.

— Да, да, это я велел,—сказал Фродо. У него был угрюмый, суровый и решительный вид. Перепачканный, изможденный, смертельно усталый, он, однако, словно распрямился, и глаза его прояснились.— Велел, потому что мне нужно пробраться в Мордор, а другого пути туда я не знаю. Стало быть, этим путем. С собою я никого не зову.

— Нет, нет, хозяин!—взвыв Горлум, ошалело хватаясь за него, по-видимому, в жуткой тревоге.— Нельзя этим путем! Не надо! Не надо отдавать Прелесть Тому! С Прелестью он всех нас сожрет, он весь свет слопает. Оставь ее себе, добренький хозяин, пожалей Смеагорла. Владей ею, лишь бы Тот ее не заполучил. А еще лучше— уходи, иди, куда тебе хочется, и отдай ее обратно бедненькому Смеагорлу. Да, да, хозяин: отдай, а? Смеагорл ее спрячет, скоронит, он сделает много-много добра, особенно добреньким хоббитцам. А хоббитцы пойдут домой. Не ходи к Воротам!

— Мне сказано идти в Мордор—значит, так надо,—сказал Фродо.— Туда только один путь—значит, нечего и мешкать. Будь что будет.

Сэм помалкивал. Какой толк молоть языком: у хозяина на лице все как есть написано. Да по правде-то он и с самого начала ничего хорошего от этой затеи не ждал, но он был не из нытиков и считал, что коли уж не на что надеяться, то и огорчаться загодя незачем. Теперь дело к концу, ну и что с того: он при хозяине, хозяин при нем; вон сколько вместе протопали—зря, что ли, он за ним увязался. Разве ж можно одному в Мордор? Куда он, туда и Сэм, а Горлум пусть идет гуляет.

Горлум, однако, покамест идти гулять не собирался. Он ползал на коленях у ног Фродо, ломал руки и подвизгивал.

— Здесь не пройти, хозяин!—скулил он.—Есть другой путь. Да, да, совсем-совсем другой: темный, тайный, неприметный. Но Смеагорл его знает. Позволь, Смеагорл покажет тебе его!

— Другой путь?—сказал Фродо с сомнением, приглядываясь к Горлumu.

— Да-ссс! Да, сссовсем другой—был, и Смеагорл его отыскал. Пойдемте посмотрим—может, он есть и сейчас!

— Ты о нем раньше не говорил.

— Нет, хозяин же не спрашивал. Хозяин не говорил, куда он собрался, ни словечка не сказал бедненькому Смеагорлу. Он сказал: Смеагорл, проводи меня к Воротам и беги своей дорогой! Смеагорл убежал бы—и сделался хорошим и добрым. А сейчас хозяин говорит: здесь я войду в Мордор. И Смеагорлу очень-очень страшно: он не хочет потерять добренького хозяина. И он обещал, хозяин взял с него клятву, что он спасет Прелессть. А теперь хозяин попадется Тому, и Тот схватит ее черной рукой и наденет на черный палец—если идти здесь. Смеагорл хочет спасти хозяина и уберечь Прелессть—вот он и вспомнил про другой путь, где однажды шел. Добренький хозяин. Смеагорл хороший, послушный, он хочет помочь.

Сэм нахмурился. Были бы у него не глаза, а сверла, он бы Горлума насквозь просверлил. Очень ему все это было сомнительно. Вроде бы Горлум и вправду встревожился и старается помочь Фродо. Но Сэм-то помнил, как он сам с

собой разговаривал: ох, вряд ли без году неделя воскресший Смеагорл одержал победу, да и в том разговоре не за ним осталось последнее слово. Скорее уж, рассудил Сэм, Смеагорл и Горлум (или, как он их называл про себя, Липучка и Вонючка) помирились и договорились: оба одинаково не хотели, чтоб Фродо сцапали и Кольцо досталось Врагу; оно куда вернее до поры до времени ошиваться возле Фродо и поджидать случая—авось Вонючке удастся не мытьем, так катаньем наложить лапу на свою «Прелесть». А насчет другого пути в Мордор—это бабушка надвое сказала.

«Спасибо хоть, обоим невдомек, зачем хозяину в Мордор,—подумал он.—Проведай они, что господин Фродо собрался угробить ихнюю Прелесть,—ох, повело бы кота на мясо! Вонючка-то Врага до смерти боится—тот его и отпустил вроде под зарок. Он бы нас мигом продал с потрохами, чтоб самому не попасться, да и Прелесть свою уберечь от огня. Я так дело понимаю. Хорошо бы, хозяин его толком обмозговал. Ума-то у него палата, а вот что на уме—тут любой Скромби руками разведет. Слишком уж он именно что добренький».

Фродо ответил Горлumu не сразу. Пока Сэм медленно, но верно раздумывал и сомневался, он стоял и смотрел на черные утесы Кирит-Горгора. Их ложбинка была на склоне невысокой горы, над овражиной у мордорских стен, возле западной сторожевой башни. В утреннем свете были отчетливо видны пыльные дороги-большаки от Ворот Мордора: одна витками убегала на север, другая—восточная—терялась в туманах у подножий Эред-Литуи, третья огибала башню, выныривала из ущельица неподалеку от хоббитов с Горлумом, сворачивала к западным склонам Эфель-Дуата, в их густую тень, и, уже не различимая глазом, угадывалась вдоль берега Андуина, между горами и Великой Рекой.

Осматриваясь, Фродо заметил, что вся равнина Дагорлада словно колышется. Повсюду двигались войска, большей частью скрытые за болотными туманами и дымными пеленами. Сверкали шлемы и копья, по дорогам с разных сторон двигались отряды конницы. Он вспомнил, что ему открылось с Овида всего неделю назад—а казалось, прошли годы. И понял, что надежда, на миг озарившая его сердце, была тщетной. Они слышали не предбитвенные

трубы, а приветственные фанфары. Не поднялись против Черного Властелина из давно заросших травой могил опочившие во славе воины Гондора; нет, это разноплеменное воинство с необъятного Востока спешило на зов своего владыки: заночевали в одном-двух переходах от Ворот и теперь стягивались к крепости, вливаясь в сонмище рабов Саурона. И, точно вдруг поняв, что он одиноко стоит на виду у бесчисленных врагов, что жизнь его висит на волоске, Фродо набросил на голову легкий серый капюшон, спустился в ложбину и обратился к Горлуму.

— Смеагорл,—сказал он,—я еще раз доверюсь тебе. Видно, так надо: должно быть, мне суждено принимать помощь от тебя, от кого я меньше всего ее ожидал, а ты осужден помогать мне во искупление прежних своих злых умыслов. Пока что мне укорить тебя не в чем: ты достойно соблюдал свое обещание. Достойно, говорю я,—прибавил он, оглянувшись на Сэма,—ибо уже дважды мы были в твоей власти, но ты нас не тронул. И не поддался соблазну похитить у меня то, что тебе так желанию. Смотри же, не оплошай в третий раз! И помни, Смеагорл, ты в большой опасности.

— Да, да, хозяин!—сказал Горлум.—В ужасной опасности! У Смеагорла все поджилки трясутся, но он не убегает. Он знает: надо помочь добренькому хозяину.

— Я не о той опасности, которая грозит всем нам,—сказал Фродо.—Угроза еще страшнее нависла над тобой. Ты поклялся Прелестью, как ты называешь—не скажу что. Помни же: она, Прелесть, принудит тебя сдержать клятву, но извратит ее тебе на погибель. Она уже ищет тебя соблазнить. Ты сейчас невольно, по глупости открылся мне. «Отдай ее обратно Смеагорлу»,—сказал ты. Не повторяй этих слов! Изгони всякое помышление об этом! Ты никогда не получишь ее обратно. Но если нечистая похоть осилит тебя—ты погиб. Обратно ты ее никогда не получишь, Смеагорл, но если иного выхода не будет, то я надену твою Прелесть, а Прелесть эта давным-давно подчинила тебя. И, надев ее, я буду приказывать, а ты—повиноваться, даже если я прикажу броситься в пропасть или кинуться в огонь. Берегись, потому что таков и будет мой приказ. Берегись, Смеагорл!

Сэм поглядел на хозяина одобрительно и недоуменно: ни такого вида, ни таких речей он за ним не помнил.

Он-то всегда думал, что дорогой господин Фродо чересчур добрый и через это малость подслеповат. Причем само собой разумелось, что он все равно умней всех на свете (кроме разве что старого господина Бильбо н, может быть, Гэндальфа). Горлум, видно, тоже подумал—ему это было простительно, он и знал-то Фродо всего пять дней,—что добренького хозяинна можно обвести вокруг пальца, и теперь обращенная к нему речь ошеломила и ужаснула его. Он ползал на брюхе и едва мог выговорить два слова: «Добренький хозяин».

Фродо немного подождал, давая ему успокоиться, и сказал уже не так сурово:

— Что ж, Горлум—или, может быть, Смеагорл,—расскажи мне, какой это другой путь, объясни, коли сможешь, чем он надежней того, который лежит передо мной. Поскорей только, я тороплюсь.

Но на Горлума жалко было смотреть: казалось, угрозы Фродо совсем его доконали. Какие там объяснения—он всклипывал, скулил, снова и снова елозил по земле и умолял их обоих пожалеть «бедненького Смеагорла». Наконец он немного поутих, и Фродо мало-помалу вытянул из него, что если идти от Эфель-Дуата на запад, а потом свернуть к югу, то придешь на перекресток посреди густой рощи. Дорога направо ведет к Осгилиату и андуинским мостам, средняя—дальше на юг.

— Дальше, дальше, дальше,—повторял Горлум.—Мы по этой дороге никогда не ходили, но говорят, если пройти сто лиг, то увидишь Огромную Воду, которая не знает покоя. Там много-много рыбы, большие птицы ее ловят и едят—вкусненькие птицы,—только мы там, аххх, никогда не бывали, далеко очень. А еще дальше есть, говорят, совсем другие страны, но там Желтая Морда очень кусается, туч там почти никогда нет, а люди с черными лицами страшно свирепые. Мы туда не хотим идти.

— Не хотим, не хотим,—подтвердил Фродо.—И не пойдем, но тебя не туда занесло. Что третья дорога?

— Да-да, есть и третья дорога,—сказал Горлум,—дорога налево. Она сразу идет в гору, петляет, заводит высоко-высоко в серую тень. А потом огибает черную скалу—и видишь, вдруг видишь прямо над собой, и хочешь скорее куда-нибудь спрятаться.

— Что видишь-то? Что прямо над собой?

— Старую крепость, очень старую, а теперь очень страшную. Было много сказок с юга, когда Смеагорл был маленький, давным-давно. Да-да, по вечерам сидели на берегу Великой Реки под ивами и рассказывали, рассказывали сказки, и Река тогда еще была совсем другая, *горлум, горлум*.

Он захныкал и забормотал. Хоббиты терпеливо ждали.

— Да, сказки с юга,—продолжал наконец Горлум,— про высоких людей с ясными глазами, про их каменные дома словно горы, про короля в серебряной короне и про Белое Древо—красивые сказки. Люди построили башни до небес, и выше всех была серебряно-белая, а в ней— Лунный камень, и кругом высокие белые стены.

— Это, наверно, Минас-Итил, Крепость Восходящей Луны, которую воздвиг Исилдур, сын Элендила,—заметил Фродо.—Тот самый Исилдур, что отрубил палец Врагу.

— Да-да, у него на черной руке только четыре пальца,—задрожав, сказал Горлум,—но ему и четырех хватает. Крепость Исилдура была ему ненавистна.

— Ему все ненавистно,—сказал Фродо.—Но нам-то зачем нужна Крепость Восходящей Луны?

— Хозяин, хозяин, она как стояла, так и стоит: высокая башня, белые дома и крепостная стена,—только крепость стала нехорошая, некрасивая. Тот захватил ее очень давно, и теперь там страшно-страшно. Кто ее видит, хочет уползти и подальше спрятаться, уйти от ее тени. Но хозяину придется идти этим путем, потому что другого нет. Горы там становятся ниже, старая дорога доходит до самых вершин, до темного перевала, а потом вниз, вниз, вниз—на Горгорот.—Он говорил шепотом и дрожал.

— Ну и что?—сказал Сэм.—Враг-то, поди, знает эти горы как свои четыре пальца, и, уж наверно, ту дорогу охраняют не хуже этой? Башня же не пустая стоит?

— Нет, она не пустая,—прошептал Горлум.—Кажется, что пустая, а она не пустая, нет! Там ужас кто угнезвился. Орки, конечно, орки, они везде, но там хуже орков, гораздо хуже. Дорога идет под стенами, в тени, и ведет через ворота. И за дорогой следят, следят изнутри Безмолвные Соглядатаи.

— Ну, спасибо за совет,—сказал Сэм.— Это нам, значит, прогуляться на юг — да видать, не близко — и влипнуть еще похуже, чем здесь?

— Да нет же, нет,—сказал Горлум.— Пусть хоббиты подумают, пусть попробуют рассудить. Оттуда Тот никого не ждет. Око его везде шарит, но по-разному: он ведь куда еще не может видеть все сразу. Он давно завоевал земли от Изгарных гор до Реки, а теперь захватил мосты и думает, что до Лунной башни можно добраться только по мостам или на лодках, а лодки не спрячешь, и он их увидит.

— Ты-то больно много знаешь, что Тот думает да куда смотрит. Недавно с ним разговаривал, что ли? Или с орками якшался?

— Нехороший хоббит, глупснький,—отозвался Горлум, сердито сверкнув глазами на Сэма и опять обратившись к Фродо: — Смеагорл говорил с орками, конечно, говорил, прежде чем встретил хозяина, и не только с орками, со всеми говорил и расспрашивал: он в разные места ходил, Смеагорл. И сейчас повторяет, что ему сказали. Тот знает, что здесь, на севере, всего опаснее: потому и для нас это самый опасный путь. Однажды он выйдет из Черных Ворот, скоро выйдет — только отсюда можно выпустить большое войско. А там, на южном западе, он нападения не опасается, и там следят Безмолвные Соглядатаи.

— Час от часу не легче! — Сэм стоял на своем. — Пойдем, значит, туда, постучимся у ворот и спросим: извините, здесь вход в Мордор? Или они такие безмолвные, что и ответить не смогут? Зачем же тащиться за семь лиг киселя хлебать — уж тогда попробуем здесь за те же деньги.

— Шутить не стоит,—прошипел Горлум.— Совсем не смешно, нет-нет, вовсе не забавно! В Мордор идти незачем, но раз хозяин говорит: *Мне надо, я пойду*, значит, надо искать путь. И через страшную крепость он не пойдет, нет, конечно же, нет. Смеагорл ему поможет, хоть Смеагорлу и не говорят, зачем надо в Мордор. Смеагорл все время помогает. Он сам отыскал. Только он знает.

— Что ты сам отыскал? — спросил Фродо.

Горлум припал к его ногам и снова зашептал:

— В горы ведет мимо крепости маленькая тропочка — к лестнице, к длинной, очень длинной узкой лестнице. Одна лестница, другая, третья, потом, — и шепот его стал едва слышен, — проход, темный-темный проход, за ним узкая расселина в скалах и еще тропочка — высоко-высоко над главным входом. Там Смеагорл спасся из тьмы, но это было много лет назад. Может быть, тропочки уже нет, а может, и есть, может, и есть.

— Ох, не нравится мне вся эта петрушка, — сказал Сэм. — Ишь ты, как, оказывается, просто: иди да посвистывай. Тропочка-то, может, и есть, да уж наверняка ее стерегут. Тогда ее стерегли, а, Горлум? — И при этих словах ему почудилось — или нет? — зеленое мерцанье в глазах Горлума. Горлум что-то глухо проворчал, но вслух ничего не ответил.

— Стерегут или нет? — строго спросил Фродо. — А ты вправду спасся из тьмы, Смеагорл? Разве тебя не отпустили, не отпустили с поручением? Так считал Арагорн — тот, который изловил тебя у Мертвецких Болот.

— Это ложь! — прошипел Горлум, и глаза его зажглись злобой при имени Арагорна. — Он оболгал меня, да, оболгал. Я сам спасся. Да, мне велено было искать Прелесть, и я ее искал и искал, а как же иначе. Но не для Того, не для Черного. Прелесть — наша, она была моя, говорю вам. Я спасся сам.

Фродо был до странного уверен, что тут Горлум, может быть, не так уж и врет, что он и правда отыскал лазейку из Мордора и думал, что отыскал сам, без подсказки. К тому же Фродо заметил, что он говорил «я», а это случалось при редких проблесках забытой честности и правдивости. Но пусть даже Горлум и не врал, Фродо памятовал о коварстве Врага. «Спасение» это могло быть подстроено с ведома и позволения Саурона. К тому же Горлум явно что-то недоговаривал.

— Я тебя еще раз спрашиваю, — сказал он, — стерегут или нет твою тайную тропу?

Но самое имя Арагорна было Горлumu что нож острый, и обозначало сомнение в его правдивости, вдвойне обидное для лжеца, когда ему случится сказать правду или полуправду. Он не отвечал.

— Стерегут? — настаивал Фродо.

— Да-да, может, и стерегут, — буркнул Горлум. — Здесь

все под надзором. Но иначе хозяин нигде не пройдет, тогда пусть уходит домой.

Больше из него не удалось вытянуть ни слова. Название этого высокогорного прохода он утаил или не знал.

А назывался он Кирит-Унгол, и слава у него была дурная. Арагорн объяснил бы им, что это имя значит, Гэндальф остерег бы их. Но с ними не было ни того, ни другого, оба они стояли среди развалин Изенгарда на ступенях Ортканка, и Гэндальф, теряя время, раздвигался с предателем Саруманом. Однако, даже когда Гэндальф изрекал свой приговор и *палаантир* расколол гранитные ступени, он искал мыслью Фродо и Сэммиума, чтоб их ободрить и поддержать.

Может быть, Фродо, сам того не зная, почувствовал эту незримую опору, как было на Овиде; хоть он и думал, что Гэндальф погиб, канул в бездну далекой Морин. Он долго молча сидел, склонив голову и тщетно перебирал в памяти наставления Гэндальфа: годных на этот случай не находилось. Увы, слишком рано покинул их мудрый вожатый, еще далеко было до здешнего сумрачного края. Ничего не говорил Гэндальф о том, как пробраться в Мордор, да и что бы он мог посоветовать? Когда-то он проник в Дул-Гулдур, северную цитадель Врага. Но бывал ли он в Мордоре, возле Барад-Дура и огнедышащей горы, после воцарения Саурона? Вряд ли. И вот — ему, невысоклику из Хоббитании, простому деревенскому хоббиту, надо быть смелее и находчивее магов и витязей. Злая выпала ему доля. Но не сам ли он избрал ее прошлогодней весной в своей уютной гостиной — так давно, будто это было на заре мироздания, когда еще стояли в цвету Серебряное и Золотое Древа? Худой у него выбор. Какой путь предпочесть? И если на том и на другом подстерегают последний ужас и смерть, что толку выбирать?

Тянулся день. Над их серой ложбинкой в двух шагах от Ворот царства ужасов плотным пологом нависла незыблемая тишь. Высокое бесцветное небо в дымных разводах виделось как сквозь тускловатую водяную толщу.

Никакой орел из поднебесья не различил бы пританывшихся хоббитов, молчаливых и неподвижных, закутанных

в серые плащи. Может быть, он углядел бы распростертого на земле Горлума: должно быть, трупик изголодавшегося человеческого детеныша, едва прикрытый лохмотьями, одна кожа да кости — незавидная добыча!

Фродо уткнулся лицом в колени, а Сэм откинулся на спину, заложив руки за голову и глядя из-под капюшона в пустые небеса. Пустовали они долго, но потом Сэму почудилось, будто над ними парит на страшной высоте черная птица не птица; покружилась и улетела. Вторая, третья... четвертая. Они были еле-еле видны, но он-то знал, невесть откуда, что они громадные, как драконы, с широким размахом крыл. Он быстро прикрыл глаза и перекинулся навзничь. Вещий страх и жуткую оторопь, что вызывали у него Черные Всадники, замогильный вой ветра и тень, затмевавшая луну, он испытал и сейчас, но как бы мельком: угроза была отдаленная. Однако же явственная: ее ощутил и Фродо. Мысли его прервались, он вздрогнул, но не поднял лица. Горлум подобрался, точно перепуганный паук. Крылатые тени завершили облет и метнулись к себе в Мордор. Сэм облегченно вздохнул.

— Опять эти Всадники носятся по воздуху, — глухо прошептал он. — Я их видел. А вы как думаете, могут они нас увидеть, да еще с такой высоты? Те-то Черные Всадники вроде бы днем были слепые?

— Вроде бы так, — сказал Фродо. — Кони у них зато были зрячие. А эти их твари, чего доброго, видят лучше всякой хищной птицы: они на стервятников и похожи. Что-то они высматривают: Враг насторожился.

Страх исчез, но и полого безмолвия как не бывало, им казалось, будто они на невидимом островке, а теперь полог сдернули, и гибель опять грозила со всех сторон. И все же Фродо не отвечал Горлуму, он еще не сделал выбора. Глаза его были закрыты: то ли он дремал, то ли советовался сам с собой, ждал подсказки сердца и памяти. Наконец он шевельнулся и встал; казалось, сейчас прозвучит решительное слово. Но он сказал:

— Слышите? Что это такое?

Было чего испугаться: послышалось пенье и грубые окрики, сначала вдали, потом все ближе и ближе. Оба сразу подумали, что это за ними, что Черные Летуны их

высмотрели, и ничуть не удивились молниеносной быстроте—то ли еще могут страшные слуги Саурона! Припав к земле, они прислушивались. Совсем близко звучали голоса, лязгало оружие, брэнчала сбруя. Фродо и Сэм взялись за мечи: бежать было некуда.

Горлум по-паучьи всполз к краю ложбины, осторожно выглянул, не выставляя головы, между камнями и повис, неподвижный, бесшумный. Вскоре голоса стали удаляться и наконец стихли. На стене Мораннона затрубил рог. Горлум отцепился и ящеркой скользнул на дно ложбины.

— Люди идут и идут в Мордор,—сказал он.— Чернолицые люди. Мы раньше таких людей не видели, нет, Смеагорл таких свирепых не видел. У них черные глаза и длинные черные волосы, а в ушах золотые кольца; да, много всякого золотца на них, красивенького золотца. С красными, раскрашенными щеками, в красных плащах; и флаги у них красные, и наконечники копий. А щиты круглые, желтые и черные, с большими шипами посередине. Нехорошие люди: сразу видно, злые и жестокие. Гаже орков и гораздо больше. Смеагорл думает, что онн с юга, с того конца Великой Реки: они пришли по южной дороге. Идут к Черным Воротам, и за ними, наверно, придут еще другие. Все время люди идут в Мордор. Когда-нибудь все люди будут в Мордоре, никого не останется.

— А олифантов с ними не было?—полюбопытствовал Сэм, развесив уши и позабыв всякий страх.

— Нет, не было олифантов. Кто это—олифанты?—спросил Горлум.

Сэм встал, заложил руки за спину (он всегда так делал, когда «говорил стихи») и начал:

Я серый, как мышь.
Спина моя выше крыш.
Нос у меня как змея.
Дрожит подо мною земля.
Я на травке пастись люблю—
Невзначай деревья валю.
Ножищами топ да топ,
Ушищами хлоп да хлоп,
А спать ннкогда не ложусь.
Я тысячу лет брожу,
Брожу сто веков подряд,
Из пасти рога торчат.

Олифантом зовуся я,
В самых южных живу краях.
Я древней всех зверей,
Всех огромней и всех мудрей.
Коль случится меня увидеть—
Увидать захочешь опять.
А коль увидеть не случится—
Будешь врать, что я небылица.
А я олифантом зовусь
И спать никогда не ложусь.

— Вот,—сказал Сэм в заключение,—такие вот стишата я слышал у нас в Хоббитании. Может, и чепуха все это, а может, и нет. У нас ведь тоже сколько хочешь сказок и рассказней про южные края. Бывало, раньше иной хоббит пет-пет да и раскочаается, спутешествует куда глаза глядят. Кое-кто так и пропал, а которые возвращались, тем веры не было: одно дело — «пригоряньские новости», другое — «припечатано в Хоббитании», как говорится. Слыживал я рассказы про черных Громадин из солнечных стран. У нас они зовутся смуглинги, и воюют они будто бы верхом на олифантах. Олифанты носят на спине дома и башни и швыряются деревьями и камнями. Как ты сказал: «Люди с юга, раскрашенные и золотом обвешанные», так у меня само с языка сорвалось: «А олифантов не было?» Потому что, если бы были, я бы сунулся поглядеть, и пропадай моя головушка. Но, может, и правда нет таких зверей на свете.—Он вздохнул.

— Нет, не было с ними олифантов,—повторил Горлум.—Смеагорл про них никогда не слышал и видеть их не хочет. Смеагорл не хочет, чтобы такие звери были на свете. Он хочет скорее уйти отсюда и спрятаться получше. Смеагорл хочет, чтобы хозяин пошел с ним вместе. Добренький хозяин, он пойдет со Смеагорлом?

Фродо встал. Как он ни был озабочен, а все же рассмеялся, когда Сэм читал старинные детские стишки про «олифанта», и смех помог ему решиться.

— Эх, нам бы тысячу олифантов и вперед бы пустить самого белого, а на нем—Гэндальфа,—сказал он,—тогда бы, глядишь, и пробились в эту проклятую страну. Но у нас олифантов нету, есть только усталые ноги, на которые вся надежда. Что ж, Смеагорл, три — счастливое число. Где там твоя третья дорога? Давай веди.

— Хороший хозяин, умный хозяин, добренький хозяин! — радостно восклицал Горлум, обнимая колени Фродо. — Самый хороший хозяин! Отдохните, добренькие хоббиты, только схоронитесь под камушками, чтоб вас совсем-совсем было не видно! Полежите, поспите, пока Желтая Морда не уберется. Тогда мы быстренько пойдем. Побегим тихонько и быстренько, как тени!

ГЛАВА IV

КРОЛИК, ТУШЕННЫЙ С ПРИПРАВАМИ

статок дня отдыхали, прячась от солнечного света, и, лишь когда тени удлинились и ложбину затопило сумраком, собрались в дорогу, немного поели и выпили глоток-другой воды. От путливов Горлум по-прежнему воротил нос, но от воды не отказался.

— Скоро напьемся вдоволь,— сказал он, облизывая губы.— Хорошая вода течет с гор к Великой Реке, вкусная водича там, куда мы идем. Там Смеагорл авось и покушенькает. Он очень голоднющий, очень, *горлум!*

Он приложил широкие плоские лапы к ввалившемуся животу, и в глазах его вспыхнул зеленоватый блеск.

В густых сумерках они подползли к западному краю ложбины, выскочили и припусти-

лись рысцой по взрытой, покореженной земле вдоль дорожной обочины. До полнолуния оставалось трое суток, но яркая луна выглянула из-за гор не раньше полуночи, и сперва было очень темно. Клык Мордора буровил темноту красным лучом—больше ничего не видать было и не слышать, но бессонная стража Мораннона уж наверняка отовсюду смотрела.

Красный луч, точно одноглазый взгляд, преследовал беглецов, спотыкавшихся на каменистой пустоши. Выйти на дорогу они не смели, держались слева от нее, по возможности неподалеку. Наконец уже на исходе ночи, когда они изрядно утомились (только разок немного передохнули), луч стал огненной точкой и совсем исчез—его заслонил темный хребет нижнего кряжа: дорога свернула на юг.

На сердце полегчало, и они опять рискнули присесть, хотя Горлуму и не сиделось. По его прикидке, от Мораннона до распутия близ Оспиата было около тридцати лиг, и он хотел их осилить за четыре ночных перехода. Они снова побежали, отступаясь на каждом шагу, но уже светало, и пустынное серое угорье все более обнажалось. Почти восемь лиг было пройдено, и хоббиты вконец выбились из сил, да и рисковать не стоило.

Взгляду их открывалась земля не столь запущенная и опоганенная, как у Ворот Мордора. Слева по-прежнему грозно нависали горы, но южная дорога, завидневшаяся поблизости, уходила наискосок, к западу от сумрачных подножий. Темные купы деревьев вверху на склонах казались осевшими клочьями туч, а впереди простиралась диковатая пустошь, заросшая вереском, раkitником, кизилом и всяким иным, незнакомым кустарником. Там и сям высилось несколько сосен. Усталые хоббиты приободрились: воздух был свежий и душистый, и все вместе напоминало им холмы далекого Северного удела. Ужасы отошли в будущее, а пока что они брели по земле, которая лишь недавно подпала под владычество Саурона, и Черный Властелин еще не успел ее изгадить. Но хоббиты не забывали, что клыкастая пасть его пока совсем неподалеку, хотя и спрятана за угрюмыми вершинами, и подыскивали какое ни на есть укрытие на опасное дневное время.

День был томительный. Они лежали в зарослях вереска и кое-как коротали медленные дневные часы: тень Эфель-Дуата давила на них, солнце скрывалось в серых тучах. Фродо временами засыпал, спокойно и глубоко, то ли доверяя Горлуму, то ли от усталости не желая о нем думать, а Сэм дремал вполглаза, даром что Горлум дрыхнул, гад, без задних ног, всхрапывая и дергаясь,—за такие сны ему бы голову оторвать. По правде-то, не спалось ему не из-за Горлума, а из-за голода: очень хотелось поесть по-домашнему, какой-нибудь горячей стряпнятинки.

Когда окрестность утонула в серой мгле, они тронулись в путь. Вскоре Горлум спустился на дорогу, и они зарысили быстрее, хоть и не без опаски. Держали ушки на макушке: не раздастся ли стук копыт, тяжелая поступь спереди или сзади? Но не слышно было ни копыт, ни поступи — ночь прошла спокойно.

Дорогу проложили в давние времена, и миль на тридцать от Мораннона она была уложена заново, но южнее изрядно заросла. Строили ее мастера своего дела: ровная и прямая, она врезалась в каменные откосы, взбегала на широкие прочные арки над ручьями, но постепенно исчезали всякие следы кладки, разве что высунется сбоку из кустов сломанный столб да проглянет обомшелая, затравенелая плита. Косогор за обочинами, как и сама дорога, зарос деревьями, вереском, папоротником. Большак превратился в заброшенный проселок, однако же прямой как стрела: он вел их к цели самым коротким путем.

Так вышли они на северную окраину земли, которую люди некогда звали Итилией, лесистое, ручьиное всхолмье. Луна уже почти округлилась, высыпали звезды; воздух благоухал все гуще, и Горлуму это было явно не по нутру: он фыркал и злобно ворчал. Первые лучи рассвета застигли их в конце долгой, глубокой, крутосклонной ущелины, напрямую прорезавшей встречный утес. Они вскарабкались на западный склон и огляделись.

В небе занималась заря, и они увидели, что горы отодвинулись, изогнувшись к востоку и теряясь вдаль. На западе плавно уходили вниз подернутые дымкой пологие склоны. Дышали смолой хвойные рощи: пихты, кедры,

кипарисы и еще другие деревья, неизвестные в Хоббитании; светились широкие прогалины. И повсюду росли душистые травы и раскинулся кустарник.

Сколько несчитанных миль прошли они на юг от Раздола и от родных мест, но лишь здесь вполне ощутили наступление весны. Весна хозяйничала напропалую: сквозь мох и плесень повсюду пробивались ростки, лиственицы зазеленели, из травы светло выглядывали изумленные цветы, и вовсю распевали птицы. Итилия, запущенный сад Гондора, дивила и радовала своей красотой.

На юге и на западе тянулись теплые долины Андуина, закрытые с востока хребтом Эфель-Дуата, однако удаленные от его тени, а с севера их защищало Привражье, и только с дальнего юга свободно прилетали и резвились теплые ветерки. Вокруг огромных, давным-давно посаженных, а нынче неухоженных деревьев весело разрастался молодняк: полонил землю душистый тамариск, росли маслины и лавры, можжевельник и мирт, кустился чебрец, извилистыми ветвями заслоняя проросшие плиты, шалфей цвел синими цветками, цвел красными, бледно-зелеными, были тут душица и свежая невзрачница и еще много разных трав, о которых Сэм понятия не имел. Провалы и каменистые скаты заросли камнеломкой и заячьей капустой. Очнулись и выглянули туберозы и анемоны, асфодель и другие лилейные цветы кивали полураскрытыми бутонами, и густой пышно-зеленой травой поросли пруды, в которых задерживались прохладные горные струи на пути в Андуин.

Беглецы спустились вниз от дороги в зеленую гущу и с головой окунулись в запах духовитых трав и кустарников. Горлум кашлял и отплевывался, а хоббиты дышали полной грудью, и вдруг Сэм засмеялся — от радости, а не оттого, что было смешно. Они спускались вдогонку за речными струями, и быстрая речушка привела их в неглубокую ложину: там был обветшалый каменный водоем. Резные мшистые его края заросли шинповником, кругом рядами выстроились нежные ирисы, а на темной, зыбкой поверхности колыхались кувшинки; свежая, чистая вода изливалась по желобу.

Они умылись, напились и стали немедленно искать укромное местечко для отдыха: это все ж таки были вражеские владенья. Недалеко отошли они от дороги и сразу наткну-

лись на военные увечья—застарелые и свежие шрамы земли; может, орки постарались, а может, еще какие Саурановы лиходеи. Смердела незарытая отхожая яма, валялись древесные стволы, исчерканные мордорскими рунами, меченные грубым и страшным знаком Ока.

Сэм разведаль сток, обнюхал и потрогал незнакомые деревья, не говоря уж о кустиках и травах. За этим занятием он про близкий Мордор и думать забыл, но тот напомнил о себе сам: Сэм чуть не провалился в изгарную яму, в кучу обожженных, изрубленных костей и черепов. Яма уже заросла вереском, шиповником, ломоносом, зелень затянула следы недавнего побоища. Сэм поспешил обратно, но открытие свое утаил: не хватало еще, чтобы голодный Горлум полез ворошить и обгрызать мертвые кости.

— Поищемте местечко поуютнее,—сказал он.—Только не внизу. Чем выше, тем лучше.

И точно: над озерцом обнаружилась темно-бурая поросль прошлогоднего папоротника. Выше склон зарос темно-зеленым лавром, а вершину крутого холма венчал старый кедрач. Решено было забраться в папоротники и скоротать там наступающий день, по-видимому теплый и ясный. Идти бы и идти по рощам и полянам Итили, тем более что и орки не любят дневного света; ну а вдруг они отсиживаются где-нибудь в темных тайниках и следят оттуда? И кроме них есть кому следить: у Саурана соглядатаев хватает. Да и все равно Горлум не потерпит Желтой Морды в небесах, а она вот-вот выглянет из-за кряжей Эфель-Дуата и начнет, назло Горлumu, светить и греть.

Сэм шагал и раздумывал о своем: о еде. В растреклятые Ворота соваться теперь не надо, и он снова посетовал на беспечность и недальновидность хозяина; вообще кто там знает, что дальше будет, а эльфийские дорожные хлебцы не худо бы приберечь про черный день. С тех пор как он подсчитал, что запаса у них в обрeз на три недели, прошло уж целых шесть дней.

«Это еще хорошо, ежели не припозднимся!—соображал Сэм.—А потом что—лапу сосать? Потом ничего не будет! А ну как будет?»

К тому же он после длинного ночного перехода, напившись и искупавшись, был еще голоднее обычного. Ужин или же завтрак на старой кухне в Исторбинке пришелся бы сейчас в самый раз. Тут его осенило, и он поглядел на Горлума. Тот встал на карачки и принюхивался, готовясь выползти из папоротников.

— Эй, Горлум! — позвал он. — Куда собрался? На добычу? Вот что, скорохват-руконог: ты от нашей еды нос воротить, да и мне она поднадоела. А ты нынче так и рвешься помогать. Может, добудешь что-нибудь на зуб голодному хоббиту?

— Может быть, может быть, — сказал Горлум. — Смеагорл всегда помогает, если его ласково попросят.

— Ну так я тебя ласково попрошу, — сказал Сэм. — А если тебе этого мало, то попрошаю.

Горлум исчез; Фродо сгрыз полпутлиба, забрался поглубже в папоротник и уснул. Сэм пошел посмотреть, как ему спится; еще только-только светало, но и лицо хозяина, и его устало вытянутые руки виднелись ясно. Он вдруг вспомнил, как Фродо все спал и спал в доме Элронда, оправляясь от смертельной раны. Тогда Сэм почти не отлучался от его постели и заметил, что он как-то вроде бы светится изнутри. Теперь-то уж точно светился. Ни страха, ни озабоченности не было в лице Фродо, красивом и постаревшем, точно минули не месяцы, а многие годы: оно не изменилось, но тонкой сетью проступили на нем бесчисленные морщинки. Правда, Сэм Скромбл думал не этими словами; он покачал головой — что, мол, тут скажешь! — и пробормотал:

— Люблю я его. Вот он такой и есть, как изнутри просвечивает. Да что там, люблю — вот и весь сказ!

Неслышно возвратился Горлум; взглянув на Фродо через плечо Сэма, он закрыл глаза и без единого слова отполз в сторону. Сэм через минуту подошел к нему и слышал жеванье и бурчанье. На земле подле него безжизненно вытянулись два небольших кроличка: он жадно косился на них.

— Смеагорл всегда послушно помогает, — сказал он. — Он принес кроликов, вкусненьких кроликов. Но хозяин заснул, и Сэму небось тоже хочется спать? Он не будет

сейчас есть кроликов? Смеагорл очень старается, но зверюшки не сразу ловятся.

Сэм был покамест согласен на кроликов, так он и сказал Горлуму. Правда, есть их сырым он не собирался. Все хоббиты, само собой, умеют стряпать—их этому учат раньше, чем грамоте (которой бывает, что и не учат), но Сэм даже по хоббитским меркам был повар хоть куда, и, сколько раз за время их путешествия что-нибудь стряпалось, столько раз стряпал Сэм. Даже когда они с хозяином сбежали налегке, он и то успел прихватить кой-какую утварь: маленькую трутницу, две плоские кастрюльки, одна в другой, деревянную ложку, двухзубую вилку и несколько вертелов, а глубже и заботливее всего было припрятано в деревянной коробочке главное и невосполнимое сокровище—пригоршня соли. Однако надо было разводить огонь: вообще возни многовато, но того стоит. Сэм поразмыслил, достал кинжал, почистил, подточил его—и принялся свежевать кроликов. Спящего Фродо он не хотел оставлять без присмотра даже на пару минут.

— Слышь, Горлум,—сказал он,—у меня есть для тебя еще одно дело. Сходн-ка ты набери водицы в эти вот кастрюльки.

— Смеагорл сходит за водой, раз его просят,—сказал Горлум.—Но зачем хоббиту столько воды? Он напился, он умылся.

— За тем самым,—сказал Сэм.—Узнаешь, коль не догадываешься. Как воды принесешь, так сразу и узнаешь. Только смотри, за кастрюльки своей горлумской головой отвечаешь.

Пока Горлума не было, Сэм пошел снова взглянуть на Фродо. Тот по-прежнему мирно спал, и в этот раз Сэма особенно поразила худоба его лица и рук.

— Чересчур отощал,—ворчливо сказал он.—Будто и не хоббит вовсе. Ладно, вот сготовлю трусиков—и все-таки разбужу его.

Сэм набрал кучу сухого папоротника, слазил на гору и приволок хворосту; разлапистой кедровой ветви должно было хватить надолго. Он подрылся под холм и сварганил очажок, нащипал веточек, в два счета управился с огнем, и запылало веселенькое пламя, почти не дымившее, а слегка благоухавшее. Он заслонял и подкармливал свой костерок, когда вернулся Горлум, осторожно

неся полные кастрюльки и ворча себе под нос.

Он поставил воду, не расплескав, но вдруг увидел, чем занят Сэм, и издал сипловатый визг, рассерженный и испуганный взраз.

— Аххх! Нет-ссс! — вскрикнул он. — Нельзя! С ума сошли глупые хоббитцы, да-да, совсем сошли с ума. Нельзя этого делать!

— Чего нельзя-то? — удивился Сэм.

— Нельзя распускать гадкие красные языки! — злился Горлум. — Огня нельзя, огня: он опасный! Он кусается, он жжется. Он выдаст нас врагам, обязательно выдаст!

— Да вряд ли, — сказал Сэм. — Не выдаст, если не совать в костер сырые ветки. Ну а выдаст — значит, такая наша судьба, никуда не денешься. Мне надо трусиков сварить-потушить.

— Сварить кроликов! — визгнул Горлум. — Испортить чудесное мяско, которое раздобыл и отдал Смеагорл, бедный голодненький Смеагорл! Зачем? Зачем, глупый хоббит? Они молоденькие, сочные, вкусненькие. Ешь их, ешь! — И он потянулся когтистой лапой за кроличьей тушкой, лежавшей на листьях у огня.

— Но-но, приברי грабки! — сказал Сэм. — На вкус и цвет товарищей нет. Ты вон отплевываешься от наших хлебцев, а мне сырой кролик в глотку не полезет. Ты мне трусиков отдал — и ладно, это уж мое дело, как их слопать. Хочу вот их потушить, и хоть ты тресни. Иди налови других и кушенькай их, как знаешь, только чтоб я не видел. Давай, давай, а то кому что глаза мозолит: тебе мой костерок, а мне тут один хмырь болотный. За огнем я пригляжу, он дымить не будет, не беспокойся.

Горлум с ворчаньем уполз в папоротники, а Сэм занялся стряпней.

— Взять ту же крольчатину, — говорил он себе. — Что нужно хоббиту к ней на придачу? Травки-приправки, коренья-картохи, ну, хлеб само собой. А за травками-то, пожалуй, недалеко ходить. Горлум! — тихо позвал он. — Услужи, будь другом, в третий раз. Нарви мне кой-каких травок.

Горлум выставил голову из зарослей, но его физиономия не выражала ни дружелюбия, ни готовности к услугам.

— Лавровых листиков, тимьяна и шалфею — да скоренько, пока вода не закипела, — сказал Сэм.

— Нет! — сказал Горлум. — Смеагорл сердитый. И Смеагорл не любит вонючие листики. Он не ест всяких травок-кореньев, нет, моя прелесть, только если совсем-совсем голодный или если он заболел, бедненький Смеагорл.

— Если бедненький Смеагорл не будет слушаться, то вот сейчас вода вскипит и сильно его покусает, — пригрозил Сэм. — Злой Сэм ткнет его носиком в кипяток, да, моя прелесть. Будь сейчас другое время года, ты у меня отыскал и нарыл бы брюквы, морковки, а может, и картох. Здесь наверняка много чего самосейкой растет. Эх, сейчас бы пяток картох!

— Смеагорл не пойдет никуда, он уже находился, да, моя прелесть, — прошипел Горлум. — Он боится ходить, и он очень устал, а хоббит плохой, гадкий, нехороший. Смеагорл не станет рыться в земле, искать коренья, морковки и картохи. Какие картохи, моя прелесть, какие такие картохи?

— Кар-то-фе-ли-ны, — сказал Сэм. — Жихарь в картошке души не чает, а уж ежели набить пустое брюхо, так лучше-то ничего и на свете нет. Картох тебе искать не надо, все равно не найдешь. Ты лучше будь послушненьким Смеагорлом и нарви мне травок, вот мы с тобой и поладим, а если не рассоримся по твоей милости, то я тебе как-нибудь сготовлю картошечки. Печеная рыбка с жареной картошечкой по рецепту С. Скрэмби — небось не откажешься.

— Нет, нет-ссс, откажемся. Нельзя печь, нельзя портить вкусненькую рыбку. Дай рыбку сейчас, и не надо мерзской картошечки!

— Ну, с тобой толковать — это надо гороху наестся, — сказал Сэм. — Ладно, иди дрыхни!

В конце концов он обошелся и без Горлума: нарвал травок-листочков на пригорке неподалеку, даже не потеряв из виду спящего хозяина. Сидя у костра, подкладывая хворостинки, он размышлял так себе, ни о чем: вода что-то долго не закипала. Кругом разливался утренний свет, теплело с каждой минутой; роса обсохла на траве и на листьях. Кастрюльки с заправленной по-умному крольчатинной булькалки над костром, и Сэм, пока суд да дело, чуть не

заснул. Кролики тушились час или около того: он тыкал в них вилкой и время от времени пробовал бульон.

Наконец он признал блюдо готовым, снял кастрюльки с огня и пошел будить Фродо. Тот приоткрыл глаза, увидел стоящего над ним Сэма и расстался с мирными, милыми, нездешними сновиденьями.

— Сэм, ты чего? — проговорил он. — Почему не спишь? Что-нибудь стряслось? Сколько времени?

— Да уж часа два как рассвело, — сказал Сэм. — У нас в Хоббитании примерно полдевятого. Пока ничего не стряслось. Хотя как сказать: ни тебе кореньев, ни лука, ни картох. Тут я кое-что потушил, сударь, и бульончик имеется: подзаправьтесь малость. Из кружки, что ль, будете? А можно прямо из кастрюльки, вот только остынет. Тарелок то нет, все сикось-пакось.

Фродо зевнул и потянулся.

— Ты бы лучше отоспался, Сэм, — сказал он. — И костер здесь разводить не надо бы. Но я правда жутко голодный. Хмм! — Он потянул носом. — Даже отсюда пахнет. Что это ты состряпал?

— Да Смеагорл расщедрился, — сказал Сэм. — Отвалил нам парочку крольчат; теперь небось локти кусает. Но к ним — ничегошеньки, спасибо хоть нашлось чем приправить.

Они устроились поудобнее и принялись уплетать мясо из кастрюлек, орудуя на пару ложкой и вилкой. Разломали и сжевали еще один путлиб — словом, пир, да и только.

— Фью-уу! Горлум! — присвистнув, позвал Сэм. — Иди сюда! Передумывай, пока не поздно. Отведай тушеной крольчатинки, тут еще порядком осталось.

Но ответа не было.

— Делать нечего, придется доедать, — вздохнул Сэм. — Да он себя не обидит: я думаю, пошел по свежатинку.

— И теперь уж давай поспи, — сказал Фродо.

— Я, так и быть, сосну, а вот вы, сударь, не дремите. С ним надо ухо востро. Он же все-таки наполовину Вонючка, ну, вы меня поняли, прежний Горлум-лиходей, а сейчас вроде как больше, чем наполовину. Сперва-то он, будьте уверены, меня попробует придушить. Худо мы с ним ладим, не нравится ему Сэм, нет-ссс, моя прелесть, совсем не нравится.

Они подлизали кастрюльки, и Сэм пошел вниз к ручью мыть посуду, домыл, встал на ноги и оглядел пригорок. Солнце как раз поднялось над дымным облаком или туманным маревом—над вечно затененными горами—и озарило золотистым светом дерева и лужайки. Вверху, над рощицей, вилась как нельзя более заметная под солнцем тонкая струйка сероватого дыма. Он вздрогнул и понял, что это дымит его костерок, который он толком не загасил.

— Хорошо, нечего сказать! Вот недотепа!—пробурчал он и бегом припустил назад, но вдруг остановился и насторожил уши. Свистнули—или почудилось? Может, какая здешняя птица? А если свист, то не со стороны, где Фродо. Тут раздался ответный свист, совсем уж с другой стороны. Сэм помчался опретью.

Оказалось, головешка подпалила кучку папоротника возле костра, и затлелась подсохшая трава. Он поспешно вытоптал огонь, разбросал золу и завалил очажок дерном. И пополз к Фродо.

— Слышали свист и потом ответный?—спросил он.—С минуту-другую назад? Хорошо бы это были птицы, да что-то не похоже: скорее перекликаются по-птичьи. А тут еще мой костерок дымить вздумал! Стрясется из-за меня беда—никогда себе этого не прощу, ежели нас сразу не укокошат!

— Чшшш!—шепнул Фродо.—Кажется, голоса.

Хоббиты мигом увязали и навьючили котомки, отползли подальше в заросли и притаились.

Теперь уж не стало сомнений, что это голоса: негромкие, осторожные, но близкие, все ближе и ближе. Внезапно кто-то сказал совсем рядом:

— Вот след костра! Дым отсюда шел. Далеко он убежать не мог: должно быть, засел в папоротниках. Сейчас мы его словим, как кролика, и разберемся, что это за птица!

— И вытянем из него всю подноготную!—отозвался другой голос.

Четыре человека вошли в заросли с разных сторон. Бежать было некуда, прятаться поздно: Фродо и Сэм вскочили на ноги и стали спина к спине, выхватив мечи.

Но ловчие были изумлены куда больше, чем дичь. Четыре рослых воина остановились как вкопанные. Двое держали в руках копия с широкими светлыми жалами. У

других двоих были луки в человеческий рост и колчаны с длинными зеленоперыми стрелами. Мечи при бедре у каждого; пятнистое буро-зеленое облачение, видимо, служило для маскировки, затем же зеленые рукавицы, зеленые капюшоны и повязки на лицах. Видны были одни глаза, ясные и яркие. Фродо сразу припомнился Боромир: эти люди походили на него ростом, статью и речью.

— Кого искали, того не нашли,— сказал один.— А кого мы нашли?

— Это не орки,— сказал другой, отпустив рукоять меча, за которую взялся при виде Терна в руке Фродо.

— Может, эльфы?— неуверенно вымолвил третий.

— Нет! Это не эльфы,— заметил четвертый, самый высокий и, судя по осанке, их предводитель.— Эльфы больше в Итилию не заходят. К тому же, как известно, эльфы—народ дивной красоты.

— Видать, мы вас своей красотой не удивили,— сказал Сэм.— Спасибо на добром слове. А вы, может, перестанете нас обсуждать, представитесь сами и объясните, зачем помешали отдыху двух усталых странников?

Высокий воин в зеленом угрюмо рассмеялся.

— Я Фарамир, военачальник Гондора,— сказал он.— Странников в здешних местах не бывает: либо вы служите Черным Силам, либо Светлым.

— Одиако же ни то, ни другое неверно,— сказал Фродо.— При всем уважении к военачальнику Фарамиру мы тем не менее странники.

— Тогда немедля объявите, кто вы такие и куда путь держите,— сказал Фарамир.— Нам некогда разгадывать загадки или обмениваться любезностями. Да! И где третий ваш спутник?

— Третий?

— Да, такой вороватый молодчик: он мочил нос в пруду, вон там. Довольно гнусного вида существо. Верю, из породы орков-соглядатаев или их подручный. Но он каким-то чудом исхитрился от нас улизнуть.

— Не знаю, где он,— сказал Фродо.— Он наш случайный спутник, и я за него не в ответе. Но если он вам еще попадется, пощадите его: приведите или отошлите к нам. Это жалкая, заблудшая тварь, меня свела с ним судьба. Что же до нас, то мы—хоббиты из Хоббитании, северо-западного края за многими реками. Меня зовут Фродо,

сын Дрого, а это Сэммиум, сын Хэмбриджа, достойный хоббит, взятый мною в услуженье. Мы пришли издалика—из Раздола, или Имладриса, как он иначе зовется.—Тут Фарамир насторожился и стал слушать очень внимательно.—С нами было еще семеро; один погиб в Мории, с другими мы расстались в Парт-Галене за Рэросом: двое из них нашей породы, а еще—гном, эльф и два человека, Арагорн и Боромир из южного града Минас-Тирита.

— Боромир!—воскликнули все четверо.

— Боромир, сын наместника Денэтора?—сказал Фарамир, и лицо его странно посуровело.—Вы шли с ним? Это поистине новости, если это правда. Знайте же малютки-странники, что Боромир, сын Денэтора, был Верховным Стражем Белой Крепости и нашим воеводою—худо приходится нам без него. Так почему же вы оказались в одном отряде с Боромиром? Отвечайте скорее, солнце уже высоко!

— Тебе ведомы слова, за разгадкой которых Боромир отправился в Раздол?—отвечал вопросом Фродо.

Но в Имладрисе скуют опять
Сломанный меч вождя...

— Слова эти мне ведомы,—с удивлением сказал Фарамир.—И то, что они ведомы вам, говорит в вашу пользу.

— Так вот, Арагорн, о котором я упоминал,—владелец Сломанного Меча,—сказал Фродо.—А мы—невысоклики, о нас там тоже шла речь.

— Вижу,—задумчиво сказал Фарамир.—Вернее—вижу, что может быть и так. А Проклятие, которое добыл в бою Исилдур,—это что?

— Это пока сокрыто,—ответствовал Фродо.—Со временем, вероятно, разъяснится.

— Придется вас толком допросить,—сказал Фарамир,—а то все же непонятно, как вы забрели так далеко на восток и блуждаете в тени...—Он указал рукой и не стал называть горы.—Но это все потом, сейчас нам недосуг. Вам грозила гибель, недалеко прошли бы вы по этой дороге или окрестными холмами. Сегодня здесь будет большая сеча, и либо мы из нее не выйдем живыми, либо разгромим неприятеля и быстро отступим к Андуину. Я

оставляю с вами двоих, для вашей охраны и ради моего спокойствия. Безрассудно доверять случайным встречным на здешних дорогах. Если я вернусь, поговорим подробнее.

— Прощай же! — сказал Фродо, низко поклонившись. — Думай обо мне как знаешь, но я — в дружбе со всеми, кто воюет против общего врага. Мы пошли бы на бой, если бы столь могучие и доблестные мужи, как вы, не побрезговали нашей помощью, а я бы мог пренебречь своим поручением. Да воссияют ваши мечи!

— Что ни говори, а невысоклики — народ учтивый, — усмехнулся Фарамир. — Прощай!

Хоббиты снова уселись, но поверять друг другу мысли и сомнения не стали: рядом, в рассеянной тени лавров, стояли двое стражей. Они то и дело снимали повязки с лица — уж очень пѣрило, — и Фродо видел светлокожих, темноволосых и сероглазых мужчин, полных достоинства и суровой печали. Разговаривали они вполголоса, сперва на всеобщем языке, но как-то по-старинному; потом зазвучало иное наречие. Фродо ушам не поверил, услышав эльфийский язык, правда немного измененный, и принялся удивленно разглядывать воинов, ибо понял, что они — южные дунаданцы, потомки властителей Заокраинного Запада.

Наконец он решился заговорить с ними: они отвечали медлительно и немногословно. Звали их Маблунг и Дамрод, они были дружинниками Гондора, итильскими Следопытами, ибо их предки жили в Итили, покуда она не была завоевана. Из таких, как они, наместник Денѣтор составил передовые отряды, воины Следопыты втайне переправлялись через Андуин (где и как, они, конечно, не сказали) и набегами громили и рассенвали орков и прочую солдатню Саурона между Великой Рекой и Эфель-Дуатом.

— Отсюда до восточного берега Андуина около десятка лиг, — сказал Маблунг. — Так далеко мы редко заходим. Но нынче случай особый: подкарауливаем хородримцев, будь они сто раз неладны!

— Да, беда с этими южанами! — подтвердил Дамрод. — Говорят, в старину Гондор даже торговал с хородскими

царьками, хотя дружбы с ними никогда не было. Прежде владычество Гондора простиралось до устьев Андуйна, и Умбар, самое ближнее их царство, был вассальным. Но это дела давние: много жизней утекло с тех пор. Умбар отложился, о прочих долго ничего не было известно. Лишь недавно узнали мы, что Враг соблазнил их посулами власти и наживы и они ему предались—издавна, как многие царства Востока, склонялись они к нему. Увы, дни Гондора сочтены, и недолго выстоят стены Минас-Тирита, ибо велико могущество Врага и непомерна его злоба.

— Но все же мы не сидим сложа руки и, сколько можем, препятствуем его умыслам,—сказал Маблунг.— Треклятые южане выслали огромное войско, будто без них мало полчищ собрал за стенами Мордора властелин Черного Замка, и оно шествует по древним дорогам, когда-то проложенным мастерами-строителями Гондора. Идут в открытую, не стерегутся: видно, уповают на могущество своего нового владыки, думают, что одна тень его воли оборонит их. Ну, мы их немного проучим. Несколько дней назад нас оповестили, что войско их на подходе и передовой отряд появится еще до полудня там, наверху, где развилиной проходит большак. Большак-то проходит, а они не пройдут. Фарамир их не пропустит: он теперь наш всегдашний предводитель в смертельных схватках. Но его смерть минует и судьба щадит—может статься, для горшей участи.

Разговор прервался: все замолкли и прислушались. Застыла настороженная тишь. Сэм выглядывал из своего папоротникового укрытия и зорким хоббитским глазом видел, что люди кругом прибывали и прибывали: крались по склонам в одиночку или длинными вереницами, хоронясь близ лесочков и рощиц, иные пробирались по траве и сквозь кустарник, почти невидимки в своем пятнистом буро-зеленом облачении. Все были в нахлобученных капюшонах, в зеленых рукавицах и вооружены, как Фарамир и его спутники. Прошли и бесследно исчезли среди бела дня. Высоко стояло полуденное солнце. Тени укоротились.

«Где-то наш оглоед Горлум?—подумал Сэм, забираясь

в папоротник поглубже, чтоб не припекало.—Примут его за орка—мокрого места не оставят. А тут еще Желтая Морда так и норовит изжарить. Ну, ему к переделкам не привыкать: авось уцелеет».

Он разлегся возле Фродо, задремал—и проснулся от дальнего пенья рогов. Проснулся, сел и огляделся: солнце светило вовсю и пекло немилосердно, их стражи замерли начеку в тени деревьев. Рога затрубили громче—и совсем неподалеку, на горе. Сэму послышался боевой клич и дикие вопли, но это подальше, словно из какой-то пещеры. Потом грохот битвы докатился до них: казалось, дерутся почти рядом. Сталь скрежетала о сталь, мечи со звоном врубались в железные шлемы и глухо ударяли о щиты, крики мешались с отчаянным визгом, и разносился громозвучный клич: *Гондор! Гондор!*

— Будто сто кузнецов враз за работой,—сказал Сэм Фродо.—Ближе-то лучше бы не надо.

Но битва еще приблизилась.

— Вот они!—крикнул Дамрод.—Глядите-ка! Десяток-другой южан прорвал засаду: бегут вниз с дороги. Удирать от всех ног, а наши не отстают, и Фарамир впереди всех!

Сэм не пожелал упустить зрелище, пошел к стражам, взлез на высокий лавр и увидел, как смуглые люди в красном сломя голову мчатся по склону, а за ними—зеленые воины, с маху рубя их на бегу. Тучей летели стрелы. Вдруг с пригорка над их убежищем рухнул, ломая деревца, человек и чуть не придавил Фродо, распластавшись лицом вниз за несколько футов от него. Зеленоперые стрелы торчали из-под золотого наплечника, алый плащ был изорван, медный пластинчатый панцирь разрублен, черные космы, переплетенные золочеными нитями, намокли от крови. Его коричневая рука сжимала рукоять сломанного меча.

Так Сэм впервые увидел, как страшно люди бьются друг с другом, и ему это очень не понравилось. Он был рад, что хоть мертвого лица не видно. «Интересно,—подумал он,—как его звали, откуда он родом, злое у него было сердце или же его обманом и угрозами погнали в дальние края; может, ему вовсе не хотелось воевать, и он

лучше остался бы дома», но эти мысли унеслись точно дым, ибо едва Маблунг шагнул к мертвецу, как накатился неимоверный грохот. Голосили, вопили, орали, но все заглушал трубный вой, а потом землю сотряс топот, будто рушились тяжеленные бревна.

— Берегись! Берегись! — крикнул другу Дамрод. — Оборони нас валары! Мумак! Мумак!

С изумленьем, ужасом и восторгом увидел Сэм громадного зверя, сметающего деревья на пути вниз. Огромный, как дом, да нет, куда больше любого дома, он показался хоббиту живой горой в серой коже. У страха глаза велики, а он их вдобавок разинул, но хородский мумак и правда был зверем невиданной величины, теперь таких в Средиземье уже не осталось, нынешняя его отдаленная родня — пигмеи рядом с ним. Он мчался прямо на них, но свернул и прогрохотал мимо за несколько ярдов: ножищи его были как деревья, ушищи хлопали, как паруса, длинный хобот подъят, будто грозный, готовый наброситься змей, маленькие глазки воспалены; из-под задранных, будто рога, бивней в золотых кольцах хлестала кровавая пена. Алая с золотом изодранная попона волочилась за ним; на спине его застряли обломки боевой башни, сокрушенной о деревья; и крохотный человечек отчаянно цеплялся за его шею — могучий воин, исполин среди смуглингов.

Страшный зверь промчался, разметав рощу и разломав каменный водоем. Стрелы свистели вокруг него и отскакивали от его толстенной шкуры. Южане и гондорцы бежали перед ним; кто попадался, тех он хватал хоботом и расшибал об землю. Вскоре он исчез из виду, трубя и топоча. Что с ним случилось — этого Сэм не узнал: может, он еще долго носился по пустошам, пока не сгинул в чужих краях или не угодил в глубокую яму, а может, с разгону добежал до Великой Реки и в ней утонул.

Сэм восхищенно перевел дыхание.

— Олифант! — выговорил он. — Есть, значит, олифанты, и я одного видел. Вот это жизнь! Но дома-то кто мне поверит? Ну, если больше ничего не покажут, я пошел спать.

— Спи, пока можно, — сказал Маблунг. — Но скоро начальник вернется, если он жив, конечно; а как вернется,

так мы немедля и в путь. Лишь только Враг проведает о кровавой битве, сразу вышлет за нами погоню.

— Ну и уходите, только не топчите! — сказал Сэм. — Не мешайте мне спать, я всю ночь провел на ногах.

Маблунг рассмеялся.

— Сомневаюсь, что Фарамир оставит вас здесь, господин Сэммнум, — сказал он. — Впрочем, увидите сами.

ГЛАВА V

ЗАКАТНОЕ ОКНО

эму казалось, что он проспал несколько минут; между тем проснулся он часа через три, когда возвратился Фарамир и с ним много-много людей; все, кто уцелел в битве, собрались на склоне холма — человек двести или триста. Они расселись широким полукругом; Фарамир сидел посредине, перед ним стоял Фродо. Это походило на странное судилище.

Сэм выполз из папоротников, никем не замеченный, и пристроился к человеческому полумесяцу с краю; оттуда было хорошо видно и слышно, и он глядел во все глаза и не пропускал ни одного слова, готовый, ежели что, тотчас ринуться на выручку хозяину. Повязка больше не скрывала лицо Фарамира, суровое и властное; его устремленные на Фродо серо-стальные глаза глядели остро, пронизательно и раздумчиво.

Сэм скоро понял, что Фарамиру подозрительны недомолвки Фродо, из-за которых неяс-

но, зачем он шел с Отрядом от Раздола, почему расстался с Боромирром и куда направляется теперь. То и дело заводил он речь о Проклятии Исилдура: словом, явно раскусил, что самое важное от него скрывают.

— Раз невысоклик отважится взять на себя Проклятие Исилдура,— настаивал он,— и раз ты и есть тот невысоклик, значит, тебе известно, что это за Проклятие, и ты предъявил его Совету, о котором говоришь, а Боромир видел его. Так или не так?

Фродо не отвечал.

— Так!— сказал Фарамир.— Ты скрытничаешь, однако же все, что касается Боромира, касается и меня. Согласно былинам, Исилдура поразила оркская стрела, но стрел этих что песчинок в реке, и едва ли воитель Гондора Боромир принял бы одну из них за роковое знамение. Ты что же, был хранителем этого неведомого Проклятия? Оно сокрыто, сказал ты, не ты ли его сокрыл?

— Нет, сокрыл его не я,— сказал Фродо.— Оно не принадлежит мне, и нет его владельца среди смертных, ни самых великих, ни самых ничтожных. Если кто и вправе владеть им, то это Арагорн, сын Араторна, наш предводитель от Мории до Рэроса; я о нем говорил.

— Почему он, а не Боромир, страж Крепости, воздвигнутой сынами Элендила?

— Потому что Арагорн по отцовской линии прямой потомок Исилдура, сына Элендила. Он опоясан Элендиловым мечом.

Изумленным гулом отозвалось собрание на эти слова. Послышались возгласы:

— Меч Элендила! Меч Элендила скоро заблещет в Минас-Тирите! Добрые вести!

Но Фарамир и бровью не повел.

— Может быть,— сказал он.— Но столь великие притязания надобно подтвердить, и, коли этот Арагорн явится в Минас-Тирит, от него потребуют бесспорных доказательств. Пока что—а я был там шесть дней назад—не явился ни он и никто другой из твоего Отряда.

— Боромир признал его притязания,— сказал Фродо.— Да будь здесь Боромир, он бы и ответил тебе на твои вопросы. Уже давно расстались мы с ним у Рэроса, и он направлялся напрямик в вашу столицу; наверно, по возвращении туда ты все от него узнаешь. Ему, как и всем

остальным, было известно, зачем я в Отряде: Элронд из Имладриса объявил об этом всему Совету. Мне было дано поручение, оно привело меня сюда, но я не волен открыть его никому более. Скажу только, что тем, кто насмерть бьется с Врагом, не пристало меня задерживать.

Фродо говорил горделиво, хоть на сердце у него, верно, кошки скребли, и Сэм его мысленно одобрил. Но Фарамир не унимался.

— Так! — сказал он. — Ты, стало быть, советуешь мне не мешаться в чужие дела, уходить восвояси и отпустить тебя на все четыре стороны. Дескать, Боромир мне все объяснит, когда вернется. Вернется, говоришь ты! Ты был другом Боромиру?

Фродо живо припомнилось, как Боромир напал на него, и он замешкался с ответом. Взгляд Фарамира стал жестче.

— Много тягостей и невзгод вынесли мы бок о бок с Боромиром, — вымолвил наконец Фродо. — Да, я был ему другом.

Фарамир мрачно усмехнулся.

— И тебе горько было бы узнать, что Боромира нет в живых?

— Конечно, горько, — удивленно ответил Фродо. Он взглянул Фарамиру в глаза и оторопел. — Нет в живых? — сказал он. — Ты хочешь сказать, что он погиб и тебе это известно? Или ты просто испытуешь меня пустыми словами? Хочешь обманом вывести меня на чистую воду?

— Я даже орка не стану обманом выводить на чистую воду, — сказал Фарамир.

— Как же он погиб, откуда ты знаешь об этом? Ты ведь сказал, будто никто из нашего Отряда к вам в столицу не явился?

— О том, как он погиб, я надеялся услышать от его друга и спутника.

— Но я оставил его живым и здоровым. И насколько мне известно, он жив и поныне. Правда, гибель подстерегает нынче на каждом шагу.

— Да, на каждом шагу, — подтвердил Фарамир. — И гибельнее всего — предательство.

Сэм слушал, слушал — и так рассердился, что потерял всякое терпение. Последние слова Фарамира его доняли:

он выскочил на средину полукруга и обратился к хозяину.

— Прошу прощения, сударь,— сказал он,— только, помоему, уже хватит с вас колотушек. Кто он такой, чтобы эдак вам дерзить? После всего-то, что вам пришлось вынести ради них же, Громадин неблагодарных!

Вот что, начальник! — Он встал перед Фарамиром, руки в боки, с таким же видом, с каким распекал хоббитят, «по нахалке» отвечавших ему на строгий вопрос, что это они поделывают в чужом фруктовом саду. Послышался ропот, но большей частью войны ухмылялись: уж очень было забавно глядеть на их сурового предводителя, сидевшего на земле лицом к лицу с широко расставившим ноги разъяренным малышом-хоббитом,— такое не каждый день увидишь! — Вот что я тебе скажу,— продолжал Сэм.— Ты на что это намекаешь, а? Кончай ходить вокруг да около, говори прямо, а то дождешься, что набежит сто тысяч орков из Мордора! Если ты думаешь, что мой хозяин прикончил вашего Боромира и убежал, то не знаю, где твоя голова—но хоть не вилай! И не забудь сказать нам, что дальше-то делать собираешься. Жалко вот, между прочим, что некоторые на словах самые главные противники Врагу, а другим становятся поперек дороги, хотя другие-то, может, не меньше ихнего делают. То-то бы Враг на тебя сейчас порадовался: решил бы, что у него новый дружок объявился!

— Тише! — сказал Фарамир без малейшего гнева.— Не мешай говорить своему хозяину, он не в пример умнее. Я и без тебя знаю, что медлить нам опасно, однако уллучил время, дабы разобраться в трудном деле. Будь я поспешлив, как ты, я бы давно уже вас зарубил, ибо мне строго-настрого велено убивать всех, кто обретається здесь без позволения властителя Гондора. Но мне претит всякое ненужное и даже необходимое убийство. И слов я на ветер не бросаю, будь уверен. Сядь рядом с хозяином и помолчи!

Сэм плюхнулся на землю, красный как рак. Фарамир снова обратился к Фродо.

— Ты спросил, откуда я знаю, что сына Денэтора нет в живых. Дурные вести крылаты. А ночью, как говорится, сердце сердцу весть подает. Боромир— мой родной брат.

Скорбная тень омрачила его лицо.

— Тебе памятно что-нибудь из богатырского доспеха Боромира?

Фродо немного подумал, опасаясь новой ловушки и недоумевая, чем это все может обернуться. Ему едва ли не чудом удалось спасти Кольцо от свирепой хватки Боромира, а как уберечь его в окружение могучих витязей — этого он не представлял. Сердце его, однако, чуяло, что Фарамир, с виду очень похожий на брата, осмотрительнее, мудрее и надежнее его.

— Да, я помню рог Боромира, — сказал он.

— Ответ верный и, судя по всему, правдивый, — сказал Фарамир. — Вспомни как следует, яви его перед глазами: это был рог восточного тура, оправленный серебром, с начертанием древних рун. Во многих поколениях наследовал его старший сын, и есть поверье, что если он затрубит в роковой час в древних пределах Гондора, то зов его будет услышан.

За пять дней до того, как я отправился в Итилию, одиннадцать дней назад, как ныне, предвечерней порой, я слышал этот зов: доносился он, казалось, с севера, но доносился глухо, словно бы чудился. Дурным предзнаменованием сочли это мы с отцом, ибо от Боромира с его ухода не было вестей и ни один пограничный страж не дал знать о его возвращении. А на третьи сутки мне было диковинное виденье.

Я сидел туманной ночью под бледной молодой луной на берегу Андуина, следил за его медленными водами и слушал скорбное шуршанье камышей. Мы несем ночной прибрежный дозор напротив Осгилиата, захваченного врагами: они переправляются и разбойничают. Но в тот полночный час все было тихо. И вдруг я увидел, или мне померещилась на воде серебристо-серая лодка чужеземного вида, с высоким гребенчатым носом; она плыла сама по себе.

Я похолодел, ибо ее окружало мертвенное сиянье, однако же встал, спустился к берегу и вошел в воду, влекомый неведомой силой. И лодка повернула ко мне и медленно проплыла вблизи, и я не отважился протянуть руку и остановить ее. Она глубоко осела, словно под тяжким грузом; казалось, она заполнена почти до краев прозрачной, светящейся водой; и в воде покоился мертвый витязь.

Он был весь изранен, сломанный меч лежал у него на коленях. Это был мой брат Боромир: я узнал его меч и

392

доспех, его любимое лицо. Не было с ним лишь его рога, и незнаком был мне его пояс, точно из золотых листьев. *Боромир!*—воскликнул я.—*Где твой рог, Боромир? Куда плывешь ты, о Боромир?*—но он уж скрылся из виду. Лодку подхватило течение, и она, мерцая, исчезла в ночи. Сон это был или явь, не знаю, однако пробуждения не было. Я уверен, что он мертв и тело его уплыло вниз по Великой Реке.

— Увы!—сказал Фродо.—В твоём сновидении наяву я узнаю Боромира, каким помню его. Золотой пояс ему подарила Владычица Галадриэль. От нее же наши серые эльфийские плащи. А вот—брошь из Лориэна,—он притронулся к зеленовато-серебряной застежке под горлом.

Фарамир присмотрелся к ней.

— Красивая брошь,—сказал он.—Да, той же выделки. Так значит, путь ваш лежал через Лориэн? Встарь он звался Лаурелиндоренан, и уж давным-давно там не ступала нога человека,—тихо прибавил он, с новым изумлением глядя на Фродо.—Ну что ж, теперь мне понятней многое, что показалось странным. Не поведает ли ты мне еще что-нибудь? Ибо горестно думать, что Боромир погиб один вблизи родного края.

— Ничего не могу я поведать тебе в утешение,—сказал Фродо.—А твой рассказ мне кажется зловещим, но не более. Тебя посетило видение, призрак злой судьбы, прошлой, а может быть, и грядущей. Если только это не вражеское наваждение. Я видел прекрасные лики древних воителей в заводях Мертвецких Болот, и это было его лиходейское волшебство.

— Нет, тут он ни при чем,—сказал Фарамир.—Его наваждения отвращают сердце, а мое было полно скорби и сострадания.

— Но как же такое могло случиться наяву?—спросил Фродо.—Пороги Тол-Брандира не минует невредимой никакая лодка, а Боромир собирался домой через Онтаву, степями Ристанин. Возможно ли, чтобы полный воды челн проплыл водопадами и не перевернулся?

— Не знаю,—сказал Фарамир.—А лодка откуда?

— Из Лориэна,—сказал Фродо.—У нас их было три:

мы прошли по Андуйну на веслах до водопадов. Лодка эльфийская.

— Вы побывали в Сокрытой Стране,—сказал Фарамир,—но, кажется, чары ее остались для вас непостижны. Тем, кто виделся с Чаровницей из Золотого Леса, не след удивляться ничему. Смертным опасно покидать наш подлунный мир: вернутся они уж не теми, что были прежде. Так гласят легенды.

Боромир, о Боромир!—воскликнул он.— Что поведала тебе она, Владычица, неподвластная смерти? Что увидела она, что пробудила в твоём сердце? Зачем пошел ты в Лаурелиндоренан, а не отправился своей дорогой, не примчался свежим утром на ристанийском коне?

Он снова обернулся к Фродо и заговорил спокойно.

— И на все эти вопросы ты, наверно, мог бы дать ответ, о Фродо, сын Дрого. Пусть не здесь и не сейчас. Но чтобы ты не думал, будто меня обморочило наваждение, узнай, что рог Боромира возвратился наяву, но раздробленный надвое, топором или мечом. Осколки выбросило порознь: один нашли в камышах дозорные Гондора на севере, ниже впадения Онтавы, другой выловили в андуинском омуте—он подвернулся пловцу. Странные случайности, однако смерти не утаишь, как говорится.

И вот теперь осколки рога, которым владел старший сын, лежат на коленях у Денэтора: он сидит на своем высоком престоле и ждет страшных вестей. Ты все-таки умолчишь о том, как был раздроблен рог?

— Умолчу о том, чего не знаю,—сказал Фродо.— Но коль не ошибся в подсчетах, слышал ты его в тот самый день, когда мы расстались, когда я и мой слуга оставили Отряд. И теперь твой рассказ полнит меня ужасом. Если Боромир попал в беду и был убит, то боюсь, что все остальные мои спутники тоже погибли—и сородичи, и друзья.

Быть может, ты перестанешь сомневаться во мне и отпустишь нас? Я устал, меня грызет скорбь и мучает страх. Но мне нужно нечто совершить или хотя попытаться, пока меня не убьют. Если из всех нас остались в живых лишь два невысоклика, так тем более надо спешить.

Возвращайся же, о Фарамир, доблестный военачальник Гондора, в свою столицу и защищай ее до последней капли крови, а мне позволь идти навстречу судьбе!

— Не много мне утешения в твоих речах,—сказал Фарамир,—однако же ты напрасно поддаешься страху. Если не эльфы из Лориэна, то кто, по-твоему, снарядил Боромира в последний путь? Не орки же, не прислужники Врага, да не будет он назван. Наверняка жив еще кто-нибудь из вашего Отряда.

Но что бы ни случилось близ нашей северной границы, ты, Фродо, очистился от подозрений. Раз я берусь в наши смутные дни судить о людях по их лицам и речам, то и с невысокими, может статься, не ошибусь! Хотя,—и он наконец улыбнулся,—есть в тебе что-то странное, Фродо,—не эльфийское ли? И разговор наш куда важней, чем мне показалось сначала. Мне надлежит отвести тебя в Минас-Тирит к престолу Денэгора. По справедливости я буду достоин казни, если поступлю во вред своему народу. Так что нельзя торопиться с решением; а сейчас—в путь без проволочек.

Он вскочил на ноги и быстро распорядился. Воины его мигом разбились на мелкие отряды и исчезали между деревьями и в тени скал. Вскоре остались только Маблунг и Дамрод.

— Вы, Фродо и Сэммиум, пойдете со мной и моими дружинниками,—сказал Фарамир.—Все равно дорога на юг для вас пока закрыта. Несколько дней она вся будет запружена войсками, и после нынешней засады наблюдения усилят вдесятеро. Да вы сегодня недалеко и ушли бы: вы еле на ногах держитесь. Мы тоже устали. У нас есть тут тайное прибежище, миль за десять отсюда. Орки и вражеские соглядатаи его еще пока не разведали, а если и разведают, голыми руками не возьмут: целого войска будет мало. Там мы отдохнем, и вы тоже. А наутро я решу, что делать дальше и как быть с вами.

Фродо оставалось лишь принять это настоятельное приглашение. Ведь и правда, идти через Итилию сразу после вылазки гондорцев стало гораздо опаснее прежнего.

Они тут же тронулись в путь: впереди—Маблунг и Дамрод, за ними Фарамир с хоббитами. Мимо пруда, где они купались, вброд через ручей, потом на высокий холм, а оттуда все вниз и вниз, на запад—пологим, тенистым

лесным склоном. Фарамир примерился к хоббитской трусце, и вполголоса шла беседа.

— Мы прервались,—сказал Фарамир,—не только потому, что время не терпит, как напомнил мне господин Сэммиум, но чтобы не было лишних ушей, ибо кое-что надо обсудить втайне; я недаром перевел разговор на судьбу брата, пренебрегши Проклятием Исилдура. Ты о многом умолчал, Фродо.

— Я не солгал ни словом, хоть сказал и не всю правду,—отозвался Фродо.

— Я не корю тебя,—сказал Фарамир.—Ты с честью вышел из трудного испытания, и в уме тебе не откажешь. Однако я вижу и то, что стоит за твоими речами. С Боромиром дружен ты не был, и расстались вы худо. Он, видно, нанес обиду—и тебе, и господину Сэммиуму. Я очень любил Боромира и отомщу за его смерть, но я хорошо его знал. Должно быть, это случилось из-за Проклятия Исилдура—ведь из-за него распался ваш Отряд? Мне ясно, что это—могущественный талисман, из тех, какие порождают распри между соратниками, если верить старинным былям. Верно ли я угадал?

— Верно, да не совсем,—сказал Фродо.—Распри не было в нашем Отряде, было сомнение—куда направиться от Привражья. А старинные были, коли на то пошло, учат нас не ронять лишних слов, когда дело идет о... талисманах.

— Увы, значит, как я сразу подумал, ссора вышла с одним Боромиром. Он хотел доставить талисман в Минас-Тирит. Как печально сложилась судьба: тебе, который видел его последним, зарок смыкает уста, и ты не можешь рассказать мне о главном, о том, что было у него на сердце перед смертью. Заблуждался он или нет, не знаю, но уверен в одном: умер он достойно и превозмог себя. Лицо его было еще прекрасней, нежели при жизни.

Прости меня, Фродо, что я поначалу выпытывал у тебя лишнее о Проклятии Исилдура. Не ко времени это было и не к месту, но я не успел рассудить. Бой был тяжелый, и меня ожидали иные заботы. Но как только я вдумался, о чем у нас зашла речь, я тут же отвел ее в сторону. Ибо мы, правители града, причастны древней мудрости, закрытой от иных. Мы происходим не от Элендила, но в жилах у нас тоже течет нуменорская кровь. Мы из колена Мардила,

которого оставил наместником, отправляясь на войну, великий князь Эарнур, последний в роду Анариона. Детей у государя не было, и с войны он не вернулся. С тех пор и правят у нас наместники, вот уже многие века.

Я помню, как Боромир еще мальчиком, когда мы вместе читали сказанья о наших предках и летописи Гондора, все время сердился, что наш отец — не князь. «Сколько же надо сотен лет, чтобы наместник стал князем, коли князь не возвращается?» — спрашивал он. «В иных краях хватало и десятка лет, — отвечал ему отец. — А в Гондоре не достанет и десяти тысяч». Увы, бедняга Боромир! Это тебе что-нибудь о нем говорит?

— Говорит, — сказал Фродо. — Однако же к Арагорну он всегда относился с почтением.

— Еще бы, — сказал Фарамир. — Если он признал его право на великокняжеский престол, значит, признал себя его подданным. Но до самых трудных испытаний дело не дошло. Кто знает, что было бы в Минас-Тирите, где война превратила бы их в соперников.

Но я отвлекся. Род Денэтора, сказал я, издревле сопричастен премудрости дней былых; в наших сокровищницах хранятся старинные книги и многоязычные письмена на ветхом пергаменте, на камне, на золотых и серебряных пластинах. Многое и прочесть у нас никто не сумеет, многое пылится под спудом. Я трудился над ними: мне ведомы начала знаний. Ради этих сокровищ навевывался к нам Серый Странник; еще ребенком я впервые увидел его, и дважды или трижды с тех пор.

— Серый Странник? — переспросил Фродо. — А как его имя?

— Мы его называли по-эльфийски, Митрандиром, — сказал Фарамир, — и ему это, кажется, было по нраву. «По-разному зовут меня в разных краях, — говорил он. — У эльфов я Митрандир, у гномов — Таркун, когда-то, на западе, о котором и молва стерлась, я звался Олорином, на юге я — Инканус, на севере — Гэндальф, на востоке я не бываю».

— Гэндальф! — воскликнул Фродо. — Так я и подумал. Гэндальф Серый, наш друг и советчик. Предводитель нашего Отряда. Он сгинул в Мории.

— Митрандир сгинул! — сказал Фарамир. — Злая, однако же, выпала вам доля. Даже не верится, что такой

великий мудрец — наш верный помощник в невзгодах — мог погибнуть и мир лишился его несравненных познаний. Ты уверен, что он погиб? Может статься, он вас покинул из-за иных, неотложных дел?

— Уверен, — сказал Фродо. — Я видел, как его поглотила бездна.

— Наверно, страшной повестью чреватые твои слова, — сказал Фарамир. — Может быть, ты расскажешь ее ввечеру. Как мне теперь ясно, Митрандир был не только мудрецом и книжником — он был вершителем судеб нашего времени. Окажись он в Гондоре, когда мы с братом услышали во сне прорицание, он, верно, разъяснил бы его, не пришлось бы отправлять посланца в Раздол. А быть может, не стал бы разъяснять, и Боромир все равно не ушел бы от рока. Митрандир никогда не открывал нам будущего и не посвящал в свои замыслы. С позволения Денэтора — не знаю уж, как ему это удалось, — он был допущен в нашу сокровищницу, и я почерпнул из едва приоткрытого кладезя его познаний: он был скупым наставником.

Более всего занимали его летописи и устные предания времен Великой Битвы на равнине Дагорлада и основания Гондора, когда был низвержен Тот, кого называть не стану. И про Исилдура выспрашивал он, хотя о нем наши предания памяти не сохранили: он ушел, как сгинул.

Фарамир перешел на шепот.

— Я же частью узнал, частью домыслил и сохранил в глубокой тайне вот что. Исилдур заполучил некое сокровенное достояние Врага, да не будет он назван, и взял его с собой, уходя из Гондора навстречу безвестной гибели. И казалось мне, что я понял, чего доискивается Митрандир, однако же поиски эти, устремленные в глубокую древность, счел любомудрием книжника. Но когда мы пытались разгадать таинственное прорицание, пришло мне на ум, что эта добыча и есть Проклятие Исилдура. Ибо ничего мы больше о нем не знаем, лишь упомянуто в одном из сказаний, что его пронзила стрела орка. Это же, и только это, сказал мне Митрандир.

Не знаю и не ведаю, какое вражеское достояние понадобилось Исилдуру: должно быть, некий могучий, гибельный талисман, орудие лиходейства Черного Власте-

лина. И если оно сулит удачу в бою, то наверняка Боромир, гордый, бесстрашный, зачастую безоглядный, жаждущий блеска побед Минас-Тирита и блистания своей воинской славы, неудержимо возжелал этим орудием завладеть. В недобрый час отправился он в Раздол! И отец, и старшины послали бы меня, но он, как старший брат и закаленный воин, не мне чета (говорю без всякой обиды), настоял на своем.

Однако же не страшитесь! Я не подобрал бы этот талисман и на большой дороге. Если б даже Минас-Тирит погибал на моих глазах и я один мог бы его спасти с помощью вражеского колдовского орудья, возвеличить Гондор и прославиться, то и тогда—нет! Такою ценой не нужны мне ни победы, ни слава, о Фродо, сын Дрого.

— Так же решил и Совет,—сказал Фродо.—И мне они не нужны, и вообще—не мое это дело.

— Мне мечтается,—сказал Фарамир,—и цветущее Белое Древо в великокняжеском дворце, и Серебряный Венец на челе князя, и мирный Минас-Тирит—нет, Минас-Анор, град, каким он был в древности, светлый, высокий и дивный; прекрасный, как царь среди царей, а не грозный, подобно властелину, окруженному рабами; да и добрый властелин не лучше, даже если рабы им довольны. Воевать надо: мы защищаем свою жизнь и честь от убийцы, изувера и разрушителя; однако не по душе мне ни сверканье острых мечей, ни посвист быстрых стрел, ни слава великого воителя. Все это надобно лишь затем, чтобы оборонить то, что мы обороняем: светлый град, воздвигнутый нуменорцами, оплот памяти и хранилище древней мудрости, святилище красоты и светоч живой истины. Надо, чтоб его любили, а не боялись—и чтили, как почитают убежденных седидами мудрецов.

Так что оставь опасенья! Я тебя больше не буду выпрашивать: не спрошу даже, верно ли я догадался. Разве что ты сам мне доверишься—что ж, тогда попробую помочь тебе советом, а быть может, и делом.

Фродо на это ничего не сказал. Он едва не уступил желанию искать помощи и совета у этого сурового юноши, так были отрадны его ясные речи. Однако что-то его удержало, на сердце у него были страх и тревога—ведь если и в самом деле только они с Сэмом уцелели из Девяти

Хранителей, то одни остались в ответе за все. Излишняя подозрительность надежней слепого доверия. К тому же, поглядывая на высокого спутника и вникая его голосу, он вспоминал Боромира: внезапно перекошенное лицо и алчный огонь в глазах. Непохожие братья были ужасно похожи.

Потом они шли молча, бесшумно скользя по траве мимо старых деревьев, точно серо-зеленые тени; над ними заспевали птицы и отливала темным блеском вечнозеленая листва итильского леса.

Сэм в разговор не вступал, только прислушивался, в то же время ловя чутким хоббитским ухом окрестные лесные шумы и шорохи. Про Горлума ни разу упомянуто не было, и он был этому рад: никуда от Липучки, конечно, не денешься, но хоть малость-то отдохнуть и то хлеб. Вскоре он заметил, что идут они вроде одни, а кругом уйма людей: впереди мелькали Дамрод и Маблунг и со всех сторон быстрые, бесшумные, еле видные Следопыты поспешали к условленному месту.

Вдруг его точно кольнул в спину чей-то взгляд; он обернулся и успел углядеть маленькую темную фигурку, перебежавшую за деревьями. Сэм открыл было рот, но подумал и махнул рукой.

«Может, показалось,—сказал он сам себе.—Да и чего я буду лезть к ним с этой паскудиной, раз про него и помнить забыли? Что мне, больше всех надо?»

Наконец лес поредел, склон сделался круче. Они свернули вправо и набрали на речонку, тот самый ручеек, что точился из водоема, стал бурливым потоком, и его каменистое русло пролегло по дну узкого ущелья, заросшего самшитом и остролистом. Приречные низины на западе были подернуты золотистой дымкой, и, озаренный предзакатным солнцем, широко струился Андун.

— А теперь, увы, я вынужден быть неучтивым,—сказал Фарамир.—Надеюсь, мне это простится: пока что, в нарушение всех приказов, я не только не убил вас, но даже не ослепил. Но тут уж запрет строжайший: эту тропу не

должен знать никто, даже наши союзники-ристанийцы. Придется завязать вам глаза.

— Да пожалуйста,—сказал Фродо.—Эльфы и те не учтивее тебя: с завязанными глазами вступили мы в прекрасный Лориэн. Гном Гимли обиделся, а нам, хоббитам, хоть бы что.

— Ничего столь же прекрасного я вам не обещаю,—сказал Фарамир.—Прекрасно, впрочем, что вас не надо ни уламывать, ни принуждать.

На его тихий зов из-за деревьев немедленно явились Маблунг и Дамрод и подошли к ним.

— Завяжите гостям глаза,—приказал Фарамир.— Плотно, но не туго. Руки не связывайте: они дадут слово, что подглядывать не станут. Я бы поверил им и так, без повязки, пусть бы шли зажмурившись, но не ровен час споткнутся и нечаянно откроют глаза. Кстати же приследите, чтобы они не оступались.

Дружинники завязали хоббитам глаза зелеными шарфами, низко нахлобучили им капюшоны и повели их за руку: прогулка по солнечной Итилии закончилась для Фродо и Сэма путешествием в темноте, и где они шли, можно было только гадать. Сначала спускались крутою тропой и залезли в такой узкий проход, что двинулись гуськом между каменных стен; дружинники направляли их сзади, крепко взяв за плечи. Где было трудно идти вслепую, их приподымали—и снова ставили на ноги. Справа слышался гул и плеск воды: все ближе, все громче. Наконец они остановились; Маблунг и Дамрод покрутили их, чтобы сбить с направления, и путь пошел вверх; потянуло холодом, шум потока отдалился. Потом их взяли на руки и понесли вниз по каким-то ступенькам: несли, несли, свернули за угол скалы, и снова кругом гулко заклокотала вода; их обдало моросью, и вот они опять стояли молча, с повязками на глазах, испуганные и растерянные. Сзади раздался голос Фарамира.

— Развяжите им глаза!—велел он. Капюшоны откинули, шарфы сняли, и они ошеломленно заморгали.

Они стояли на гладкой сырой плите, как бы на крыльце за черным провалом прорубленных в скале дверей, а перед ними—близко, рукой подать—колыхалась струистая водяная завеса, озаренная прямыми лучами заходящего солнца, и алый свет рассыпался мерцающим бисером. Казалось,

они подошли к окну эльфийской башни, к занавесу из золотых и серебряных нитей, унизанных рубинами, сапфирами и аметистами, и трепетно переливалось драгоценное многоцветье.

— Вот вам и награда за терпение,— сказал Фарамир.— Подоспели минута в минуту к заходу солнца. Это Закатное Окно, Хеннет-Аннун, а перед ним—красивейший водопад Итилии, края блещущих вод. Не знаю, бывал ли здесь хоть один чужестранец. Покой попроще, чем окно, не княжеский покой; но заходите, посмотрите сами!

Солнце закатилось, и померкла водяная занавесь. Они вошли под низкую, грубоватую арку и оказались в большой сводчатой пещере; тусклые отблески факелов играли на стенах. Народу уже собралось много, но из узкой боковой двери входили еще и еще, по двое и по трое. Когда глаза их привыкли к полумраку, хоббиты увидели, что пещера выше и гораздо просторнее, чем им сперва показалось; здесь размещался, не стесняя людей, склад оружия и съестных припасов.

— Такое у нас прибежище,—сказал Фарамир.— Роскоши маловато, но переночуете спокойно и удобно. Сухо, еды вдоволь, очага, правда, нет. Некогда это был водосточный грот, из той вон арки вода выливалась, но древние мастера-каменщики ее отвели, и теперь она низвергается со скал высоко над нами. Все отверстия этого грота замурованы,—ни вода, ни супостат сюда не проникнут, кроме как тем же путем, что вы прошли с завязанными глазами. Выход есть еще один—через Водяное Окно, в глубокое озеро, полное острых скал. Отдыхайте, пока все вернутся и соберут на стол.

Хоббитов отвели в угол, к низкому ложу. Трапезу собирали быстро, несуетливо и споро. От стен принесли столешницы, водрузили их на козлы, заставили утварью, неприхотливой и добротной: блюдами, чашками, мисками—глиняными, глянцевито-коричневыми, и желтыми, самшитовыми, отличной токарной работы; царила чистота и опрятность. Кое-где поблескивали бронзовые чаши, и

серебряный кубок был поставлен для Фарамира, посредине отдельного столика.

Фарамир прохаживался по пещере и негромко расспрашивал новоприбывших. Одни были отправлены преследовать и добывать разгромленный отряд, другие остались следить за дорогой: эти припозднились. Никто из южан не ушел, кроме огромного мумака; за ним не уследили. Враг не появлялся, не видать было даже орков-согладатаев.

— И ты ничего не видел и не слышал, Анборн?— обратился Фарамир к вошедшему.

— Ни слуху ни духу, государь,—отвечал тот.— Орки куда-то запропастились. Но то ли я видел, то ли мне померещилась диковинная тварь—уже в сумерках, когда все кажется больше, чем надо бы. Наверно, просто белка.—Сэм наострил уши.—Но если белка, то черная и без хвоста. Ты не велел нам понапрасну бить зверей, я и не стал стрелять. Да и темно было, а этот зверек мигом скрылся в листьях. Я постоял, подождал немного—все-таки будто и не совсем белка,—а потом пошел, и тут она вроде бы зашипела на меня сверху. Да нет, пожалуй, крупная белка. Быть может, звери бегут от Врага, да не будет он назван, из Лихолесья, и забегают сюда к нам. Говорят, там водятся черные белки.

— Может быть,—сказал Фарамир.—Однако же это дурной знак. Нам здесь, в Итили, только беглецов из Лихолесья и не хватало.

Сэму показалось, что он при этом оглянулся на хоббитов, однако Сэм снова решил промолчать. Они с Фродо лежали рядом и глядели на огни факелов, на расхаживающих и тихо переговаривающихся людей. Потом Фродо взял и заснул.

Сэм уговаривал себя не спать.

«Поди знай,—думал он.—С людьми дело темное. На словах-то хорош, да с тем и возьмешь.—Он зевнул до ушей.—Проспать бы с недельку—стал бы как новенький. А положим, не засну: как быть-то в случае чего? Больно уж тут много Громадин на одного хоббита. И все равно: не спи, Сэм Скромби, не смей спать!»

И не смел. Дверной проем потускнел, серая водяная пелена потерялась в темноте. И лишь монотонный шум и переплеск падающей воды не смолкал ни вечером, ни

ночью, ни утром. Бормотанье и журчанье убаюкивало, и Сэм яростно протер глаза кулаками.

Запылали новые факелы. Выкатили бочонок вина, раскладывали снедь, натаскали воды из-под водопада. Умывали руки; Фарамиру поднесли медный таз и белоснежное полотенце.

— Разбудите гостей,—сказал он,—и подайте им умыться. Время ужинать.

Фродо сел, зевнул и потянулся. Сэм недоуменно уставился на рослого воина, склонившегося перед ним с тазиком воды.

— Поставьте его на пол, господин, если можно!—сказал он.—И вам, и мне удобнее будет.

К веселому изумлению окружающих, он окунул в тазик голову и, отфыркиваясь, оплескал холодной водой шею и уши.

— У вас всегда моют голову перед ужином?—спросил воин, прислуживающий хоббитам.

— Да нет, обычно-то перед завтраком,—сказал Сэм.— Но ежели сильно не выспался—обдай голову холодной водой, и расправишься, что твой салат от поливки. Ффу-у! Ну, теперь авось не засну, пока не наемся.

Их провели и усадили рядом с Фарамиром на покрытые шкурками бочонки, куда повыше скамеек, на которых разместились люди. Внезапно все встали, обратились лицом к западу и с минуту помолчали, Фарамир сделал знак хоббитам поступить так же.

— Перед трапезой,—сказал он, садясь,—мы обращаем взгляд к погибшему Нуменору и дальше на запад, к нетленному Блаженному Краю, и еще дальше, к Предвечной отчизне. У вас нет такого обычая?

— Нет,—покачал головой Фродо, чувствуя себя неучем и невежей.—Но у нас принято в гостях перед едой кланяться хозяину, а вставая из-за стола, благодарить его.

— Это и у нас принято,—сказал Фарамир.

После долгой скитальческой жизни впроголодь, в холоде и грязи, ужин показался хоббитам пиршеством: золоти-

стое вино, прохладное и пахучее, хлеб с маслом, солонина, сушеные фрукты и свежий сыр, а вдобавок — чистые руки, тарелки и ножи! Фродо и Сэм живо уткнулись во все, что им предложили, не отказались от добавки, а потом и еще от одной. Вино приободрило их, и на сердце полегчало — впервые после Кветлориэна.

После ужина Фарамир отвел их в полузанавешенный закуток. Туда принесли кресло и две скамейки. В нише горела глиняная лампада.

— Скоро вам захочется спать, — сказал он, — особенно досточтимому Сэммиуму, который не смыкал глаз до самого ужина: то ли сберегал свой голод, то ли оберегал от меня хозяина. Однако после обильной еды, да еще с отвычки, лучше превозмочь сон. Давайте побеседуем. Вам ведь есть что рассказать о своем путешествии от Раздола. И не мешает поближе познакомиться с той страной, куда вас забросила судьба. Расскажите мне о брате моем Боромире, про старца Митрандира и про дивный народ Лориэна.

С Фродо сон соскочил, и он был очень не прочь поговорить. Но хотя вкусная еда и доброе вино развязали ему язык, он все же не распускал его. Сэм сиял благодушием и мурлыкал себе под нос, но сперва только слушал Фродо и усиленно поддакивал.

О многом поведал Фродо, умалчивая о Кольце и о назначении Отряда, расписывая доблести Боромира — в бою с волколаками Глухомани, в снегах Карадраса, в копиях Мории, где сгинул Гэндальф. Фарамира задел за живое рассказ о битве на Мосту.

— Не по душе Боромиру было бежать от орков, — сказал он, — да и от того свирепого чудища — Барлогом ты его назвал? — пусть даже и последним, прикрывая остальных.

— Он и был последним, — сказал Фродо. — Арагорн шел вперед: он один знал путь, кроме Гэндальфа. Не будь нас, не побежали бы ни он, ни Боромир.

— Быть может, лучше бы он погиб вместе с Митрандиром, избежав злой судьбины за водопадами Рэроса, — сказал Фарамир.

— Может быть. Но Расскажи, как обещал, о превратностях ваших судеб, — сказал Фродо, опять уходя от опасного оборота беседы. — Мне хотелось бы услышать о Минас-

Итиле и об Осгилиате, о несокрушимом Минас-Тирите. Есть ли надежда, что он выстоит в нынешних войнах?

— Есть ли надежда, говоришь? — переспросил Фармир. — Давно уж нет у нас никакой надежды. Может статься, меч Элендила, если он и вправду заблещет, возродит ее в наших сердцах и срок нашей черной гибели отодвинется, но ненадолго. Разве что явится иная, неведомая подмога — от эльфов или от людей. Ибо мощь Врага растет, а наша слабнет. Народ наш увядает, и за этой осенью весне не бывать.

Некогда нуменорцы расселились по всему приморью и в глубь Материка, но злое безумие снедало их царства. Одни предались лиходейству и чернокнижью, другие упивались праздностью и роскошью, третьи воевали между собой, пока их обескровленные уделы не захватили дикири.

Гондор обошло стороной поветрие черной ворожбы, и Враг, да не будет он назван, в почете у нас не бывал; от века славилось древней мудростью и блистало гордой красотой, двойным наследием Заокраинного Запада, великое княжество потомков Элендила Прекрасного. Оно и поныне сверкает отблесками былой славы. Но гордыня подточила Гондор: в надменном слабоумии властители его мнили, будто Враг унялся навеки, изгнанный и недобитый Враг.

Смерть витала повсюду, ибо нуменорцы, как и прежде, в своем древнем царстве, оттого и погубленном, чаяли земного бессмертия. Князья воздвигали гробницы пышней и роскошней дворцов; имена пращуров в истлевших свитках были слаще их уху, нежели имена сыновей. Бездетные государи восседали в древних чертогах, исчисляя свое родословие; в тайных покоях чахлые старцы смешивали таинственные эликсиры, всходили на высокие холодные башни и вопрошали звезды. У последнего князя в колене Анариона не было наследника.

Зато заместники оказались дальновиднее и удачливее. Мудро рассудив, они пополнили свои рати крепкими поморами и стойкими горцами Эред-Нимрайса. И примирились с горделивыми северянами, вечной грозой тамошних пределов, народом, исполненным неистовой отваги,

нашими дальними родичами, в отличие от восточных дикарей и свирепых хородримцев.

И во дни Кириона, Двенадцатого Наместника (мой отец — двадцать шестой), они явились к нам на подмогу, и в жестокой битве на Келебранте наголову разгромили вторгшиеся с севера полчища наших врагов. Мы их зовем мустангримцами, коневодами-наездниками; им был дарован навечно дотоле пустынный степной край Клендархон, который стал с той поры называться Ристанией. А они учинились нашими верными союзниками, не раз приходили нам на выручку и взяли под охрану северные наши пределы и Врата Ристании.

У нас они переняли то, что пришлось им по нраву, их государи научаются нашему языку, однако большей частью они держатся обычая предков, верны живым преданиям и сохраняют свое северное наречие. Они нам полюбились — рослые мужи и стройные девы, равные отвагою, крепкие, золотоволосые и ясноглазые; в них нам видится юность рода человеческого, отблеск Предначальных Времен. Наши законоучители говорят, будто мы с ними принадлежим к одному древнему Клану, породившему нуменорцев; но они происходят не как мы, от Хадора Златовласого, Друга Эльфов, а от его сынов, которые не откликнулись на зов в начале Второй Эпохи и не уплыли за море в Нуменор.

А надо вам сказать, что от истоков своих род людской, согласно нашим священным преданиям, делится на три Клана: Вышний, Люди Западного Света, нуменорцы; Средний, Люди Сумерек, как мустангримцы и их сородичи, поныне обитающие на Севере; и Отступный, Люди Тьмы.

Ныне, однако, мустангримцы во многом уподобились нам: нравы их смягчились, и ремесла стали искусствами; мы же, напротив, сделались им подобны и Вышними больше именоваться не можем. Мы опустили в Средний Клан, мы теперь Люди Сумерек, сохранившие память иных времен. Ибо, как и мустангримцы, мы ценим превыше всего воинскую доблесть и любим бранную потеху; правда, и сейчас воину положено знать и уметь многое помимо ремесла убийцы; но все же воин, а не кто другой, у нас в особом почете. Да в наши дни иначе и быть не может. Таков и был брат мой Боромир: искусный и

отважный военачальник, и высший почет стяжал он у нас в Гондоре. В доблести он не имел равных: давно уж в Минас-Тирите не было среди наследников престола столь закаленных, могучих и неустрашимых ратников. И впервые так громозвучно трубил Большой Рог.

Фарамир вздохнул и замолк.

— Почему-то у вас, сэр, об эльфах не было речи,— сказал Сэм, расхрабрившись. Он заметил, что Фарамир отзывается об эльфах очень почтительно, и это еще более, чем его учтивость, обходительность, вкусная трапеза и крепкое вино, расположило к нему Сэма и усыпило его подозрения.

— Поистине ты прав, господин Сэммиум,— сказал Фарамир,— но я немного знаю об эльфах. Ты попал в точку: и в этом мы изменились не к лучшему, став из нуменорцев средиземцами. Как ты, быть может, знаешь, раз Митрандир был твоим спутником и тебе случалось беседовать с Элрондом, Эдайны, прародители нуменорцев, бились бок о бок с эльфами в первых войнах: за это и было им наградой царство посреди морей, вблизи Блаженного Края. Но когда в Средиземье пала тьма, людей развели с эльфами козни Врага, и с течением времени они расходились все дальше, шли разными путями. Ныне люди опасаются эльфов, не доверяют им, ничего о них толком не зная. И мы, гондорцы, не лучше других, подобны тем же ристанийцам: они, заклятые враги Черного Властелина, чураются эльфов и рассказывают про Золотой Лес страшные сказки.

Но все же есть среди нас и такие, кто с эльфами в дружбе, кто иной раз втайне пробирается в Лориэн; редко они оттуда возвращаются. Я не из них: я думаю, нынче губительно для смертных водиться с Перворожденными. Однако я завидую тебе, что ты разговаривал с Белой Владычицей.

— Владычица Лориэна! Галадриэль!—воскликнул Сэм.— Эх, видели бы вы ее, сэр, ну глаз оторвать нельзя. Я-то простой хоббит, мое дело—садовничать, а выше головы, сэр, сами понимаете, не прыгнешь, и по части стихов я не очень—не сочинитель, ну там, знаете, иногда приходится, смешное что-нибудь, песенку или в этом роде,

но настоящих стихов сочинять сроду не стану—словом, куда мне о ней рассказывать, тут петь надо, это вам нужен Бродяжник, ну Арагорн то есть, или старый господин Бильбо, те запросто могут. А все ж таки хотелось бы и мне про нее сочинить песню. Ну и красивая же она, сэр! Не налюбуетесь! То, знаете, она как стройное дерево в цвету, а то вроде беленького амариллиса, ветерком ее колышет. Кремень, да и только—и мягче лунного света. Теплее солнышка, а холодна—что мороз в звездную ночь! Гордая, величавая—чисто гора в снегу, а веселенькая, как девчонка в ромашковом венке. Ну вот, у меня, конечно, чепуха выходит, я все не о том.

— Да, видно, она и в самом деле прекрасна,—сказал Фарамир.—Гибельная это прелесть.

— Да я бы не сказал «гибельная»,—возразил Сэм.—По-моему, люди сами носят в себе свою гибель, приносят ее в Кветлориэн и удивляются—откуда, мол, взялась? Не иначе наколдовали! Ну как—может, и гибельная, сильная она уж очень. Об эту ее красоту—какая там прелесть!—можно расшибиться вдребезги, что твой корабль о скалу, или потонуть из-за нее, что хоббит в реке. Только ведь ни скала, ни река не виноваты, верно? Вот и Боро...—Он запнулся и покраснел.

— Да? «Вот и Боромир»—хотел ты сказать?—спросил Фарамир.—Договаривай! Он что, тоже принес с собой свою гибель?

— Да, сэр, уж вы извините, даром что витязь витязем, тут что и говорить! Но вы в общем-то сами почти догадались. А я аж от Раздола следил за Боромиром в оба глаза—не то чтобы что-нибудь, а мне ж хозяина беречь надо,—и я вам так скажу: в Лориэне он увидел и понял то, что я уж давно раскумекал,—понял, чего он хочет. А он с первого же мига захотел Кольцо Врага!

— Сэм!—в ужасе воскликнул Фродо. Он пребывал в раздумье и очнулся слишком поздно.

— Батюшки!—вымолвил Сэм, побелев как стена и вспыхнув как мак.—Опять двадцать пять! «Ты бы хлебало ногой, что ли, затыкал»,—сколько раз говорил мне мой Жихарь, и дело говорил. Ах ты, морковка с помидорами, да что ж я натворил!

Послушайте меня, сэр!—обратился он к Фарамиру, призвав на помощь всю свою храбрость.—Вы не имее

права обидеть хозяина за то, что у него остолоп слуга. Вы красиво говорили, тем более про эльфов, а я и уши развесил. Но ведь, как говорится, из словес хоть кафтан крои. Вы вот себя на деле покажите.

— Да уж, придется показать,— очень тихо проговорил Фарамир со странной улыбкой.— Вот, значит, ответ сразу на все загадки! Кольцо Всевластья—то, что, как мнили, навсегда исчезло из Средиземья! Боромир пытался его отобрать—а вы спаслись бегством? Бежали, бежали и прибежали ко мне! Заброшенная страна, два невысоклика, войско под моим началом и под рукой—Кольцо из Колец! Так покажи себя на деле, Фарамир, воевода Гондора! Ха!—Он поднялся во весь рост, суровый и властный, серые глаза его блистали.

Фродо и Сэм вскочили со скамеек и стали рядом к стене, судорожно нащупывая рукояти мечей. В пещере вдруг сделалось тихо: все люди разом умолкли и удивленно глядели на них. Но Фарамир сел в кресло и тихонько рассмеялся, а потом вдруг заново помрачнел.

— Бедняга Боромир! Какое тяжкое испытание!—сказал он.—Сколько горя вы мне принесли, два странника из дальнего края, со своей погибельной ношей! Однако же я сужу о невысоклицах вернее, чем вы о людях. Мы, гондорцы, всегда говорим правду. И если даже похвастаем—а это случается редко,—то и тогда держим слово насмерть. «Я не подобрал бы этот талисман и на большой дороге»—таковы были мои слова. И если бы я теперь возжаждал его—ведь я все же не знал, о чем говорил,—слова мои остались бы клятвой, а клятв нарушать нельзя.

Но я его не жажду. Может быть, потому, что знаю накрепко: от иной гибели нужно бежать без оглядки. Успокойтесь. А ты, Сэммиум, утешься. Хотя ты и проговорился, но это был голос судьбы. У тебя верное и вещее сердце, оно зорче твоих глаз. Оно тебя и на этот раз не подвело. Может быть, ты даже помог своему возлюбленному хозяину: я сделаю для него все, что в моих силах. Утешься же. Но впредь остерегись произносить это слово. Много и одной оговорки.

Хоббиты снова, присмирив, уселись на скамейки; люди вернулись к недопитым чаркам и продолжали беседу,

решив, что их предводитель ненароком напугал малышей, но теперь все уладилось.

— Ну вот, Фродо, наконец мы стали друг другу понятней,— сказал Фарамир.— Коли ты нехотя взял это на себя, уступил просьбам, то прими мое почтительное сочувствие. И я дивлюсь тебе: ты ведь и не пытаешься прибегнуть к его силе. Вы для меня словно открываете неведомый мир. И все ваши сородичи таковы же? Должно быть, страна ваша живет в покое и довольстве, и садовники у вас в большом почете.

— Не все у нас хорошо,— сказал Фродо,— но садовники и правда в почете.

— Однако даже и в садах своих вы, наверно, иногда устаете— таков удел всякой твари под солнцем. А здесь вы вдали от дома, изнурены дорогой. На сегодня будет. Спите оба, и спите спокойно— лишь бы спалось. Не бойтесь! Я не хочу ни видеть, ни трогать его, не хочу знать о нем больше, чем знаю (этого с лишком хватит): не оказаться бы мне пред гибельным для всякого соблазном слабее Фродо, сына Дрого. Идите отдыхайте, но сперва скажите мне— все-таки скажите, куда вы идете и что замышляете. Ибо надо разведать, рассчитать и подумать, а время идет. Наутро мы разойдемся, каждый своим путем.

Страх отпустил Фродо, и он неудержимо дрожал. Потом усталость тяжело оцепенила его: ни упорствовать, ни выкручиваться он больше не мог.

— Я искал пути в Мордор,— еле выговорил он.— На Горгорот, к Огнистой горе—бросить его в Роковую Расселину. Так велел Гэндальф. Вряд ли я туда доберусь.

Фарамир взирал на него в несказанном изумлении. Потом, когда он покачнулся, бережно подхватил его, отнес на постель и тепло укрыл. Фродо уснул как убитый.

Рядом было постлано для слуги. Сэм немного подумал, потом низко поклонился.

— Доброй ночи, господин мой,— сказал он.— Вы показали себя на деле.

— Показал?—спросил Фарамир.

— Да, сударь, и, знаете, хорошо показали. Это уж так. Фарамир улыбнулся.

— Для слуги ты смел на язык, господин Сэммиум. Нет, я шучу: хвала от того, кто сам ее достоин,—высшая

награда. Но я недостоин хвалы, ибо не было у меня побуждения поступить иначе.

— Вот вы, помните, сказали моему хозяину, что он похож на эльфа: оно и верно, и правильно. А я вам скажу, что вы как-то похожи на...— Сэм запнулся,— да пожалуй, на мага, на Гэндальфа.

— Вот как,— сказал Фарамир.— Может быть, сказывается нуменорская кровь. Доброй ночи!

ГЛАВА VI

ЗАПРЕТНЫЙ ПРУД

родо открыл глаза, увидел склоненного над ним Фарамира и отпрянул в испуге.

— Не надо пугаться,— сказал Фарамир.

— А что, уже утро? — зевнув, спросил Фродо.

— Еще не утро, однако ночь на исходе. Нынче полнолуние: хочешь пойти посмотреть? И кое о чем мне нужно с тобой посоветоваться. Очень не хотелось тебя будить; пойдешь?

— Пойду,— сказал Фродо, вылезая из-под одеяла и наброшенных шкур и поеживаясь: в нетопленной пещере застоялся холод. Тишину оглашал водопад. Он надел плащ и последовал за Фарамиром.

Сэм проснулся, будто его толкнули, увидел пустую постель хозяина и вскочил на ноги. В беловатом проеме сводчатой арки мелькнули две темные фигуры, высокая и низенькая. Он поспешил за ними вдоль вереницы спящих — на

тюфяках, у стены. Мерцающая занавесь струилась шелковистым, жемчужно-серебряным пологом, каплей лунного света. Любоваться было некогда: он юркнул вслед за хозяином в боковой проход.

За проходом начались и никак не кончались сырые скользкие ступеньки; наконец они поднялись на дно глубокого каменного колодца, и вверху засветился бледный клочок небес. Отсюда вели две лестницы: одна прямо, должно быть на высокий берег реки, другая влево. На нее и свернули; она вилась, словно башенная.

Вынырнули из темноты на плоскую вершину утеса, просторную неогражденную площадку. Справа низверглся поток, плеща по уступам и обрушиваясь с отвеса, клокотал и пенился прямо у них под ногами и убегал гладко вытесанным отводным руслом за гребень по левую руку от них: с востока на запад. На гребне, возле обрыва неподвижно стоял часовой и смотрел вниз.

Фродо поглядел, как пляшут и сплетаются масляно-черные струи, потом обвел глазами дали. Охладевшая земля замерла в ожидание рассвета. На западе опускалась круглая белая луна. Широкую долину заволокли туманы; под их густой осеребренной пеленой катил темные воды Андуин. За ним вставала чернота, пронизанная острыми, призрачно-светлыми зубьями Эред-Нимрайса, снеговых Белых гор княжества Гондор.

Фродо стоял, смотрел, и его пробирала дрожь: он думал, где затерялись в бескрайних ночных просторах его бывшие спутники. Идут они, спят или туман пеленает их оцепеневшие тела? Как хорошо было спать и не помнить, зачем его сюда привели.

Сэм этого тоже не мог понять и пробормотал наконец лишь для хозяйских ушей:

— Зрелище, сударь, на зависть, слов нет, да вот немного зябко, как бы не окочуриться!

Но услышал его не Фродо, а Фарамир.

— Луна заходит над Гондором,— сказал он.— Прекрасная Итил, покидая Средиземье, ласкает прощальным взором седовласый Миндоллуин. Не жаль и озябнуть немного. Но я не затем вас сюда привел, хотя тебя-то, Сэммиум, я вовсе и не звал, ты расплачиваешься за свою

неусыпную бдительность. Ничего, глотнешь вина — согреешься. Пойдемте, я вам кое-что покажу!

Он подошел к безмолвному часовому над черным обрывом, и Фродо не отстал от него, а Сэм поплелся за ними. Ему было сильно не по себе на этой высокой скользкой скале. Фарамир указал Фродо вниз. Из пенистого озера поток устремлялся к скалам, заполнял глубокий овальный водоем, покрутившись там, находил узкий сток и с ропотом, пенясь, убегал вниз, на отлогий склон. Луна косо освещала подножие водопада; поблескивал бурливый водоем. Вскоре Фродо увидел на его ближнем краю черную фигурку, но она тут же, точно почуяв взгляд, нырнула и исчезла в клубящейся темной воде, рассекая ее, как стрела или брошенный плашмя камушек.

Фарамир повернулся к часовому.

— Теперь что скажешь, Анборн? Белка или, может, зимородок? Как там, на озерах Лихолесья, черные зимородки водятся?

— Кто это ни есть, только не птица, — отвечал Анборн. — О четырех конечностях и ныряет по-людски, да надо сказать, очень сноровисто. Чего ему там надо? Ищет лазейку к нам под Занавесь? Похоже, они до нас добираются. У меня с собой лук, и я расставил еще четверых вокруг пруда, стреляют немногим хуже меня. Как прикажешь, сразу подстрелим.

— Стрелять? — спросил Фарамир, быстро обернувшись к Фродо. Фродо помешкал. Потом сказал:

— Нет. Нет! Очень прошу, не стреляйте в него!

Сэм не решился, а надо бы сказать «да», поскорее и погромче. Ему было ничего не видно из-за спин, но он сразу догадался, о ком речь.

— Так ты, стало быть, знаешь, что это за тварь? — спросил Фарамир. — Тогда скажи, почему надо его пощадить. Ты о нем почему-то ни разу даже не упомянул, о своем заблудшем спутнике, и я решил не допытываться, лишь велел его поймать и привести. Послал своих лучших охотников, но он и их провел и вот только сейчас объявился; один Анборн видел его в сумеречный час. Теперь на нем вина потяжелее: что там ловля кроликов на угорье! Он посмел проникнуть в Хеннет-Аннун — за это платят жизнью. Дивлюсь я ему: такой ловкач и хитрец, а резвится в пруду под самым нашим Окном. Может быть,

он думает, что люди ночью спят и ничего не видят? С чего это он так оплошал?

— На этот вопрос целых два ответа,— сказал Фродо.— Во-первых, с людьми он мало знаком, и какой он ни хитрец, а прибежище ваше так укрыто, что он о нем ведать не ведает. Во-вторых, я думаю, что его сюда неодолимо влечет и он потерял голову.

— Влечет, говоришь ты? — переспросил Фарамир вполголоса.— Уж он не догадался ли о твоей тяжелой ноше?

— Он знает о ней. Он сам таскал ее много лет.

— Он таскал? — У Фарамира от изумленья дух перехватило.— А я-то думал, все загадки позади. Так он за ним охотится?

— Не теряет из виду. Оно у него зовется «Прелесть». Но сейчас не оно влечет его.

— Чего же ему надо?

— Рыбы,— сказал Фродо.— Смотри!

Они глядели вниз на темный пруд. Черная голова вынырнула в дальнем конце, в тени скал. Блеснуло серебро, пробежала мелкая рябь, и на диво проворная лягушачья фигурка выпрыгнула из воды на берег, уселась и впиалась зубами во что-то серебристое, снова блеснувшее в последних лунных лучах: луна скрылась за утесом с другой стороны пруда.

Фарамир тихо рассмеялся.

— Рыбы! — сказал он.— Ну, это не столь губительно. Хотя как сказать: рыбка из пруда Хеннет-Аннуна обойдется ему очень дорого.

— Я прицелился,— сказал Айборн.— Стрелять или нет? Незванным гостям у нас одна кара — смерть.

— погоди, Айборн,— сказал Фарамир.— На этот раз все не так просто. Что скажешь, Фродо? Почему его щадить?

— Это жалкая, изголодавшаяся тварь,— сказал Фродо.— Он не знает, что ему грозит. И Гэндальф, ваш Митрандир, наверняка просил бы уже поэтому не убивать его, а есть и другие причины. Эльфам он запретил его убивать: я точно не знаю почему, а о догадках своих лучше промолчу. Однако же тварь эта имеет касательство к тому, что мне поручено. Прежде чем ты нас нашел, он был моим провожатым.

— Провожатым! — повторил Фарамир. — Диковинные дела. Я готов на многое для тебя, Фродо, но это, пожалуй, слишком: отпустить поганого хитреца как ни в чем не бывало, чтобы он опять к вам пристал, коль того пожелает, или попался оркам, которые вывернут его наизнанку? Нет, его надо убить или хотя бы изловить. Изловить немедленно или убить. Но кто угонится за этим скользким оборотнем, кроме пернатой стрелы?

— Давай я тихонько спущусь к нему, — сказал Фродо. — Держите луки наготове: если я его упущу, подстрелите меня. Я не убегу.

— Ступай, да поскорей! — сказал Фарамир. — Если повезет ему остаться в живых, то по гроб жизни он обязан быть твоим верным слугой. Проведи Фродо на берег, Анборн, только поосторожнее: у него что чутье, что слух. Дай мне твой лук.

Анборн что-то проворчал под нос и повел Фродо вниз по винтовой лестнице до площадки, оттуда вверх другой лестницей, и наконец они выбрались из узкой расщелины, укрытой за кустами. Фродо оказался на высоком южном берегу пруда. Стало темно, лишь водопад серел в меркнущих лунных отсветах. Горлума видно не было. Фродо сделал несколько шагов; за ним неслышно следовал Анборн.

— Иди! — выдохнул он в ухо Фродо. — Справа круча. Если свалишься в пруд, выручать тебя будет некому, кроме твоего дружка-рыболова. И не вздумай удрать, не забудь, что рядом лучники, хоть их тебе и не видно.

Фродо пополз вперед по-горлумски, на карачках, ощупывая каждую пядь. Каменная тропа была ровная и гладкая, но очень скользкая. Он застыл и прислушался; сперва был слышен только шум водопада позади, потом он различил совсем недалеко сиплое бормотанье.

— Рыбка, славенькая рыбка. Белая Морда убралась, прелессть моя, наконец-то убралась, да-sss. Можно скушенькать рыбку спокойно, нет, не спокойно, прелессть. Нашу Прелессть унесли, да, унесли. Гадкие хоббиты, пасскудные хоббиты. Бросили нас, *горлум*; и Прелессть унесли. Остался один беденький Смеагорл. Прелести нет. Мерзкие люди, хотят украсть мою Прелессть. Ненавистные воры! Рыбка, вкусенькая рыбка. Мы подкрепимся, станем сильнее всех. Зоркие глазки, сильные цепкие

пальчики, да-ссс. Мы их передушим, прелесть. Мы их всех передушим, мы изловчимся. Вкусненькая рыбка. Славненькая рыбка!

И так оно продолжалось почти без умолку, как шум водопада; на придачу слышалось чавканье, хлюпанье и урчанье. Фродо вздрагивал от жалости и омерзения. Хоть бы он замолк, хоть бы никогда больше не слышать этого голоса. Анборн за пять-десять шагов. Можно отползти и сказать ему — пусть стреляют. Они, наверно, совсем близко подобрались, пока Горлум обжирается. Одна меткая стрела, и Фродо больше никогда не услышит этого мерзостного голоса. Но нет, нельзя, Горлум вправе на него полагаться. Слуга вправе полагаться на хозяина, на его заступничество. Без Горлума они бы утонули в Мертвецких Болотах. И Фродо чутьем знал, что Гэндальф не допустил бы убийства.

— Смеагорл! — тихо позвал он.

— Рыбка, вкусненькая рыбка, — сипел голос.

— Смеагорл! — сказал он погромче.

Голос смолк.

— Смеагорл, хозяин ищет тебя. Хозяин пришел. Иди сюда, Смеагорл!

Ответа не было, лишь тихий присвист, точно воздух втянули сквозь зубы.

— Иди сюда, Смеагорл! — повторил Фродо. — Тут опасно. Люди убьют тебя, если найдут. Иди скорее, если хочешь остаться в живых. Иди к хозяину!

— Нет! — сказал голос. — Злой хозяин. Оставил бедненького Смеагорла и завел себе новых друзей. Пусть хозяин подождет. Смеагорл не успел покушенькать.

— У нас нет времени, — сказал Фродо. — Возьми с собой рыбу. Иди сюда!

— Нет! Сначала Смеагорл съест рыбку!

— Смеагорл! — позвал Фродо, отчаиваясь. — Прелесть рассердится. Я возьму в руку Прелесть и скажу: пусть Смеагорл подавится костями. И никогда больше не отведаст рыбки. Иди, Прелесть ждет!

Зашипев по-змеиному, Горлум выскочил из темноты на четвереньках, словно пес к ноге. В зубах у него была полусъеденная рыбина, в руке другая, целая. Он приблизился к Фродо вплотную и обнюхал его с бледным огнем в глазах. Потом вытащил рыбину изо рта и выпрямился.

— Добренький хозяин! — прошептал он. — Славненький хоббит, вернулся к бедненькому Смеагорлу. Послушненького Смеагорла позвали, и он сразу пришел. Пойдем, пойдем скорее, да-ссс. Деревьями, лесом, пока Морды спрятались. Да, да, пойдем скорее!

— Да, мы скоро пойдем, — сказал Фродо. — Но еще не сейчас. Я пойду с тобой, как обещал. И снова обещаю. Но не сейчас. Сейчас опасно. Я спасу тебя, но ты мне должен верить.

— Верить хозяину, зачем? — насторожился Горлум. — Зачем не сразу идти? Куда подевался другой, скверный, грубый хоббит? Где он спрятался?

— Там, наверну, — сказал Фродо, махнув рукой в сторону водопада. — Я без него не пойду. Пошли, надо к нему вернуться. — Ему было тошно. Слишком похоже на обман. Едва ли, конечно, Фарамир велит убить Горлума, но связать, разумеется, свяжет: и, уж конечно, это будет предательством в глазах несчастного, завязанного предателя. Как ему потом объяснишь, разве он поверит, что Фродо спас ему жизнь и иначе спасти ее не мог? Как тут быть? Невозможно угодить и нашим, и вашим, а все ж таки надо попытаться. — Идем! — сказал он. — А то Прелесть рассердится. Мы вернемся вверх по реке. Пойдем, пойдем, иди вперед!

Горлум пополз по краю пруда, недоверчиво пригнувшись, остановился и поднял голову.

— Здесь кто-то есть! — шепнул он. — Не хоббит, нет. — И вдруг отпрянул назад. Выпученные глаза его зажглись зеленым огнем. — Хозяин, хозяин! — засипел он. — Злой! Скверный! Ненавистный изменник!

Он заплелся; хваткие длинные белые пальцы метнулись к горлу Фродо.

Но позади выросла большая темная фигура Анборна; крепкая рука обхватила загривок Горлума и пригвоздила его к земле. Он чуть не вывернулся: мокрый, юркий и скользкий, как угорь, кусачий и царапучий, как кот. Но из темноты появились еще два человека.

— А ну, смирно! — сказал один из них. — Сейчас так нстыкаем стрелами — за ежа сойдешь. Смирно, говорю!

Горлум обмяк, заскулил и захныкал. Его связали туго-натуго.

— Осторожнее же! — сказал Фродо. — Силу-то соразме-

ряйте, не делайте ему больно, пожалуйста, и он присмирет. Смеагорл! Они не обидят тебя. Я пойду с тобой, и все будет хорошо, жизнью своей ручаюсь. Верь хозяину!

Горлум обернулся и плюнул в него. Воины нахлобучили ему мешок на голову, подняли и понесли.

Фродо шел за ними, расстроенный и угнетенный. Пролезли в расщелину и по длинным лестницам и переходам возвратились в пещеру. Пылали два-три факела. Воины шевелились во сне. Сэм был уже там; он недобрым взглядом посмотрел на мягкий сверток.

— Попался голубчик? — спросил он у Фродо.

— Да. Нет, его не ловили: я его подманил, а он мне поверил на слово. Я просил его так не связывать. Надеюсь, он цел остался, но мне тошно и стыдно.

— Мне тоже, — угрюмо вздохнул Сэм. — С этой мразью пакости не оберешься.

Воин жестом пригласил их в закуток. Фарамир сидел в кресле; в нише над его головой снова зажгли лампаду. Он указал хоббитам на скамейки.

— Принесите вина гостям, — велел он. — И давайте сюда пленника.

Вино принесли; потом Анборн притащил Горлума. Он сдернул мешок с его головы и поставил его на ноги, а сам встал сзади — придерживать. Горлум подслеповато моргал, пряча злобищу за набрякшими веками. Выглядел он жалко донельзя: с него стекала вода, от него воняло рыбой (одну рыбину он сжимал в руке), жидкие космы облепили костистый лоб, точно водоросли; под носом висели сопли.

— Развяжите нас! Развяжите нас! — молил он. — Нам болезно, болезно от гадкой веревки, мы ничего плохого не сделали!

— Ничего? — спросил Фарамир, пристально разглядывая омерзительную тварь; в лице его не было ни гнева, ни жалости, ни удивления. — Так-таки ничего? Ты ничем не заслужил ни такого обращения, ни более тяжелой кары? Ну, об этом, по счастью, не мне судить. Этой ночью, однако, ты заслужил смерть, ибо ценою жизни ловится рыбака в нашем пруду.

Горлум выронил рыбину.

— Мы не хотим рыбки, — сказал он.

— Да не в рыбке дело, — сказал Фарамир. — Смерти повинен всякий, кто издали посмотрит на пруд. Я пощадил

тебя пока лишь потому, что за тебя просил Фродо: он говорит, будто чем-то тебе обязан. Но решаю здесь я. И мне ты скажешь, как тебя зовут, откуда ты взялся, куда идешь и какое твоё занятие.

— Мы сгинули, нас нет,—простонал Горлум.—Нас никак не зовут, нету у нас занятия, нет Прелессти, нет ничего. Все пусто. И пустой живот: мы голодные, да, мы голодные. Две мерзкие рыбки, костлявые, гадкие рыбки, и нам говорят: смерть. Столько в них мудрости, столько справедливости!

— Мудрости, пожалуй, немного,—сказал Фарамир.—Но поступим по справедливости, как велит нам наша малая мудрость. Освободи его, Фродо.

Фарамир извлек кинжальчик из ножен у пояса и протянул его Фродо. Горлум завизжал в смертельном ужасе и шлепнулся на пол.

— Ну же, Смеагорл!—сказал Фродо.—Ты должен верить мне. Я тебя не оставляю. Отвечай, если можешь, по всей правде. Увидишь, плохо не будет.

Он разрезал тугие путы на кистях и лодыжках Горлума и поднял его стоймя.

— Подойди!—приказал Фарамир.—Смотри мне в глаза! Ты знаешь, как называется это место? Ты бывал здесь прежде?

Горлум медленно, нехотя поднял тусклые глаза и встретил ясный и твердый взгляд воина Гондора. Стояло молчание; потом Горлум уронил голову и осел на карачки, мелко дрожа.

— Мы не знаем, как называется, и знать не хотим,—проскулил он.—Никогда мы здесь не были; никогда сюда не возвратимся.

— В душе у тебя сплошь запертые двери и наглухо закрытые окна, и черно там, как в подвале,—сказал Фарамир.—Но сейчас, я вижу, ты говоришь правду. Тем лучше для тебя. Какой же клятвой поклянешься ты никогда сюда не возвращаться и ни словом, ни знаком не выдать разведанный путь?

— Хозяин знает какой,—сказал Горлум, покосившись на Фродо.—Да, он знает. Мы поклянемся хозяину, если он нас спасет. Мы поклянемся Ею, да-ссс.—Он извивался у ног Фродо.—Спаси нас, добренький хозяин!—хныкал он.—Смеагорл поклянется Прелестью, принесет страшную

клятву. Он не возвратится, он ни за что никому не выдаст, нет, никогда! Нет, прелесть, ни за что!

— Ты ему веришь?—спросил Фарамир.

— Да,—сказал Фродо.—И тебе придется либо поверить, либо исполнить закон вашей страны. Большого ты не дожدهшься. Но я обещал, что если он подойдет ко мне, то останется жив, и обманывать мне не пристало.

Фарамир посидел в раздумье.

— Хорошо,—сказал он наконец.—Препоручаю тебя твоему хозяину Фродо, сыну Дрого. Пусть он объявит, как поступит с тобой!

— Однако же, государь,—сказал Фродо, поклонившись,—ты сам еще не объявил свое решение касательно поименованного Фродо, и, пока оно неизвестно, оный хоббит не может ни строить планы, ни распоряжаться судьбою спутников. Твой приговор был отложен на завтра; и вот завтра настало.

— Что ж, изрекаю свой приговор,—сказал Фарамир.—Итак, Фродо, власть, дарованной мне, объявляю, что ты волен пребывать в древних пределах Гондора где тебе заблагорассудится, и лишь в сие место не изволь являться, не быв зван, ни один, ниже с кем бы то ни было. Приговор сей действителен отныне год и один день, а затем теряет силу свою, буде ты не явишься до истечения указанного срока в Минас-Тирит и не предстанешь пред очи Наместника и Градоправителя. А явишься—я испрошу его дозволения продлить право твое пожизненно. Покамест же всякий, кого ты примешь на поруки, тем самым принимается под мою заступу, под щит Гондора. Удовлетворен ли ты?

Фродо низко поклонился.

— Удовлетворен,—сказал он.—И прошу считать меня преданным слугою, если преданность моя имеет достоинство в глазах высокого правителя.

— Имеет, и немалое,—сказал Фарамир.—Итак, берешь ли ты ответчика Смеагорла на поруки?

— Беру на поруки ответчика Смеагорла,—произнес Фродо.

Сэм шумно вздохнул, но не по поводу избыточных церемоний—нет, он, как истый хоббит, всецело их одобрял и лишь сожалел, что поклонов и словес было маловато, в Хоббитании за месяц бы не управились.

— Помни же,—сказал Фарамир, обращаясь к Горлуму,—что тебе вынесен смертный приговор, но, пока ты состоишь при Фродо, от нас тебе ничего не грозит. Однако, встретив тебя без него, любой гондорец немедля приведет приговор в исполнение. И да постигнет тебя скорая и злая смерть, будь то в Гондоре или за его пределами, если ты обманешь доверие хозяина. Теперь отвечай мне: куда вы идете? Он говорит, что ты был его провожатым. Куда же ты вел его?

Горлум не отвечал.

— Отмолчаться не удастся,—сказал Фарамир.— Отвечай или приговор мой станет жестче!

Но Горлум и тут не ответил.

— Я отвечу за него,—сказал Фродо.— Он привел нас, как я просил, к Черным Воротам; но Ворота были заперты.

— Отпертых ворот в этой стране нет,—сказал Фарамир.

— Увидев это, мы свернули в сторону и пошли южной дорогой,—продолжал Фродо,—ибо он сказал, что там есть или может отыскаться тропа близ Минас-Итила.

— Минас-Моргула,—поправил Фарамир.

— В точности я не понял,—сказал Фродо,—но, кажется, к северу от старой крепости уходит высоко в горы тропка, ведет к темному переходу, а с той стороны из расщелины вниз на равнину... и так далее.

— А ты знаешь, как называется этот темный переход?—спросил Фарамир.

— Нет,—сказал Фродо.

— Он называется Кирит-Унгол.

Горлум с присвистом втянул воздух и забормотал себе под нос.

— Так или не так?—обратился к нему Фарамир.

— Нет!—отрезал Горлум и вдруг завопил, точно его ткнули кинжалом: — Да, да, мы слышали это название: зачем нам его знать? Хозяин сказал, ему нужно пройти, и, раз проход есть, мы постараемся. Больше нигде пройти нельзя, нет.

— Больше нигде?—спросил Фарамир.— А ты откуда знаешь? Никто не обходил рубежи черного государства.— Он долго и задумчиво смотрел на Горлума и наконец сказал: — Забери его отсюда, Анборн. Помягче с ним, но

глаз не спускай. А ты, Смеагорл, не вздумай нырнуть в озеро: там очень острые скалы и смерть постигнет тебя раньше времени. Уходи и возьми свою рыбину!

Горлум приниженно потащился к выходу; Анборн пошел следом, по знаку Фарамира задерживая занавеску.

— Фродо, по-моему, ты поступаешь безрассудно,— сказал Фарамир.— По-моему, не надо тебе с ним идти. Порченная это тварь.

— Ну, не совсем порченная,— возразил Фродо.

— Может быть, и не совсем,— согласился Фарамир,— но злоба изгрызла его насквозь. Он вас до добра не доведет. Расстанься с ним, я дам ему пропуск, а лучше провожатого до любого пограничья Гондора.

— Он не согласится,— сказал Фродо.— Он потащится за мной, как уж давно таскается. И я подтвердил обещание взять его на поруки и пойти, куда он сказал. Ты ведь не хочешь склонить меня к вероломству?

— Нет,— сказал Фарамир.— Но у меня сердце не на месте. Конечно, одно дело — нарушить слово самому, другое — советовать это другу, который вслепую бредет по краю пропасти. Ну да если он все равно за тобой увяжется, то лучше уж пусть будет на глазах. Однако ж не думаю, что ты должен идти с ним через Кирит-Унгол, о котором он говорит далеко не все, что знает: это яснее ясного. Не ходи через Кирит-Унгол!

— А куда мне идти? — сказал Фродо. — Назад к Черным Воротам, сдаваться стражникам? Почему тебя так пугает название, что ты знаешь об этом переходе?

— Ничего достоверного,— сказал Фарамир.— В наши дни гондорцы не заходят восточнее большака, а уж мы, кто помоложе, и подавно там не были и близко не подходили к Изгарным горам. Старинные слухи да древние сказания — больше положиться не на что. Но в памяти людской переход над Минас-Моргулом таит безымянный ужас. Когда говорят «Кирит-Унгол», наши старцы и знатоки преданий бледнеют и смолкают.

Долину Минас-Моргула мы потеряли давным-давно, и чудовищной стала она, еще когда изгнанный Враг не возвратился, а Итилия большей частью пребывала под нашей державой. Как ты знаешь, там некогда высилась

могучая, дивная, горделивая крепость Минас-Итил, сестра-близнец нынешней столицы. Но ее захватили шайки бесчисленных головорезов, прежних наймитов Врага, которые разбойничали в тех краях после его низвержения. Говорят, их предводителями были нуменорцы, поработанные злом, владельцы властительных Колец, пожранные ими и превратившиеся в живые призраки, жуткие и лютые. Они сделали Минас-Итил своим обиталищем и объяли тленом ее и окрестную долину. Казалось, крепость пуста, но это лишь казалось, ибо нежить царила в разрушенных стенах: Девять Кольценосцев, которые по возвращении их Владыки, тайно приуроченном, безмерно усилились, и Девять Всадников выехали из обители ужаса, и мы не смогли им противостоять. Не подходи к их полой твердыне. Тебя выследят: неживые не спят и не гаснут их безглазые глазницы. Не ходи этим путем!

— А каким прикажешь идти?—спросил Фродо.— Ты же не можешь, сам говоришь, довести меня до гор и перевести через них. Мне нужно за горы, я дал на Совете торжественное обещание найти туда путь или погибнуть. А если я убоюсь страшной участи и пойду на попятный, куда я направлюсь? К эльфам? К людям? Не в Гондор же нести залог лиходейства, ополоумивший твоего брата? Какие чары опутают тогда Минас-Тирит? Хочешь, чтобы два Минас-Моргула, как два черепа, скалились друг на друга через мертвенную пустыню?

— Нет, этого я не хочу,—сказал Фарамир.

— А что тогда прикажешь мне делать?

— Не знаю. Только мучительно мне мысль, что ты идешь на смерть или на пытку. И вряд ли Митрандир избрал бы этот путь.

— Но Митрандира нет, и я должен сам избирать путь, какой найдется. А искать некогда.

— Роковое решение и безнадежная затея,—сказал Фарамир.— Но послушай меня хоть в этом: берегись своего провожатого, Смеагорла. У него на совести не одно убийство: я это вижу как на ладони.— Он вздохнул.— Ну что ж, вот мы и расстаемся, Фродо, сын Дрого. Тебе ни к чему слова утешенья, и едва ли суждено нам с тобой свидеться на земле. Будь благословен—и ты, и весь твой народ. Немного отдохни, пока вам соберут в дорогу припасов.

Охотно послушал бы я, как этот ползучий Смеагорл завладел тем залогом, о котором шла речь, и как он утратил его, но сейчас тебе не до рассказов. А если ты все же вернешься к живым из смертного мрака, то мы сядем с тобою на солнце у белой стены, будем с улыбкой повествовать о минувших невзгодах — тогда расскажешь и об этом. Но до той несбыточной поры или до иных, нездешних времен, незримых даже в глубине всевидящих Камней Нуменора,—прощай!

Он встал, низко поклонился Фродо и, отдернув занавес, вышел в пещеру.

ГЛАВА VII

К РАЗВИЛКУ ДОРОГ

родо и Сэм вернулись на свои постели и долеживали молча, а люди кругом вставали и возвращались к дневным заботам. Вскоре им принесли умыться, потом проводили к столику, накрытому на троих, где уже сидел Фарамир. Он целые сутки не спал, даже не прилег отдохнуть после битвы, но словно бы и не утомился.

Позавтракали и сразу поднялись из-за стола.

— Голодать в пути не след,—сказал Фарамир,—а припас ваш скудный, и я велел уложить вам в котомки понемногу дорожной снеди. Водой Итилия богата, только не пейте из рек и ручьев, протекающих через Имлад-Моргул, Неживую Логовину. И вот еще что: мои разведчики и дозорные все возвратились, даже те, кто ходил к Мораннону. И все доносят, что край пуст—никого на дорогах, нигде ни звука: ни шагов, ни рога, ни тегивы. Черная стра-

на, да не будет она названа, замерла. Понятно, что это предвещает: вот-вот грянет великая буря. Поторопитесь! Если вы готовы, пойдемте, скоро уж солнце выглянет из-за вечной тени Изгарных гор.

Хоббитам принесли потяжелевшие котомки и два крепких посоха: полированные, с железным наконечником и резной рукоятью с прoderнутой ременной косицей.

— Мне нечем одарить вас на прощанье,—сказал Фарамир,—возьмите хоть посохи. Пригодятся и на бездорожье, и в горах: с такими ходят горцы Эред-Нимрайса, а эти обрезаны вам по росту и заново подбиты. Они из добротной древесины *лебетрона*, излюбленной гондорскими столбами, и есть поверье, будто волшебное это дерево помогает найти, что ищешь, и благополучно вернуться. Да сохранит волшебство свою светлую силу в сумраке зла!

Хоббиты низко поклонились.

— О радушный хозяин,—сказал Фродо,—мне предрекал Полуэльф Элронд, что на пути мы встретим неожиданных и негаданных помощников. Но поистине я не ждал и не чаял встретить такое радушие; оно несказанно утешило меня в моей скорби.

Приготовились к отходу. В каком-то закоулке отыскали и привели Горлума, и он был не такой разнесчастный, как давеча, только жался к Фродо и избегал взгляда Фарамира.

— Вашему проводнику мы завяжем глаза,—сказал Фарамир,—но ты и слуга твой Сэммиум свободны от этой повинности.

Когда подошли к Горлumu с повязкой, он завизжал, увернулся и схватился за Фродо, а тот сказал:

— Завяжите глаза всем троим, мне первому; может, он тогда поймет, что его не хотят обидеть.

Так и сделали; из пещеры Хеннет-Аннуна провели их переходами и лестницами, и в лицо им пахнул свежий, душистый утренний воздух. Еще немного прошли вслепую, спустились под гору, и голос Фарамира приказал снять повязки.

Над их головой покачивались ветви, перешептывалась листва; рокот водопадов смолк, они остались за длинным южным склоном холма, отделившим их от реки. На западе лес сквозил, как над обрывом на краю света.

— Здесь нам расходиться,— сказал Фарамир.— Послушайтесь меня и пока не сворачивайте к востоку. Ступайте прямо: много миль пройдете под покровом леса. Справа за опушкой спуск в широкую долину, местами обрывистый, местами пологий. Держитесь у края леса, поближе к этим склонам. Поначалу, я думаю, вам и дневной свет не помеха: земля объята ложным покоем и зло затаилось. Воспользуйтесь этим!

Он обнял хоббитов, по гондорскому прощальному обыкновению положил им руки на плечи и, склонившись, поцеловал в лоб.

— Ступайте же, и добро да будет вашей обороной!— сказал он.

Они поклонились земным поклоном. Он, не оборачиваясь, пошел к дружинникам, дожидавшимся поодаль. Во мгновение ока все три зеленых воина исчезли, затерялись в лесу, и пусто было там, где сейчас только стоял Фарамир, словно все, что случилось, было во сне.

Фродо вздохнул и повернулся лицом к югу. Для пущего неуважения Горлум копошился во мху под корневищем.

— Убрались наконец-то?— спросил Горлум.— Мерзкие, злые людишки! У Смеагорла шейника еще болит, да, да-ссс. Пойдем скорее!

— Да, пошли,— сказал Фродо.— Но чем бранить тех, кто сжалился над тобой, лучше бы помолчал!

— Добренький хозяин!— сказал Горлум.— Нельзя уж и пошутить Смеагорлу. Он всех всегда сразу прощает, да-да, и хозяину простил его обманцы. Такой добренький хозяин, такой послушенький Смеагорл!

Фродо и Сэм смолчали, вскинули за плечи котомки, взяли посохи и двинулись в путь по итильскому лесу.

Дважды за день они отдохнули и поели Фарамировой снеди: сухих фруктов и солонины—запас многодневный, а

хлеба ровно столько, чтоб не зачерствел. Горлум от еды отказался.

Солнце взошло, невидимкой проплыло по небесам и вот уж садилось, расстроив золотистый свет по западной окраине леса, а они все шли и шли в прохладном зеленом сумраке, в глухой тишине. Все птицы либо улетели, либо онемели.

В молчаливом лесу быстро смерклось, и они заночевали, притомившись: семь лиг, не меньше, прошли от Хеннет-Аннуна. Фродо разлегся на мшистой подстилке возле старого дерева и спал всю ночь без просыпу, зато Сэм рядом с ним то и дело поднимал голову, но Горлума было не видать—он как улизнул сразу, так и не показывался: может, забился в какую дыру, а может, живоглотничал; вернулся он с первым лучом и разбудил спутников.

— Вставать надо, вставать!—сказал он.—Еще далеко идти, на юг и потом на восток. Хоббитам лучше поспешить!

День прошел, как и накануне, только безмолвие углублялось; воздух отяжелел, и пахло под деревьями. Казалось, вот-вот зарокочет гром. Горлум останавливался, принюхивался, бормотал под нос и торопил их.

На третьем дневном переходе, уже под вечер, лес поредел, деревья покрупнели. Среди полян угрюмо и важно раскинули ветви огромные падубы, между ними высились дряхлые лишаистые ясени, могучие дубы пустили буро-зеленую поросль. В траве на прогалинах пестрели цветочки ветреницы и чистотела, белые и голубые, свернувшиеся на ночь; из заплесневелых россыпей листвы лесных гиацинтов пробивались гляцевитые молодые ростки. Нигде ни зверя, ни птицы, но Горлум испугался открытых мест, и они, пригибаясь, перебежали из тени в тень.

Уже в полумраке вышли они на опушку и уселись под старым шишковатым дубом, чьи змеистые корни торчали над сыпучим обрывом. Перед ними расстилалась тусклая глубокая долина; на дальней ее стороне снова густел и тянулся на юг серо-голубой лес в дымчатом полумраке.

Справа, далеко на западе, розовели в закатных огнях кряжи Белогорья. Слева застыла тьма: там возвышались утесистые стены Мордора, и туда, сужаясь от Великой Реки, вклинивалась долина. По дну ее бежал поток, и его ледяной голос нарушал глухое безмолвие; подле него беловатой лентой вилась дорога, теряясь в исчерна-серой мгле, не тронутой ни отблеском заката. Фродо почудилось, будто он различает у берега Андуина как бы на плаву в тумане верхушки и шпили высоких разрушенных башен. Он обернулся к Горлуму.

— Ты знаешь, где мы сейчас?

— Да, хозяин. Это опасные места. Дорога от Лунной Башни к развалинам города на берегу реки. Мерзкие развалины, там полным-полно врагов. Не надо было слушать людей. Хоббиты далеко отошли от тропы. Сейчас нужно идти на восток, туда, наверх,—он махнул жилистой рукой в сторону мрачных гор.—А по дороге идти нельзя, нет-нет! Ее посылают стеречь страшных людей из Башни.

Фродо поглядел на дорогу. Она, безлюдная и пустынная, вела в туман, к заброшенным руинам. Но было зловещее чувство, будто по ней и в самом деле проходят существа, незримые глазу. Фродо, зябко передернувшись, снова взглянул на дальние шпили, тонувшие в сумерках, и словно заново услышал леденящий плеск реки, голос Моргулдуина, отравленного потока из логовины призраков.

— Как же нам быть?—сказал он.—Шли мы долго, прошли много. Может быть, пока не будем выходить из леса, спрячемся где-нибудь и переночуем?

— Незачем прятаться в темноте,—сказал Горлум.—Днем пусть прячутся хоббиты, да, днем.

— Да ладно тебе!—сказал Сэм.—Отдохнуть-то все равно надо, хоть до полуночи, а потом уж потащимся в темноте, коли ты и правда дорогу знаешь.

Горлум нехотя согласился, и они побрели вслед за ним назад по бугристой опушке, забирая к востоку. Он опасался ночевать на земле так близко от страшной дороги, и они надумали забраться в развилину огромного падуба, под густую сень пучка ветвей: устроились скрытно и уютно, а уж темно было хоть глаз выколи. Фродо и Сэм глотнули воды и поели хлеба с сушеными фруктами;

Горлум тут же свернулся и заснул. Хоббиты глаз не смыкали.

Проснулся Горлум, должно быть, немного за полночь: они вдруг увидели два бледных, мерцающих огня. Он вслушался и принялся; хоббиты давно заметили, что так он определял время ночью.

— Мы отдохнули? Мы хорошо поспали?—спросил он.—Тогда пошли.

— Не отдохнули и не поспали,—проворчал Сэм.— Надо, так идем.

Горлум спрыгнул с дерева сразу на карачки, хоббиты медленно слезли. Он повел их вверх по склону на восток. Стемнело так, что они чуть не натакивались на деревья. Идти в темноте по буеракам было трудновато, но Горлума это не смущало. Он вел их сквозь кустарник и заросли куманики, огибал глубокие овраги; иногда они спускались в темные кустистые ложбинки и выбирались оттуда, а восточные скаты становились все круче. Оглянувшись на первом привале, они увидели, что лес остался далеко внизу, он лежал огромной тенью, словно сгустившаяся темнота. Темень еще гуще напозала с востока, и меркли без следа крохотные мутные звездочки. Потом из-за длинной тучи выглянула заходящая луна в мутно-желтой поволоке.

Наконец Горлум обернулся к хоббитам.

— Скоро день,—сказал он.—Надо хоббитцам поторопиться. Здесь днем нельзя на открытых местах, совсем нельзя. Скорейньки!

Он пошел быстрее, и они еле поспевали за ним. Началась большая круча, заросшая утесником, черникой и низким терном; то и дело открывались обугленные прогалы, следы недавнего огня. Наверху утесник рос сплошняком: высокий, старый и тощий понизу, он густо ветвился и осыпан был желтыми искорками-цветками с легким пряным запахом. Хоббиты, почти не пригибаясь, шли между шиповатых кустов по колкой мшистой подстилке.

Остановились на дальнем склоне горбатого холма и залезли отдохнуть в терновую заросль: глубокую рытвину прикрывали оплетенные вереском иссохшие узловатые

ветви-стропила, кровлей служили весенние побеги и юная листва. Они полежали в этом терновом чертоге. Устали так, что и есть не хотелось, выглядывали из-под навеса и дожидались дня.

Но день не наступил: разлился мертвенно-бурый сумрак. На востоке под низкой тучей трепетало багровое марево—не рассветное, нет. Из-за бугристого всхолмья супились кручи Эфель-Дуата, стена ночного мрака, а над нею черные зазубренные гребни и угловатые вершины в багровой подсветке. Справа громоздился еще чернее высокий отрог, выдаваясь на запад.

— В какую нам сторону?—спросил Фродо.— Там что, за этим кряжем, логовина Моргула?

— А чего примериваться?—сказал Сэм.— Дальше-то пока не пойдем, все-таки день, какой ни на есть.

— Может быть, пока и не пойдем, может быть, и нет,—сказал Горлум.— Но идти надо скорей—и поскорее к Развилку, да, к Развилку. Хозяин правильно подумал— нам туда.

Багровое марево над Мордором угасло, а сумрак густел: чадное облако поднялось на востоке и поползло над ними. Фродо и Сэм поели и легли, но Горлум мельтешился. Есть он не стал, отпил воды и выполз из рывины, а потом и вовсе исчез.

— Мышкуют небось,—сказал Сэм и зевнул. Был его черед спать, и сон его тут же сморил. Ему снилось, что он возле Торбы-на-Круче и чего-то он такое ищет на огороде, но тяжело навьючен и чуть землю носом не бороздит. Там все почему-то заросло и как-то запаршивело: сплошные репы да купыри, аж до нижней изгороди. «Работенки невпроворот, а я, как на грех, уставши,—приговаривал он и вдруг вспомнил, что ему надо. — Да трубку же!»—сказал он и проснулся.

— Вот дубина!—обругал он себя, открыв глаза и раздумывая, с чего бы это он валяется под забором. Потом сообразил, что трубку искать не надо—она в котомке, а табаку-то нет—и что он за сотни миль от Торбы. Он сел: было темным-темно. Ишь, хозяин додумался: не будить его до самого вечера!—Это вы совсем не спали, су-

дарь?—строго сказал он.—Времени-то сколько? Вроде уж поздно.

— Нет, не поздно,—сказал Фродо.—Просто день становится все темнее. А так-то и за полдень, поди, еще не перевалило, и проспал ты не больше трех часов.

— Интересные дела,—сказал Сэм.—Это что ж, буря собирается? Такой бури небось еще и на свете не бывало. Не худо бы забраться куда и поглубже, а то вон веточками прикрылись.—Он прислушался.—Что это, гром, барабаны или так просто тарахтит?

— Не знаю,—сказал Фродо.—Уж давно затарахтело. То будто земля дрожит, а то словно кровь стучит в ушах.

Сэм огляделся.

— А где Горлум?—спросил он.—Неужто не приходил?

— Нет,—сказал Фродо.—Ни слуху ни духу.

— Ну, невелика потеря,—сказал Сэм.—Такой кучей дерьма я еще никогда не запасался в дорогу. Это надо же—сто миль провисеть на шее, а потом запропасться, как раз когда в тебе есть нужда, хотя какая в нем нужда—это еще вопрос.

— Ты все-таки не забывай Болота,—сказал Фродо.—Надеюсь, ничего с ним не стряслось.

— А я надеюсь, что он ничего не затевает или хотя бы не угодил, как говорится, в хорошие лапы, а то нам крутенько придется.

Опять прокатилось гроыханье, гулче и ближе. Земля под ними задрожала.

— Куда уж круче,—сказал Фродо.—Вот, наверно, и конец нашему путешествию.

— Может, и так,—согласился Сэм,—только мой Жихарь говорил: «Поколь жив, все жив»—и добавлял на придачу: «А не помрешь, так и есть захочется». Вы перекусите, сударь, потом на боковую.

«Хошь—день, а не хошь—как хошь»,—говорил себе Сэм, выглядывая из-под тернового укрытия; бурая мгла превращалась в бесцветный и непроницаемый туман. Стояла холодная духота. Фродо спал беспокойно, воро-

чался и метался, бормотал во сне. Дважды Сэму послышалось имя Гэндальфа. Время тянулось по-страшному. Наконец Сэм услышал за спиной шипенье и, обернувшись, увидел Горлума на карачках; глаза его сверкали.

— Вставайте, вставайте! Вставайте, сони! — зашептал он. — Вставайте бысстренько! Нельзя мешкать, ниссолько нельзя. Надо идти, надо выходить сейчас. Мешкать нельзя!

Сэм недоуменно взглянул на него: перепугался, что ли, или так гоношится?

— Прямо сейчас? Чего это ты вскинулся? Еще не время. Еще и полдничать-то не время: в порядочных домах даже на стол собирать не начали.

— Глупоссти! — засипел Горлум. — Мы не в порядочных домах. Время уходит, время бежит, потом будет поздно. Мешкать нельзя! Надо идти! Вставай, хозяин, вставай!

Он потряс за плечо Фродо, и Фродо, внезапно разбуженный, сел и перехватил его руку. Горлум вырвался и попятился.

— Без всяких глупосстей, — процедил он. — Надо идти. Нельзя мешкать!

Объяснений они от него не добились, не сказал он и где был и с чего так заторопился. Донельзя подозрительно все это было Сэму, но Фродо вникать не хотел. Он вздохнул, вскинул котомку и, видно, готов был брести невесть куда, в густую темень.

Со всей осторожностью вывел их Горлум на гору, прячась, где только возможно, и перебегая открытые места; но едва ли и самый зоркий зверь углядел бы хоббитов в капюшонах и эльфийских плащах, да и бесшумны они были, как сушие хоббиты: ни веточка не хрустнула, ни былинка не прошелестела.

Час или около того они молча шли гуськом в сумраке и полной тишине, лишь изредка погромыхивали то ли раскаты грома, то ли барабаны в горах. Они спускались, забирая все южнее, насколько позволяли буераки. Невдалеке темной стеной возникла купа деревьев. Подобравшись ближе, они увидели, что деревья огромные и очень старые, но все же величавые, хотя обугленные их вершины были обломаны, будто в них била молния — но ни она, ни

свирепая буря не смогли сгубить их или выдрать из земли вековые корни.

— Развилоч, да,—прошептал Горлум, молчавший от самой рывины.—Нам его не миновать.

Свернув на восток, он повел их в гору, и вдруг перед глазами открылась Южная дорога, извивавшаяся у горных подножий и исчезающая меж деревьев.

— Иначе не пройти,—шепнул Горлум.—За дорогой тропок нет, ни тропочки. Надо дойти до Развилка. Мешкать нельзя! Только ни слова!

Скрытно, будто разведчики во вражеском стане, сползли они вниз к дороге и по-кошачьи крались у западной обочины, подле серого парапета, сами серее камней. И вошли в древесную колоннаду, как в разрушенный дворец под темным пологом небес; и, словно арки, зияли промежутки меж исполинскими стволами. Посреди колоннады крестом расходились четыре дороги: одна вела назад, к Мораннону, другая—на дальний юг; справа вздымалась дорога из древнего Оспиата: она пересекала тракт и уходила на восток, в темноту; туда и лежал их путь.

На миг остановившись в страхе, Фродо вдруг заметил, что кругом посветлело и отблесками дальнего света озарилось лицо Сэма. Он обратил взгляд к прямой, как тугая лента, дороге книзу, на Оспиат. Далеко над скорбным Гондором, одетым тенью, солнце выглянуло из-под медленной лавины туч, и огнистое крыло заката простерлось к еще не оскверненному Морю. И осветилась огромная сидячая фигура, величественная, под стать Каменным Гигантам на Андуне. Обветренная тысячелетиями, она была покалечена и изуродована недавно. Голову отломали, на место ее в насмешку водрузили валун: грубо намалеванная рожа с одним красным глазом во лбу ухмылялась во весь рот. Колени, высокий трон и постамент были исписаны руганью и разрисованы мерзостными мордорскими иероглифами.

И вдруг Фродо увидел в последних солнечных лучах голову старого государя, брошенную у дороги.

— Гляди, Сэм! — крикнул он, от изумления снова обретя дар речи.—Гляди! Он в короне!

Глаза были выбиты и обколота каменная борода, но на высоком суровом челе явился серебряно-золотой

венец. Повилика в белых звездочках благоговейно увидела голову поверженного государя, а желтые цветы жив-травы, заячьей капусты осыпали его каменные волосы.

— Не вечно им побеждать! — сказал Фродо.

Но солнечные блики уже пропали, а солнце погасло, как разбитая лампа, и ночная темень стала еще чернее.

ГЛАВА VIII

БЛИЗ КИРИТ-УНГОЛА

орлум дергал Фродо за плащ и трясся от страха и нетерпения.

— Идти, идти надо,—шипел он.—Здесь нельзя стоять. И мешкать нельзя!

Фродо нехотя повернулся спиной к западу и следом за своим провожатым вышел из кольца деревьев дорогой, уводящей в горы. Сперва она тоже вела прямо, но скоро отклонилась на юг, к огромному каменному утесу, виденному с холма; проступая сквозь темноту, он грозно придвинулся к ним. Дорога заползла в его тень и, огибая отвесное подножие, подалась к востоку и круто пошла в гору.

У Фродо и Сэма было так тяжело на сердце, что они перестали заглядывать в будущее, и страх отпустил их. Фродо брел, свесив голову: ноша опять тяготила его. Как только они свернули с Развилка, этот гнет, почти забытый в Итили, уси-

ливался с каждой минутой. Изнывая от крутизны дороги под ногами, он устало поднял взгляд — и увидел ее, в точности как говорил Горлум, прямо над собой: крепость Кольценосцев. Его отшатнуло к парапету.

Длинная долина тeneвым клином вдавалась в горы. По ту ее сторону, на высоком уступе, точно на черных коленях Эфель-Дуата, высились башня и стены Минас-Моргула. Над темной землей застыло темное небо, а крепость светилась, но не тем оправленным в мрамор лунным сияньем, каким лучились некогда стены Минас-Итила, озаряя окрестные горы. Теперь ее свет был болезненно-мутным, лунно-белесым; она источала его, точно смрадное гниение, светилась, как гниющий труп, не освещая ничего. В стенах и башне зияли черные оконные дыры, а купол был извернуто скруглен: мертвец, казалось, косится с ухмылкой. Три спутника замерли и съежились, глядя как замороженные. Горлум опомнился первым. Он молча тянул их за плащи и чуть не тащил вперед. Каждый шаг был мучителен, время растянулось, и тошнотворно медленно спала нога.

Так они добрались до белого моста. Дорога, слабо мерцая, пересекала поток посреди долины и подбиралась извивами к воротам — черной пасти в северной стене. По берегам протянулись плоские низины, туманные луга в беловатых цветах. Они светились по-своему, красивые и жуткие, точно увиденные в страшном сне, и разливали гниловато-кладбищенский запах. Мост вел от луга к лугу; изваяния стояли при входе, искусные подобию людей и зверей, бредовые искажения земных обличий. Вода струилась беззвучно; клубясь, овеивали мост ее мертвенно-холодные отравные испарения. У Фродо закружилась голова и в глазах померкло; вдруг, словно незримая сила одолела его волю, он заторопился, заковылял вперед, вытянув руки; голова его моталась. Сэм с Горлумом оба кинулись за ним. Сэм подхватил хозяина: тот споткнулся и чуть не упал у самого входа на мост.

— Не сюда! Нет, только не сюда! — прошептал Горлум, но его шипенье сквозь зубы свистом прорезало безмолвие, и он в ужасе бросился наземь.

— Пойдите, сударь! — выдохнул Сэм в самое ухо Фродо. — Назад, назад! Нам не сюда, на этот раз я с Горлумом согласен.

Фродо провел рукой по лбу и оторвал взгляд от крепости на возвышение. Светящаяся башня притягивала его, и он боролся с мучительным, тягостным желанием стремглав побежать к воротам по мерцающей дороге. Наконец он кое-как пересилил тягу, но Кольцо опять рвануло его на мост, точно за ошейник; глаза его, когда он отвернулся, внезапно ослепли, и перед ним сомкнулась темнота.

Горлум отполз, как насмерть перепуганный пес, и уже почти исчез во мгле. Сэм, поддерживая и направляя шаги спотыкавшегося хозяина, торопился за ним.

Недалеко от берега реки в придорожной стене был пролом, за ним оказалась узенькая тропка, сперва тоже слабо мерцавшая, но, миновав луга с кладбищенскими цветочками, она потускнела и почернела, извиваясь и уходя все выше в гору, к северной окраине долины. Хоббиты брели по ней рядышком; Горлум исчезал впереди и возвращался, маня их знаками. Глаза его горели бледно-зеленым огнем—может, отражали гниlostное свечение Моргула, а может, сами зажглись. Мертвечинный свет и черные башенные глазницы Фродо и Сэм все время чувствовали за спиной, испуганно озираясь и насильно возвращая взгляд к невидной тропе. Они еле тащились, и лишь когда поднялись выше смрадных испарений отравленного потока, дышать стало легче и в голове прояснилось; но теперь набрякли свинцом руки и ноги, будто они всю ночь ворочали камни или выплыли против сильного течения. Наконец идти дальше сделалось совсем невозможным.

Фродо остановился и присел на камень. Они были на вершине голого утеса; дальше тропка кружила над обрывом, взползала на кручу и пропадала в темноте.

— Мне бы немного отдохнуть, Сэм,—прошептал Фродо.—Как тяжело висит оно на шее, дружище Сэм, о, как тяжело. Далеко я его не пронесу. И все равно надо сперва отдохнуть, а то недолго и сверзиться.—И он указал на пропасть.

— Шшшш! Шшшш!—шипел Горлум, быстро вернувшись к ним.—Шшшш!—Он прижимал палец к губам и качал головой, потянул Фродо за рукав и указал ему на тропку, но Фродо и шевельнуться не мог.

— Нет, погоди,—сказал он,—нет, погоди.

Неимоверная усталость сковала его, как заколдовала.

— Нет, надо отдохнуть,— проговорил он.

От страха и трепета Горлум опять заговорил — из-под руки, как бы тай свой еле слышный шепот от невидимых ушей:

— Только не здесь, нет. Здесь нельзя отдыхать. Дураки! Глаза нас видят. С моста нас увидят. Идем скорей. Наверх, наверх! Скорей!

— Идемте, сударь,— сказал Сэм.— Опять он прав. Не место здесь отдыхать.

— Ладно,— сказал Фродо тусклым голосом, точно в полусне.— Попробую.

И он устало поднялся на ноги.

Но было поздно. Утес под ними содрогнулся. Тяжкое гроыханье, гораздо гулче прежнего, прокатилось по долине и отдалось в горах. Вдруг небо на северо-востоке озарила чудовищная огневая вспышка, и низкие тучи окрасились багрянцем. В оцепенелой, залитой мертвенной тенью бледной долине красный свет показался невыносимо яростным и ослепительным. Пламя Горгорота взметнуло к небу хребетные гребни, как зазубренные клинки. И загрозотал гром.

Минас-Моргул отозвался: ударили в небеса лиловые молнии, вспарывая тучи синеватым пламенем. Земля застонала, и днкий вопль раздался из крепости: в нем слышались хриплые крики точно бы хищных птиц и бешеное ржанье ярящихся в испуге лошадей, но все заглушал леденящий, пронзительный вой, ставший недоступным слуху и трепещущий в воздухе. Хоббитов приподняло и швырнуло оземь, они зажали уши руками.

Вой сменился долгим злобно-унылым визгом, и, когда все смолкло, Фродо медленно поднял голову. По ту сторону узкой долины почти вровень с его глазами высились стены смертоносной крепости и зияли ее ворота — отверстая зубастая пасть. Они были распахнуты настежь, и оттуда выходило войско.

Все воинство было в черном, под стать ночи. Из-за восковых стен по светящимся плитам выступали ряд за рядом, быстро и молчаливо, черные ратники, и не было им конца. Впереди в едином сомкнутом строю ехала конница,

и во главе ее — всадник и конь крупнее всех остальных, и всадник на черном коне был в черном плаще и латах, и лишь поверх его опущенного капюшона мерцал замогильным светом шлем — или, быть может, венец. Он подъезжал к мосту, и Фродо не мог ни сморгнуть, ни отвести от него широко раскрытых глаз. Так это же Предводитель Девятирх Кольценосцев возвращался на землю во главе несметного воинства? Да, это был он, тот самый костистый король-мертвец, чья ледяная рука пронзила Хранителя Кольца смертельным клинком. И старая рана страшно заныла, и холод подобрался к сердцу Фродо.

И когда он застыл, пригвожденный ужасом и зачарованный, Всадник внезапно остановился у самого моста, а за ним стало все войско. Тишина омертвела. Должно быть, главарь призраков расслышал зов Кольца и на миг смутился, почуввав в своей долине присутствие иной мощи. Венчанная мертвенным блеском черная голова поворачивалась, проникая темень невидимыми глазами. Фродо оцепенел, как птичка при виде подползшей змеи, и почувствовал во сто крат сильнее, чем бывало прежде, властный приказ надеть Кольцо. Однако теперь он ничуть не хотел подчиниться. Он знал, что Кольцо выдаст его и что ему не под силу тягаться с Моргульским властителем — пока не под силу. Скованный смертным страхом, он испытывал гнетущее принуждение извне; ответного побуждения не было. Его рука пошевелилась — Фродо, томимый предчувствием, безвольно наблюдал со стороны, словно читая жуткую повесть, — и поползла к цепочке на шее. Наконец воля Фродо проснулась и подвела руку к какому-то предмету, спрятанному у сердца, холодному, твердому, — и ладонь его сжала фиал Галадриэли, забытый и как бы ненужный до этой роковой минуты. И всякая мысль о Кольце покинула его; он вздохнул и опустил голову.

В тот же миг Повелитель призраков тронул коня и вступил на мост; мрачное полчище двинулось за ним. Может статься, незримый его взор обманули эльфийские накидки, а окрепнувший духом, независимый маленький враг стал незаметным. К тому же он торопился. Урочный час пробил, и по мановению своего Властелина он обрушился войной на Запад.

И он промчался зловещей тенью вниз по извилистой дороге, а по мосту все проходил за строем строй. Со дней

Исидуровых не выступало такой рати из долины Минас-Итила; никогда еще не осаждало Андунские броды столь свирепое и могучее воинство; и однако же это было лишь одно, и не самое несметное, из полчищ, которые изрыгнул Мордор.

Фродо шевельнулся, и вдруг мысли его обратились к Фарамиру. «Вот буря и грянула,—подумал он.—Стальная туча мчится на Оспилят. Успеет ли Фарамир переправиться? Он предвидел это, но все же—не застанут ли его врасплох? Броды гондорцы не удержат: кто сможет противостать Первому из Девятерых Всадников? А вслед ему не замедлят и другие несметные рати. Я опоздал. Все пропало. Я замешкался в пути. Все погибло. Если даже я исполню поручение, все равно об этом никто никогда не узнает. Кто останется в живых, кому рассказать? Все было зря, все напрасно». Обессилев от горя, он заплакал, а Моргульское войско все шло и шло по мосту.

Потом откуда-то издалека, словно бы в Хоббитании ранним солнечным утром, когда пора было просыпаться и растворялись двери, послышался голос Сэма: «Проснитесь, сударь! Проснитесь»—и, если бы голос прибавил: «Завтрак уже на столе», он бы ничуть не удивился. Вот приставучий Сэм!

— Очнитесь, сударь!—повторял он.—Они прошли.

Лязгнули, закрываясь, ворота Минас-Моргула. Последний строй копейщиков утонул в дорожной мгле. Башня еще скалилась мертвенной ухмылкой, но на глазах тускнела, и крепость окутывалась сумрачной тенью, воцарялось прежнее безмолвие, и по-прежнему глядели изо всех черных окон недреманные очи.

— Очнитесь, сударь! Они умотали, и нам тоже надо живенько сматывать удочки. Тут караулит глазастая нежить, того и гляди, увидят, и они-то тебя да, а ты-то их нет, извините, ежели непонятно, мне и самому не очень. Но тут поторчи на месте, и мигом тебя накроют. Пойдемте, сударь!

Фродо поднял голову и встал на ноги. Отчаяние осталось, но бессилие он одолел. Он даже угрюмо улыбнулся: наперекор всему вдруг стало яснее ясного, что ему надо из последних сил выполнять свой долг, а узнают ли об

этом Фарамир, Арагорн, Элронд, Галадриэль или Гэндальф—дело десятое. Он держал в одной руке посох, в другой—фиал; заметив, что ясный свет уже струится из-под его пальцев, он спрятал фиал обратно и прижал его к сердцу. Потом, отвернувшись от Моргульской крепости—сереющего пятна в темной логовине,—он изготовился в путь.

Видимо, Горлум бросил хоббитов и уполз наверх, в темень, когда открылись ворота Минас-Моргула. Теперь он приполз обратно: зубы его клацали, длинные пальцы дрожали.

— Дурачки! Глупыши!—шипел он.—Нельзя мешкать! Пусть они не думают, что опасность миновала, нет. Не мешкайте!

Не отвечая, они пошли за ним по краю пропасти: это было жутковато даже после всех пережитых ужасов, но вскоре тропа свернула за выступ скалы и нырнула в узкий пролом—должно быть, к первой лестнице из обещанных Горлумом. Там было своей протянутой руки не видно, и только сверху светились два бледных огонька: Горлум повернул к ним голову.

— Оссторожней!—шепнул он.—Тут ступеньки, много-много ступенек. Надо очень осторожно!

И опять не соврал: хотя Фродо и Сэму полегчало—все ж таки стены с обеих сторон,—но лестница была почти отвесная, и чем выше карабкались они по ней, тем сильнее оттягивал черный провал позади. Ступеньки были узкие, неровные, ненадежные: стертые и скользкие, а некоторые просто осыпались под ногой. Хоббиты лезли и лезли, хватаясь непослушными, онемелыми пальцами за верхние ступеньки и заставляя сгибаться и разгибаться ноющие колени; а лестница все глубже врезалась в утес, и все выше вздымались стены над головой.

Наконец, когда руки-ноги отказали, вверху снова зажглись горлумские глаза.

— Поднялись,—прошептал он.—Первая лестница кончилась. Высоко вскарабкались умненькие хоббитцы, очень высоко. Еще немножечко ступенечек, и все.

Пошатываясь и тяжело пыхтя, Сэм, а за ним Фродо вылезли на последнюю ступеньку и принялись растирать

ступни и колени. Они были в начале темного перехода, который тоже вел наверх, но уже не так круто и без ступенек. Горлум не дал им толком передохнуть.

— Дальше будет другая лестница,—сказал он.— Гораздо длиннее. Взберемся по ней, тогда и отдохнете. Здесь еще рано.

Сэм застонал.

— Длиннее, говоришь? — переспросил он.

— Да-да, длиннее,—сказал Горлум.— Но легче. Хоббиты карабкались по Прямой лестнице. Сейчас начнется Витая лестница.

— А там что? — спросил Сэм.

— Там посмотрим,—тихо проговорил Горлум.— О да, там мы посмотрим!

— Ты вроде говорил, что дальше проход? — сказал Сэм.— Темный-темный проход?

— Да-да, там длинный проход под скалой,—сказал Горлум.— Но хоббиты сначала отдохнут. Если они сейчас взберутся по лестнице, все будет хорошо, это уже самый верх. Почти самый верх, если они сумеют взобраться, да-ссс.

Фродо вздрогнул. Карабаясь, он вспотел, а теперь ему стало зябко и одежда липла к телу: коридор продувал сквозняк с невидимых высот. Он поднялся и встряхнулся.

— Пошли, что ли! — сказал он.— Здесь не посидишь: дует.

Долгонько тащились переходом, а холодный сквозняк пронимал до костей и постепенно превращался в свистящий ветер. Видно, горы злобствовали, отдувая чужаков от своих каменных тайн и стараясь их сдунуть назад, в черный провал. Наконец стена справа исчезла: значит, все-таки вышли наружу, хотя светлее почти не стало. Мрачные громады обволакивала густая серая тень. Под низкими тучами вспыхивали красноватые зарницы, и на миг становились видны высокие пики спереди и по сторонам, точно подпорки провисающих небес. Они поднялись на много сот футов и вышли на широкий уступ: слева скала, справа бездна.

Провожатый Горлум жался к скале. Карабкаться вверх было пока что не надо, но пробираться в темноте по

растрескавшемуся уступу, заваленному обломками, приходилось чуть что не ощупью. Сколько часов прошло с тех пор, как они вступили в Моргульскую долину, ни Сэм, ни Фродо гадать не пробовали. Бесконечная ночь бесконечно тянулась.

Впереди снова выросла стена, и опять они попали на лестницу, передохнули и принялись карабкаться. Подъем был долгий и изнурительный, но хоть в гору эта лестница не врезалась: она вилась змеей по скалистому откосу. Когда ступеньки шли краем черной пропасти, Фродо увидел внизу огромное ущелье, которым кончалась логовина. В страшной глубине чуть мерцала светляком призрачная тропа от мертвой крепости к Безымянному Перевалу. Фродо поспешно отвел глаза.

А тропка-лестница петляла, взползала по уступам и наконец вывела их в боковое ущелье к вершинам Эфель-Дуата, отклонившись от мертвяцкого пути на перевал. По обе стороны смутно виднелись щербатые зубья, заломы и пики, а между ними чернели трещины и впадины: несчетные зимы жестоко изгрызли бессолнечный хребет. Красный свет в небесах разгорелся: может быть, это кровавое утро заглядывало в горную тень, а может, Саурон яростнее прежнего терзал огнем Горгорот. Подняв глаза, Фродо увидел еще далеко впереди конец пути—вершинный гребень в красноватом небе, рассеченный тесниной между двумя черными выступами: на обоих торчали рогами острые каменные наросты.

Он остановился и присмотрелся. Левый рог был потоньше и повыше и сочился красным светом: быть может, небо в скважине. Но нет, это была черная башня у прохода. Он тронул Сэма за рукав и указал на башню.

— Здрасьте пожалста,—сказал Сэм и повернулся к Горлуму.—Стало быть, твой тайный проход все-таки стерегут?—рявкнул он.—И ты, поди, не очень удивился?

— Здесь стерегут все ходы-выходы,—огрызнулся Горлум.—А как же! Но где-то же надо хоббитцам пройти. Здесь, может, меньше стерегут. Попробуйте, вдруг они все ушли на войну, попробуйте!

— И попробуем,—буркнул Сэм.—Ладно, дотуда еще далеко, а досюда тоже было не близко, да потом твой переход. Вы бы, сударь, отдохнули. Уж не знаю, день сейчас или ночь, но сколько мы часов на ногах!

— Да, отдохнуть не мешает,—согласился Фродо.— Спрячемся где-нибудь от ветра и соберемся с силами — напоследок.

Ему и правда казалось, что напоследок. Какие страхи ждут их за горами и как уж там быть — это своим чередом, до этого далеко. Пока что перед ними неодолимая преграда и неусыпная стража. Зашли в тупик, и назад ходу нет, а как-нибудь проскочим — там пойдет как по маслу: так казалось ему в тот темный час возле Кирит-Унгола, когда он, изнемогая, брел по сумрачному ущелью.

Нашли глубокую расселину между утесами: Фродо и Сэм забрались подальше, Горлум скорячился при входе. Хоббиты устроили себе роскошную трапезу, последнюю, думали они, невмордорскую, а может, и последнюю в жизни. Поели снеди из Гондора, преломили эльфийский дорожный хлебец, выпили воды — вернее сказать, смочили губы, да и то скудно.

— Где бы это нам водой разжиться? — сказал Сэм. — Ведь, наверно, и здесь, не пивши, не проживешь? Орки пьют или как?

— Пьют, — сказал Фродо. — Давай лучше про это не говорить. Их питье не для нас.

— Тогда тем более воды надо набрать, — сказал Сэм. — Только где здесь ее возьмешь: ни ручейка я не слышал. Правда, Фарамир все равно сказал, чтоб мы моргульской воды не пили.

— Ну, уж если на то пошло, он сказал «не пейте из рек и ручьев, протекающих через Имлад-Моргул», — сказал Фродо, — а мы уже выбрались из ихней долины и если набредем на родник, то пожалуйста.

— Береженого судьба бережет, — сказал Сэм, — ну разве что подыхать буду от жажды. Дурные места, хоть и выбрались. — Он сопнул носом. — А кажись, подванивает, чуете? Чудная какая-то вонь, затхлая, что ли. Ох, не нравится мне это.

— Да мне здесь все не нравится, — сказал Фродо, — ни ветры, ни камии, ни тропки, ни реки. Земля, вода и воздух — все уродское. Но что поделать, сюда и шли.

— Это верно, — сказал Сэм. — Знали бы, куда идем, нипочем бы здесь не оказались. Но это, наверно, всегда

так бывает. К примеру, те же подвиги в старых песнях и сказках: я раньше-то говорил—приключения. Я думал, разные там герои ходят ищут их на свою шею: ну как же, а то жить скучно, развлечься-то охота, извините, конечно, за выражение. Но не про то, оказывается, сказки-то, ежели взять из них самые стоящие. С виду оно так, будто сказочные люди взяли да и попали в сказку, вот как вы сказали, сюда и шли. А они небось вроде нас: могли бы и не пойти или пойти на попятный двор. Которые не пошли—про тех мы не знаем, что с ними дальше было, потому что сказки-то не про них. Сказки про тех, кто пошли—и пришли вовсе не туда, куда им хотелось, а если все хорошо и кончилось, то это как посмотреть. Вот господин Бильбо—вернулся домой, стал жить да поживать, и все ему стало не так. Опять же хорошо, конечно, попасть в сказку с хорошим концом, да сказки-то эти, может, не самые хорошие! А мы, интересно, в какую сказку попали?

— Интересно,—согласился Фродо.— Вот уж не знаю. В настоящей сказке этого и знать нельзя. Возьми любое сказание из тех, какие ты любишь. Ты-то знаешь или хоть догадываешься, что это за сказка—с хорошим или печальным концом, а герою это невдомек. И тебе ни к чему, чтобы он догадался.

— Конечно, сударь, ни к чему. Тот же Берен—он и думать не думал добывать Сильмарилл из железной короны, а пришлось ему топтать в Тонгородрим, местечко почище этого. Но про него сказка длинная-длинная, там тебе и радость, и горе под конец, а конец вовсе и не конец—Сильмарилл-то, если разобраться, потом попал к Эарендилу. Ух ты, сударь, да я же ни сном ни духом! Да у нас же—да у вас же ответ этого Сильмарилла в той хрусталине, что вам подарила Владычица! Вот тебе на—мы, оказывается, в той же сказке! Никуда она не делась, а я-то думал! Неужто такие сказки—или, может, сказания—никогда не кончаются?

— Нет, они не кончаются,—сказал Фродо.— Они меняют героев—те приходят и уходят, совершив свое. И мы тоже раньше или позже уйдем—похоже, что раньше.

— Уйдем, отдохнем и отоспимся,—сказал Сэм и невесело рассмеялся.— А я ведь серьезно, сударь. Не как-нибудь там, а обыкновенно отдохнем, выпьемся толком, с

утра я в сад пойду работать. Мне ведь на самом-то деле только этого и надо, а геройствовать да богатырствовать — это пусть другие, куда мне. А вообще-то интересно, попадем мы в сказку или песню? Ну да, конечно, мы и сейчас, но я не о том, а знаете: все чтоб словами рассказано, вечерком у камина, или еще лучше — прочитано вслух из большой такой книжищи с красными и черными буквицами, через много-много лет. Отец рассядется и скажет: «А ну-ка, почитаем про Фродо и про Кольцо!» А сын ему: «Ой, давай, папа, это же моя любимая история! А Фродо был какой храбрый, правда, папа?» — «Да, малыш, он самый знаменитый на свете хоббит, а это тебе не баран чихнул!»

— Это точно, что не баран, — сказал Фродо и звонко, от всей души рассмеялся. С тех пор как Саурон явился в Средиземье, здесь такого не слыхивали. И Сэму показалось, будто слушают все камни и все высокие скалы. Но Фродо было не до них: он рассмеялся еще раз. — Ну Сэм, — сказал он, — развеселил ты меня так, точно я эту историю сам прочел. Но что же ты ни словом не обмолвился про чуть не самого главного героя, про Сэммиума Неустрашимого? «Пап, я хочу еще про Сэма. Пап, а почему он так мало разговаривает? Я хочу, чтоб еще разговаривал, он смешно говорит! А ведь Фродо без Сэма никуда бы не добрался, правда, папа?»

— Ну вот, сударь, — протянул Сэм. — Я серьезно, а вы насмешки строите.

— Я тоже серьезно, — возразил Фродо, — серьезней некуда. Только мы с тобой оба проскочили через конец: а по правде-то застряли мы на самом страшном месте, и, наверное, найдется такой, кто скажет: «Папа, закрой книжку, не надо, не читай дальше».

— Ну, не знаю, — сказал Сэм, — мои бы дети такого не сказали. А потом, коли все прополоть да обтяпать, как оно в сказке и полагается, так это хоть Горлума туда вставляй: там-то он не то, что под боком. Да он же вроде любил двести лет назад сказки послушать. Вот как он сам думает — герой он или злодей?

Эй, Горлум! — позвал он. — Хотишь быть героем... да куда же он опять подевался?

Его не оказалось ни на прежнем месте, ни поблизости. Их снеди он есть не стал; как повелось, глотнул водички, а

потом вроде бы свернулся калачиком. Прежде хоть было понятно, куда он пропадает—ходит на добычу, кушенькать-то ему надо; но вот и сейчас умотал, пока они разговаривали. Здесь-то какая добыча?

— Чего-то он тишком мухлюет,—сказал Сэм,—не разбери-поймешь. Кого ему здесь ловить, чего копать? Камень, что ли, вкусный нашел? Мха и того с фонарем не сыщешь!

— Да оставь ты его в покое,—сказал Фродо.— Без него мы бы в жизни и близко не добрались. Каков есть, таков есть, ловчит—значит ловчит.

— Все равно, мне спокойнее, когда он вертится на глазах,—сказал Сэм.— А коль он ловчит, так тем более. Помните, как он тень на плетень наводил: не знаю, мол, не то стерегут, не то нет. А башня вот она—либо она пустая, либо там полным-полно орков или кто у них здесь в сторожах. Может, он за ними и отправился?

— Да нет, не думаю,—сказал Фродо.— Если даже он что и затевает—а похоже на то,—ни орки, ни другие рабы Врага тут ни при чем. Зачем бы он столько дожидался, суетился, волок нас сюда? Он и сам этого края смертельно боится. Сто раз мог он нас выдать с тех пор, как мы встретились. Нет, уж ежели он что выкинет, то выкинет на свой манер, тихохонько.

— Как есть вы правы, сударь,—сказал Сэм.— Ну, прыгать от радости я пока погожу—меня-то он хоть сейчас продаст с потрохамн, да еще приплатит, чтоб купилн. Но я и забыл—а Прелесть-то! Нет, с самого начала у него на лбу было написано: «Отдайте Прелесть бедненькому Смеагорлу!» И коли он что замышляет, так только в этих видах. Но зачем он сюда нас приволок—нет, спросите что-нибудь попроще.

— Да он, поди, и сам не знает зачем,—сказал Фродо.— Вряд ли какой-нибудь замысел удержится в его худой голове. Я думаю, он просто бережет, как может, свою Прелесть от Врага: ведь если Тот ее заполучит, то и Горлуму крышка. Ну а уж заодно выжидает удобного случая.

— Ну да, как я и говорил—Липучка и Вонючка,—сказал Сэм.— Но чем ближе к вражеской земле, тем больше вони от Липучки. Вот помяните мое слово—если дойдет до дела, до его хваленного перехода, он свою

Прелесть так, за здорово живешь, не отпустит.

— Это еще дожить надо,—сказал Фродо.

— Вот чтоб дожить, и надо ушами не хлопать,—сказал Сэм.— Прохлопаем, засопим в две дырочки, а Вонючка уж тут как тут. Это я себе говорю, а вы-то, хозяин, как раз вздремните, порадуйте меня, только ляжьте поближе. Я вас буду стеречь: вот давайте я вас обниму, и спите себе—кто к вам протянет лапы, тому ваш Сэм живо голову откусит.

— Спать!—сказал Фродо и вздохнул, точно странник в пустыне при виде прохладно-зеленого миража.—Смотри-ка, а я ведь и вправду даже здесь смогу заснуть.

— Вот и спите, хозяин! Положите голову ко мне на колени и спите!

Так и нашел их Горлум через несколько часов, когда он вернулся по тропке из мрака ползком да трусливой побужкой. Сэм полусидел, прислонившись щекой к плечу и глубоко, ровно дышал. Погруженный в сон Фродо лежал головой у него на коленях, его бледный лоб прикрывала смуглая Сэмова рука, другая покоилась на груди хозяина. Лица у обоих были ясные.

Горлум поглядел на них, и его голодное, изможденное лицо вдруг озарилось странным выражением. Хищный блеск в глазах погас; они сделались тусклыми и блеклыми, старыми и усталыми. Его передернуло, точно от боли, и он отвернулся, глянул в сторону перевала и покачал головой едва ли не укоризненно. Потом подошел, протянул дрожащую руку и бережно коснулся колена Фродо—так бережно, словно погладил. Если бы спящие могли его видеть, в этот миг он показался бы им старым-престарым хоббитом, который заждался смерти, потерял всех друзей и близких и едва-едва помнил свежие луга и звонкие ручьи своей юности,—измученным, жалким, несчастным старцем.

Но от его прикосновения Фродо шевельнулся и тихо вскрикнул во сне, а Сэм тут же открыл глаза и первым делом увидел Горлума, который «тянул лапы к хозяину»: так ему показалось.

— Эй ты!—сурово сказал он.—Чего тебе надо?

— Ничего, ничего,—тихо отозвался Горлум.—Добренький хозяин!

— Добренький-то добренький,— сказал Сэм.— А ты чего мухлюешь, старый злыдень, где ты пропадал?

Горлум отпрянул, и зеленые щелки засветились из-под его тяжелых век. Он был вылитый паук—на карачках, сгорбился, втянул голову, глаза так и торчали из глазниц. Невозвратный миг прошел, словно его и не было.

— Мухлюешь, мухлюешь!— зашипел он.— Хоббиты всегда такие вежливенькие, да-ссс. Славненькие хоббитцы! Смеагорл привел их к тайному проходу, о нем никто-никто не знает. Он устал, ему пить хочется, да, очень хочется пить, а он ходит, рыщет, тропки ищет—вернется, и ему говорят: *мухлюешь, мухлюешь*. Хорошенькие у него друзья, да, моя прелесть, очень хорошенькие.

Сэм немного устыдился, но доверчивей не стал.

— Ну прости,— сказал он.— Ты уж прости, со сна еще и не то скажешь, а спать-то мне ох не надо бы, вот я и сгрубил малость. Хозяин вон как устал, я ему говорю: вздремните, мол, я постерегу, а оно вишь ты как вышло. Прости. А пропадал-то где?

— Мухлевал,— сказал Горлум, и глаза его налились зеленым мерцанием.

— Ну как знаешь,— сказал Сэм,— тебе виднее. Не так уж я небось и ошибся. Ладно, теперь нам надо как-нибудь втроем смухлевать. Сколько времени-то? Еще сегодня или уже завтра?

— Уже завтра,— сказал Горлум.— Уже завтра было, когда хоббиты заснули. Спать здесь нельзя, спать опасно—и бедненький Смеагорл стережет их и мухлюет.

— Вот прицепился к словечку,— сказал Сэм.— Хватит тебе. Бужу хозяина.— Он бережно отвел волосы со лба Фродо и, склонившись к нему, тихо проговорил:— Проснитесь, сударь! Проснитесь!

Фродо пошевелился, открыл глаза и улыбнулся, увидев над собой лицо Сэма.

— Не рано будишь, а, Сэм?— спросил он.— Темно ведь еще!

— Да здесь всегда темно,— сказал Сэм.— Горлум вернулся, сударь, и говорит, что нынче уже завтра, надо идти. Постараемся напоследок-то.

Фродо глубоко вздохнул и сел.

— Да, напоследок!— сказал он.— Привет, Смеагорл! Нашел себе что-нибудь поесть? Отдохнул?

— Смеагорлу некогда есть и отдыхать,—сказал Горлум.—Он мухлюет, он мухляк.

Сэм цокнул языком, но сдержался.

— Не обзывай сам себя, Смеагорл,—сказал Фродо.— Это очень неразумно, даже если заслуженно.

— Смеагорл сам себя не обзывает,—сказал Горлум.— Его обзывает ласковый господин Сэммиум, такой умненький хоббит.

Фродо поглядел на Сэма.

— Да, сударь,—сказал Сэм.— Было дело: я чего-то всполошился со сна, а он тут как тут. Я попросил у него прощенья, но, похоже, зря.

— Нашли время ссориться,—сказал Фродо.— Вот ты и довел меня до места, Смеагорл. Дальше ведь мы и сами пройдем, верно? Куда идти, понятно, перевал на виду, и если там нет ничего мудреного, то ты свое дело сделал, исполнил, что обещал, и ты свободен: иди куда знаешь, только не к вражеским слугам, ешь, отдыхай. Будет тебе и награда—не от меня, так от тех, кто меня помнит.

— Нет, нет, еще нет,—заскулил Горлум.— Пройдут они дальше сами? Нет еще, не пройдут. Переход трудный. Смеагорлу нужно идти с ними: ни поесть, ни поспать, ничего ему нельзя. Пока еще нет.

ГЛАВА IX

ЛОГОВО ШЕЛОБ

ожет, и правда был день, как сказал Горлум, но хоббиты ничего дневного не заметили: только небо подернулось дымной мутью, чернота расплзлась по расселинам и нагорную глушь окутывал пепельно-бурый сумрак. Хоббиты бок о бок шли за Горлумом по дну ущелья между обветренными, обглоданными каменными глыбинами и столбами, похожими на идолища. Стояла тишина. Впереди, за милю или около того, серел отвесный срез огромного утеса. Он приблизился и заслонил небо и землю высокой черной стеною, подножие которой затенял сумрак. Сэм потянул носом воздух.

— Уф! Ну и вонища! — сказал он. — С ног валит.

Углубились в сумрак: посреди стены зияло отверстие пещеры.

— Вот сюда, — тихо произнес Горлум. — Здесь начинается переход.

Он не назвал его, а имя ему было Торек-Унгол, Логово Ше-

лоб. Оттуда смердело; и это был не тощий смрад трупного гниения, как на Моргульских лугах, а густое зловоние, точно от чудовищной свалки нечистот.

— Иначе никак не пройти, Смеагорл? — спросил Фродо.

— Нет-нет, только здесь, — отозвался тот. — Теперь нам всем надо сюда.

— А ты неужто лазил в эту дыру? — спросил Сэм. — Наш пострел везде поспел! Ну да, тебе небось любая вонь нипочем.

Глаза Горлума злобно блеснули.

— Он не знает, что нам почем, правда, прелесть? Нет, он совсем не знает. Просто Смеагорл очень терпеливый, да-ссс. Он лазил, да, он проходил насквозь, да-да, насквозь. Иного пути нет.

— А чего так воняет? — сказал Сэм. — Вроде как — тьфу, даже говорить противно. Наверняка здесь орки гадят, и лет за сто так поднакопилось золота, что и лопатой не разгребешь.

— Орки не орки, — сказал Фродо, — а раз нет иного пути, то нам сюда.

Они перевели дыхание и полезли в пещеру. Через несколько шагов их поглотил непроглядный мрак. В такую темень Фродо и Сэм после Мории не попадали, а эта была, пожалуй, еще чернее и гуще. Там, в Мории, все-таки и поддувало, и эхо слышалось, и чувствовался подгорный простор. Здесь воздух был недвижный, тяжелый, затхлый; он мертвил звуки. Это была черная отрыжка кромешной тьмы, она не только слепила глаза, но отшибала память о цветах и очертаньях, изгоняла самый призрак света. Вечная ночь вечно пребывает, и нет ничего, кроме ночи.

Оставалось только осязать, и болезненно чутки стали пальцы на вытянутых вперед руках и осторожно ступающие ступни. Стены были, к их удивлению, гладкие, пол ровный, наклонный им навстречу; иногда попадалась ступенька-другая. Проход был такой широкий, что хоббиты, которые шли ощупью по стенам и старались держаться рядом, почти сразу потеряли друг друга.

Горлум пошел вперед и был, должно быть, за несколько шагов — поначалу они еще слышали его шипенье и пых-

тень, но вскоре притупились все их чувства: пресекался слух и онемели пальцы, и они пробирались вперед лишь потому, что раз заставили себя войти, то не возвращаться же, а впереди все-таки должен быть какой-то выход.

Может быть, и вскоре—время тоже растворилось во тьме—Сэм на ощупь обнаружил справа скважину, из которой не так воняло; ему даже померещилось какое-то дуновение, но он побрел дальше.

— Здесь не один проход,—шепнул он с невероятным усилием.—Вот где оркам-то жить да радоваться!

Потом, сперва он по правую руку, потом Фродо по левую, миновали три или четыре таких скважины, пошире и поуже; но проход не ветвился, он вел прямо и прямо, вверх по уклону. Да что ж ему никак нет конца, сколько еще можно это терпеть, сколько станет сил терпеть? Чем выше, тем гуще становилось зловоние, а из-за спертого черного смрада напирало что-то куда страшнее и чернее. Какое-то висячее вервие липкими щупальцами цепляло их за головы; зловоние все усиливалось, и стало так, будто из пяти чувств им оставлено одно обоняние—и только затем, чтобы их мучить. Час, два или три часа—сколько они уже шли? Да какие часы—дни, а может, и недели. Сэм оторвался от своей стены, нашел руку Фродо, и рука в руке пошли они дальше.

Фродо чуть не провалился влево, в пустоту; скважина была гораздо шире, чем попадались до сих пор, и оттуда несло таким смрадом и такой страшной злобией, что он едва не потерял сознание. Сэм тоже споткнулся и упал ничком. Одолевая тошнотный ужас, Фродо схватил его за руку.

— Вставай!—прохрипел он без голоса.—Это отсюда и вонь, и гибель. Вперед! Быстрее!

Собрав остатки сил и решимости, он вздернул Сэма на ноги и ринулся вперед. Сэм шатаясь ковылял рядом—шаг, два шага, три,—наконец шесть шагов: то ли они миновали невидимую скважину, то ли еще что, но идти вдруг стало чуть-чуть легче, словно приослабла беспощадная хватка, и они побрели, по-прежнему взявшись за руки.

Но проход раздвоился, а может, разстроился, расчленился, и в темноте не понять было, какой из них шире, какой ведет прямее: левый, правый? Как выбрать?—а выберешь неверно, выберешь верную смерть.

— Куда Горлум-то пошел? — задыхаясь, проговорил Сэм. — Чего ж он нас не подождал?

— Смеагорл! — попробовал позвать Фродо. — Смеагорл! — Но голос его увяз в гортани, и зов замер, едва сорвавшись с губ. Ответа не было — ни эха, ни шепотка.

— В этот раз насовсем удрал, — пробурчал Сэм. — Довел до места, спасибочки: сюда, видать, и вел. Горлум! Попадешься — голову оторву!

Ощупью, спотыкаясь на каждом шагу, они наконец обнаружили, что левый проход — тупиковый, может быть, изначально, а может, его завалило.

— Здесь мы не пройдем, — шепнул Фродо. — Значит, и выбора нет — только другой проход, если он там один, и будь что будет.

— Скорее обратно! — пропыхтел Сэм. — Тут не горлумством пахнет. На нас кто-то глядит.

Другим проходом они не пробежали и двух саженей, как сзади послышалось невыносимо жуткое в плотном беззвучье урчанье, бульканье — и долгий, шипящий свист. Они в ужасе обернулись, но видно пока ничего не было. Хоббиты окаменели в ожидании неведомой напасти.

— Это ловушка! — сказал наконец Сэм, взялся за рукоять меча и вспомнил могильную мглу, из которой он был добыт. «Эх, куда бы сейчас старину Тома!» — подумал он. Но Том был далеко, а он стоял в непроглядной черноте, и гневное, темное отчаянье сжимало его сердце; вдруг в нем самом забрезжил, потом зажегся свет такой нестерпимо яркий, будто солнце брызнуло в глаза, полуослепшие от подвального сумрака. Свет расцветился: зеленый, золотой, серебряный, огненно-белый. Вдали, как на эльфийской картинке, он увидел Владычицу Галадриэль на траве Лориэна, и в руках ее были дары. *Тебя, Хранитель,* — слышал он далекий, но внятный голос, — *я одафиваю последним.*

Ближе раздались шипенье, хлопанье и тихий скрип с прищелком — точно что-то суставчато-членистое медленно шевелилось во тьме, источая смрад.

— Хозяин, хозяин! — крикнул Сэм, обретая голос. — Подарок Владычицы! Звездинка! Помните, она сказала, в темноте будет светить. Да звездинка же!

— Звездинка? — пробормотал Фродо в недоумении, как бы сквозь сон. — Ах да! Как же я забыл о ней? *Чем чернее*

тьма, тем ярче он светит! Вот она тьма, и да возгорится свет!

Медленно вынул он из-за пазухи фиал Галадриэли и поднял его над головой. Он замерцал слабо, как восходящая звездочка в туманной мгле, потом ярко блеснул, разгоняя мрак, наконец разгорелся ясным серебряным пламенем—и вспыхнул неугасимый светильник, словно сошел к ним закатной тропой сам Эарендил с Сильмариллом на челе. Темнота расступалась, а серебряный огонь сиял в хрустале и осыпал руку Фродо ослепительно белыми искрами.

Фродо изумленно глядел на чудесный дар, который так долго носил с собой как драгоценную и милую безделушку. В дороге он редко вспоминал о фиале—вот вспомнил в Моргульской долине—и не вынимал его: вдруг засветится и выдаст.

— *Айя Эарендил Эленион Анкалима!*—воскликнул он, не ведая, что значат и откуда взялись эти слова, ибо иной голос говорил его устами, голос ясный и звонкий, пронизавший смрадную тьму.

Но много злодейства таят глубокие полости Средиземья—могучего, древнего, ночного злодейства. Исчадие мрака, Она слышала этот эльфийский возглас в незапамятные времена, слышала и не убоилась его, не убоилась и теперь. И Фродо почуял ее крошечную, черную злобу и мертвящий взгляд. Невдалеке, между ними и скважиной, от которой их отшатнуло, явились из темени два больших многоглазых пучка, и скопища пустых глаз отразили и распылили ясный свет звездочки; смертоносным белесым огнем налились они изнутри, огнем ненасытной и беспросветной злобы. Чудовищны и омерзительны были эти паучьи—и вовсе не паучьи—глаза, налитые злорадством при виде беспомощных, затравленных жертв.

Фродо и Сэм пятились, не в силах оторвать взгляда от многоочитого ужаса; а пучки глаз приближались. Дрогнула рука Фродо, он медленно опустил светильник. Цепенящее злорадство приугасло, глаза хотели позабавиться предсмертной суетней жертв—и жертвы повернулись и побежали. Через плечо Фродо, чуть не плача от страха, увидел, что глаза скачками движутся следом. И смрад обьял его как смерть.

— Стой! Стой! — выкрикнул он. — От них не убежишь! Глаза медленно близились.

— Галадриэль! — воскликнул он и с мужеством отчаяния снова воздел светильник над головой. Глаза застыли и опять приугасли, словно бы в некоем сомнении. И сердце Фродо воспламенилось гневом и гордостью, и он — безоглядно, безрассудно, отважно, — перехватив светильник в левую руку, правой обнажил меч. Острый, надежный клинок заблистал в серебряном свете, полыхая голубым пламенем. Высоко подняв эльфийскую звезду и выставив сверкающее острие, Фродо Торбинс, маленький хоббит из маленькой Хоббитании, твердым шагом пошел навстречу паучьим глазам.

Они еще потускнели; сомнение в них усилилось, и они попятились от ненавистного и небывалого света, надвигающегося на них. Ни солнце, ни луна, ни звезды не проникали в логово; но вот звезда спустилась в каменные недра и близилась, и глаза отпрянули и медленно погасли; мелькнула тенью огромная невидимая туша. Они скрылись.

— Хозяин, хозяин! — кричал Сэм. Он не отставал от Фродо с обнаженным мечом наготове. — Ура и слава нам! Ну, эльфы если б об этом прослышали, как пить дать сочинили бы песню. Может, я как-нибудь уцелею, все расскажу им и сам эту песню послушаю. Но дальше, сударь, не ходите! Не надо в ихнюю берлогу! Улепетнем поскорее из этой воиючей дыры!

И они пошли по проходу дальше, а после и побежали: там был крутой подъем, и с каждым шагом смрад логова слабел; сердце забилося ровнее, и сами собой двигались ноги. Но полуслепая злоба хватки не разжала: она таилась где-то позади, а может, рядом, и по-прежнему грозила смертью. Наконец-то повеял холодный, разреженный воздух. Вот он, другой конец прохода. Задыхаясь от тоски по небу над головой, они кинулись к выходу — и снова, отброшенные назад, поднялись на ноги.

Выход был прегражден, но не камнем, а чем-то пружинисто-податливым, однако неодолимым. Воздух снаружи сочился, свет — ничуть. Они снова ринулись напролом и опять были отброшены.

Возвысив светильник, Фродо пригляделся и увидел

серую завесу, которую не проникало и даже не освещало сиянье звездочки, точно это была тень бессветная и для света неприступная. Во всю ширину и сверху донизу проход затянула огромная сеть, по-паучьи тщательно и очень плотно сплетенная, а паутина была толщиной с веревку. Сэм мрачно рассмеялся.

— Паутинка! — сказал он. — Всего-то навсего? Но каков паук! Долой ее, руби ее!

И он с размаху рубанул мечом, но паутину не рассек. Она спружинила, как тетива, свернув клинок плашмя и отбросив руку с мечом. Три раза изо всей силы рубанул Сэм, и наконец одна-единственная паутинка перерубилась, свилась и свистнула в воздухе, задев Сэмову руку: он вскрикнул от боли, сделал шаг назад и поднял руку к губам — подуть.

— Ну, этак мы за неделю не управимся, — сказал он. — Что будем делать? Как там глаза — не появились?

— Да нет, не видно, — сказал Фродо. — Но меня их взгляд не отпускает; не взгляд, а может, помысел — они быстро что-нибудь надумают. Как только светильник ослабеет или угаснет, они явятся тут же.

— Ну, влипли все-таки! — горько сказал Сэм, но гнев его превозмогал усталость и отчаяние. — Чисто комары в марле. Чтоб этот Горлум лопнул! Фарамир обещал ему скорую и злую смерть, так вот чтоб поскорее!

— Нам-то что с этого, — сказал Фродо. — погоди еще! Попробуем Терном — все-таки эльфийский клинок, а в темных ущельях Белерианда, где его отковали, водилась паутинка в этом роде. А ты постереги и в случае чего отгони Глаза. Вот возьми звездочку, не бойся. Держи ее повыше и смотри в оба!

Фродо подступил к плотной серой сети, полоснул по ней между узлами широким взмахом меча и быстро отскочил. Блистающий голубой клинок прорезал паутину, как лезвие косы — траву: веревки-паутинки взметнулись, скукожились и обвисли. Для начала было неплохо.

Фродо рубил и рубил, пока не рассек всю паутину, сколько хватало руки. Свисавшее сверху охвостье покачивалось на ветру. Вырвались из ловушки!

— Пойдем! — крикнул Фродо. — Скорей! Скорей!

Его обуяла дикая радость спасенья из самых зубов смерти. Голова у него кружилась, как от стакана крепкого вина. Он с криком выскочил наружу.

После зловонного мрака черная страна показалась ему светлым краем. Дым поднялся и немного поредел; угрюмый день подходил к концу, и померкли в сумерках красные зарницы Мордора. Но Фродо чувствовал себя как при свете утренней надежды. Он у вершины стены, еще чуть выше — и вот Кирит-Унгол, щербина в черном гребне между каменными рогами. Рывок, перебежка — и на той стороне!

— Вон перевал, Сэм! — крикнул он, сам не замечая, до чего пронзительно: высоким и звонким стал его голос, освобожденный от смрадного удушья. — Туда, к перевалу! Бежим, бежим — мы проскочим, не успеют остановить!

Сэм бежал за ним со всех ног, но и на радостях не терял осторожности и озирался — не покажутся ли Глаза из-под черной арки прохода, да, чего доброго, не только глаза, а вся туша, страх подумать, кинется вдогонку. Плохо они с хозяином знали Шелоб. Из ее логова был не один выход.

Исстари жила она здесь, исчадь зла в паучьем облике; подобные ей обитали в древней западной Стране Эльфов, которую поглотило море: с такою бился Берен в Горах Ужасов в Дориате, а спустившись с гор, увидел танец Лучиэнь при лунном свете на зеленом лугу, среди цветущего болиголова. Как Шелоб спаслась из гибнущего края и появилась в Мордоре, сказания молчат, да и маловато сказаний дошло до нас от Темных Времен. Но была она здесь задолго до Сауруна, прежде чем был заложен первый камень в основание Барад-Дура; служила она одной себе, пила кровь эльфов и людей, пухла и жирела, помышляя все о новых и новых кровавых трапезах, выплетая теневые тенета для всего мира: ибо все живое было ее еще не съеденной пищей и тьма была ее блевотиной. Ее бесчисленные порожденья, ублюдки ее же отпрысков, растерзанных ею после совокупленья, расползлись по горам и долам, от Эфель-Дуата до восточных всхолмий, Дул-Гулдура и Лихолесья. Но кто мог сравниться с нею, с Великой

Шелоб, последним детищем Унголиант, прощальным ее подарком несчастному миру?

Несколько лет назад с нею встретился Горлум-Смеагорл, превеликий лазун по всем черным захолустьям, и тогда, во дни былые, он поклонился ей, и преклонился перед нею, и напился отравой ее злобы на все свои странствия, став недоступен свету и раскаянию. И он пообещал доставлять ей жертвы. Но вожделенья у них были разные. Ей не было дела до дворцов и колец—ни до иных творений ума и рук: она жаждала лишь умертвить всех и вся и упиться соком их жизни, раздуться так, чтоб ее не вмещали горы, чтоб темнота сделалась ей тесна.

Но до этого было далеко, а меж тем как власть Саурана возрастала и в пределах царства его не стало места свету и жизни, она крепко изголодалась: и внизу, в долине, сплошь мертвецы, и в Логово не забредали ни эльфы, ни люди, одни разнесчастные орки. Жесткая, грубая пища. Но есть-то надо, и сколько ни прокладывали они окольные ходы мимо нее от башни и перевала, все равно попадались в ее липкие тенета. Но она стосковалась по лакомому кусочку, и Горлум сдержал обещание.

«Посмотрим, посмотрим,—частенько говорил он себе, когда злобища снесла его на опасном пути от Привражья до Моргульской долины,—там посмотрим. Случись так, что она выбросит кости и тряпье,—и мы найдем ее, мы ее заполучим, нашу Прелесть, подарочек бедненькому Смеагорлу, который приводит вкусиенькую пищу. И мы сбережем Прелесть, в точности как поклялись, да-sss, унесем ее, а уж потом—потом мы Ей покажем. Мы сквитаемся с Нею, моя прелесть. Мы потом со всеми сквитаемся!»

И пряча эти мысли в темных закоулках души, надеясь утаить их от Нее, явился он к Ней снова с низким поклоном, покуда спутники его безмятежно спали.

А что до Саурана, то Саурон знал, где ютится Шелоб. Ему была приятна ее голодная и неукротимая злоба; приятна и полезна—лучшего стража для древнего перевала, пожалуй, и он бы не сыскал. Орки—рабы сподручные, но уж кого-кого, а орков у него хватало. Пусть Шелоб кормится ими в ожидании лучших времен: и дешево и сердито. И как иной раз подбрасывает вкуснятинки кошке (*кошечкой своей* он называл Ее, но Она и его презирала),

так Саурон прикармливал Ее узниками после пыток; их запускали к Ней в логово, а потом доносили ему о Ее забавах.

И так они жили, оба довольные собой, и не опасались ничего нападения и гнева, не предвидя конца своей обоюдной ненависти ко всему миру. Никогда еще ни одна жертва не вырвалась из тенет и когтей Шелоб, и тем страшней было нынче ее голодное бешенство.

А бедняга Сэм ничего не знал об этой чудовищной злобе; он лишь с возрастающим страхом чуял незримую и смертельную угрозу, такую властную, что и бежать ему было не вмоготу, ноги подкашивались.

Ужас не отпускал, а впереди, на перевале, были враги, а хозяин беспечно—где у него голова?—бежал им навстречу. От черной пещеры и от густого мрака под скалою слева он обратил взгляд вперед и встревожился еще больше. Обнаженный меч в руке Фродо полыхал голубым пламенем, а башенное окно краснелось, хотя зарницы Мордора погасли.

— Орки!—пробурчал он.—Проскочишь тут, как же. Полно и орков, и прочей нечисти.

И, привычно таясь, укрыв ладонью драгоценный светильник; рука его налилась теплым светом живой крови, и он сунул фнал в нагрудный карман и запахнул плащ. Надо было спешить: хозяин отбежал порядком, шагов уже за двадцать мелькал его серый плащ,—того гляди, потеряется из виду во мгле.

Едва лишь Сэм спрятал светильник, как вылезла Она. Впереди, слева, из черной тени под скалой, точно из глубины страшного сна, появилась невыносимо омерзительная тварь. Была она как паук, но крупнее всякого зверя, и свирепее с виду, ибо страшно глядели ее беспощадные глаза, будто бы посрамленные и побежденные. Не тут-то было: заново светились бледной яростью многоглазые пучки. Рогатая голова торчала на толстом шейном стебле, а тулово ее огромным раздутым мешком моталось между восьми коленчатых ног—сверху черное, в синеватых пятнах и подтеках, а брюхо белесое, тугое и

вонючее. Шишковатые суставы возвышались над серощетинистой спиной; и на каждой ноге клешня.

Протиснув хлюпающее тулово и сложенные, поджатые конечности сквозь верхний выход из логова, она ужасающе быстро побежала вприпрыжку, поскрипывая суставами. Она была между хозяином и Сэмом: то ли она не заметила его, то ли от него, от нынешнего хранителя светильника, и увернулась, чтоб уж никак не упустить одну жертву—Фродо, у которого теперь не было фиала и который бежал со всех ног, ничего не видя за собой. Но куда быстрее бежала Шелоб: догонит в три прыжка, ахнув, прикинул Сэм и на остатке дыхания завопил:

— Обернитесь! Обернитесь, сударь! Я сейчас...—но крик его прервался.

Рот ему заткнула длиннопалая липкая рука, другая обхватила его шею; ему сделали подножку, и он повалился навзничь, кому-то в самые лапы.

— Попался!—засипел Горлум ему в ухо.—Наконец-то он нам попался, да-sss, скверненький хоббит. Мы задушим этого, а Ей достанется другой. Мы его не тронем, это Ей, Шелоб, а Смеагорл сдержит клятву, совсем-совсем не тронет хозяина. Ему достанешься ты, сскверный, мерзкий мухляк!—Он плюнул на затылок Сэму.

Взбешенный предательством и неожиданной помехой, когда хозяин вот-вот погибнет, Сэм оказался неистово силен, чего вовсе не ждал Горлум от этого глупого увальня, каким он его считал. Сам Горлум не вывертывался бы столь яростно и проворно. Сэм сдернул со рта его руку, пригнулся, напрягся, рванулся и чуть не высвободил шею. В его правой руке был меч, а на левой висел в кожаной петле Фарамиров посох. Он силился извернуться и достать Горлума клинком, но тот мгновенно зажал его кисть как в тиски и выкручивал ее, пока Сэм не вскрикнул от боли и не обронил меч, а хватка на его горле все крепла.

Тогда Сэм, собравшись с силами, изловчился, выгнулся, уперся ногами в землю и резко, что было мочи, откинулся назад.

Даже этот простой прием застал Горлума врасплох. Он шлепнулся наземь, Сэм сверху; дюжий хоббит здорово наподдал ему в живот, и Горлум, злобно зашипев, на миг приотпустил шею, по-прежнему стискивая и не пуская к

мечу правую руку. Сэм рванулся вперед, крутнулся, высвободил шею, поднялся на ноги, откинул как можно дальше повисшего на руке Горлума и наотмашь хватил его подвернувшимся посохом ниже локтя.

Горлум оторвался от него с диким и жалобным визгом, а Сэм, не меняя руки, съездил его посохом покрепче — жаль, по спине, а не по голове: увернулся, гадина. Посох треснул и разломился, но Горлум уже получил свое. Он всегда нападал сзади с неизменным успехом, но на этот раз его подвела собственная злоба: надо было сперва схватить врага за горло обеими руками, а уж потом злорадствовать. Как он все хорошо придумал и как все испортилось, когда этот скверный свет вдруг зажегся в темноте. А теперь он оказался лицом к лицу с разъяренным врагом, почти равным ему силою. Да он и не умел драться по-настоящему. Свистнул поднятый с земли меч — Горлум завизжал еще жалобнее, плюхнулся на карачки, прыгнул лягушкой и метнулся к пещере.

Сэм кинулся за ним с мечом в руке: на миг забылось все, кроме неистовой ярости и жажды убить Горлума, но, когда в лицо ему дохнул черный смрад, он молиниеносно вспомнил, что Фродо — во власти чудища; вспомнил, повернулся и со всех ног помчался по тропе, громко призывая хозяина. Но было поздно. Тут Горлум преуспел.

ГЛАВА X

ВЫБОР СЭММИУМА СКРОМБИ

родо лежал ничком на камне, и гнусная тварь склонилась над ним, занятая поверженной жертвой; криков Сэма она не услышала и не заметила его, пока он не подбежал вплотную — и увидел, что Фродо плотно обмотан паутиной от лодыжек до плеч; чудище уже поднимало передними ногами и поволокло его спеленутое тело.

Рядом лежал и поблескивал эльфийский клинок, выпавший из его руки. Сэм не раздумывал, что ему делать: ни верности, ни храбрости, ни гнева ему было не занимать. Он подскочил с яростным криком, схватил в левую руку меч хозяина и ринулся в бой. Странное это было зрелище, небывалое в животном мире: бешеный зверек всего-то с двумя острыми клыками кидается отбивать тело собрата у глыбины в чешуйчатой шкуре-бронь.

А она уже наслаждалась предвкушением кровавой трапезы, но, услышав его писк, медленно обратила к нему пучки глаз, налитые убийственной злобой. И прежде чем она поняла, что с такой яростью не встречалась еще никогда за все несчетные годы своей паучьей жизни, острый как бритва меч уже отсек ей клешню, а другой, еще острее, вонзился в многоглазую гроздь, и она померкла.

Жалкий звереныш спрятался под нею, укрылся от ее жала и клешней. Над ним висело зловонное, гнойно-прозрачное брюхо, и он, задыхаясь от смрада, наотмашь полоснул по нему эльфийским клинком.

Но Шелоб была не чета драконам: у нее уязвимы были только глаза. Шкура ее обросла чешуей из окаменелых нечистот, а изнутриросло много слоев гнуса. Широкой раной вспорол ее меч, но пронзить этот гнусный панцирь не смогли бы ни Берен, ни Турин, ни эльфийским, ни гномским оружием. Безвредно вспоротая, она вскинула тяжкое брюхо высоко над головой Сэма. Рана пенилась и сочилась ядовитым гноем. И, широко расставив ноги, она с мстительной силой обрушила брюхо на Сэма, но поторопилась: он устоял на ногах, обронил свой клинок и направил острием вверх эльфийский, держа его обеими руками; и Шелоб в смертельном ожесточении нанизалась на стальной терн так глубоко, как не вонзил бы его ни один богатырь. Тем глубже вонзался он, чем тяжелей и беспощадней придавливало Сэма к земле зловонное брюхо.

Такой страшной боли Шелоб не знавала за все века своего безмятежного злодейства. Ни могучим воинам древнего Гондора, ни остервенелым, затравленным огромным оркам не удавалось даже задеть ее возлюбленную ею самой плоть. Дрожь сотрясла ее. Снова вскинувши брюхо, спасаясь от боли, она далеко отпрыгнула на задержавшихся членистых ногах.

Сэм упал на колени у головы Фродо в полуобмороке от вонищи, по-прежнему сжимая меч в обеих руках. Сквозь туман перед глазами он смутно различал лицо Фродо и силился овладеть собой, не поддаваться дурноте. Медленно поднял он голову и увидел Ее за несколько шагов. Многоглазый пучок страшно смотрел на него; другой потух и подтекал зеленоватой жижой; с клюва свисала струйка отравленной слюны. Она раскорячилась, припав

брюхом к земле, ноги ее вздрагивали, напрягаясь перед прыжком — сшибить с ног и ужалить насмерть, не просто отравить, одурманить и уволочь, а убить и растерзать.

А Сэм стоял на четвереньках, видел свою смерть в Ее взгляде — и вдруг словно услышал голос издалека, и нашарил левой рукой на груди холодный, твердый и надежный в этом призрачно-зыбком мире подарок Галадриэли.

— Галадриэль! — тихо проговорил он, и зазвенели дальние голоса эльфов под звездным пологом в лесу любимой Хоббитании, зазвучали их слышанные сквозь сон песни и нежная музыка в Каминном зале дворца Элронда.

Гилтоннэль А Элберет!

И ожил голос в его пересохшей гортани, и он воскликнул на незнакомом ему языке:

А Элберет Гилтоннэль
о менель палан-дирнэль,
ле наллон си дингурутос!
А тиро нин, Фануилос!

И поднялся на ноги хоббит Сэммиум, сын Хэмбриджа.

— Иди-ка сюда, мразь! — крикнул он. — Ты ранила моего хозяина, гадина, и тебе несдобровать. Мы пойдем дальше, но сперва разделаемся с тобой! Иди-ка сюда, а то тебе еще мало!

И словно возжженный его неукротимым духом, светильник в его руке запламенел, как светоч, засиял, как светило, пронизывая мутную тьму ослепительно яркими лучами. Невиданный огонь с поднебесья опалил Шелоб, как молния; лучи жгли раненый глаз нестерпимой болью; другой, показалось Ей, ослеп. Она шлепнулась на спину, беспомощно суча длинными коленчатыми ногами, заслоняясь от жгучего, терзающего света, потом отвернула изувеченную голову, перекатилась и поползла на брюхе, подтягивая ноги, цепляясь клешнями за камни, к черной дыре, к спасительному логову.

Сэм наступал; он шатался, как пьяный, но шел на Нее. Она заторопилась прочь, мерзко, трусливо дрожа и колыхаясь, обгаживая камни желто-зеленой слизью, и втисну-

лась в проход, а Сэм успел еще рубануть по Ее ногам, вползавшим за Нею. И упал без памяти.

Шелоб удалилась; а что было с Нею дальше, долго ли безвылазно пролежала Она в своей берлоге, зализывая и залечивая раны спасительной темнотой, отращивая пучковатые глаза, когда озлобленный, смертоносный голод выгнал ее из Логова и где она снова раскинула свои тенета в Изгарных горах — об этом наша хроника умалчивает.

Сэм остался один. В густеющих черных сумерках проклятой страны он очнулся и устало пополз назад, к хозяину.

— Хозяин, дорогой хозяин, — проговорил он, но Фродо не отзывался. Когда он летел со всех ног без оглядки, радуясь освобождению, Шелоб огромным прыжком подскочила сзади и вонзила жало ему в шею. Теперь он лежал бледный, бесчувственный, неподвижный.

— Хозяин, дорогой хозяин! — снова позвал Сэм и долго-долго тщетно ждал ответа.

Он быстро, ловко и бережно разрезал путы и приложил ухо к груди, потом ко рту Фродо, но сердце не билось, губы отвердели. Он растирал ему охладевшие руки и ноги, трогал ледяной лоб.

— Фродо, господин Фродо, сударь! — звал он. — Не оставляйте меня одного! Это ваш Сэм, откликнитесь! Не надо, не уходите без меня! Проснитесь, сударь! Господин Фродо, милый, дорогой, проснитесь! Проснитесь, пожалуйста!

Потом его охватил гнев, и он бегал вокруг тела хозяина, пронзая воздух, рубя камни, выкрикивая проклятья. Потом склонился над Фродо и долго смотрел на его бледный лик на черных камнях. И вдруг он вспомнил, что ему привиделось в Зеркале Галадриэли: мертвенно-бледный Фродо крепко спит у черной скалы. Это он тогда подумал, что крепко спит, а на самом деле...

— Он умер! — сказал Сэм. — Он не спит, он умер!

И от этих его слов точно яд разошелся в холодеющей крови, и лицо Фродо стало исчерна-зеленоватым.

И черное отчаяние овладело им, и он склонился к земле и укрыл голову капюшоном, сердце его оцепенело от горя, и он лишился чувств.

Схлынула темнота, и Сэм очнулся в тумане; но протянулись минуты или часы—этого он не знал. Он лежал на том же месте, и так же лежал возле него мертвый хозяин. Горы не обрушились, камни не искрошились.

— Что мне делать, делать-то чего?—проговорил он.— Неужто же мы с ним зря всю дорогу...— И ему припомнились собственные слова, сказанные еще в начале пути, не очень тогда понятные ему самому: *Я ведь обязательно вам пригажусь—и не здесь, не в Хоббитании... если вы понимаете, про что я толкую.*— А что я могу сделать? Оставить его мертвое тело на камнях и бежать домой? Или идти дальше? Дальше?—повторил он, вдруг задумавшись и испугавшись.— Как это—дальше? Мне, значит, идти дальше, а его что же, бросить?

И он заплакал и подошел к Фродо, прибрал его тело, и скрестил его холодные руки на груди, и обернул его плащом, и положил с одной стороны свой меч, а с другой—Фарамиров посох.

— Если мне надо идти дальше,—сказал он,—то придется, сударь, уж извините, взять ваш меч, а вам я оставляю этот, он лежал возле старого мертвого короля в Могильниках; и пусть вам останется ваша мифрильная кольчуга, подарок господина Бильбо. И вот еще ваша звездинка, сударь,—вы мне ее одолжили, и она мне очень еще понадобится, темень-то никуда не делась, и мне от нее никуда не деться. Куда уж мне такие подарки, да и не мне она была подарена, Владычица вам ее дала, но она-то как раз, может, и поймет. А *вы-то* хоть понимаете, сударь? Раз мне надо дальше.

Ну не мог он идти дальше, никак не мог. Он опустился на колени, взял мертвую руку и не мог ее отпустить. Шло время, а он все стоял на коленях, держал холодную руку и не мог решиться.

Да, решимости не хватало, а надо было пускаться в одинокий путь—затем, чтоб отомстить. Он не остановится, пройдет любыми тропами, исходит все Средиземье, есть-пить не будет, пока не достигнет и не убьет Горлума. Но ведь не за этим он пошел с хозяином, да ради этого не стоит и покидать его тело. Убийством его не вернешь. Его

ничем не вернешь. Тогда уж лучше умереть рядом с ним: тоже одинокий путь, уводящий из жизни.

Он поглядел на ярко-голубой клинок и подумал о пути назад краем черного обрыва в никуда. Мстить или не мстить—не все ли равно? Нет, не за этим он шел за тридевять земель.

— Ну а что ж тогда?—воскликнул он снова.—Что же мне делать?—И ответ пришел сам собой, простой и жестокий: обещал пригодиться—пригодись, исполни за него. Вот он, твой путь—тоже одинокий и самый страшный.

— Это как? Мне, одному, идти, что ли, к Роковой Расселине?—Он задрожал, но тут-то и пришла решимость.—Как так? Это *мне-то*, мне *у него* забрать Кольцо? Совет поручил Кольцо ему.

И опять не замедлил ответ: «Совет поручил ему Кольцо и дал спутников, чтоб они помогли выполнить поручение. Ты—последний из Хранителей: вот и выполняй, за тебя некому».

— Зачем так надо, чтоб я был последним!—простонал он.—Сюда бы старину Гэндальфа или кого из прочих... И как мне одному решать? Я ж непременно маху дам! Чего мне выставляться-то, какой из меня Хранитель Кольца?

«Ты не выставляешься: тебя выставила судьба. А что, мол, ты в Хранители не годишься, так не больно-то годнялся и господин Фродо, да что говорить, господин Бильбо и тот... Они ж не сами себя выбирали, а так получилось».

— Словом, хочешь не хочешь, а надо решать самому. Осрамлюсь, конечно, но это уж как водится: чтобы Сэм Скромби да не сел в лужу?

Будем думать: ну вот, найдут нас здесь, господина Фродо то есть, и эта Штуковина, что на нем, достанется Врагу. Тут нам всем и конец—конец Лориэну, Раздолу, а Хоббитании уж и подавно. Ишь, думать наладился—думать-то времени нет. Война началась, и Враг, видать, берет верх. Обратно с Кольцом не проберешься: да и с кем советоваться, у кого спрашиваться? Нет уж, либо сиди жди, пока тебя укокошат над телом хозяина, а Штуковину отнесут Кому не надо, либо забирай Колечко и бери ноги в руки.—Он глубоко вздохнул.—Вот так, и больше ничегошеньки не надумашь!

Он склонился над Фродо, отстегнул брошь у подбородка, засунул руку ему под рубашку, а другой рукою приподнял мертвую голову, поцеловал холодный лоб и бережно снял цепочку с шеи. И опустил голову хозяина на камень; застывший лик не изменился, и тут уж все стало понятней понятного: да, Фродо умер и поручение его больше не касается.

— Прощай, хозяин, прощай, дорогой мой! — тихо молвил он. — Прости своего Сэма. Он вернется сюда непременно, вот только доделает, ежели получится, твое дело. И уж больше не разлучимся. А покуда покойся с миром: авось не доберутся до тебя вражеские стервятники! Может, Владычица услышит меня и соблаговолит исполнить одно-единственное мое желание — устроит так, чтоб я возвратился и нашел тебя. Прощай!

Он склонил голову, продел ее в цепочку — и согнулся под тяжестью Кольца, словно на шею ему повесили огромный камень. Но мало-помалу, то ли привыкая к тягости, то ли обретая новые силы, он распрямился, с трудом встал на ноги и понял, что идти сможет и ношу унесет. При свете Фиала он еще раз поглядел на своего хозяина — а Фиал светился тихо, будто ранняя звезда летним вечером, и мягко озарял лицо Фродо, строгое, бледное и по-эльфийски красивое: смертная тень сошла с него. Горько утешенный на прощанье, Сэм отвернулся, спрятал светильник и побрел в сгустившуюся темень.

Идти было недалеко: сотня саженей, не больше, от прохода до Ущелины. Тропа и в сумерках виднелась — широкая, искоженная, она отлого поднималась в гору между сближавшихся скал и превратилась в длинную лестницу с плоскими, стертymi ступенями. Черная сторожевая башня угрюмо высилась прямо над ним, мигая красным глазом. Он скрылся в тени у ее подножия: вот и лестнице конец, а вон и Ущелина.

— Решенного не перерешать, — твердил он сам себе, а все же, хоть вроде бы решил и по совести, но сердце его противилось каждому шагу. — Неверно, что ль, я рассудил? — пробормотал он. — А как же надо было?

У самого гребня громоздились отвесные скалы, и, прежде чем углубиться в проход между ними и выйти к

тропе, ведущей вниз во Вражьи края, Сэм обернулся и постоял неподвижно, пытаясь отделаться от мучительных сомнений и глядя вниз, на каменную пустыню, где разбилась вдребезги его жизнь. Черной точкой виднелся проход в Логово; правее саженей так на тридцать остался лежать Фродо; там словно бы метались какие-то отсветы, а может, это слезы застлали ему глаза.

— Одно у меня желание, больше нет,— вздохнул он,— только б вернуться и найти его! — И он нехотя — да и ноги не слушались — сделал несколько шагов к перевалу.

Всего несколько шагов; еще несколько — и начнется спуск, и те страшные утесы скроются с глаз его, может быть, навсегда. Но внезапно послышались крики и гомон. Он застыл: точно, орки, и спереди, и позади. Тяжелый топот, грубые окрики: откуда-то, слева, что ли, приближались они к Ущелине — должно быть, вышли из башни. И сзади тоже — топот и окрики. Он обернулся: факельные огоньки плясали у подножия утесов, появлялись из прохода. Вот наконец и погоия. Недаром башня мигала красным глазом. Он угодил между двух огней.

Впереди уж совсем близко мелькали отсветы факелов и слышался лязг стали. Через минуту они подойдут к гребню — и ему крышка. Долго он больно раздумывал, и, видать, понапрасну. Куда ж ему деваться, как спастись, главное — спасти Кольцо? Кольцо. Не колеблясь и не размышляя, он вытащил цепку, взял Кольцо в руку. Передовой орк возник в Ущелине прямо перед ним, и он надел Кольцо.

Все переменялось, и за один миг пролетел словно бы час. Слух его обострился, а зрение помутилось, но иначе, чем в Логове Шелоб. Кругом стало не черно, а серо, и он был один в зыбкой мгле, как маленькая черная-пречерная скала, а Кольцо, тяготившее его левую руку, жарко сверкало золотом. Он себя невидимкой не чувствовал: наоборот, ему чудилось, будто его видно отовсюду, и всевидящее Око, он знал, жадно ищет его. Надсадный хруст камней был ему слышен, и мертвенный лепет воды в Моргульской долине, и хлюпающие стенанья Шелоб, заблу-

дившейся в собственном логове, и стоны узников из башенных подземелий, и крики орков, выходящих из Логова, и оглушительный галдеж и топотня пришельцев из-за гребня. Он прижался к скале, а они промчались мимо, как вереница уродливых теней, мерзкие призраки в брызгах бледных огоньков. Он съежился, отыскивая ощупью укромную выбоину.

И прислушался. Орки из перехода и эти, с башни, завидели друг друга—шум и гам удвоились. Он отчетливо слышал тех и других и понимал их речь. То ли, надевши Кольцо, начинаешь понимать все языки, то ли язык рабов Саурона, его изготовителя,—словом, все было понятно, он как бы сам себе переводил. Видно, мощь Кольца возросла стократ неподалеку от горнила, где оно было отковано; но уж чего-чего, а мужества оно не придавало—Сэм думал лишь о том, где бы спрятаться и переждать суматоху, а пока напряженно вслушивался. Где орки встретились, этого он не знал, но говорили точно у него под ухом.

— Видали? Горбаг! Чего это ты приперся—воевать надоело?

— Приказ, мордоплюй! Ты-то, Шаграт, зачем задницу приволок? Повоевать захотелось?

— Здесь я приказываю, я здесь начальник, а ты придержи язык. Чего нашли?

— Ни хрена.

— Гей! Гой! Эге-гей!—Галдеж перебил начальственную беседу. Нижние орки что-то обнаружили и забежали. Подбегали остальные.

— Го-го-го! Тут что-то валяется прям на дороге. Лазутчик, лазутчик!—Сипло завизжали рога, все перекрикивали друг друга.

В холодном ужасе Сэм очнулся от напавшей на него трусости. Нашли хозяина, гады. Что они с ним сделают? Слыхивал он такие рассказы, что аж кровь замерзала в жилах. Ну нет—он вскочил на ноги. Пропадай все пропадом, грош цена всем его доводам; сомненья и страхи как рукой сняло. Он твердо понял, где его место: рядом с хозяином, живым или мертвым, а почему да зачем—неважно. И он сбежал по лестнице и помчался тропкою к Фродо.

«Сколько их там? — думал он. — Из башни тридцать-сорок, не меньше, да снизу столько же, а то и побольше. И сколько ж я их успею перебить? Голубой клинок они заметят и раньше ли, позже ли одолеют меня. Хорошо бы когда-нибудь сложили песню: «Как Сэммиум погиб на перевале, защищая тело хозяина». Да нет, какая песня. Кольцо найдется, и песен больше не будет. Что ж, нет так нет, а мое место — возле господина Фродо. Должны они это понять — и Элронд, и Совет, и все они, великие и мудрые: просчитались они. Из меня Хранителя не выйдет — я только вместе с господином Фродо».

Что-то орков не видать в этой мути. Прежде он как-то перемогался, а теперь вдруг разом устал так, что впору копыта отбрасывать. Не бежит, а еле тащится, и тропе конца нет. Да куда же они все подевались — вот проклятый туман!

Ага, вон они! Еще далеко, ух ты, как далеко. Стопились, а некоторые рыщут кругом, следы вынюхивают. Он силился побежать.

— Ну давай, давай, Сэм! — торопил он себя. — А то опять прохлопаешь, что тогда? — Он ищупал рукоять меча. Сейчас он его выдернет из ножен и...

Дико загалдели, заржали, заготовали, поднимая тело с земли:

— Раз-два, взяли! Эй ты, рыло! Оп! Оп!

И начальственный окрик:

— Шагом марш, поровнее! Напрямую к Нижним Воротам! Сегодня Она, похоже, не вылезет. — И целая свора сорвалась с места. Четверо посредине несли тело на плечах. — Го-гой!

Всё: убежали, унесли тело Фродо, теперь уж их не догнать; но он не останавливался. Орки исчезли в проходе: четверка с телом впереди, задние устроили толчею. Сэм подоспел — и обнажил меч, полыхнувший голубым пламенем, но его никто не заметил, и последний орк скрылся в зияющей дыре.

Он постоял, держась за сердце, и немного отдышался. Потом отер рукавом с лица копоть, пот и слезы.

— Гадина проклятая! — сказал он и нырнул в смрадную темноту.

Теперь темнота была не такая черная: просто он из туманной мглы окунулся в густой туман. Усталость его возрастала, но и упорства прибавилось. Вроде бы и недалеко плясали огоньки факелов, но, как он ни спешил, догнать их не удавалось. Орки — ходоки быстрые, а уж этот-то переход они знали назубок: как ни страшились они Шелоб, а иного пути, кроме самых окольных и запретных, от Мертвой Крепости до сторожевой башни не было. Когда проделали главный проход и зачем вырубили тот круглый отсек, где Она облюбовала берлогу, — этого никто не знал, но обходных туннельчиков наделали видимо-невидимо: бегать-то мимо Шелоб приходилось по сто раз на дню. Нынче бежать было недалеко — потайным боковым ходом к подбашенной скале. Полные злорадного ликования — не без добычи! — на бегу они чисто по-орски орали и переругивались. Сэм слышал их грубые голоса, точно ржавый скрежет в мертвенном воздухе: громче и ближе всех говорили между собой два вожака, замыкавшие шествие.

— Унял бы ты своих долбаков, Шаграт, — буркнул один. — Вот щас Шелоб как выскочит!

— Не воняй, Горбаг! Твои не меньше гадят! — огрызнулся другой. — Дай ребятам подурачиться. Шелоб нынче квелая, авось не выскочит. На гвоздь Она, что ли, напоролась, не знаю, и утешать не побегу. Видал, как все запакощено аж до поганой Ее берлоги? Да коли сто раз сошло, сойдет и в сто первый, пусть их поржут. Опять же везуха: в Лугбурзе будут довольны.

— Сказанул: в Лугбурзе! С чего бы это: подумаешь, какой-то эльфийский недомерок. Особо опасный, что ль?

— Не знаю, глазами поглядеть надо.

— А-а-а! Сам, стало быть, не знаешь, в чем дело, из-за чего сыр-бор? Ну да, у них там наверху все тайны да секреты, где нам, дуракам. А я тебе по секрету вот что скажу: на самом верху те же портачи сидят, даже еще хуже.

— Ч-ш, Горбаг!—Шаграт так понизил голос, что и болезненно чуткий слух Сэма едва улавливал слова.—Портачи-то они портачи, а глаза и уши у них повсюду, и мои огольцы всегда на стреме, было б что доносить. А они там сротозейничали, это точно. Недаром назгулы, сам говоришь, места себе не находят, в Лугбурзе тоже переполох. Что-то у них чуть не сорвалось.

— Чуть не сорвалось, говоришь?—хохотнул Горбаг.

— Ладно, ладно,—сказал Шаграт,—поговорим потом. Тут щас будет один закоулок: парии пусть идут, а мы присядем потолкуем.

Факелы куда-то поисчезали. Прокатился гул, раздался глухой удар. Сэм подбежал — оказалось, орки ушли тупиковым проходом.

Его загораживал огромный камень, но они как-то, видать, его отодвинули и задвинули: голоса их доносились с той стороны. Орки убегали в каменную глубь, к своей башне,—и уносили на поругание тело Фродо, а Сэм, хоть ты тресни, не мог даже следовать за ним. Он потыкался в каменную глыбу, попробовал ворохнуть ее, кидался на нее всем телом, но она не поддавалась. И снова, вроде бы совсем неподалеку, слышались голоса вожаков, и он наострил уши: вдруг что-нибудь разузнает? Кстати, же, Горбаг, должно быть, снизу, из Минас-Моргула, будет выходить, а он и прошмыгнет.

— Не-а, не знаю,—сказал голос Горбага.—Обычно-то приказы поступают быстрее, чем птица долетит. А как — не знаю, да лишнего и не надо знать. Бррр! С этими назгулами не захочешь, а обделаешься. Глянут на тебя — будто шкуру сдирают: раз-два, и отправят освежеванного вялиться на том свету. А Самому они лучше братьев родных, так что терпи да молчи в тряпочку. Нет, я тебе скажу, в крепости служить — не шутка.

— Ты бы здесь послужил, погулял бы в обнимку с Шелоб,—сказал Шаграт.

— Она мне тоже без надобности: податься бы куда-нибудь, где ни их, ни Ее. Да куда же подашься: война, разве что после.

— Война, говорят, хорошо идет.

— Они скажут,—хмыкнул Горбаг.—Поживем — увидим. Но если и правда все утряхается, то заживем попросторнее. Как думаешь? Может, подберем с десяток

лихих парней, дадим тягу да поищем, где поразжиться есть чем, а командиров нет?

— Эх! — сказал Шаграт. — А что, тряхнем стариной?

— Ну, — сказал Горбаг. — Это мы потом, а сейчас тут что-то не то, нюхом чую. Я тебе говорю, Большие Шишки, — он перешел почти на шепот, — ну, самые большие, где-то напортачили. «Чуть не сорвалось!» То-то и оно, что сорвалось! А мы — бегай поднимай. Бедняга наш брат Урукхай — только бы им дыры нашими задницами затыкать! Пользуются, что враги любят нас не больше, чем Самого, и что ежели Ему, то и нам копец. Погоди-ка: ты когда приказ-то получил?

— Да с час назад, мы почти сразу и встретились. Сказано было: *Назгул тревожится. Берегись лазутчиков на Лестницах. Стражу везде удвоить. К лестницам выставить дозор.* Я скомандовал — и побежали.

— Скверное дело, — сказал Горбаг. — Видишь ли — наши Безмолвные Соглядатаи встревожились пораньше назгула, дня два назад, это я точно знаю. А с дозором меня послали только вчера и в Лугбурз не сразу доложили: то да се, гром и молния, Главный Назгул выступает с войском. Говорят, из Лугбурза вообще велели не соваться с пустяками.

— Ну да, и Око здесь не шарило, — сказал Шаграт. — Говорят, на западе большие бои.

— Это само собой, — проворчал Горбаг. — А враги тем временем пробрались по Лестницам. Ты-то, между прочим, где был? Особого распоряжения дожидался? Кто за тебя должен стеречь верхнее ущелье и переход?

— Заткнись, ты! Ишь, командир нашелся; не учи ученого. Мы и так всю ночь глаз не смыкали. Тут чудные дела творились.

— Что за чудные дела?

— Да уж чудные: свет мелькал, крики слышались. Но Шелоб-то тоже не дремала. Парни видели Ее с Мозгляком.

— Какой еще Мозгляк?

— Поглядел бы ты на него: черненький такой вшиварь, сам как паучок или заморенный лягушонок. Он здесь и раньше бывал. Первый раз явился не откуда-нибудь, а из Лугбурза, понял, несколько лет назад, и нам велено было задержек ему не чинить. И с тех пор разок-другой

вскарабкался по Лестницам, но мы его не трогали, будто и не замечаем: он как-то поладил с Ее Милостью. Видать, Она просто на тощий кус не позарилась — на приказы-то сверху Ей сто раз плевать ядовитой слюной. Ну, вы там в долине хороши сторожа: он сюда уж сутки как пробрался. Вчера под вечер его видели. А потом докладывают мне, что Ее Милость забавляется, я думаю — ну и на здоровье, другое дело — когда приказ вышел. Верно, думаю, Мозгляк Ей какую-нибудь живую кровянку притащил, а может, от вас доставили подарочек — пленного или кого там. Я Ей забавляться никогда не мешаю — Ей помешаешь, как же! — а мимо Нее все равно никому ходу нет.

— «Ходу нет, ходу нет»! Ты гляделки-то разуй! Говорю тебе: что-то стряслось, нюхом чую. Кто уж там пожаловал по Лестницам, не знаю, только он протырился, понял? Раскромсал ее паутинку и вылез из Логова. Это тебе не хухры-мухры!

— Ну он же от Нее не ушел, верно?

— Не *ушел*? Кто не ушел? Этот замухрышка? Да если б он был один, давно уж вылеживался бы в Ее кладовочке на верхней полочке, а ты бы его у Нее выпрашивал, потому как в Лугбурзе шутить не любят. Считаю, тебе повезло. Только он не один был!

Тут Сэм стал слушать внимательнее и прижался ухом к камню.

— Кто его освободил-то, а, Шаграт? Да тот же самый, что раскромсал паутину. Сам, что ль, не понимаешь? А кто подколов Ее Милость? Опять же он. А где он? Ну где он, Шаграт?

Шаграт промолчал.

— Ты шевели, шевели мозгами — нет своих, займи на время, дело-то нешуточное! Никогда и никто еще до Шелоб иголкой не дотянулся, не хуже меня ты это знаешь. Старушку-то жалеть не будем, хрен с Ней; но ты сообрази сам: тут у тебя шастает всем мятежникам мятежник, с недобрых времен Великой Осады таких и в заводе не было. В общем, что-то сорвалось.

— Ну и что это за мятежник, по-твоему?

— Да по всему видать, мил друг Шаграт, что это огромный богатырь, наверняка эльф, с эльфийским мечом — это точно, да и секира небось при нем; он тут орудует у тебя под боком, а ты хайлом мух ловишь! Что

говорить, чудные дела!—Горбаг сплюнул. Сэм мрачно усмехнулся, узнав себя в описании.

— Да ну тебя в Моргул, вечно ты тоску нагоняешь,— сказал Шаграт.— Вольно тебе выдумывать, а может, все гораздо проще объясняется. Короче, дозорных я всюду выставил, и, если их даже двое, разбираться будем по одному. Погляжу как следует на того, который нам попался, а там и подумаю, что дальше делать.

— А я тебе говорю, что на замухрышку можешь заранее плюнуть,—сказал Горбаг.— Он тут вообще сбоку припека. Да тот великан с острым мечом и возиться-то с ним не стал, бросил подыхать: эльфы, они такие.

— Посмотрим. Айда, а то заговорились. Пошли разбираться с пленным.

— Чего ты с ним делать-то собираешься? Ты не забудь—это мои молодцы нашли его. Если потрошить, то чур мы первые.

— Легче, легче,—заворчал Шаграт.— Нечего тут, у меня приказ, и нарушать его никому не позволено—наши с тобой головы первые полетят. *Всякого* пойманного нарушителя заточить в башню. Раздеть донага. Составить полную опись одежды, оружия и всего, что при нем найдено—письма, кольца, любые безделушки: опись немедленно переправить в Лугбурз, и *только* в Лугбурз. Пленника под страхом смертной казни для всех и каждого пальцем не трогать и беречь пуще глаза, покамест Сам за ним не пришлет или не явится. Инструкции ясные, мое дело их выполнять от точки до точки.

— А донага раздеть—это как?—спросил Горбаг.— Уж заодно-то, может, зубки повиыдергать, ногти, волосики, а?

— Ни-ни, и не мечтай. В Лугбурз без никаких, целого и невредимого.

— Ну, это дудки,—расхохотался Горбаг.— Чего дохлятину-то беречь? Жмуриков у них, что ли, в Лугбурзе не хватает? Сварить бы его на ужин, и дело с концом.

— Болван!—рявкнул Шаграт.— Язык у тебя без костей, а ты бы лучше послушал тех, кто смыслит побольше твоего. Смотри, вот сам попадешь на ужин к Шелоб. Дохлятина! Много ты понимаешь про Ее Милость! Если Она пеленает—значит, мясо заготавливает, а дохлятины Она не жрет и тухлой кровянки не пьет. Не мертвый он вовсе!

Сэма шатнуло; он вцепился в камень. Ему показалось, будто черное Логово переворачивается вверх дном. От потрясения он чуть не лишился чувств, но превозмог дурноту, ясно услышав свой внутренний голос: «Дуралей ты, он же не мертвый, и в сердце своем ты это знал. Голова твоя, Сэммиум, садовая, ты ее лучше в карман спрячь. Беда с тобой та, что ты потерял надежду, а лучше сказать, с самого начала ни на что не надеялся. Теперь-то как быть?» Пока никак, пока всем телом вжаться в холодный камень и слушать, слушать, слушать гнусные голоса орков.

— Эх ты, тютя!—сказал Шаграт.—У Нее же разные яды на разные случаи. Когда Она охотится, то ужалит в шею, упакует мягонькое мясо в кокон, а уж потом лакомится помаленьку. Помнишь старину Уфтвака? Он вдруг запропал: день его нет, два нет, на третий идем—а он висит в уголочке живехонек и пялит зенки. Ну, мы и хохотали! Может, Она его подвесила и забыла, но мы его так висеть и оставили—охота была с Нею связываться! Нет, этот вшиваречек через часик-другой очухается: ну, потешнит его, а так хоть бы что, это уж в Лугбурзе его на части разберут. Память у него, конечно, малость отшибет: невдомек ему будет, где он да что такое с ним приключилось.

— И что его ожидает!—захохотал Горбаг.—Ладно, это мы ему порасскажем, раз больше ничего нельзя. В Лугбурзских хоромах он вряд ли бывал, надо его подготовить, а то испугается с непривычки. А что, забава не хуже другой. Пошли!

— А я тебе говорю, забавляться не будем,—пробурчал Шаграт.—Если он в уме повредится, то все мы, считай, мертвецы.

— Ладно, ладно, не пукай! Я бы на твоём месте обложил другого, здоровяка, а пока чего даже и в Лугбурз не докладывал бы. Там ведь косо посмотрят, что ты изловил котенка и упустил кота.

Голоса стихли, и шаги удалились. Сэм оправился от потрясения и пришел в бешеную ярость.

— Ну и сгупил же я!—кричал он.—Так я и знал! Теперь он у них, у гадов, у мерзавцев! Одно тебе надо

было помнить: никогда, ни под каким видом не оставляй хозяина, и все тут! И не мудрить! Ох, хоть бы мне это простилось! А теперь надо пробраться к нему—как хочешь, хоть из кожи вон!

Он снова обнажил меч и рукоятью выстукивал камень: тот отзывался глухим гулом, но клинок запылал ярко-ярко, и при свете его Сэм с изумленьем увидел, что перед ним не просто камень, а каменная дверь в полтора его роста. Между дверью и аркой оставался узкий лаз; дверь небось была от Шелоб и запиралась с той стороны хитрым засовом или крюком, для Нее недостижимым. Сэм подпрыгнул, схватился за верх двери, подтянулся, просунул в лаз, перевалился, тут же вскочил и побежал со всех ног со сверкающим клинком в руке по извилистому проходу. Узнав, что хозяин жив, он и думать забыл о своей усталости. Впереди ничего было не видно: уж больно петлял проход, но орков он, должно быть, догонял—два голоса слышались совсем рядом.

— Как сказал, так и сделаю,—сердито отрезал Шаграт.—Запру его в потайной каморке на самом верху.

— Зачем это?—буркнул Горбаг.—У тебя что, внизу нет надежных застенков?

— Сказал же, подальше от вашего брата,—отвечал Шаграт.—Понял? Его нельзя трогать, а я не всем своим парням доверяю, твоим-то и подавно, да и тебе не очень—мало ли, приспичит тебе позабавиться. Я за него в ответе и тебя к нему близко не подпущу, разве что под моим присмотром. Говорю: на самый верх, там до него никто не доберется.

— Никто?—крикнул Сэм.—А про эльфийского-то богатыря у вас под боком забыли!

И он выпрыгнул из-за последнего поворота, но Кольцо, что ли, обмануло его—уж очень их было хорошо слышно—или проход такой опять же хитрый, только они оказались довольно далеко: два черных приземистых урода на фоне багрового неба. Они поднимались по каменному скату к широко распахнутым двустворчатым воротам в нижние, а то и подвальные помещения башни—ее могучего рога даже и видно не было. Орки со своей ношей уже давно зашли в ворота; Горбаг и Шаграт были от них за два шага.

Хриплый хор грянул песню; затрубили рога, ударили в гонги, заорали на все голоса. Горбаг и Шаграт переступили порог.

Сэм кричал и махал сверкающим Терном, но его голосок тонул в несусветном гаме. Никто его не заметил.

Гулко захлопнулись огромные ворота. С лязгом задвинулись тяжелые железные засовы. Сэм с разгону ударился о шиповатую бронзовую обшивку и без чувств упал наземь. Он остался один сиаружи, в темноте. Фродо был жив и живым попал в руки Врага.

На этом кончается Ле-
топись Вторая времен Вой-
ны за Кольцо.

О последних битвах с Во-
инством Тьмы и о том, что
случилось с Главным Хра-
нителем, посланным к горе
Ородруин, повествует Ле-
топись Третья под назва-
нием «КОРОЛЕВСКАЯ
СВИТА».

Джон Рональд Руэл Толкин

ДВЕ ТВЕРДЫНИ

ИБ № 4745

Редактор Н. Федорова

Младший редактор Л. Сушкова

Художник Э. Зарянский

Художественный редактор С. Барабаш

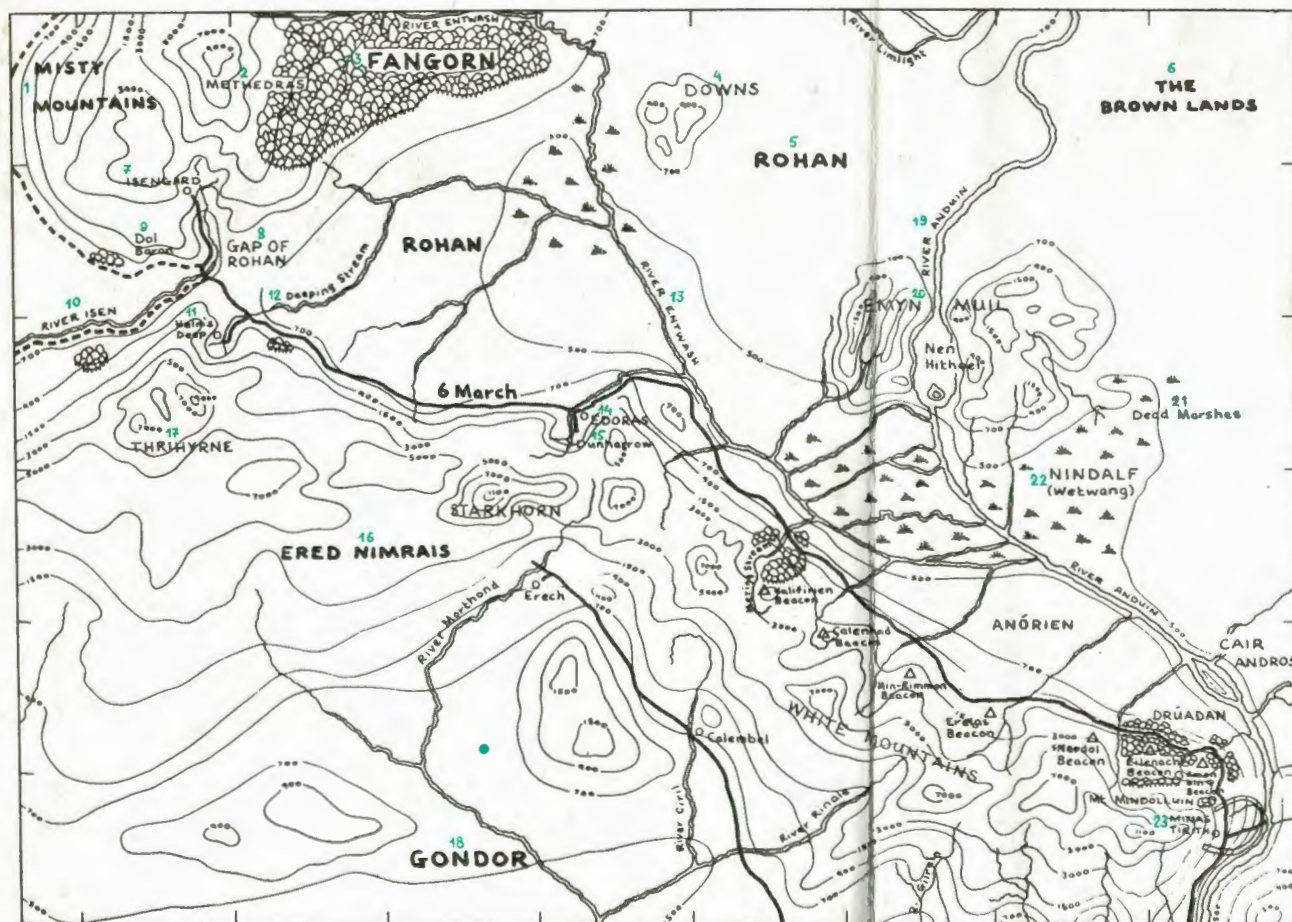
Технический редактор Е. Золотова

Корректор В. Пестова.

Подписано в печать 18.04.91. Формат 84х108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Баскервиль. Печать офсет. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 88,1.
Уч.-изд. л. 22,1. Доп. тираж 100000 экз. Заказ № 252. Цена 12 р.
Изд. № 5769.

Издательство "Радуга" В/О Совэкспортинида Государственного комитета СССР по печати. 119859, Москва, ГСП-3, Зубовский бульвар, 17.

Отпечатано с готовых пленок ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО "Первая Образцовая типография" Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28 на Можайском полиграфкомбинате В/О Совэкспортинида Государственного комитета СССР по печати. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

1. Мглистые горы
2. Метхедрас
3. Фангори, или Великий Лес
4. Южное нагорье
5. Ристания, или Мустангрим
6. Бурье Равнины, или Бурятье
7. Изенгард
8. Врата Ристании
9. Дол-Бран
10. р. Изен
11. Хельмово ущелье
12. р. Ущелица
13. р. Онтава
14. Эдорас
15. Дунхергская теснина
16. Эред-Нимрайс, или Белые горы
17. г. Трайгирн
18. Гондор
19. Андуин, или Великая Река
20. Приречное взгорье, или Привражье
21. Мертвецкие Болота
22. Нэндальф, или Болонь
23. Минас-Тирит

